

ВНУК ПЕТРА

Книга 1

НАСЛЕДНИК

Наследник — первая книга цикла. Еще одна попытка пофантазировать на тему "что было бы, если..." История не изменится, как и не уменьшится желание людей ее переписать.

В наши дни умирает успешный предприниматель Сергей Викторович Петров. Последняя надежда на некую организацию, которая готова не только излечить, но и омолодить обреченного человека. Но что-то пошло не так...

Что именно подвигло меня взять тему попаданчества в яркий и судьбоносный XVIII век, не могу ответить ни уважаемому читателю, ни себе. Долго я сопротивлялся мыслям и желаниям прикоснуться к эпохе, которая уже и так немало воспета, как, рискуя причислить себя, моими коллегами, так и кинематографом, изобразительным искусством. Полтора года, прохаживаясь по лесу или парку, где фантазировал над сюжетами и психологией поступков своих героев иных книг, то и дело перескакивал на тему, которую собираюсь поднять в этом цикле. Возможно, плод уже и перезрел, но лучше немного переносить, чем рожать книгу «недоношенной».

Образы правителей и сановников XVIII века столь интересны, многогранны и объемны, что пройти мимо их крайне сложно. Эпоха галантного века и Просвещения, как по мне, красива, помпезна, при том весьма противоречива, что оставляет автору очень много пространства для творчества. И тут сложно найти более увлекательную персоналию в сонме правителей России, чем Екатерина Великая, может только еще Петр Великий.

Эта императрица, да простите меня, о, верные фанаты великой русской немки, за дерзость — хитрая, мудрая, между тем и взбалмошная женщина, ищущая развлечений и нетерпимая к тому, что ею не восхищаются. Сколько раз в ее «дневниках» можно услышать слово «скучно», при том, что серьезными занятиями принцесса и Великая княгиня заниматься не собиралась долгое время. И вот это чисто женское противостояние в нарядах с Елизаветой... при действительной работоспособности Соловьев, Ключевский, Черкасов — все против Петра III и восхваляют Екатерину. В этом ключе — спасибо исследователю А.С. Мельникову за альтернативный взгляд на личность Петра III. Ну да не только этот историк задавался вопросом: «Кто же такой этот гольштинец?»

Екатерина же была, если опираться на ее мемуаристику, частью воспоминания современников, более озабочена мужским вниманием к себе, цветом платья, условиями проживания, повсеместно утверждая, что терпела своего супруга, тоже далекого от идеала правителя, с такой кучей комплексов и отклонений, что начинающий психолог мог бы защитить и кандидатскую и докторскую по одному персонажу.

Но не о Великой правительнице хотелось бы поразмышлять, а об ее убиенном муже, которого она так «полощет» в своем «дневнике», между тем, воплощая в жизнь на протяжении долгого времени все начинания и указы убиенного супруга. Ну, может только про бритье бород православным священникам, да требование одеваться представителям церкви на манер протестантских пастырей, забыла Екатерина Алексеевна, в ином все начинания мужа она приняла.

Дружба с Пруссией, что фанатично продвигал Петр Федорович, стала идеологической основой для государственного переворота. Но Екатерина, на словах критикуя намерения свергнутого супруга, не спешила отменять его решения. Императрица взяла вектор сближения с Фридрихом Прусским, немного под другим соусом, но данное направление было. И ведь логично, чтобы Австрия в преддверии решения османского вопроса не стала гегемоном в Центральной Европе. Секуляризация церковных земель? Да, но чуть попозже, когда власть императрицы стала менее шаткой, она забрала земли у церкви. Дать всем добра, как того, скорее всего, хотел Петр Федорович? И опять же — да. И вольность дворянству не отменила Екатерина II, и пыталась чуть облегчить крепостничество. С

последним, конечно, сложно пришлось, но хотя бы продажу членов семей по-отдельности запретила, столкнувшись с жестким непониманием в этой области. Вот Петр Федорович, тот бы просто подписал указ, не заботясь последствиями, что и погубило частично его.

И перечисленное еще далеко не все, что успел начать своими указами некоронованный «отец русского гамлета», но что было реализовано Екатериной Великой.

Да и Фридрих с ними, с указами этими... Два человека — мальчик и девочка с богатейшим внутренним миром, но разным набором психологических травм, попали в мясорубку дворцовых интриг. Много было общего у Карла и Фике и даже некое стремление друг к другу. Но малолетний муж не слышал свою слишком юную жену, а она не смогла принять его, каким тот был, не дала материнской ласки, сама переживая ее отсутствие при живых родителях.

Время великих свершений. Время Великих людей и удивительных личностей. Время побед. Время любви.

Автор не претендует на эпитет «исторической достоверности», во-первых мнений историков по описанному периоду много, во-вторых цели такой не было. Некоторые события и исторические решения описываются, как случившиеся ранее, чем в реальной истории, другие события, по мнению автора вполне вероятны. Между тем, весьма надеюсь, что много «фантастики» не случится, но и без нее никуда.

20 августа 2023 г.

— Сергей Викторович, я не могу Вас обнадежить, даже в Ваш День рождения, — профессор, доктор медицинских наук Эммануил Наумович Литман развел руками. — Все, что можно и даже чего нельзя, что выходит за пределы академической медицины, все испробовано. Могу только сказать, что умереть вы должны были еще полгода назад. Но еще максимум месяц у Вас есть. Простите, Сергей Викторович, вы сами просили меня не лукавить и оставаться циником.

— Все нормально, доктор, я признателен вам. Прекрасно осознаю, что Вы сделали для меня и чего это Вам стоило. Все эти поездки в Швейцарию, Израиль, Китай, увольнение с прежнего места работы, — я улыбнулся. — Терпеливый вы человек.

— Вы же знаете, что за Вашим здоровьем следит САМ? — профессор закатил глаза. — А работу мне найти проще простого, только на вашем лечении можно было карьеру сделать, по крайней мере, докторскую защитить.

Я не рассчитывал на то, что удастся вылечиться, понимание скорого конца пути пришло уже как полгода назад. Все мировые светила-онкологи разводили руками. Были шарлатаны, которые предлагали даже пересадку мозга, перенос сознания в иное тело, но я должен был подписать ряд документов, что никаких претензий к таким коновалам не имею. Эммануил Наумович помогал отсеивать таких типов, что слетались как мухи на мед, когда прознали, что Сергей Викторович Петров ищет способы вылечить рак головного мозга. Если бы я обратился к врачам раньше, а не тогда, как уже третий раз потерял сознание... Метастазы начались, опухоль разрасталась и стала неоперабельной.

Но я долго не сдавался. Никак не укладывалось в моей больной голове, что можно проиграть. Всегда считал, что нерешаемых проблем для меня нет, нужно только напрячься и трудом, упорством, хитростью, да чем угодно, но достичь цели. Когда же пришла болезнь, я долго не мог смириться с тем, что я не могу, не получается просто выжить.

Но, ничего, жизнь я прожил неплохую, боевую во всех смыслах. Повоевать тоже пришлось, Афганистан полной ложкой хлебнул. Пободался в 90-е. Было в жизни всякое, не на один том чтива, толи хоррора с элементами детектива, толи уголовного дела. Теперь записан в один из столпов государства, как сознательный, патриотичный олигарх. Это, конечно, оксюморон, таких не бывает, но меня, «афганца Петра», воспринимают именно так — великое это дело — пропаганда и выигравшая многомиллионная ставка на одну из башен кремля.

Может и не только в деньгах дело. А покажите мне олигарха, у которого сын воюет на ленточке, и уже второе ранение получил. Или то, что часть капитала вложены в социальные проекты, не всегда обязательные для медийного образа.

Жена, Катюха, пока я цепляюсь за жизнь, не дает рухнуть бизнесу, отбиваясь от конкурентов и в судах и даже в рукопашке, как в славные годы дикого капитализма, благо парни у меня что надо. Так что все хорошо, правильно, честно, но только я умираю.

Вот такой казус... Петров умирает.

— Серега, еще раз с Днюхой, хотя я помню, что этот день не отмечается, но через год покутим обязательно, плевать на твою верность Катюшке, нельзя быть таким правильным! —

обратился ко мне ближайший друг и соратник — начальник службы безопасности Носов Кирилл Николаевич — просто Нос, или как Катя его зовет «Носик».

Это мой верный Санчо Панса, который был и во времена невзгод и в периоды борьбы, разделял он и успехи, и временные неудачи. И сейчас партнер и друг все еще пытался что-то сделать для меня, уговаривал на авантюру. Странно это было, Нос всегда был прагматиком и даже под миномётным обстрелом Бога не вспоминал.

— Я пробил этого Шамеса. И могу тебе сказать, что ни-че-го не могу сказать.

— Нос, ты гонишь! — со своим боевым товарищем по жизни мы часто молодились и обращались друг к другу по «погонялам», мешая нормальные слова с феней и разным сленгом.

Это расслабляет после всех мероприятий на высших уровнях, где и на хрен посылают так, что некоторая женщина за всю свою жизнь лучшего комплимента не получит. Всем и всегда нужна разрядка.

— Да, не в том дело! Подключил и админресурс, пацанов даже некоторых потревожил. Есть некоторые сведения по объекту, но, опять же — все чисто.

Носов быстро отпил воды из бутылки с этикеткой «Перье», что стояла рядом с моей больничной кроватью. Жара стояла на улице, действительно, знойная. Это мне в люксовой палате с кондиционером комфортно, а Нос только зашел из душного коридора клиники, в которой за те деньги, что я дал, могли на каждом квадратном метре установить отдельные кондиционеры.

— Не томи! — прошипел я, моя жизнь может зависеть от информации, а он тут мхатовские паузы исполняет. Новая соломинка, когда уже летишь в пропасти.

— Есть чудесные исцеления, с которыми связано имя Шамеса, за границей в основном, но и у нас... Липского же ты знаешь? — еще одна пауза от Носова, но сейчас необходимая, чтобы в голове сложился пазл.

— Понял, давай этого Шамеса на завтра, я домой к вечеру уже отправляюсь — умирать, — ухмыльнулся я. — Нет, лучше дай его телефон, сам позвоню, чего тянуть, времени как раз-то у меня и нет.

Нос ушел, оставив меня рефлексировать.

Шестьдесят два года — это много или мало? Для меня, конечно, мало, — еще не знал шестидесятилетнего человека, который бы сказал: все, хватит. Вот девяностолетних, или некоторых за восемьдесят уже может клонить усталость от жизни, или чаще от своих болячек. Но не в шестьдесят два. Поэтому и цепляюсь за жизнь. И сейчас, все опробовав, подвязываюсь на дорожку авантюру. Такое «лечение» обойдется мне в треть состояния.

И тут, после озвучивания такой суммы опять остро встает вопрос: а на кой леший я должен жить, если это самое состояние, при грамотном подходе спасет тысячи людей? Как не пыжиться считать себя хорошим человеком, но цинизм и эгоизм в истории человечества всегда бьет гуманизм и романтику. Может не всегда, и не везде, но часто. С другой же стороны, не станет меня, компания может разориться, так как Катя тянет ее с надрывом, накроются все социальные проекты. Между тем, мои капиталы сыну не нужны, он стал военным и деньги считает мусором — идейный, горжусь, но и порицаю, обожжется еще в жизни, когда придется вылезть из окопа и столкнуться с многогранностью реальности.

У меня же только благотворительных фондов три, да большой реабилитационный центр для онкобольных детей. Так что не нужно мне умирать.

— Алло! Илларион Михайлович? Жду Вас сегодня, — Петров набрал номер своего

«последнего шанса». — Будьте готовы к предметному разговору.

Я сбросил разговор со своего не совсем патриотичного айфона и принялся изучать бумаги. Прожженный материалист, не верящий не в черта, ни в Бога, и уж тем более не в перенос здоровья неведомыми силами и омоложение, я готовился уйти из этого мира. Нужно проработать все контракты, обезопасить бизнес, насколько это возможно, часть активов перевести в офшоры на сына, даже вопреки его желанию, часть на жену, которая точно не справится с удержанием капиталов, нет у нее возможностей, да и характер...

«Илларион Михайлович» пришел в палату уже через час после звонка. Я за свою, пусть и не такую еще долгую жизнь — шестьдесят два года не возраст, научился видеть людей, как я надеюсь. От этого типтичка, который топтался в дверях палаты и пытался лебезить, шел очень неприятный душок, даже вонь шарлатанства. Но уровень безопасности и защиты информации у той организации, что он представлял, преодолел все мыслимые значения. Если бы не последний довод невероятной скрытности, то был бы бит этот Шамес по его шарлатанской физиономии.

— Виктор Семенович, — обратился я к посетителю, наслаждаясь всей той гамме эмоций, которые мельтешили на лице Шамеса. Это было его настоящее имя.

— Вы... вы... знаете мое имя? Но как? — пролепетал Виктор Семенович.

Для Шамеса, который был уверен, что никто и никогда не мог узнать, кто именно скрывается за многими ликами, стало шоком услышать собственное имя от кого-то, кроме дочери. Виктор Семенович был уверен, что конспирация у тех людей, которых он представляет, настолько абсолютна, что и лидеры государств не в курсе существования организации. И менеджер, который отвечал за поиск и реципиентов и доноров боялся за свою жизнь, так как раскрытие личности Шамеса сулило его ликвидацию.

— Не переживайте Вы так, если хотите быть Илларионом Михайловичем — будьте. И не извольте беспокоиться, эта палата гарантированно проверена моей службой безопасности на предмет сюрпризов. Можем говорить свободно, — с улыбкой сказал я.

Вот только улыбка была вымученная, голова вновь начинала болеть. В ранжировании обезболивающих, для гарантированного прекращения болезненных ощущений остаются только наркотические средства, но я максимально оттягиваю момент перехода к наркотикам.

— Я так понял, что Вы приняли решение, — взял себя в руки Шамес. — Вот бумаги, они уже готовы. После подписи, мы запишем видео, вы сделаете несколько звонков с подтверждением Ваших намерений. Ну и дальше...

— Давайте, — вымученно сказал я и стал въедливо вчитываться в тексты подписываемых документов. — Мне казалось, что при такой таинственности бумажные носители не обязательны, но Вам виднее.

Пусть и голова болела, несколько раз даже пелена в глазах вынуждала делать паузы, но никогда я не подписывал документы не глядя в их содержание, не стану и сейчас. Потом были звонки на международные номера куда-то во Францию, Китай. Почти два часа потратили, пока не прервались на вызов доктора — пора было ставить капельницу, так как боль становилась уже препятствием для переговоров.

— Теперь подробно кто, где и как, — сказал я, уловив момент, когда боль откатила. Много было прописано в документах, но там исключительно канцелярский язык, информации по самой процедуре крайне мало.

— Подробно не могу. Но кое-что из позволенного сказать должен, — тоном уже

уверенного в себе человека отвечал Шамес. — Мы отправляем людей в иной мир — параллельная реальность, основанная на нашем историческом прошлом, они там молодеют, приобретают вторую жизнь. И вот в тот момент, когда происходит и их омоложение, в нашем мире через специальную аппаратуру есть возможность омолодить еще одного человека. Вот Вас, например.

— Что с тем человеком? И кто он? — спросил я.

— Не думал, что вы столь сентиментальны, — Шамес позволил себе улыбнуться, но поймав мой взгляд, а я начинал закипать от его фамильярности, быстро сменил стиль общения. — Извините, Сергей Викторович. Вы можете это знать без персонификации, и очень надеюсь, что Ваша служба безопасности прекратит копать, иначе мы расстанемся. А ваш донор достаточно пожилой человек, с кучей болезней, без семьи, но имеет сына, которому уже оказывается максимальная помощь. Он заядлый реконструктор как древнерусского времени, так и других периодов. По психотипу, авантюрист. Так что никакого насилия или принуждения нет, будьте уверены. Более того, из-за его кипучей деятельности, стоимость наших услуг слегка увеличена, да Вы это видели в договоре [*Идет отсылка к циклу «По грехам нашим»*].

Может и хорошо, что человек получает вторую жизнь, но получается, что за мой счет, раз расходы по его требованиям увеличили сумму услуг? Вот был всю жизнь сердобольным, таким и остаюсь. Впрочем, не особо то и интересно, кто дает мне возможность жить, тем более, когда человека не принуждают.

— Гарантии? Они прописаны в договоре, но вы рискуете только деньгами и то моими, — сказал я.

— А последний звонок некоторому известному человеку — это не гарантия? — удивился Шамес.

— Может быть, может быть, — пробормотал я, потом добавил. — Когда?

— Две с половиной недели. Самолет в Находку, там переход. Сейчас Вас начнут готовить, — ответил Шамес.

* * *

Мой организм как будто только ждал именно этих двух с половиной недель, так как в день перелета в Находку начались такие боли, что мне, заядлому ЗОЖнику уже захотелось наркоты, лишь бы прервать эти муки. Может, еще год назад я бы терпел боль, и не помышлял о сильнейших обезболивающих, вызывающих привыкание, но год постоянных сражений со старухой с косой подтачивали мой характер. Теперь же две недели, три дня, восемь часов и уже семнадцать минут я просто мучительно умираю.

Я пребывал в полузабытье, потерявшись в пространстве, но чувствуя импульсы метронома, отсчитывающего последние минуты жизни. Меня на что-то уложили, что и каталкой и кровать не назовешь, нечто футуристичное ложе, натыкали мое брэнное тело множеством датчиков, погрузили в сон... как же это божественно — не чувствовать боли!

* * *

Екатеринбург

Полночь, 17 июля 1918 г.

Что это? Мне снится? Такой реалистичный сон, я чувствую то, что чувствует... Кто? Император Николай II? Я думаю, как он, но эти мысли мне не подчинены, а другое мое «я» так же живет своей жизнью, стараясь слиться с сознанием последнего царя. Шизофрения! Но какая же реалистичная! Может, такая у всех сошедших с ума?

Что это? Униженность? Нет — страх! Не за себя, за детей, жену, за Отечество. Что я не так сделал? Нужно было устроить террор и тогда... Не о том мысли, не о том. Что там кузен, почему Англия не вытащит нашу семью из этого ада? Семьдесят два дня геенны огненной. А я-то думал, что ад был еще в Тобольске! Нет — то было чистилище, а сейчас мы в аду. Ну ладно я, Боже, — нагрешил, так накажи! Это расплата за Ходынское поле, может за Цусимский позор, или за то, что спасал Париж бессмысленными и неподготовленными атаками на германцев? Но причем тут семья? Боткин причем? Почему мы все должны спать на сыром полу, есть объедки тремя ложками на всех и строго по времени?

Я не хотел такой участи России, я видел ее великой страной и делал такой по мере своих сил!

— Эй, гражданин Романов, бяры свое семейство и лакеев и айда за мной! — пробасил рослый солдат без знаков различий в черной кожаной куртке.

— Куда нас? — спросил с опаской я.

— Дак енто... фотокарточку сказали сделать усего семейства, — произнес солдат, будто проговаривал заученный текст.

Я ничего не заподозрил, несмотря на то, что Я другой Я знал, что ведут на расстрел. Раздвоение личности есть, но не могу заставить себя не идти, понимая, путь лежит на Голгофу. А другое мое «Я» говорит: «Ну, слава Богу, хоть какие-то подвижки, может Мама через датчан что-то смогла решить. Сейчас сфотографируют и отправят в Лондон или Копенгаген».

— Алеша! Девочки! Все идем за этим солдатом, — выкрикнул Николай — бывший самодержец — во двор дома, где была семья и единственные... нет, не верноподданные, а истинные друзья. Сегодня спать нам не разрешали, вот в полночь и дышали свежим воздухом.

«Вот как так не понять?» — кричал я сам себе, но слов не слышал. — «Нас всех ведут в подвал, сейчас расстреляют!»

Усталые, апатичные ко всему происходящему, люди, еще только пару лет назад бывшие вершителями судеб в самой большой в мире стране, понуро шли вниз по лестнице. Подростка Алексея поддерживал доктор Боткин, чтобы бывший цесаревич не споткнулся — последнее кровотечение остановили только чудом, как будто Распутин на том свете помолился за отрока.

«Нет, не верь! Стулья стоят не для фотографий, они лишь бутафория» — кричал я сам себе, когда у меня, моего второго «Я» немного отлегло от сердца при виде мебели при ярком освещении в подвале. Можно было действительно подумать, что это фотоателье, ну не во дворе же фотографироваться, да еще и ночью.

— Алеша, присядь ты, Аликс и ты, я постою! — сказал я и стал между сыном и женой.

В небольшое помещение, сразу после того, как бывшая царская семья с друзьями собралась фотографироваться, вошли десять человек, а дверь, ведущая наверх, закрылась.

— Постановлением Президиума Уральского областного Совета... — начал зачитывать текст по бумажке комендант Юрковский, который буквально с неделю назад сменил старого начальника «тюрьмы»... — В виду бунта чехословаков...

Я слушал и еще где-то надеялся, что это не конец, пусть не я, но эти молодые девушки, еще не целованные, не познавшие любви, мои дочери, Алеша, больной, но любимый, эти верные спутники, единственные из сонма некогда клявшихся в верности людей, идущие с монархом до конца. Но и я же понимал, что это все...

— Суки, тут же дети! — прокричал я истошно, когда два моих «я» слились воедино.

Вокруг все опешили, такой лексики от императора, путь и бывшего, никто не ожидал. Я встал и, раскинув руки, стал приближаться к расстрельной команде. Метр, еще один, осталось всего четыре метра до палачей, потом навяжу борьбу, прикроюсь комендантом, без сопротивления не сдамся...

Выстрел!

— Дети, Аликс, Отечество! Простите! — сказал я и... умер, не успев осознать и увидеть смерти своих близких.

.....

4 сентября 2023 г.

— Есть пульс! — услышал я на затворках сознания.

Значит это выверты мозга и сейчас врачи борются за мою жизнь, может что-то из этого и получится. Очень много бумажек с мертвыми президентами стоила эта авантюра, должно получиться. Но...

.....

Санкт-Петербург

14 часов 23 минуты

1 марта 1881 г.

Облучок кареты и папироса в дрожащих руках. Не решаясь закурить, крошу табак на подтаявший снег.

— За что? Я же дал народу больше, чем кто-либо из Романовых. Я освободил людей, дал состязательный суд присяжных, что даже убийц отпускают. Земства, отмена рекрутского набора, освободил болгар. За что? — сокрушался я практически в гордом одиночестве, сидя на облучке кареты, пока казаки оказывали помощь раненым и распрягали лошадей.

Другое мое «Я» уже не пыталось подсказать императору Александру II, что такое замешательство после взрыва первой бомбы приведет его к смерти. Где-то рядом стоит бомбист Гриневицкий и решается на свое действие, понимая, что может и сам погибнуть, даже, скорее всего.

Как можно так работать? Охраняемое лицо не увезено в безопасное место, не взят под усиленную охрану периметр, не оцеплено место преступления, не уроненные «мордой в пол» все зеваки. Да хотя бы своими телами прикрывали императора, но нет.

— Вот он! Не дай бросить! — выкрикнул я, мои сознание сплелись на слове «бросить» и стоящий в метрах трех с боку казак посмотрел с сочувствием на императора, он то знает, что бросать курить не так то и легко, а ему скоро в станицу возвращаться и придется отвыкать от курева.

Бомба уже летела, и ничего сделать было невозможно. Да, я попытался привстать, попробовал даже нырнуть под карету, но взрыв был столь мощным, но шансов не осталось.

«Я хотел сделать людям жизнь лучше! Я даже хотел дать им Конституции!» — прозвучали в голове последние мои мысли в теле и в сознании императора Александра II, прозванного «Освободителем».

..........*

4 сентября 2023 г.

— Пульс есть, но наблюдается резкое отмирание клеток, прежде всего, головного мозга. Процесс вряд ли обратим! — кричал доктор.

— Он должен жить! Или умрем мы и все наши родные и близкие! Ты слышишь? — отвечал другой человек, представившись... без разницы, как он себя сейчас называл, это был Виктор Семенович Шамес, тот самый распорядитель, который и организовывал мое «выздоровление».

Сознание же вновь поплыло, и я оказался в теле... императора Павла — «русского Гамлета».

..........*

Полночь 12 марта 1801 г.

Штора! Она плотная, в неярком освещении десятка свечей точно не виден силуэт. Может, уйдут, не станут искать?

Не уйдут! И это Я, тот, который еще окончательно не слился с сознанием «бедного» Павла, точно знаю. Сейчас табакеркой в висок и все...

«Где мои верноподданные? Почему не приходят на помощь своему императору? Ну, может я немного и перегнул своими законами, получил капитан Кирпичников тысячу палок за свой язык без костей, но то для порядку. Это вынужденная мера, чтобы побороть сибаритство гвардии, они же только и делают, что пьют и за дамами волочатся, шпицрутенами учить нужно гвардию.

И не хочу я дружить с Англией, так как она наживается на России, а с Францией можно возвеличить свою империю. Армию сократил и улучшил, столицу к порядку привел. В чем вина моя? При дворе матери было в разы больше сумасбродства и никчёмности последнего фаворита. Да у меня то и любовница Аннушка появилась, когда врачи запретили жене рожать... Чем я плох? Хотел законы крепко соблюдать и того требовал от других и за это меня так?» — сокрушался Павел.

— Беннигсен, смотри под кроватью! — выкрикнул капитан Аргамаков, сам рванувший к двери в потаенную комнату, ведущую в покои жены, но та была заперта.

— Он был тут савсэм нэдавно! — с заметным «кавказским» акцентом, который наиболее ярко проявлялся в волнительные моменты, сказал Яшвиль Владимир Михайлович — полковник и грузинский князь.

— Гнездо теплое, птичка недалеко, — азартно провозгласил генерал Беннигсен, потом рассмеялся и обратился не так еще давно всесильному фавориту старушки Екатерины — Платошке. — Платон, не робей! И так уже все на кон поставили.

Платон же, выпучив глаза, пятился к двери, где постанывал гвардеец, которого ударили шпагой по голове, чтобы не проявлял излишнего рвения.

«Почему было не написать на фасаде дворца больше букв, почему там только сорок

семь? А эта юродивая Ксения?.. Это же она предсказала мою смерть в возрасте по количеству букв в той злосчастной надписи? Но магистр Мальтийского ордена не может прятаться за шторой...» — Я попытался сделать шаг и выйти из своего укрытия, но страх накрывал меня до кончиков пальцев, задрожали ноги, отказываясь делать тот самый шаг.

— Я здесь господа! Что угодно вам в моих покоях? — не выходя из-за шторы, прокричал я. Ноги все еще не слушались, но я смог победить страх.

— Так выходите, ваше величество! — прокричал Николай Зубов и рванул к окну, резким движением срывая штору.

— Стоять! Заколю, если кто сделает шаг! — закричал Беннигсен, когда увидел, как Платон Зубов и еще половина заговорщиков стали активнее пятиться к выходу, значительно протрезвев и осознавая, что вот сейчас лихой гвардейский забег закончился, и началось царубийство.

— Господа, прошу покинуть мою спальню, я не одет! — взял я себя в руки, ощущая, что постепенно, не так, как раньше, сливаюсь с сознанием Павла. При убийстве Николая II и Александра II было иначе, рывком.

— Павел Петрович, отрекитесь от престола в пользу своего сына и проследуйте за нами! — спокойно, без дрожи в голосе сказал Беннигсен под одобрительный выкрик ополоумевшего Татаринова, который был наиболее пьяным.

— И Вы, Великий князь здесь? — сказал Павел, когда принял одного из заговорщиков за своего сына Константина, в сумраке редкого освещения бунтарь был действительно похож на второго сына императора.

— Отрекитесь! — закричал Петр Зубов, хватая золотую табакерку, но та падает у него из рук, грузин Яшвилль поднимает увесистый предмет и налитым кровью взглядом рассматривает модный аксессуар.

Замах!

— Хрена лысого, придурок! — кричу я, тело и сознание, наконец, слились в единое.

— Ваше величество, вы лагаетесь, как мужик? — удивленно взывает Беннигсен, он обескуражен моим лексиконом.

Между тем, я выхватываю у замывшегося Аргамачева шпагу и резким выпадом достаю прямо в сердце Петра Зубова. Быстро бежать! На улицу, подальше, звать на помощь. Как же не вовремя я отослал Аракчеева, этот бы поганой метлой вычистил эту грязь из России.

Выпад, шпага делает дырку во лбу Платоши Зубова.

— Это, сука, за твои оскорбления в мой адрес при дворе мамыши моей! — не мог я не высказаться, за что в итоге и поплатился, потеряв время и динамику.

Шпага, брошенная Яшвилем, вонзилась в мое тело, не заметив преграды в виде ночной рубахи.

— Умри франкофил! — с такими словами Беннигсен вонзил свой нож мне в сердце.

Я вновь умирал, но сейчас, пусть и был страх и боль, но и небольшое удовлетворение — двоих я точно с собой забрал. Лизоблюды Зубовы отправились в ад.

Туман. Спокойствие. Нет ни речи докторов, ничего! Видимо такой покой был дарован Мастеру и Маргарите. Чем же я заслужил? Тем, что пережил яркие и ужасные эмоции убитых русских императоров?

* * *

Ропша

28 июня 1762 г.

Снова помутнение. Понимаю, что лежу возле стола и сознание сразу же сроднилось с мыслями... Петра Федоровича — некоронованного императора.

В голове пронеслась буря эмоций и мысли захлестнули сознание. Опять это «за что? я же хотел добра, хотел мира, любить и быть, наконец, любимым. Они пришли от Екатерины, но посмели оскорбить мою жену. Я заступился за честь дамы и меня убили».

— Алексей, пиши, Екатерине Алексеевне сам, — пьяным голосом сказал Федор Борятинский.

— Государыне, Федор, го-су-да-ры-не! — Алексей Орлов наставительно поднял палец вверх, потом допив очередную бутылку вина, усмехнулся. — Урода и так нужно было кончать, он матушке, как кость в горле. Да и намекала она иносказательно. Вон и медикус прибыл вскрывать его, а он еще жил.

— Скотина, пить вино он отказался, пришлось руки марать. А там яд такой, что уснул и не проснулся, без боли, — высказался актер Волков, так же присутствующий при этом действии.

Я лежал и старался не шевелиться, но когда на щеку села муха, непроизвольно шевельнулся. Я уже был готов рвануть, встать, уничтожить заигравшихся янычар и лживого, бездарного актеришку, но ничего не происходило, наступила гнетущая тишина, было непонятно кто где находится.

— Эй, пруссак, ты что живой? — задал вопрос князь Борятинский и я услышал щелчок взводимого пистоля.

— Федька! Ты перепил что-ли? Уже после твоего удара он умирал, а я еще и придушил урода шарфом, — сказал Алексей Орлов, но, судя по звукам, извлек-таки шпагу.

Я открыл глаза, когда мне в голову уже нацелился гвардейский сапог. Перехватываю ногу Борятинского и резко ее докручиваю, лишая равновесия, и так дезориентированного из-за алкоголя, убийцу.

— Ах ты, урод прусский! — взревел Алексей Орлов и сделал выпад в мою сторону, выставив шпагу.

Укол попал в плечо и не так уж и болезненно, если бы не факт застрявшей шпаги в теле, Алексей не собирался ее вытаскивать, оставил в прокнутом моем плече, устремившись к пистолю Борятинского, который отлетел в сторону при падении князя.

Выстрел! Я поворачиваю голову вправо, где возле двери стоял бездарный актеришка Волков. Сука! Прямо между глаз.

* * *

Декабрь 1744 г.

Темнота... Нет, вот он свет, яркий!

— Очнулся? — спросил человек в странном костюме в виде толи вороны, толи еще какой птицы с длинным клювом. — Скажите государыне, что Петр Федорович очнулся.

Кто? Я? Да! Я и ОН мы очнулись!

В этот раз оба сознания слились воедино сразу и меня накрыли воспоминания... Карла Петера Ульриха, уже ставшего Петром Федоровичем с титулованием «Наследник престола российского. Внук Петра Великого».

..........*

4 сентября 2023 г.

— Давление падает, — истерично закричал доктор, который до этого со скукой посматривал на мониторы.

Первоначально процесс восстановления организма у явно влиятельного пациента шел с более чем положительной динамикой. За менее чем сутки омоложение составило до сорока лет и до предполагаемого результата оставалось не более шести часов, уж слишком запущенный организм был у пациента. И когда дежурный доктор начал откровенно зевать, начались процессы, которые ранее ни разу не проявлялись. Омоложение не только замедлилось, но и прямо на глазах пациент начал стареть. Появились морщины на только что бывшем практически молодом лице, резко начали изнашиваться внутренние органы, уже аппаратура показала цирроз печени и ишемическую болезнь сердца. Клетки организма перестали восстанавливаться и регенерировать, появились и раковые опухоли.

— Что случилось? — в палату вбежал Шамес, который был явно в некотором опьянении, толи наркотическом, толи в изрядном алкогольном. — Ты что, шлимазл, сделал?

Информация от показателей организма клиента приходила на гаджеты всех заинтересованных лиц, Шамес был одним из самых заинтересованных, так как от успеха мероприятия зависела его жизнь и это не фигура речи.

— Что могло случиться? — проорал Шамес, держась за спинку стула толи от опьянения, толи и ему становилось плохо.

— Датчики донора были уничтожены, и импульс от них перешел к реципиенту, — дрожа, вывалил единственное объяснение случившемуся доктор. — Остановка сердца!

— Отключай его! — заорал Шамес, но было поздно, сразу после остановки сердца у пациента умер и мозг.

Доктор обреченно опустил руки и понурил голову. Он знал, что должно дальше произойти. Понимал, что его вины в смерти пациента не было, но никто и разбираться не станет.

— Убей этого поца! — истошно проорал Шамес, переходя на визг.

Ответа не последовало, и тогда куратор сам нажал кнопку уничтожения донора, как это делал всегда, после омоложения очередного влиятельного старика. Аппаратура не показала, что донор погиб, но Шамес сильно на это рассчитывал. Они всех доноров убивали до момента разрыва связи. Просто взрывали датчики внутри путешественников во времени. Нельзя было рисковать, ведь до конца так и не знали, могут ли попаданцы влиять на современный Шамесу мир. Скорее всего — нет, но кто его знает.

— Телефон, где же он? — судорожно хлопал себя по карманам Шамес.

Он захотел позвонить дочери и сообщить ей номер основного счета на Фарерских островах, его девочка станет богаче на полмиллиарда долларов.

Тут в палату ворвались люди с автоматами и полной экипировке «Ратник 3». Первым же выстрелом в голову ворвавшиеся в палату наемники закончили жизненный путь Виктора Семеновича Шамеса, двадцать лет работавшего на организацию, о которой и сам практически ничего не знал.

— Алло, Катюша! — мужчина в штатском, который зашел в помещение сразу после того, как бойцы «проконтролировали» всех ликвидированных, в том числе и Петрова, поднес

свой телефон к уху. — Крепись, вдова, Сереги больше с нами нет.

Носов отключил телефон, оглянулся. План, который так долго реализовывался, только что мог полететь к чертовой матери. Если бы Петров выжил, он смог бы обнаружить такие крутые перемены в его финансово-промышленной империи, и тогда собственноручно задушил и его, Носа, и свою жену — Катьку, может только герою-сыну не досталось бы. Но все закончилось благополучно.

— Внимание! РЛС фиксирует приближение неопознанного БПЛА! — закричал командир группы зачистки, выслушавший доклад в гарнитуру.

Паники в голосе офицера службы безопасности не было — это всего-то работа и даже не важно, что ударный беспилотник обошел ту не сильно то и мощную систему ПВО, которая была в наличии у СБ Петрова. Нет, один летающий «мопед» был сбит на подлете, но это было только отвлечением, когда с другой стороны заходил на атаку более совершенный аппарат.

Больше команд не было, не успел командир сориентироваться, да и бессмысленно все было. Ракета, выпущенная с ударного беспилотника, уничтожила группу ликвидации вместе с лучшим «другом» миллиардера Петрова — человека с позывным «Нос».

Село Хотилово (по дороге из Москвы в Петербург)

14 декабря 1744 г.

— Ну, здравствуй, Петр Федорович, — пробормотал я, когда лакей, или кто он там еще, побежал к императрице сообщить о моем исцелении, а странный персонаж в костюме ворона, забрав мою одежду, удалился.

Исцелении? Да, полном. Как же долго я ждал этого момента, когда могу вновь оказаться здоровым. Пусть и в этом теле, но здоровом, без постоянной боли или одурманенного состояния, вызванного мощными обезболивающими препаратами. А если это вновь только эпизод, как те, что только что пережил?

Нахлынула гамма чувств и эмоций. Я вспомнил и за мгновение заново пережил обреченность, страх, недоумение и обиду убиенных императоров. Да и меня, Петра, так же убили. И сейчас, прислушиваясь к себе, понимаю, что тот Петр III и этот мальчишка разные люди, оба не злобливые, воспитывались в ненависти и не знали ничего о любви, но тот Я в момент цереубийства был более зрелым, пусть и многое понял только перед смертью.

Шизофрения. Как же тяжело вместить в свое сознание столько противоречивых эманаций! И что странно, насколько помню, то тот убитый екатерининскими миньонами император, любил свою Катэ, не как женщину, как верного товарища, самого близкого человека. Может, эта любовь брата к сестре? И как же было ему тяжело принять это предательство. Я обрадовался тому, что сливался с сознанием уже императора, а не наследника не долго, иначе можно было и с ума сойти, ибо Петр Федорович был очень чувственной особой. Хотя и эта личность еще мальчика крайне сложная. Вот почему так хочется вина? А еще пива и... маршировать!

В голове начали всплывать образы набухших коленей после долгого стояния на горохе, униженности и боли от розги, которой часто был несправедливо избиваем, и запрета произносить хоть какой звук при экзерциции. Недоумения от того, что меня, словно дивного зверька, показывали просто для того, чтобы тварь Брюммер произвел впечатление на даму, а я тогда был с горячкой, а он обихаживал даму, демонстрируя свою значимость, мол, «вон он каков, что и сам герцог не указ». Этот «воспитатель» говорил мне: «Я вас так велю высечь, что собаки кровь лизать будут; как бы я был рад, если бы вы издохли!». А то, когда я был вынужден стоять с табличкой «осел» и смотреть, как пирует «воспитатель»! Хотели, чтобы после этого я стал достойным наследником престола российского? Сломленный, униженный, с невообразимым набором комплексов, с внушением измальства, что Россия дикая, дурная держава. И как я раньше боялся этого Брюммера и постоянно искал оправдания его поступкам, чтобы только не осознавать свою ущербность. Нахрен его, заколю!

Еще и постоянные собрания офицеров герцогской гвардии, на которых с меня смеялись, издевательски поощряя малолетку за то, что он, уже Я коряво выполнял немудренные обязанности постового. И не было для меня лучшей награды, чем снисходительная улыбка отца или любого гвардейца, когда я пыжился от важности, беря на караул. Моя изнеженная, творческая натура, не знала материнской любви и росла только в ожидании войны за Шлезвиг. А отец, униженный потерей во время Северной войны этой области, был помешан

на ее возвращении, несмотря на уговоры всех государей-соседей, призывающих к примирению с Данией. Ему было не менее безразлична моя судьба, чем и Брюммеру после смерти отца. Куча психологических травм у мальчика первоначально далеко не стального характера.

Пока я рефлексировал и пытался собрать воедино мысли, в комнату вошли два ряженных в белые одежды человека, лица которых так же были закрыты материей, и стали одевать меня.

Если бы эти люди одевали только меня, Сергея Викторовича, то непременно были посланы по хорошо знакомому каждому носителю русского языка маршруту. Узкие панталоны, зауженный кафтан, веревочки и ремешки, пышные манжеты, но самое ужасное — парик. Только для наследника русского престола все эти одеяния были нормальны и даже минимальны, посему отношение к наряду я решил оставить именно что от сознания Петра Федоровича. Однако, не было понятным, для чего меня одевали, пока слуги в белых балахонах не склонились в глубоких поклонах, обращенных к двери.

— Петруша, как ты? — в пороге комнаты стояла пышная женщина, в которой я безапелляционно узнал тетушку-императрицу Елизавету.

Красивое лицо, действительно, сиятельное, как сказали бы в будущем, очень фотогеничное, многоликое, светло-русые, может немного с рыжим оттенком, красивые волосы, весьма немалая грудь. Она была полной женщиной в понимании людей XXI века, но тут, я это прекрасно осознавал, женщиной полной красоты.

Елизавету не пустили внутрь убогой убранством комнаты, двое слуг заслоняли собой проход императрице. Впрочем, она не спешила обниматься с племянником, который только пришел в сознание после лихорадки, вызванной черной оспой. Я уже понимал, что в этом варианте истории Петр Федорович умер, или оказался таким слабым, что мое блуждающее сознание нашло своего реципиента. Теперь мы слились сознаниями. И не было особого отчуждения от свершившегося. Может, конечно, где сейчас и бьются за мою жизнь доктора, но я в прошлом.

— Тетушка, простите, государыня, буду жить! — после продолжительной паузы выдавил я из себя, потом всплыл образ истово молящейся Елизаветы и я добавил. — Бог милостив, помолитесь за меня.

— Да, конечно, Петруша! — оконфуженно произнесла Елизавета.

Для императрицы, которая была набожна, просьба от ее несмышлёного «голштинского племянника», который смеялся над православием чуть ли не в голос, стала усладой для души.

— Простите, я еще слаб и... — начал было я говорить, но императрица перебила:

— Почивай, конечно!

Дверь закрылась, но звонкий громкий голос Елизаветы еще был слышен, благо о звукоизоляции в этом бедняцком доме, не предусмотрели, а внушительным выглядели только бревна, из которых была сложена эта большая изба. Императрица интересовалась, почему у меня нету следов оспин и вообще цвет лица очень даже румяный, тетушка даже отчитывала консилиум медикусов, что те поставили неправильный диагноз. Возражать императрице посмел только медикус Герман Бургав-Каау, но как-то вяло, в чем я был ему благодарен. Пусть лучше Елизавета думает, что я болел вовсе не оспой, чем задает много вопросов о чудесном выздоровлении.

Как же все же хорошо знать имена, понимать ситуацию, пусть и через призму детского

восприятия, но тот же Бургав-Каау — я такого человека не знал, несмотря на пристрастие к истории, а Я, Петр Федорович, знаю.

Я историю любил и читал немало, чаще не википедию, да и учился всегда с интересом. А закрытые посещения во время деловых мероприятий культурно-исторических памятников, как Эрмитаж, или Петергоф, множество выставок, давали еще больше знаний. Там, в музеях, знающие люди с фанатичным блеском в глазах рассказывали много, очень много, пикантных подробностей из и Елизаветинской, и Екатерининской эпох.

«Ну а где мое вино?» — подумал я, но нашел в себе достаточно разума, чтобы не ляпнуть явную глупость. Такое ощущение, что самое сильное в характере наследника, до слияния сознаний, было пристрастие к алкоголю.

Через минут пятнадцать после ухода тетушки, в комнату вошли четыре человека, которые были одеты в балахоны, с масками в виде птиц с большими клювами, что я уже видел. Они споро стали собирать все вещи, постельное белье, вновь меня раздевать меня. Потом, оставив нагим, стали вытаскивать скудную мебель в виде кровати, небольшого буфета, что-то вроде тумбочки и двух стульев. Крайне не рационально и не логично было одевать меня двадцатью минутами ранее, чтобы сейчас сжечь недешевую одежду, но указывать на эту несурзаицу я не стал. Сейчас лучше поменьше болтать.

Я ощутил с одной стороны жуткое смущение из-за наготы, которое испытывал бы тот Карл Петер Ульрих, но с другой стороны — безразличие Сергея Викторовича Петрова.

Возник только интерес определенного свойства, скорее юного Петра, и я поглядел на низ живота. Все там было нормально. Никакой фимоз, который действительно был ранее, и довлел на, и без того сломленную, психику мальчика.

Я ранее стеснялся говорить о своей болезни, тем более, что не всегда верхняя плоть гноилась и трескалась, было, что и проходило и даже забывалось это неудобство. Но любая эрекция и вновь боль возвращалась, кровяные трещины, новое воспаление, мыть бы почаще, хотя бы, да нет же — я и бани боялся. Как тут думать о близости с женщиной? Тем более о той близости и понятия не имел я, мальчик, но сейчас-то безграмотность в этой области преодолена. В компании гольштейнских гвардейцев я не понимал сальных и скабрзных шуток относительно межполовых отношений, смеялся только для того, чтобы казаться взрослым. Но как нужно делать детей, никто не объяснил, а фимоз и отсутствие полового воспитания не давали природе предпосылок ответить на запретные вопросы. Но и пубертатный возраст частью делал свое — эстетическое наслаждение я получал от того, что наблюдал за марширующими полуголыми девицами.

Пока я рассматривал себя голышом, один из «птиц» осмотрел мое тело, тихо, что за его маской толком и не слышалось, ругаясь по-немецки. А я с радостью понял, что отлично говорю и даже могу думать на немецком, знаю французский, ненавижу латынь, но и ее понимаю. А как я ненавидел русский язык! Раньше ненавидел! Немец ругался на то, никаких следов от оспы нет и он обязательно получит взыскание от государыни. Вот так и не рады подданные, что наследник выжил, каждый за себя печется.

Между тем, меня одели, игнорируя попытки самостоятельно застегиваться, зашнуровываться, обматываться. Я хотел повторить процесс, чтобы в какой-то момент не попасть в ситуацию, что не могу самостоятельно одеваться. Петр Федорович ранее умел и раздеться, и одеться, но тогда его туалет заметно отличался простотой от того, как сейчас он одевается. А с приездов в Росси, наследник престола еще ни разу самостоятельно не облачался в наряды.

Такого дискомфорта в одежде я не ощущал никогда и это, как я понял, одежда только повседневная, даже не для выхода, где еще все сложнее. Грусть и тоска берет по трусам и спортивным штанам, даже по деловому костюму.

— Ваше Высочество, позвольте спросить, как ваше самочувствие? — спросил на немецком языке Бургав-Каау, который скинул свой балахон и маску в коридор слуге и зашел в комнату.

— Сударь, извольтэ гово-ить с наслед-ником российскага пьестола на русском, — имитировал я, как только мог, немецкий акцент.

— Простите? — недоуменно спросил все еще на немецком языке медикус, потом опомнился и стал говорить, с не меньшим акцентом, а еще более, чем я коверкая русские слова. — Я не ошибаться, то есть оспа, но я пребывать в недоумен, отчего язвы сойти с Вас.

— Божественное пговидение, судай, или не оспа то была, — пожал я плечами.

— Я видеть здоровый Вы, но думать, что рано вояж... простить меня — ехать в Петербург. А господина Лестока можно отписать, что ехать в Хотилово не нужда, — с превеликим облегчением закончил Бургав-Каау, бросил заинтересованный и немного осуждающий взгляд, и ретировался, видимо докладывать новости тетушке и тем придворным, кто за них заплатит, чтобы быть осведомленными.

После ухода медикуса, вот же опять не назвал Бургав-Каау врачом, или доктором, не лекарем, а именно что медикусом, наступило благоденствие — сутки меня никто не беспокоил. Слуги приносили еду — рыбу и кашу — пищу нашу. Просил кусок мяса, чувствовал, что организм требует мяса, но... рождественский пост. Однако рыбу ел сколько душе было угодно, а аппетит и у меня Петрова и у меня Петра Федоровича всегда был отменный, а сейчас я ощущал, что и улучшился обмен веществ. Вот насколько наследник стеснялся стоять голым при людях, настолько Петрову было стыдно справлять свои нужды в вазы и наблюдать, как их выносят слуги. Несли, словно величайшая ценность скрыта в сосуде. Дерьмо наследника — благодать!

Благодаря тому, что сознания попаданца и исторического носителя соединились, с полной доминантой человека будущего, мне не пришлось много рефлексировать и переживать. В принципе, я знал, как себя вести. Немного, но понимал ситуацию, ощущал привязанность к одним людям, ненавидел других, любил, презирал, уважал, боялся и ценил тетушку. Петр Федорович был очень эмоциональным и мог формировать свое отношение к человеку уже по тому, как тот стоит и тот час изменить мнение, если человек сменит стойку. Но... я, Сергей Викторович Петров, человек сверх меры сдержанный, был таковым ранее. Может коса на камень в характерах и что-то получится, а пока странная гамма чувств и нет понимания модели поведения.

Задавался ли я извечными русскими вопросами «кто виноват?» и «что делать?». Признаться, в первые пару часов, после того, как меня оставили в покое, гнал мысли прочь, все ждал, что вот так что-то произойдет и я вновь где-то в голове кого-то. Ну, или живым и здоровым пробуждаюсь в России варианта двадцать первого века. Но шло время, никто пытался меня убить, не врывался в комнату, куда принесли новую кровать и стол с парой стульев, и тогда, после непродолжительной паники, я таки стал задавать себе вопросы.

Первый вопрос — «а мне это зачем?», может пустить все на самотек, поддаться порыву выпить вина, да жить и не тужить? Если все будет, как в известном мне варианте истории, то в 1762 году помру от руки Лешки Орлова... Бр — аж передернуло. Вот чего не хочу, так вновь ощутить те эмоции, что были у императора Петра III после екатерининско-орловского

переворота.

И все же тогда «зачем я здесь?» однозначного ответа нет. Сверх меры патриот, срочно бегущий куда-то что-то свершать? Хочется для своей страны светлого будущего, еще больше хотелось бы, чтобы мои дети жили в стабильной России, есть нужда и в том, чтобы гордиться своим Отечеством. Но вот моя другая составляющая хочет в большей степени собственной славы, стать вровень с европейскими государями. Да, я Карл Петер Ульрих не сильно то и жаловал Россию, правда, ненависти особой тоже не было. Для меня, наследника, Россия — это достижение своих целей, например, война с Данией, похвала от дядюшки Фридриха. Между тем, я, Сергей Викторович Петров, абсолютно безразличен к Шлезвигу, тем более прусский король вообще по боку. Значит, жить и существовать во благо России, но не во вред ее и перебороть это психологическое отклонение, когда письмо от пруссака важнее русского закона.

Далее еще более важный вопрос, чем иные — «что делать?». Ощущение, что все вот это скоро пройдет медленно, но неуклонно сменяется пониманием, что меня ждет полноценная жизнь в этом теле и времени. Да пусть все происходящее — кома и я окажусь в своем теле в далеком будущем, так что же сейчас просто лечь и лежать, пока меня перенесет? И так я, наследник, был более чем странным персонажем, нужно ли усугублять еще более странным поведением? Может что-то останется в голове у Петра Федоровича, если я перенесусь в свое время, и история пойдет чуть иным путем? Нужно только постараться не навредить. И жить, без боли и обреченности, жить и наслаждаться молодостью.

Тогда что делать?.. Если я не стану фигурой, то меня сожрут — это факт. Едой я становиться не хочу, даже во имя светлых идей. И тут не важно, даже Екатерина будет в роли голодного дегустатора или группа заговорщиков, которая освободит из пока еще Холмогор, а чуть позже из Шлиссельбурга, свергнутого младенца-императора Ивана Антоновича. Уверен, что не получилось бы у Фике-Катки сместить меня, если бы образ императора не выглядел, как предательский и чуждый, волюнтаристский, я бы сказал. Да и сам я мог многое сделать во время гвардейского бунта, подавить его армией Румянцева, например, но был нерешительным и летал в облаках.

Могу ли я что-то изменить? Проливы? Христианский крест на Софии? Русская Индия? Гавайские острова — губерния Российской империи? Вместо Сан-Франциско Нью-Васюки? Вот не думаю, что все это возможно, по крайней мере, быстро и без трудностей, без команды, денег, денег и еще раз денег. Но послезнание может дать фору.

Я понимаю, что игры в большую политику встретят противодействие и внутри державы и вне ее. Турцию Франция и Англия без боя не сдадут. Да и Османская империя сейчас должна быть втрое-пятеро большей по мобилизационному ресурсу, далеко не бедной страной, с пока еще не сильно захудалой военной организацией с множеством крепостей и с мощным флотом. В Индию Россию не пустят те же бриты и франки, да и флот российский, насколько помню из истории, так как Петр Федорович кораблями вообще не интересовался, в крайне печальном состоянии. Русские корабли чуть-на-чуть доплыли до Эгейского моря во время правления моей будущей женой, потеряв два корабля, правда, чудом грандиозно победил при Чесмене. Что касается Америки, то туда еще нужно умудриться доплыть, и тут опять вопрос о флоте, который могут не выпустить из датских проливов, не то, чтобы в почти кругосветку до Тихого океана, при отсутствии баз снабжения и ремонта. Это англичане выстроили систему опорных баз на путях в Индию и Америку, Россия о этом и мечтать не может. Так что не реально строить планы по реформатированию мира, не

начиная работу с нуля.

А тут еще один фактор возникает — вынужденное затворничество Петра Федоровича, как и будущего «молодого двора». Насколько я знаю, даже по мере взросления, наследника не привлекали к принятию решений. Эту блокаду пробить может оказаться сложнее, чем организовать экспедицию на Гавайские острова, которые в начале XIX века были, или, скорее всего, будут, дружественны России.

Следовательно, задачи следующие: понравится Елизавете, и попытаться изменить ее отношение к недорослю-Петруше, стать финансово сильным — идеи возникнут, как этого добиться по мере понимания реальной ситуации. Петр Федорович ранее совершенно не интересовался экономикой и финансами. Еще нужно подготовиться к войнам с Фридрихом и, вероятно, с османами — тут чистый прагматизм, замешанный на гуманизме — я просто не хочу много бессмысленных смертей соплеменников-налогоплательщиков. Так, на всякий случай — соплеменниками я все же считаю русских, что далось мне определенным трудом, — сознание Петра Федоровича сильно сопротивлялось.

Итак, начинаем создавать легенду, образ, бренд, под названием... «наследник». Я стал на колени перед образами, рядом с которыми висела лампада, ранее так ненавистная, но теперь амбивалентная. Я знал, будучи Сергеем Викторовичем, из молитв только «Отче наш», но теперь понял, что знаю, как минимум, еще и «Символ веры», эту молитву необходимо было выучить Карлу Петеру Ульриху перед воцерковлением в православие. Помнил и другие молитвы, что вбивались в голову будущему наследнику российского престола, но воссоздать их мог только с ошибками. Я стал на колени перед иконами и истово начал читать молитвы.

..........*

**Хотилово, трактир у почтовой станции,
выселенный для проживания императрицы
15 декабря 1744 г.**

— Алексей Григорьевич, может, достанет уже пить это малоросское хлебное вино? Лучше скажи, что думаешь о Петруше, — сказала Елизавета Петровна — императрица Всероссийская и прочая, прочая, но сейчас, наедине с тайным мужем, только любящая и любимая женщина.

Их отношения с Лешкой Розумом переживали ренессанс. После того, как красавец Бекетов был отлучен от двора из-за своей хвори, Елизавета вновь обратилась к Алексею Разумовскому, и тот ее утешил. Как не пытался, еще один претендент на сердце и фавор императрицы, Иван Шувалов переменить ситуацию, пока это не удавалось. Пусть Иван Иванович и был уже замечен государыней, но она, мужняя жена, была верна своему супругу. Ваня был приближен, но в опочивальню еще не допущен.

Еще два года назад Елизавета тайно обвенчалась с бывшим малоземельным казаком — певцом церковного хора. Вот только вопреки общественному мнению «ночной император» не особо то и влиял на императрицу, Разумовский стремился не вмешиваться в политические интриги. А Елизавета чувствовала себя рядом с ним женщиной. Той, русской женщиной, которая видит кротость трезвого и резкость пьяного мужика. Пусть и буйный он во хмели! Но как, стервец, вымалчивает прощения!..

— А что тут, душа моя, думать? Недоросль взрослеть должна, да и был уже Петр Федорович на краю смерти, любой к Богу придет после исцеления чудесного, — сказал

Алексей Григорьевич и, нацепив на вилку соленый рыжик, потянулся за очередной рюмкой водки. Но, поймав на себе волевой и осуждающий взгляд Елизаветы, поспешил оправдаться. — Лизонька, понимаю, что пост нынче, но ты же знаешь, что я сильно переживал за здоровье Петра Федоровича. А завтра — все! Рассола выпью и говеть начну. Да и вообще, душа моя, что еще делать-то тут в деревне? Может я на охоту? А?

— Нет, на охоту не пойдешь, пост с завтрашнего дня блюсти станешь, а говеть со мной будешь, может и Петруша с нами, коли медикусы дозволят, — строго сказала Елизавета, потом улыбнулась и сказала. — Вот ей, Богу, душа моя радуется, когда докладывают об истовых молитвах племянника. Перепугалась я, что линия наша, петровская, закончится, да смута будет. А ты знаешь, Алеша, предложи ему завтра в баню сходить. Коли православия стал принимать душой, может и баню полюбит, да русаком станет, а то ей Богу — немчура, как есть.

— Вот то дело! — весело провозгласил Алексей Григорьевич, опрокидывая очередную стопку хлебного вина. — Да девок туды, в баню!

— Я те дам, девок, ахальник! — звонко засмеялась Елизавета, грозя мужу кулаком.

К ночи, а точнее под утро, императрица становилась женщиной и позволяла себе говорить с Алексеем без этих всех придворных правил и ему позволяла быть мужем, а не подданным.

* * *

Хотилово, 17 декабря 1744 г.

А через два дня была баня. Меня, несмотря на все возражения медикусов, поволок за собой рослый, насколько это возможно рассмотреть в мужчине, с красивым лицом, первый не любовник, но фаворит императрицы. На все возгласы врачующих меня медиков о ненужности бани, Алексей Григорьевич отговаривался, что те, мол, сами говорят о полном выздоровлении наследнике и что он точно не заразный. Вот пусть немчура, к слову среди четырех медикусов были два русских, не лезет в обычаи, в коих, по причине своего скудоумия, не ведают.

Я знал, почему ранее Петр Федорович так ненавидел баню. Причина крылась в том числе из-за стеснения своего тела. Я сильно стыдился не совсем пропорционального телосложения и тем более, ранее болезненного причинного места. Теперь же стыдиться не стал, но... какой же я не складный. Вроде бы лицом даже вполне симпатичный, но имел ужасно узкие плечи, тонкие, как тростинки руки и ноги. Из очень спорного истинно мужеского — выделяющийся живот. Однако, тело можно было подправить тренировками, правда работы тут не на один год. А так и вполне себе. Киношный образ меня, такого низкорослого, не соответствовал действительности, как раз таки с ростом все было нормально, как и с причинным местом [по свидетельствам современных исследователей, рост Петра Федоровича был выше среднего].

Баню я перенес плохо. Помню, как до попадания на больничную койку я, Сергей Викторович, любил русскую баню, да и сложно было не любить, когда именно в ней часто заключались важнейшие сделки. Тогда я отлично переносил жар, но не теперь.

Однако, Алексей Разумовский был доволен. Он даже, на радостях, что я загнул матерную конструкцию на русском, ополовинил графинчик, видимо, с водкой.

— Матушка простит меня, когда узнает, как ты лаешься по-русски. И где только

научился? — приговаривал фаворит, снова наливая водки, держа в левой руке двузубую вилку с наколотым на нее соленым груздем.

..........*

Хотилово, часовня, 18 декабря 1744 г.

На следующий день после бани, тетушка прислала за мной человека, чтобы тот сопровождал на вечернюю службу в местной церкви. Хотилово вряд ли когда-либо до сегодняшнего дня видело такое представительство в своей небольшой деревянной часовенке. Графья, князья, наследник и сама матушка-императрица ютились в ветхой, маленькой сельской церкви, службу же вел епископ Псковский Симон Тодорский, который не поехал с моей невестушкой в Петербург, а остался в Хотилово, готовясь отпевать раба божьего Петра Федоровича.

Перед службой Симон подошел ко мне и с интересом осмотрел, как будто ища подвох.

— Мне сказывали, сыне, что ты стал истово молиться. Что стало причиной сих перемен? — спросил выкрест из евреев Симон Тодорский.

Я знал, что соврать епископу было сложно. Он сам крестился уже в сознательном возрасте, бывши до того иудеем. Много где и кому пришлось доказывать бывшему «жиду» свою праведность и истинную веру. И тут молящийся голштинец, который Бога душой не принял, а прошел православное воцерковление по политическим причинам, под нажимом императрицы. Провести Тодорского будет «задачкой со звездочкой» и придется играть, истово веря в то, что говорю.

— Отче, — обратился я к священнику. — Вам и поведаю. Боюсь я говорить, чтобы не сочли лжой. Видел я свет яркий и Пресвятую Деву Марию-Богородицу и пролился внутри меня свет и понял я, что сила в православии.

— Сие явление повинно с иными отцами православной церкви судить. И ты отменно говоришь на русском языке, отрок, — сказал Симон, но после перекрестил и подал руку для целования. — Храни тебя, Господь, но тетушку и иных не пужай, я сам императрице скажу, что нужно. Но на исповедь жду, да и опосля причаститься нужно.

Во время разговора с Симоном Тодорским я использовал максимальный «покер фейс», чувствовалось, что это человек тертый, обвести вокруг пальца не получится, поэтому «включал» детское недоумение и стеснение, чтобы не выдать внутренне взрослого человека. Взрослеть нужно быстро, но не моментально. А еще я действительно поверил, что без божественного проведения в моей судьбе не обошлось. Может быть вера в то, что к моей судьбе прикоснулись божественные силы, и внесла некую лепту в то, что из меня не стали выгонять бесов сразу.

На службе, где я был под пристальным вниманием части двора, что остался с государыней в Хотилово, стоял по правую руку от императрицы и крестился с очень внимательным и одухотворенным видом. Хотелось посмеяться, пошалить, изобразить книксен у иконы, но себя, Петра Федоровича, я задвигал подальше. Когда же ко мне, сразу после службы, подошла императрица, сзади за ней очень быстро выстроилась очередь из желающих высказать мне поздравления в связи с чудесным избавлением. Причем многие люди мне показались искренними. Действительная радость придворных от исцеления наследника во многом была связана с тем, что появлялась возможность отпраздновать рождество в Петербурге, а не носить траур по мне. Если наследник выздоровел, то находится

далее в скучном и крайне аскетичном Хотилово двору уже не нужно. К слову, был двор в сильно урезанном виде — те, кто не сильно-то и обласкан государыней посчитали подобное проявление преданности императрице окном возможностей. Вот и ютились в крайне скромных избах, когда их хозяева с малыми детками ночевали в холодных продуваемых скотниках.

— Свадьбу играть летом станем, нечего тянуть. А то и девка перезреет, да и мать ее долгов еще больше наберет, — громко произнесла императрица и прилюдно поцеловала меня в лоб, я же поцеловал ее руку.

Пока я абсолютно не понимал важность каждого слова, взгляда, движения элемента платья Елизаветы Петровны. Не считал важным и ценным вникать в расклады при дворе. Сергей Викторович недооценивал такие нюансы, как и самих людей вокруг. Ну, а Петр Федорович и раньше жил в своем мирке и воспринимал только тетушку, да собутыльников.

А на следующий день, с самого утра, Хотилово быстро вновь превращалось в захудалое село, два имеющихся трактира собирали последнюю сверхприбыль, лейбкирасиры лихо, несмотря на тяжесть своей экипировки, взбирались на коней, а по заснеженным дорогам уже устремлялись на север многочисленные санные экипажи.

Я ехал в карете с неизменными моими попутчиками Брюммером и Бернхольсом. Эти товарищи сопровождали еще герцога Голштинского, то есть меня, когда я, словно разбойник какой, под чужими личинами, по сути, бежал из Священной Римской империи в Россию. Прохиндеи еще те. Но это я сейчас понимаю, а еще десять дней назад, Петр Федорович сильно их ценил и отказывался замечать вороватость, особенно Брюммера, как и стремился забыть все издевательства от этого человека. Да он, в этом не хочу себя ассоциировать с наследником, простил скотину воспитателя. Все те унижения со стороны Брюммера я прощать не хочу. Но уже понимаю, что моего хотения мало, этот ... может быть еще полезным. Да я, добрая душа отдал ему триста тысяч рублей. И этот факт больше довлел, чем детские комплексы. Это же сумасшедшие деньжищи, что даровала императрица мне.

Сегодня мне было наплевать на этих господ, которые ранее были словно глоток голштинского воздуха в дикой, варварской России. Но деньги... Вот сколько ехали, столько и порывался спросить: «Брюмер, где мои триста тысяч рублей?». Но нельзя поддаваться порывам, еще осмотреться нужно.

Триста тысяч рублей — это очень много. И я, терпила такой, отдал это состояние на хранение Брюммеру. Еле сдержался, не нужно пороть горячку, показывать себя сразу другим человеком. А гнать голштинцев от себя нужно. Они измальства знают меня, вопросов у этих господ может возникнуть больше, чем у других, по крайней мере, у воспитателя Брюммера.

Перемены в религиозном отношении, как было видно в поездке, они осуждают. В карете, как бы невзначай, лютеране расхваливали свою протестантскую доктрину и осуждали рабское православие. Я молчал, стараясь, где только можно прикидываться спящим, иногда и спал, чтобы бодрствовать во время остановок, на которых я пробовал тренировать свое никудышнее тело. Надо же — ни одного раза не смог отжаться.

Двадцать первого декабря 1744 года мы прибыли к Зимнему дворцу Елизаветы, который, впрочем, кроме отделки нескольких комнат, включая и янтарную, ничем не отличался от этого же дворца Анны Иоанновны. Но поселили меня не во дворце, а в доме рядом с ним. Как я узнал позже, будущая моя супруга с треклятой тещей проживали так же в доме по соседству, но чуть в стороне, так, что мой дом был ближе к Зимнему дворцу. Это был не тот Зимний, что брали большевики, а лишь большой дом, не достойный великого

императорского двора. Так считала тетушка, начиная строительство нового Зимнего дворца.

* * *

Петербург

22 декабря 1744 г.

Меня пугала встреча с будущей женой. Был у человека из двадцать первого века, все больше побеждавшего в симбионте сознаний Петра Федоровича, некий трепет перед Великой. Эта девочка много сделала для России, иногда спорного, но величие империи при ней достигло чуть ли пика, пусть и с полностью расстроеной финансовой системой.

Но и другое пугало. Судя по дневникам Екатерины Великой, еще до замужества она поставила себе цель стать императрицей, при том, что места для императора в поставленной цели не находилось. Эти дневники, изданные впервые Герценом, в двадцать первом веке были уже и в аудиоформате. Ох и сколько там было откровений про меня!..

И теперь, сразу по прибытию, я ждал визита от Екатерины Алексеевны, понимая, что она будет лгать и юлить, если надо, поклянется в любви. Будет рассказывать, как она волновалась и переживала из-за моей болезни.

— Ваше Высочество, к Вам графиня Мария Андреевна Румянцева, — осведомил меня лично Брюммер, который в очередной раз пытался что-то рассмотреть во мне.

Румянцева, мать будущего фельдмаршала, жена нынешнего сенатора, была представлена к будущей жене наследника престола российского, то есть меня. Мари Андреевна смотрела за поведением немецкой принцессе, решала вопросы с обеспечением, помогала осваиваться при русском дворе.

— Графиня, я есть рад Вас видеть. Спаси Бог за Ваша помось время болезнь, — приветствовал я Марию Андреевну Румянцеву, урожденную графиню Матвееву. — Вы самолично изволить прийти ко я, чтобы сказать вести от Екатерины Алексеевны?

— Ваше Высочество, мы можем свободно разговаривать на Вашем родном языке, — сказала по-немецки статс-дама Елизаветы и «надсмотрщица» за моей невестой.

— Простить я, графиня, но ныне родное наречие есть русский, — продолжая имитировать акцент, сказал я, чем поверг в шоковое состояние мать будущего блистательного фельдмаршала.

— Как угодно, Ваше Высочество. Я была во дворце, и матушка-императрица просит молодых прибыть сегодня на обед, который состоится в шесть часов по полудни, — графиня лишь обозначила книксен и развернулась, намереваясь уйти.

Не ценят меня тут, не ждут разрешение на уход, книксены больше обозначаются, чем исполняются. Но новости порадовали — не придется видеть свою невесту еще семь часов. И вряд ли она теперь навестит меня до позднего обеда у Елизаветы, тут включается фактор подготовки к визиту, в которой столько сложностей, что дамы будут готовиться долго и основательно. Тут точно не до меня. Эх, не спросил я Румянцеву, приглашена ли одна Екатерина, или со своей матерью, что уже успела, судя по той информации, что я смог вычленил за время переезда в Петербург, заляпаться в скандале с французом де Шатарди. Там еще где-то Лесток засветился, но пока его не трогают. Интриги, интриги.

— Ваше Высочество! — без приглашения в комнату, к слову сказать, не сильно-то и большую, квадратов двадцать, вошел Якоб Штеллин.

Вот не ждал учителя, а он приперся. Противоречия внутри, связанные с благосклонным

отношением к персоне Штеллина боролось с ненавистью к обучению в целом. При этом дураком мой реципиент не был, но учился без охоты, чаще заучивая материал. Если бы учителя с раннего детства были такими, как Якоб, который старается каждый урок сделать интересным, в игровой форме, то Петр Федорович мог не только знать материал, но и уметь анализировать полученную информацию. Но не судьба. Благо я, Петров, более психологически устойчив.

На монетках Штеллин стал объяснять историю Российской империи и я с прилежанием учил то, что уже и так знал. В конце занятий, учитель написал в журнале «превосходно» и хотел было продолжить обучение, но был ошарашен моим заявлением:

— Я есть простить, сударь, говею и время молитвы настать.

Штеллин удивленно посмотрел на меня, несколько раз открывал было рот, чтобы что-то сказать, но счел за правильное просто удалиться из моих покоев. А я действительно стал молиться, будучи уверен, что нахожусь под пристальным вниманием соглядатаев. Натренированным глазом я уже определил несколько мест, в которых были замаскированы наблюдательные позиции в стене. Вот и отыгрываем образ образумившегося наследника, зарабатываем титул «цесаревич». А то, что это за наследник, который отлучен от любых дел, а «цесаревич» уже титул посерьезнее.

Я услышал, что в комнату кто-то вошел, но не стал оборачиваться, посчитав нужным не прекращать молитву. Между тем, по тяжелому дыханию я узнал, что незванным гостем был мой воспитатель Брюммер — самый влиятельный человек для Петра Федоровича, конечно, до моего появления в его голове.

— Сударь, мы тут одни и прекращайте лицедейство, — не выдержал Брюммер и подал голос.

Говорил он исключительно на немецком языке, даже не пытаясь учить русский. Обергофмаршал Брюммер считал, что его не очень то и идеального французского достаточно для общения в дикой России. Кто не знает французского, тот и вовсе не заслуживает чести общаться, по сути, всего лишь гувернером наследника.

— Милостивый государь, — зло шипя, будучи действительно раздраженным поведением гольштейнского нахлебника, начал отвечать я. Я, это Сергей Викторович, который патологически не переносил, когда его «кидали» на деньги при том и перебивали. — Мы не вдвоем здесь (я прямо почувствовал, как передернуло шпиона за стеной), общаясь с Вами, как и с иным человеком, мы под дланью Господа. Не перебивайте герцога Гольштейнского и наследника Российской империи, когда он молится о благополучии этих держав.

— Принц, я не потерплю такого тона, не забывайте, кому Вы обязаны... — выверился и Брюмер, который приходил в себя после такой, по его мнению, наглости от недоросли.

— Вельки князе, — произнес я коверкая титул на русском языке, после продолжил на немецком. — Так звучит мой титул, а не принц. И скажите, будьте любезны, насколько Я Вам обязан, а насколько ВЫ мне?

Меня несло... Я был готов и в русской традиции по мордасам немецким съездить. Ссора с Брюмером, как оказалось, была первым эпизодом, когда уже почти растворившееся сознание меня, Петра Федоровича, не противоречило ни в чем, а даже дополняло меня, Сергея Викторовича, поэтому и несло. Я уже давно хотел поставить на место зарвавшегося обергофмаршала, который задавил авторитетом все мое окружение, как и более мягкого другого гольштейнского нахлебника Бернхольса, который, впрочем, был не безнадёжен. Это

воспитатель поощрял Чернышова, чтобы тот спаивал малолетку. И я чувствовал, что делаю все правильно.

Высокий Брюммер, за метр восемьдесят пять точно, бывший блистательный офицер гольштейнской гвардии. Блистательный — потому что блистал, как начищенный пятак, но был ли отличником воинской и полководческой подготовки? Сомнительно. Он пыхтел и, казалось, выдохнет огнем. Брюммер хотел что-то возразить, всматривался в мое выражение лица и видел решимость своего воспитанника повышать ставки в нарастающей ссоре, он же не посмел обострять. Еще не так давно, Брюммер высек бы несносного тупого и трусоватого мальчишку. Но как сечь наследника, да еще за несколько часов до обеда у императрицы? А вот то, что нужно ситуацию государыне подать в нужном ключе, Брюммер уверился.

— Вы, видимо забыли, — собрался с мыслями воспитатель, еще не успев принять, что воспитанник вырос. — Кто именно поставляет Вам вино и пиво, солдатиков, как и табак, так же я все еще обергофмаршал герцогства.

— Допустим, солдатиков мне подарил Василий Аникитич Репнин. А Вы, сударь, можете и не быть обергофмаршалом, если так тяготитесь службой, тем более, скоро будет необходимо принимать важные решения, и я не уверен, что Вы станете на мою сторону. Что же касается второго: о вине и табаке, то Вы очень удачно тратите МОИ же деньги. Я Вас, сударь, попрошу предоставить полный отчет трат и остатки суммы от тех трехсот тысяч рублей, что даровала мне моя любимая тетушка. Сроку до двадцатого февраля, когда я, после своих тезоименитств войду в полный возраст, — выдохнул я после долгого и достаточно эмоционального спича.

— Императрица сама назначила меня Вашим воспитателем, я имею право распоряжаться средствами, — нашелся Брюммер.

— Вы желаете, чтобы аудит растрат денег провели люди тетушки?

То мое Я, что было наследником, скукожилось, ожидая грома с небес, удар молнией или еще чего, настолько страх перед Брюммером вгрызся под корку головного мозга. Но не в этот раз, ничего сверхъестественного не произошло.

— Однажды Вы, сударь, — Брюммер намерено не назвал «Великим князем». — В Киле угрожали, что пустите мне пулю в лоб. вспомните, чем именно обернулась Ваша угроза? Здесь и сейчас же я по повелению императрицы, но не Вашему.

— Вы прервали мою молитву во время говенья, не думаю, что такой поступок заслуживает высокой милости государыни, демонстрирующую исключительную набожность... На сим, сударь, я попрошу меня оставить, Вам еще нужно подготовить отчет о потраченных деньгах, которыми я смогу распоряжаться впредь и сам, — я отвернулся, выказывая и некоторое пренебрежение своему воспитателю и нежелание продолжать разговор.

Брюммер громко хлопнул дверью, и послышались быстрые рваные шаги, удаляющегося от моих покоев истерика. А я, все мои «Я», ликовали. Опытный царедворец, но все же больше солдафон, чем тонкий интриган, Брюммер попался в ловушку. Может и меня осудят, но прикрыться прерванным молением при пренебрежении к православию, да еще когда сама императрица неделю говела и только утром должна была причаститься, в преддверии Рождества... Если я правильно понял, Брюмер проиграет этот раунд.

А вообще, он — гольштейнская скотина. Полтора года назад Елизавета дала мне баснословную сумму в триста тысяч рублей, забыть о которых я не могу, а Брюмер спаивал меня и сам и через некоторых придворных, пользуясь, что, по сути, я превращаюсь в

малолетнего алкоголика. Даже в моих двух комнатах есть три тайника с вином и табаком. И, признаться, даже мне, Сергею Викторовичу, почувствовавшему вкус жизни после смертельного диагноза, не легко сдерживаться от пьянства и табака.

А между тем, Брюммер устроил мне подлянку — уже оставалось менее часа до постного обеда у императрицы, а рядом не было ни одного из слуг. Я же не привык одеваться самостоятельно, а гольштейнская слежанка Крузе — обедневшая дворянка, прислуживающая и мне и Екатерине, куда-то пропала.

Была еще надежда на другого моего воспитателя — Василия Аникитича Репнина, который так же должен был быть при мне. Однако, генерал-фельдцейхмейстер манкировал своими обязанностями в отношении глупого наследника, больше занимаясь делами армии и Сухопутного шляхетского корпуса.

А вообще, как же много этих воспитателей! При том, современным сознанием, я понимал, что единственным действительно деятельным человеком в моем окружении был Репнин, но ему было некогда заниматься мной даже по поручению государыни. Между тем и Василий Аникитич не прав — купил солдатиков мне и все — играйся сам, а меня не трогай.

Репнин был военным человеком, а не марширующей прусской куклой, имел немало знаний и понимание воинского искусства. От статного, поджарого Репнина я мог бы многому научиться, но тот почти что самоудалился от обязанностей няньки взбалмошного меня. Правда, на то были и другие причины, более, чем веские, — Василий Аникитич занимался подготовкой русского корпуса, которому, возможно, придется встрять в европейский конфликт под названием «Война за австрийское наследство».

— Ваши Ви-сочес-во! — услышал я женский шепот с жутким акцентом.

Обернувшись, я увидел ту самую Крузе и облизнулся. Я, Петр Федорович, не воспринимал ее, как женщину, у меня вообще странное отношение было к противоположному полу, в плоскости «любуюсь, но руками не трогаю». Эта была статная дама лет так двадцать пять, с выдающимся, прямо таки вываливающимся из глубокого декольте, бюстом, темненькая, по местным меркам худа, но это только по местным меркам. А я здоровый молодой мужчина с бурлящими гормонами.

— Тс, — приложила Крузе пальчик ко рту и продолжила на немецком. — Прошу Вас, не выдайте меня, обергофмаршал запретил вас обслуживать. Но как же можно, если Вас ждет императрица...

Я ничего не ответил, пытаюсь не смотреть на девушку, которая для малолетнего Петра Федоровича была бы теткой, но сейчас я осознал, что выздоровление пошло исключительно на пользу, не будет Екатерина долго девственницей после свадьбы.

Переодеваться было муторно и сложно. Только этот парик-пакли, под которым даже зимой жутко потела и чесалась голова, все эти лосины, складки на чулках... Бр... Но еще повезло: зеленый кафтан и красные чулки с треуголкой — далеко не самое ужасное, что мог бы одеть в этом времени наследник престола.

..........*

Петербург

22 декабря 1744 г.

— Брюммер, ты бы выучил русский язык, а то и на французском изъясняешься, не комильфо, — отчитывала Елизавета воспитателя наследника.

— Ваше императорское Величество, конечно, но, может, мне в качестве наместника Голштинии не так важно русское наречие, — Брюммер подобострастно изобразил поклон.

— Ты не спеши, Петр Федорович еще даже не женился. Он и так слишком ранимым вьюношем оказался, а тут тебя отправлять в Голштинию. Ты же, любезный, сам говорил, что наследник ценит тебя, что ты ему родителя заменил. Или это уже не так? — Елизавета прищурилась с ухмылкой.

— Так, Ваше Величество, но, как это бывает с недорослями, бунтует, — не пряча приторную улыбку с лица, Брюммер развел руками.

— Иди к наследнику, но помни, обергофмаршал, что это наследник российского престола! — громко, даже угрожающе сказала Елизавета Петровна.

Как только Брюммер, отвесив три неуклюжих поклона удалился, императрица обратилась к своему фавориту:

— Человек Андрея Ивановича Ушакова, что приставили смотреть за Петрушей, сказывал, что тот уж больно странным стал, поведал мне то, что произошло в покоях племянника, так и я помыслила, что иным апосля хвори стал Петр Федорович.

Вполне подробно, заглядывая в бумагу, Елизавета пересказала своему тайному мужу Алексею Григорьевичу Разумовскому разговор между Великим князем и его воспитателем, подспудно становясь на сторону Петра Федоровича и формируя отношение к эпизоду и у фаворита. Чью занимать сторону Алексей Григорьевич быстро понял, он умел чувствовать момент и вовремя сказать то, что ждет от него государыня, пусть и пользовался этим умением крайне редко.

— Петр Великий пробивается в недоросли, душа моя, как думаешь? — спросил Алексей Григорьевич именно то, что хотела донести до него и императрица.

— Не знаю, Алексей Григорьевич, но он ранее боялся Брюммера, а сейчас уже обергофмаршал, растерялся в разговоре с ним. И я рада преображениям в Петруше и не знаю, что и думать дале. С одной стороны, наследник России нужен сильный. Но с другой стороны, насколько мне нужен сильный внук Петра Великого? Ране от Петруши токмо я желала сына, внука себе. — задумчиво произнесла Елизавета, но потом вновь показала расположение духа. — Впрочем, супруг мой, лучше такой набожный и решительный Петр, чем богоненавистник и пьяный самодур. Да и не ясно пока, как оно сложится.

— А буде случится дите, так и легче станет, — вторил настроению государыни Алексей Разумовский.

— Сама воспитаю нового наследника, чтобы был лучшим государем в Европе, — мечтательно сказала Елизавета.

* * *

Петербург

Вечер 22 декабря 1744 г.

Ух ты, глазками-то как сверкает, сколько преданности и любви. И вам «Ваше Высочество» и «Я молилась за ваше выздоровление», «Проплакали с матушкой все глаза». Это звучало так мило, нежным, проникающим до глубин, голосом. Екатерина, безусловно, умела располагать к себе. Вот даже я, Сергей Викторович, поверил бы ей, если только не читал сочинения этой пока еще девушки. Так, в «дневниках», когда невеста наследника общалась со мной, думала только о короне, лицемерила и лицедействовала, в чем, опять же,

признавалась. Вспоминает она и моменты общения после болезни, утверждая, что держалась только на стремлении занять русский трон.

Но, черт возьми (только бы не вслух, да не при тетушке черта вспоминать), хороша же девка. Не тот типаж, что «моделью» зваться будет, да и назвать ее именно что красавицей, нельзя. Однако, притягивает к себе еще до конца не оформившаяся женщина. Темно-коричневые волосы, яркие глаза, чуть суженный подбородок, немного продолговатый овал лица, маленький ротик. Точеная фигура, почему-то больше принималась, как достоинство мной, Сергеем Викторовичем Петровым, но не Петром Федоровичем. Вполне выраженные вторичные половые признаки, маленькие ручки, вообще и ростом была ниже метра шестидесяти, так что сильному мужчине хотелось прикоснуться к хрустальному образу Екатерины, защитить его. Если прибавить еще и ум, то...

Так что Екатерина мне понравилась, чего не скажешь, не солгав, о ее платье. Ну как, кроме только декольте, в этих фижмах можно оценить фигуру женщины? А еще оно было очень дорогим. Голубое платье с серебряной и золотой вышивкой, украшенное еще и разными камушками... Такое может стоить не меньше тысячи рублей, а это не один месяц содержания трех-четырех рот солдат. И это не солдафонство, это рационализм. Одно дело — статут императрицы, иное, всего то невеста.

— Екатерина Алексеевна, вы прекрасны, как совершенная в своем изяществе роза, — делал я комплимент своей невесте на немецком языке и чуть сам не поморщился, настолько это было не свойственно мне выражаться столь высокопарно, запутанно и пафосно.

— Э-э, — замялась Ангальт-Цербская принцесса, краснея. — Спасибо, сударь, неожиданно, но приятно.

— Ея Императорское Величество ожидает Вас! — торжественно произнес распорядитель и, не спрашивая, готовы ли мы: я, Екатерина и ее матушка, раскрыл двери, за которым была видна часть большого стола, где уже сидели приближенные государыни.

Что касается Иоганны Елизаветы — моей будущей тещи, то я ее ненавижу. Это чувство было настолько сильным, при том второе сознание не оформило своего отношения к женщине, что я демонстративно отворачивал голову. Или, все же это некая форма неуважения и брезгливости, а не ненависть. Дамочка уже набрала огромные суммы долгов и оплачивать по тем векселям, как намекала тетушка, придется в том числе и мне. А еще теща была не меньшим тираном для Екатерины Алексеевны, чем для меня Брюммер, может и большим, учитывая близкое родство. А я не терпел над собой сомнительных авторитетов, причем этот подход не встречал никакого сопротивления в моей шизофренической голове.

— Ну, чего стоишь там, Петруша, морщишься? — спросила императрица, когда будущая теща с дочерью-невестой, немного потолкавшись кому первой входить в обеденный зал, уже присаживались к столу.

— Простить меня, тьетушка, я едва не ослепил глаза от вашего сияния, — сделал я вид, что прикрылся от солнца и решительно пошел к столу.

Небольшая пауза, а потом раздался громоподобный смех Елизаветы Петровны:

— Какой кавалер, а, это же надо! Ха-ха. Спасибо, племянник. Становишься угодником дамским. Ха-ха.

Подхалимские, как, впрочем, и искренние смешки присутствующей елизаветинской элиты, не смогли заглушить смех самодержцы. Я занимал свое обычное место на таких обедах под пристальные разглядывания императорскими миньонами дива-дивного в моем лице.

— Учись, Алексей Григорьевич! Да и ты, Алексей Петрович, до такого комплимента не додумался. А? Иван Иванович, каково? — обратилась Елизавета к Разумовскому, Бестужеву-Рюмину и Шувалову.

— Куда нам, матушка! — развел руками не так давно назначенный канцлером Российской империи Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

Я присел, слуга сразу же расстелил салфетку на коленях. Все внимание собравшихся сосредоточилось на мне. Немного шурясь, словно просвечивая рентгеном, смотрел на меня канцлер, улыбался Иван Иванович Шувалов, строго поглядывал Ушаков — пока еще глава Тайной Канцелярии. Только Разумовскому было нипочем, он уже налил себе хлебного вина и гипнотизировал стограммовую рюмку, ожидая отмашку на обед. Этот хотя бы сейчас пьет, за столом, а от канцлера уже отдает похмельным амбре.

Впрочем, в отношении Бестужева-Рюмина расслабляться было нельзя. Этот человек еще долго будет плести свои интриги и по своему верой и правдой служить Отечеству, но как это он для себя понимает. Брать деньги от англичан разве противоречит истинному служению России?..

— Да пей уже! — среагировала Елизавета, веселясь на то, как Разумовский рассматривает, сглатывая слюну, рюмку хлебного вина, потом ее лицо стало резким, даже суровым и императрица обратилась на французском к Иоганне Елизавете — моей теще. — Иоганна, как время провели, пока я занималась лечением наследника? Как господин Бецкой поживает?

Нельзя сказать, что моя родственница через еще не состоявшуюся женитьбу с Екатериной, впрочем, родство не только через будущий брак, стусевалась, но глазки забегали, информативнее слов говоря, что у этой мадам «рыльце в пушку», особенно при упоминании бастарда князя Трубецкого. Я знал, что историки приписывали матери невесты наследника роман с этим человеком, но тут понял, что «романтик» имел-таки место быть. А жаль... При Екатерине, в той истории, которую я уже не допущу, Бецкой проявил себя, как отличный организатор и градостроитель. Может как-то подобрать этого персонажа с обочины?! Но рано об этом думать, обед бы пережить, да ночь продержаться.

— Ваше Величество, мы с дочерью молились за выздоровление Великого князя и наши молитвы были услышаны, — взяв себя в руки, подняв величественно подбородок сказала на французском языке Иоганна Елизавета.

— Уже на шестьдесят тысяч рублей намолила! — раздраженно на русском языке сказала Елизавета и укоризненно, правда, ничего более не говоря, рассмотрела очень даже недешевое платье Екатерины. Что-что, но наряд государыня оценивала быстро и безошибочно.

А я подумал, что эту мадам, мою тещу, могут в этой истории отправить домой еще до свадьбы. Шестьдесят тысяч — это очень много, а если учесть, что и Катэ уже в долгах, как в шелках, то семейство обходится очень дорого Елизавете. А потом недостача в обеспечении армии и учебные стрельбы раз в полгода и то у гвардии. Опять же, это не солдафонство, а рационализм!

Сама же самодержица была в шикарном платье, которое стоит как три наряда невесты наследника. Но это — другое, даже думать в этом направлении опасно, ибо предательство менее карается, чем быть в одинаковом платье с императрицей, или в более дорогом. Лопухина не даст соврать.

— Так, чада мои, я назначила дату вашей свадьбы — первого сентября сего года. Думала

Брюммера назначить распорядителем сего торжества, но...подумаю еще, — императрица пристально посмотрела на меня, давая понять, что в курсе произошедшего в моих покоях несколько часов назад.

Дальше был обед, на котором я, кроме как огурчики, да грибочки и не ел ничего, рассказывая, что говею, в некотором роде осуждая императрицу, что с этим обедом, не могу попасть на вечернюю службу. Тетушка даже заботливо решила прислать ко мне священника, чтобы вечером вместе с ним помолиться.

Что я выяснил в ходе обеда? А вот много, особенно наблюдения толстым слоем ложились на послезнание. Так, Алексею Разумовскому стоило бы посмотреть, что медленно, но верно восходит звезда Ивана Ивановича Шувалова, пусть последний пока еще уступает малоросскому казаку. Будет ли императрица и человек российского Просвещения любовниками? Не знаю, но власти он получит сполна. Как, впрочем, уже взошла звезда Бестужева-Рюмина, но тут никакой романтики нет и близко.

Канцлер неплохо сработал во время скандала с французским послом (впрочем, что-то вроде аккредитации Шетарди так и не успел получить). Под шпионский скандал попала и сидящая рядом, сияющая от удовольствия, Иоганна Елизавета, которая, видимо, подумала, что ее партия пристроить дочь проиграна, но дата свадьбы, наконец названа. Тут пошатнулась, кажущаяся еще недавно колоссом, фигура медика Лестока. Елизавета не могла простить уже то, что в перехваченных Бестужевым письмах ее называют некрасивой, да и Шетарди был ранее сверх меры любезен с императрицей, при дворе даже говорили, что они целовались. А тут такой апломб — шпионские игры.

Еще я понял, что мое поведение в последнюю неделю, начали включать в свои расклады придворные игроки. И Бестужев, и Шувалов за столом вполне себе выказывали интерес к моей персоне, при том, что ранее просто игнорировали, как чудного мопса — полюбоваться можно, но не решать же дела с собачкой. Жуткий пример, но правильный. А мне нужны оба и Шувалов и Бестужев. Уже прокрадываются определенные мысли, которые могут дать и прибыль, и опору в ногах. Да, вопросы прибыли лучше решать с двоюродным братом Ивана Ивановича Шувалова — Петром Ивановичем Шуваловым, но и Иван Иванович не гнушался подзаработать. Да и был последний молодым, годами не критично ушедшим от моих лет. Как казалось мне, более договороспособным.

— Я рада была видеть тебя, дитя, и Вас, сударыня, — на французском языке произнесла императрица, сообщая Екатерине и ее маме, что пора и честь знать, засиделись у сильных мира сего.

При этом я не был упомянут тетушкой, и посчитал правильным не проявить эмоций и сидеть смирно. Но удержаться от того, чтобы под одобрительную улыбку Елизаветы, пристально посмотреть в след своей невесте, не смог. Это не была любовь или какие-то возвышенные чувства, это был интерес к личности великой женщины, которая меня... хочет убить. Мне, Сергею Викторовичу, всегда нравились сильные женщины, как моя Катька, оставшаяся в будущем.

Впрочем, как-то ни разу не рефлексирю по потере жены, с которой не был, как с женщиной больше двух лет и не только по причине болезни. Да и вообще, не хочу обратно, во время, которое у меня ассоциируется с болью и немощностью. Тут же мне все интересно, есть возможность изменить историю, кратю в больших размерах, чем можно было бы это в будущем, влиять на государство. Да и молодое, пусть пока и не складное тело, возбуждает некую эйфорию и жажду действий. Измениться, прожить новую жизнь, и себя изменить и

мир. Это может и пройдет и уже скоро, но пока именно так. Вот она Елизавета, иные вершители судеб, интересно же.

— Судари, думаю, Вам есть о чем поговорить, — произнесла Елизавета и четверо сановников удалились в соседнюю комнату.

— Великий князь! Буду рад в ближайшее время с Вами отобедать. Надеюсь, что матушка позволит нам встретиться после Рождества? — сказал Иван Иванович Шувалов и приобняв Разумовского уже что-то начал говорить тому.

— Почему не рассказал мне, что во время болезни к тебе спускалась Пресвятая Богородица? — задала вопрос Елизавета, как только нас оставили одних.

— Я есть думать, что это горячка и бояться, не верить мне, — ответил я.

— Богохульник! — вскричала Елизавета. — Все медикусы говорили, что умираешь, я видела язвы на твоём челе, а сейчас ты даже похорошел ликом, вытянулся, мужем статным становишься. И что это, коли не божий промысел?

— Простить меня, тетушка, сложно тому, кто до болезни не исполнять обряд, понять, где есть божественный промысел, — я понуро опустил голову и чуть не пустил слезу, отыгрывая растерявшегося подростка.

— Вот ты сейчас недоросль, а с Брюммером был мужем, — Елизавета задумалась. — Какой ты, Петруша?

— Взрослеть, тетушка. Хотеть дела вершить, — ответил я, понуриив голову.

— Ну, буде, племянник, мал ты еще. Вона, как дед твой потешников заведи, да научайся ими управлять. И что там с деньгами, что я даровала тебе после воцерковления? — спросила императрица.

— Брюммеру отдать, кабы увеселения мне делать. А деньги сии мне нужнеть... нужны, — ответил я.

— Брюмера не трогай, он, почитай опора тебе в Голшгинии, я подумаю, как тебе помочь и денег дам — пятьдесят тысяч. Посмотрю, куда ты их употребишь, на какие такие дела. С Шуваловым дела вершить думаешь, чего это Иван Иванович уже тебя приглашает отобедать? Он больше человек Просвещения и науки, но не чурается и коммерцией заниматься. Вот с Петром Ивановичем тебе сойтись, но то дела грядущего, — императрица серьезно посмотрела на меня. — Не нужно тебе прибиваться ни к какой партии, с Бестужевым так же будь любезным. Коли ты такой взрослый, дозволю вольности, как то быть на приемах, но с Каткой будь, отвадь Иоганну от нее. Приятна хоть девка-то?

— Да, нравится, есть юна она, — ответил я.

— А ты, что, Старый? — Елизавета потрепала меня по голове, пренебрежительно сдернув уже опостылевший парик, раздражающий голову, которая постоянно чесалась.

Петербург. Ораниунбаум. Москва. Зима 1745

Социализация прошла успешно. А как еще? Все же я и есть Петр Федорович, пусть уже больше и Сергей Викторович Петров.

После возвращения в Петербург и сложного первого дня, меня мало дергали представлять пред очи ясные государыни, а Брюммер стал более покладист и даже угодлив при общении со мной. Елизавета, видимо, сделала некоторое внушение моему воспитателю и тот, после еще нескольких нелепых, прямолинейных и грубых попыток вернуть ситуацию, где я зависим, а обер-гофмаршал доминант, отстал. Сложился некий паритет, когда я не задеваю воспитателя, и он не требователен ко мне.

Время же течет в этой эпохе настолько размеренно, что срочно, это очень редко прямо сейчас, а чаще завтра-послезавтра, или после праздника, не важно, какого. Пригласил на обед меня Иван Иванович Шувалов, я и жду назавтра, а и неделя проходит, а приглашения нет. И это нормально, никто никуда не спешит.

Если нет приглашений от Шуваловых, как и от кого бы то ни было, решил я наладить отношения с будущей женой. Так, на следующий день, после того, как был обед у императрицы, сразу после заутренней, когда исповедовался и причастился, решил навестить свою невесту. По ее воспоминаниям, изданным в будущем, я знал, что Петр, то есть я, и Катэ вполне себе ладили. В этом варианте истории я не обезображен оспинами, точно не урод, пусть, и пока еще с тонкими конечностями, так почему же не пообщаться. Но... «сударь, принцесса примеряет платье», «принцесса проводит урок по русскому языку» и еще с пяток отговорок. Зайдите после. Избегают меня?

Если нет встреч и развития отношений, нужно заняться собой. Прежде всего, я решил написать бизнес-план своего становления в этом мире. Проанализировать проекты, которые можно без особых усилий внедрить, и успех которых уже доказан послезнанием. Потом переходить к более сложным делам и пробовать реализовать и эти проекты. Так что списывал каждый день не один десяток листов. Правда часть из них были заляпаны чернилами, но ведь для себя писал, чтобы не забыть и попробовать создать систему.

Так же я начал делать упор на свою физику. Работа с собственным телом, поднятие и опускание кровати и других тяжестей. При этом, попросил Краузе помочь мне со спортивным инвентарем. На выручку пришел Бернхольс, который изрядно осмелел после того, как получилось заключить пакт о ненападении с Брюммером. Были заказаны три гири по моим рисункам, пять пар гантелей, а в небольшом дворе того дома, где я жил — деревянный турник и брусья. Не ахти что, занозы появлялись нередко, но работа в деле развития собственной физики началась. Хотел начать бегать. Но негде. Пространства сжаты, небольшой парк есть, но там всегда хватает людей двора, а шокировать их не стоит. Так что кардиотренировки проходят в виде скакалки. Ну и удивил свою прислугу, когда начал мыться два раза в день — после тренировок. Иногда, два раза в неделю получалось упрямить Бернхольца поупражняться со мной в фехтовании. Я был слабым поединщиком, но что отметил «наставник», стал слишком быстр и только время и тренировки стоят на пути становления меня, как неплохого фехтовальщика.

Мои навыки фехтовальщика в том мире, откуда я перенесся сознанием, заканчивались тремя месяцами увлечения японским искусством кен-до, когда нужно было поработать с одним партнером по бизнесу, который был увлечен этим видом досуга. Еще как-то помахал мечом на закрытой вечеринке. И все. Гольштейнский герцог был удостоен мучения уроков фехтования, но не преуспел в них. Так что, есть, куда расти.

— Сударь, а почему Вы не выпишите мне наставника по фехтованию? — спросил я как-то Брюммера.

— Ее Величество сказала, что пока не выучитесь танцевать, то не давать Вам ни воевать, ни фехтовать, — ответил обергофмаршал и я понял, что он не врет, такой тон и подобные решения в духе тетушки.

Танцмейстер Лоде был неплохим малым, знал свою работу, но я не хотел уроков танцев, всем своим сознанием не хотел, предпочитая упражнения на силу, растяжку и выносливость. Батман предпочитал в фехтовании, а не у балетного станка. А Лоде учил не просто движениям, мастер хотел сделать из меня балеруна, или как мужчина зовется, который танцует в балете. Пришлось и в этот раз подчиниться, стиснуть зубы и показывать даже заинтересованность в становлении меня звездой танцполов.

Но больше, чем что-либо меня тянуло к музыке. В том мире, откуда я пришел, владел гитарой на неплохом уровне, закончил музыкальную школу по классу аккордеона. Скрипку ненавидел, но сейчас хочется и на ней помузицировать. Решил я стать новатором в России и заказал фортепьяно из Англии — узнавал, его уже изобрели.

После Рождества состоялся и откровенный разговор с Брюммером. Из трехсот тысяч, которые были мне даны, осталось меньше восьмидесяти двух тысяч. При этом обергофмаршал и не скрывал, что тратил деньги, в том числе на свои выезды и на женщин. Я не стал усложнять отношения с бывшим, как я надеялся, воспитателем и взял себе восемьдесят тысяч, а Брюммер, как распорядитель свадьбы, свое не упустит и так. Тетушка же не спешила давать обещанные на обеде деньги. Да тут все по поговорке «обещанного три года ждут», что немного раздражало.

Так и протекала рутинная, однообразная жизнь — день сурка да и только. Будучи предпринимателем в двадцать первом веке, когда телефон не отключается вообще, привыкнув к молниеносному решению проблем, мне было тяжело смириться.

* **

**Петербург,
дом невесты наследника престола
24 января 1745 г.**

— Мама, Вы отдаете себе отчет, что императрица уже и так Вами не довольна? — спросила Екатерина Алексеевна.

— Ты забываешься, дочь. Да, я твоя мать, даже после того, как тебе по этикету нужно идти впереди меня, — ответила дочери Иоганна Елизавета, подсчитывая золотые монеты из объемной шкатулки. — Могла бы Елизавета и лучше ценить будущую жену наследника.

— Мне намекала графиня Румянцева, что я уже много долгов наделала, — вторила своей матери Екатерина. — А как не наделать? Общество принимает меня только любезной и щедрой. Да и Румянцева не отказывается от подарков. А еще нужно соответственно

одеваться.

— Ничего, станешь женой, Елизавета станет больше давать денег, да и мужу твоему ни к чему такие суммы. При дворе говорят, что императрица дарует ему пятьдесят тысяч кроме тех денег, которые и так ему положены. Еще он приструнил Брюммера и Бернхольца и теперь сам распоряжается деньгами. А у твоей матери уже шестьдесят тысяч рублей долга — все вложены в твое будущее, — сказала Иоганна Елизавета и отсчитала сто монет, которые собиралась взять с собой в поездку по городу.

Сегодня у матери невесты наследника намечалась прогулка по Петербургу, а Екатерина намеривалась сделать заказ на подарок ко Дню Рождения Великого князя. Правда, девушка сомневалась в своем выборе, при дворе поговаривали, что Петр Федорович сильно изменился, похорошел, стал усердно заниматься атлетикой и не играет уже в солдатиков.

Последние увлечения наследника, впрочем, при дворе осуждали. Зачем нужно себя изнурять, для чего? Тем более, что он даже не боевой офицер, волею судьбы подполковник Преображенского полка, но это больше церемониальная должность. Перемены в характере наследника еще больше стали очевидны, когда он освободил фельдмаршала Ласси от ежемесячных докладов ему, по крайней мере, в той форме, что была введена Великим князем еще два года назад. Мало того, его уже давно не видели на разведении караулов у дворца.

Между тем, набожность Петра Федоровича не вызвала сильную тревогу у придворных. Многие объяснили его перемены в отношении к православию как работой признанного духовника Симона Тодорского, так и чудесным спасением, с явлением лика Пресвятой Девы Марии. Были и те, кто хмыкал и говорил о хитрости Петра Федоровича, мол «задурил голову матушке императрице, чтобы та больше денег дала».

Однако, столь разительные для общества перемены вызывали и немалый политический интерес к уже примелькавшейся в светских сплетнях фигуре наследника. Две партии при дворе даже в некоторой мере оспаривают Петра Федоровича, не решаясь сделать решительный шаг навстречу наследнику. Эта нерешительность проявлялась в том, что Великого князя не приглашают ни люди Бестужева, ни люди Шуваловых. Впрочем, последние быстрее входят в фавор к Елизавете и пока в дополнительной поддержке не нуждаются.

— Я его опасаюсь! — выдавила из себя Екатерина мучившее ее уже долгое время признание.

— Поэтому, дочь моя, ты избегала встречи с Великим князем? — испуганно спросила Иоганна Елизавета.

Мать невесты наследника в своих собственных амурных делах, да в процессе добычи дополнительного содержания от кредиторов, как и трате этих средств, упустила важное — дочь не встречалась с Петром Федоровичем уже как больше месяца. А наследник, между тем две недели делал, пусть и робкие, но частые попытки встретиться с Фике.

— Мама он стал другой, смотрит на меня, как... — принцесса замялась.

— Как на женщину? — проявила догадливость Иоганна Елизавета.

— Взглядом старика в теле мальчика, — нашлась Екатерина. — А еще я поняла, что ему не следует лгать, или льстить. Как вести себя с ним?

— Не выдумывай, Фике, — начала было Иоганна, но была перебита.

— Мама, называйте меня, Екатерина, это важно, мама. Я православная и становлюсь русской, Фике умерла, когда мы прибыли в Петербург, — возмутилась Екатерина.

— Помню тот приезд. Когда императрица подарила нам дорогие шубы еще в Риге, где был этот симпатичный, с выдающимся носом, ротмистр барон Мюнхаузен, я была уверена тогда, что пенсия будет многим больше. А не так, что деньги считаем, — перевела вновь тему разговора на свою «боль» Иоганна Елизавета.

— Мы таких денег никогда ранее не видели, мама, а в Сан-Суси, у дядюшки Фридриха, так и вовсе не было платья, чтобы встретится с королем. Ему Вы не высказали тогда претензий, — сказала немного обиженная Екатерина, впрочем, матери, как всегда, не было дел до переживаний дочери.

— Так это же Фридрих. Пруссии, чтобы выжить и возвыситься нужны деньги. А тут Россия. Зачем им вообще столько золота? — сказала Иоганна, но, увидев, как глаза дочери увлажнились, решила вернуться к теме тревог маленькой Фике. — Просто мальчик стал мужчиной, вот и смотрит на тебя, как на женщину, ты еще поймешь, как это приятно, чтобы мужчина... Впрочем, я не могу тебе этого рассказывать. Прими его таким и обязательно встретись. Если он почувствует от тебя безразличие, то и свадьбу может отменить, мы же в дикой России. И кому тогда ты будешь нужна, перезрелок, брошенная невеста?

Пусть Екатерина и хотела огрызнуться матери за «перезрелок», но Иоганна оказалась права. Страхи, с ними нужно бороться. Еще бы мать научила флирту, а то невеста наследника только и знает, что он есть, этот флирт. София Фредерика, несмотря на постоянные поездки с матерью, воспитывалась в строгой лютеранской традиции, в том числе и подчинения мужу. И в этом воспитании не предусматривались разговоры об особенностях плотских утех, как и о причинах деторождения. Да она только догадывается, что должно случиться в первую брачную ночь и уже не раз плакала по этому поводу, представляя что-то непотребное, страшное. Но корона... Елизавета Петровна, имея очень сомнительные права на престол, подняла гвардию. А если она, Екатерина, родит законного наследника, да еще и мальчика, то регентство обеспечено, нужно только смести мужа. И вот того Петра Федоровича, что беспробудно пьет, играет в солдатики, не умеет к себе располагать, как только пользоваться благосклонностью императрицы, она бы смела безумца. Но что ты такое, нынешний Петр?

* **

**Петербург,
10 февраля 1745 г.**

Перед моим Днем Рождения, впрочем, так тут никто не говорит, я еще раз встретился с императрицей, которая долго выпрашивала меня, зачем и почему я себя истязую. Но уже было видно и не вооруженным взглядом, что тренировки и хорошее, правильное питание, прибавили мне мяса на теле. Ноги уже не такие и плоские палки, руки немного, но уже имеют рельеф, непропорциональный живот почти исчез. Поэтому тетушка не стала выговаривать мне, а, напротив, попросила продолжать, чтобы дамы при моем появлении томно вздыхали, а Екатерина, наконец, соизволила пообщаться.

Императрица была в курсе того, что мы не виделись с Екатериной Алексеевной, и спрашивала о необходимости ее вмешательства, но вот чего не нужно, так это требовать от невесты встречи с женихом. На вопрос же о том, что подарить мне на именины, так как такого, изменившегося, наследника она плохо знает, ответил просто — деньги, чем расстроил тетушку и был обвинен в прусском скупердяйстве и подражательстве королю

Фридриху. А еще государыня дала понять, что с таким подходом, я вообще ничего не получу.

Ну а после очередной встречи с государыней, словно прорвало плотину, все при дворе стремились к общению со мной и я уже вспоминал те полтора месяца затворничества, как благодать.

Первым меня пригласил на охоту Алексей Разумовский, скорее всего по личной просьбе Елизаветы Петровны. И этот факт при дворе быстро проанализировали и приняли к сведению, что государыня благоволит племяннику. Что такое «охота» по мнению Алексея Григорьевича Разумовского? Да то же, что и у других рыбалка, но с еще большим количеством алкоголя. Фаворит тогда вырвался из клетки, и было уже не ясно, кто кого на самом деле выгуливает. Но мне нравился этот человек. Своей непосредственностью, мудростью, но такой — народной, без лишней интриганской лжи, а с хитрецей.

Простота общения с Алексеем Григорьевичем резко контрастировала с лицемерием, творившимся при дворе. Кто на кого посмотрит, как именно прикусит губу государыня, кто стоит рядом с ней по правую, а кто по левую руку — это то малое, что влияет на внимание при дворе, или игнорирование человека. Один персонаж на одном мероприятии за пару часов мог быть как милостиво принятым двором, так и стать изгоем. Со мной было так, что двор просто не понимал, как относиться к наследнику, который вроде бы глупый взбалмошный мальчуган, но что-то тут уже не так. Как коршуны крутились вокруг, не решаясь начать беседу. Сейчас же не успевал воспринимать потоки из пустого словестного кружева.

В Царское село, рядом с которым и была организована охота, прибыл вдруг и Иван Иванович Шувалов. Он толи усыплял бдительность Алексея Разумовского, подчеркнуто и дружеской манере всегда общаясь с императорским фаворитом, то ли действительно был привязан к Разумовскому. А может и то и другое в разных степенях.

Однако, именно этот визит и следовало использовать для начала реализации некоторых своих планов. К сожалению, при всех этих положительных качествах широкой русской души Разумовского, он не был ни разу предпринимателем, замыкаясь, в лучшем случае, на помещичьем хозяйстве и не расширяя кругозор в вопросе зарабатывания денег. Иван Иванович так же не блистал финансовым гением, но не гнушался начать и прибыльное дело, особенно для демонстрации своей самостоятельности своим кузенам-графам Шуваловым.

Вот Петр Иванович Шувалов, не гнушался зарабатывать хоть на малом, но главное получить хоть копейку прибыли. Однако, данный персонаж меня толи игнорировал, то ли был занят чем-то важным. А скорее всего, просто считал никчемным мальчишкой, на которого стоит тратить своего времени ровно столько, чтобы не вызвать укора от государыни.

Иван Иванович же слыл человеком Просвещения, переписывался с Вольтером и даже пересылал тому деньги, ратовал за образование и культуру, был меценатом ученых, прежде всего Ломоносова. А вот средства для своей деятельности просветителя он брал и из коммерческих предприятий в том числе. В виду своего широкого кругозора, этот персонаж может пробовать новаторские для этого времени методики вытягивания серебра из кошель и дворянства и купечества, да и мещан. Ну и еще один факт — Иван Иванович, молодой человек, чуть за двадцать лет, входил в фавор и все чаще бывал рядом с императрицей. Вот ему то и нужен дополнительный фактор, такой, как дружба с наследником престола, любимого племянника.

Внимание со стороны Ивана Ивановича вызвано еще и тем, что младшего из Шуваловых

ранее называли «бедным родственником», бывшего двоюродным братом ближним сподвижникам Елизаветы и участником переворота 1741 года Петра и Александра Шуваловых, но не могущего с ними сравниться в финансовом благополучии. Сейчас же назвать Ивана Шувалова «бедным» не повернется язык ни у кого. Да, до своего кузена Петра Ивановича еще очень далеко, но звезда Ивана постепенно, но неуклонно всходила. Меня же использовали, чтобы еще на шагок приблизиться к государыне, которая меняла отношение к своему племяннику.

— Ваше высочество, — обратился Иван Иванович.

— Я же просил без чинов, — перебил я Шувалова, демонстрируя уже неплохое знание русского языка.

Еще бы не знать русский. Я демонстрировал усердие в его изучении и днем и при свечах, что и китайский выучить можно, тем более, если он уже и так родной язык.

— Да, конечно, Петр Федорович. Я посмотрел рисунки, кои вы дали и могу сказать, что, еже ли это работает, то великое дело Вы сделали для России, — сказал Иван Иванович, отрезая кусок мяса от зажаренной на углях кабаньей ноги.

— Иван Иванович, я есть корыстный человек, за начинания, — я улыбнулся и поднял вверх бокал с клюквенным морсом, Шувалов поддержал меня вином.

— Вы хотите за это изобретение денег? — спросил напрямую меценат и новатор.

— Безусловно. И я считать, что любой труд или изобретение нужно платить. Сколько за год только в Петербурге стораёт строений от молний? — спросил я и видя запущенные в умной голове Шувалова мыслительные процессы, продолжил. — Не утруждайтесь, Иван Иванович. Это много, а в России еще больше.

— Но, еже ли Ваше изобретение работает, то нельзя строить без оного. Тогда, сколько Вы хотите денег за молниеотвод, как вы его назвали, если он, конечно, работает, — с неким прищуром, напомнимый образ хитрованского купца, спросил Шувалов.

— Мне хватит тридцати тысяч, — спокойно ответил я.

Шувалов не испугался цифры, при том, что она была существенная и для него. Для сравнения — это строительство полностью оборудованного линейного корабля и еще год его содержания с командой.

— Это не мало, — сказал Шувалов и почесал запястье левой руки.

— Это не есть все, Иван Иванович, — я улыбнулся, так как некое прогрессорство началось и теперь я уже полноценный попаданец.

— Удивите, Петр Федорович, — сказал Шувалов, наливая очередную порцию вина себе в бокал.

— Извольте, — я так же отпил морса. — У Вас же есть поместья и немало земли. У такого человека должно быть преизрядно землицы. Я прошу частью посадить свеклу на полях. Есть светлая, которая достаточно сладкая. А потом нужно выбирать семена самой сладкой свеклы и вновь высаживать.

— Зачем? — недоуменно спросил Шувалов.

Сказать, что Иван Иванович был ошарашен, ничего не сказать. В будущем это состояние могут назвать когнитивный диссонанс. Недоросль, что только несколько месяцев назад и порусски не говорил, сейчас играет с ним, указывает, что нужно высеивать на полях. Ему — почти уже опытному помещику. Но, Шувалов решил дать шанс мне. Если я не окажусь прожектером, то весь клан Шуваловых будет прислушиваться, а он, Иван станет в этом первым, кто рассмотрел возможности.

— Сахар. Я знаю, как можно делать сахар не дорогуший из тростника, а дешевле из свеклы и у нас, тут в России, — я сделал паузу. — Как видите, я есть откровенен, знать о такой разработке — это тоже деньги. А начать промысел сахара — большие деньги.

Заветное слово прозвучало и слово это «деньги». Если Шувалов хоть малую долю, но воспринимает меня всерьез, то подобный проект не упустит. А я действительно знаю принцип изготовления сахара из свеклы. Правда, овощ, который растет сейчас, имеет меньше сахара, и чем тростник и сахарная свекла будущего. Но и это прибыльно. Англичанин, имя которого и не помню, только где-то к концу века докажет саму возможность использовать свеклу, а массовое производство сахара по этой технологии начнется только в XIX веке и будет приносить колоссальную прибыль.

— Если это так, то я вложусь и даже найду приказчиков, но нужно убрать все сомнения и доказать состоятельность промысла, — показал, наконец, заинтересованность Шувалов.

— Пришлите надежного человека, я опишу все действий. Это наследие мое от отца, который не успеть обогаща... разбогатеть на этом. В наших интересах не знать никому иному о сим. Но есть еще одна, пока конечный просьба, — я опять улыбнулся, понимая, что собеседник уже устал от деловых переговоров, да и вино начинает сказываться. — Помогите купить большой дом в Петербурге. Денег за пятьдесят-шестьдесят тысяч.

— Страшусь спросить зачем, — улыбнулся Шувалов, но дал согласие озадачить своих приказчиков.

Ну а я устрою своего рода проверку на профпригодность своему человеку, чтобы он имел возможность стать тем самым «своим». Я приблизил к себе Тимофея Герасимовича Евреинова, которого и планировал сделать распорядителем в своих комерц делах.

Когда давным-давно в будущем читал мемуаристку Екатерины Великой, что так долго меня избегает в этом мире, восхищался некоторыми способностями Тимофея Герасимовича — еврея-выкреста, но сохранившего находчивость и пронырливость, присущие иудеям. Благодаря Евреинову Екатерина, по ее же описанию, всегда была в курсе всех событий, Тимофей выполнял даже некоторые пикантные задания моей будущей жены. Имел он и связи в купечестве и среди евреев-промысловиков, а и в среде русского купечества. Пусть в этот раз послужит мне, как и его брат, но после проверки.

А задумал я ни много, не мало, но маленький Лас-Вегас, пусть и всего в одном доме. Развлекательный комплекс из небольшого казино, ресторана с музыкой, отдельными номерами для желающих уединиться в максимальном комфорте. Тут же и предложить новые игры в виде классического для меня покера, но пока еще не распространенного в этом времени. Были какие-то игры-прототипы покера, но мене развитые, к примеру «фараон». Может быть и блэк-джек. Думаю, что вполне реально оборудовать и бильярдный стол в рулетку.

Да, сложность в разрешении Елизаветы, которая в обществе позиционировала себя как ревнительница морали. Однако, думаю, мне в сговоре с Шуваловым, да еще при правильных словах, можно уговорить императрицу не чинить препятствий в этом деле. Была сложность и риск данного проекта, так как по закону играть в карты могли только дворяне, но на первых порах и этого хватит.

А еще кухня. Тот же салат «Оливье» в ресторанном варианте, где и раковые шейки и икра, или селедка «под шубой», да много можно вспомнить блюд, для сегодняшнего времени экзотические, обыденные в будущем. Ресторанов в этом времени нет, даже во Франции, я узнавал. Корчма или трактир же слишком демократичное заведение, чтобы без особой

нужды там развлекались богатенькие дворяне.

Если такой проект сработает, то дворянство Петербурга, все же жаль, что Елизавета запрещает недворянам играть в карты, раскошелится, втянется и понесет свои звонкие монеты. Внедрить можно и фишки, которые в истории появились, должны появиться, только в 1752 году. Что нужно: здание, подготовить людей, прикрыть заведение персоналией наследника престола, а лучше Шуваловых. И после финансировать армию и флот из получаемой прибыли.

В той, прошлой жизни, у меня были два ресторана, так, больше для души. Любил я это дело. Первоначально жена просила дать ей бизнес, но Катя быстро охладела к ресторанному бизнесу, а я, напротив, иногда увлекался личным управлением ресторанами. Так что опыт есть и грех его не использовать. История же показывает, что подобные заведения пользовались огромным успехом и приносили колоссальные прибыли. Да, первый ресторан в Париже прогорел, но там было допущено множество ошибок, как по кухне, так и по организации. В каждом новом деле всегда множество «детских болезней», послезнание же позволит создать продукт, который будет близок к конечному, что прошел сложный путь эволюции.

* * *

Петербург

12 февраля 1745 г.

— Ваше Высочество! К вам принцесса Анхольт-Готторбская Екатерина Алексеевна, — осведомил меня Евреинов.

— Проси! — сказал я, быстро поправляя одежду — это хорошо, что еще не начал тренировку, а то пришлось бы долго ожидать невесте своего жениха, могла счесть и за некую месть и невежество.

— Ваше Высочество! — Екатерина изобразила книксен у входа.

Вместе с принцессой пришел и Брюммер и Бернхольдс, которые при таких встречах должны находиться, дабы не дискредитировать молодых, но сейчас я бы хотел пообщаться с Фике наедине. Да и вообще вот этот контроль, как будто молодые люди сейчас накинутся друг на друга в порыве страсти, лишнее. Во первых, я до болезни в Хотилово о том, откуда дети берутся, имел очень смутное представление, несмотря на то, что слышался в детстве похабщины при дворе своего отца, а после и на вечеринках Брюммера, столько было сказано, что и стены не каждого трактира слышали.

Девочку трясло, я был взволнован, но не подавал признаков эмоционального возбуждения. Да и Екатерина держалась, ее выдавали только чуть подрагивающие руки и то, как очень мило она покусывала губы.

Хотелось ответить стихами Александра Сергеевича, нашего «все», но сдержался, хотя уже принял решение о плагиате достояний русской литературы будущего, если это будет нужно для создания образа. Но, пока не время светить своими «талантами», как и разговаривать на русском языке, тогда как я не знал ни французских стихов, ни немецких. Поэтому появления наследника-пиита «вдруг», да еще и на русском языке — это слишком, пока слишком. Так что ответил комплиментом:

— Спасибо, что пришли, теперь в этом темном месте стало больше света, ибо вы лучик красоты и света, — сказал я, при этом жестикулируя.

— Но не яркое солнце, как императрица? — подловила меня Екатерина, припомнив слова, что я произнес во время обеда у тетушки.

— Вы прекрасный цветок, который уже красив, но до конца не раскрыл всей своей прелести, — упражнялся я в словоблудии.

Я не так уж и хотел смутить свою гостью, да и не были мои слова элементом обольщения. Я, как говорят разведчики, «качал» ее, пытаюсь понять, что за «бутон» достается мне, и какой цветок из него расцветет, если я, Петр Федорович уже другой.

— Вы не были таким галантным ранее, сударь. Я как будто говорю с опытным обольстителем и прошу Вас, сударь, не смущайте меня, так как я не опытна в подобных разговорах и затрудняюсь в ответах, — ответил мне звонкий, пронизывающий голосок.

— Сударь, оставьте нас, пожалуйста. Даю слово, что ничего предосудительного не случится, — попросил я Брюммера выйти.

— Зачем Вы захотели остаться со мной наедине, при этом, не испросив моего позволения? — у невесты послышались стальные нотки в голосе. По крайней мере, стало понятно, как таким нежным, казалось бы, голоском, миниатюрной женщины, можно отдавать приказы сильным мужчинам.

— А Вам, сударыня, не кажется, что избегать меня, вашего будущего мужа, более предосудительно. Я ждал этой встречи шесть недель, чтобы говорить в присутствии соглядатаев? Не сильно много на нас с Вами двоих этих самых соглядатаев? — спокойно, но между тем твердо, проговорил я.

— Но именно я пришла к Вам, вы уже давно не делали попытки встретиться со мной, — пошла в свою атаку девушка с задатками великой женщины.

— Если дело касается женщин, то не считаю вежливым навязывать себя, тем более, что попыток встретиться с Вами я сделал предостаточно, чтобы понять о отсутствие вашего желания видеть меня. Но полно об этом, Екатерина Алексеевна. Вопрос в другом, Вы здесь и я рад этому. А обоюдные претензии не способствуют беседе жениха и невесты. Как Вы смотрите на то, чтобы прогуляться в саду? Погода солнечная, а дорожки почищены, — говорил я и вглядывался в бездонные серо-зеленые или больше все же карие глаза. Цвет был непонятен, но глаза были глубокими, наполненными смыслами.

Эта девушка не могла быть пустой, только занимающейся одеждой и поиском развлечений — что я некогда для себя взял во главу угла образа Екатерины. До болезни считал ее глупой, но глуп был я, если не усмотрел разума в девочке. Ну и еще... теща постаралась внести свою деструктивную лепту.

Мы вышли во двор, направились в сторону Зимнего дворца. Не того, большого, способного вместить всю императорскую семью, а только лишь один из больших домов в Петербурге, может и не самый просторный, по крайней мере, не удовлетворяющий потребностям императрицы Елизаветы и ее двора. Но тут был парк, и он был прекрасен, пусть и не большой.

— Вы боитесь выходить замуж не по любви? — задал я вопрос своей невесте, от которого она вздрогнула.

— Я буду стараться Вас полюбить, Петр Федорович, — ответила после паузы Екатерина.

— Пусть любовь это и работа на двоих, но старание, думаю, не поможет. Пока я бы хотел, чтобы Вы стали для меня близким другом, а я для Вас. Мы будем супругами, но еще хотелось бы стать друзьями и соратниками, — я остановился и взял Екатерину за руку, от

чего она вздрогнула.

— Как Вы это видите? — спросила Екатерина.

— В мелочах. Мелочи составляют большее, — говорил я, не отпуская руки Фике, впрочем, она не спешила ее убирать. — Вы дарите подарки придворным дамам, прислуге и может это и хороший ход. Но, если мы соратники, дарите от нашего имени, как уже от семьи, я даже могу быть в доле деньгами. Потом будут начинания, и я буду ждать от Вас и в этом поддержки. Ну и без интриг за спиной — предательства не потерплю.

Екатерина выдернула руку и вначале с испугом в глазах, а после и с неким вызовом посмотрела прямо в глаза.

— Я поняла, — твердо произнесла девушка и направилась в обратную сторону, показывая тем самым, что хочет завершения разговора.

Констатация факта встречи — она не случилась продуктивной. Может я и твердолобый и не правильно себя повел, но и мне не нравится, что пришла такая вся из себя, благодетельствовала, а потом в дневниках напишет, как урод Петька угрожал ей и грубил, или еще чего наскребает пером, чтобы очернить меня. Нет, пусть сразу понимает, что я не дам себя сожрать.

— Тимофей! — позвал я камердинера, который намного лучше справлялся со своими обязанностями, чем Бурнхольц, который оставался с приставкой «обер», то есть главный. К чести голштинца нужно отметить, что без полного контроля от Брюммера он начинает проявлять себя с лучшей стороны.

— Ваше Высочество! — зашел в комнату Евреинов.

— Большой букет самых красивых роз отправь Екатерине Алексеевне. И еще... нет вестей от Ивана Ивановича Шувалова?

— Вестей нет, о букете понял. Позвольте высказать восхищение, как скоро вы стали чисто говорить на русском языке, — Евреинов поклонился.

— Полноте, Тимофей Герасимович, — отмахнулся я.

* **

Петербург

Февраль-март 1745 г.

День Рождения прошел феерично, и это не фигура речи. Был фейерверк, что-то вроде ночного бала. Елизавета вообще постоянно устраивала праздники по ночам.

Государыня исполнила «русскую», я потанцевал с Екатериной. И в целом, невеста вела себя благосклонно. Может потому, что у нее в покоях не успевали застаиваться цветы, может из-за подарка — приятного ожерелья с еще более приятными брильянтами, которое обошлось мне аж в полторы тысячи рублей. Я, можно сказать, ухаживал за принцессой, а точнее, по моему указанию, ей делал подарки Евреинов. Но на то я и Великий князь, чтобы давать указания исполнителям. Сам же все больше занимался собой.

Прибыл учитель фехтования некий Франческо Костелано — итальянец, который был с одной стороны мастером клинка, с другой же, его искусство было заточено на дуэльные поединки, но в меньшей степени для боя. Месяца два позанимаюсь с ним и попробую кого из гвардейцев в качестве спарринг-партнеров.

Я входил во вкус, иметь молодое тело, обладать отличной реакцией и присущее мне, Сергею Викторовичу Петрову, упорство и характер это второе дыхание, попытка сделать еще

лучше, чем было в иной жизни. Начиная добиваться вполне неплохих результатов, я с фанатичным рвением увеличивал нагрузки. Для сравнения — после болезни ни одного отжимания сделать не получилось, сейчас три подхода по десять делаю. И еще я расту. Стать более чем двухметровым гигантом не суждено, вряд ли получится догнать деда в этом, но то, что буду ростом выше среднего, точно.

Исследователи моей личности уже в современном периоде утверждали, что я был метр восемьдесят, не меньше, тот же Мельников писал об этом, я когда-то читал, правда без пристального внимания, сильно умная книженция оказалась. И я действительно не низкий, ну а остальное дело труда и системных тренировок.

Так вот о Дне Рождения. Иван Иванович Шувалов оказался прохвостом еще тем и подарил мне тридцать тысяч рублей, те, что я просил за молниеотвод. Сам же, небось, за него от императрицы захочет получить больше. Ну да ладно, других подарков так же хватало. Угодил Бестужев-Рюмин, преподнеся турецкий ятаган с украшенным камнями эфесом. Имел я слабость к холодному оружию, пусть и не был в прошлой жизни ни разу фехтовальщиком.

Но во время любых приемов и празднований меня озадачивала главная, как я считал, проблема — отсутствие команды. Все окружающие люди были угодливы, старались усмотреть выгоду. Много лжи и притворства — с такими творить не получится. Присматриваясь к людям при дворе, не мог вычленить никого, кто мог быть действительно мне полезен. Как и не наблюдал вероятных единомышленников. А без людей, команды, создать что-либо нельзя. В другой жизни вокруг меня обитал целый сонм профессионалов, которым в какой-то момент можно было дать абстрактную цель типа «увеличить ликвидность металлургического завода на десять процентов» и все, придумают, как именно этого добиться и сделают. Возможно, в какой-то степени это и расслабляло, и пропадал хищнический азарт в бизнесе. Тут же все с нуля.

Много думая над своим будущим, планируя, постоянно спотыкался на фамилию Миних. Прогонял эти мысли, но вновь натыкался на личность фельдмаршала. Был бы он не в опале, не было бы и проблем затащить к себе в проекты этого инженера. Но он в Сибири и тетушка, вроде, как и не думает о возвращении Христофора Антоновича, как его звали на русский манер.

Вот же недооцененный человек в истории России. А всего-то был верен присяге. Взять ситуацию с, ныне арестованным малолетним Иваном Антоновичем — за этого ребенка и его именем Миних арестовал Бирона, чтобы герцог не стал мутить воду в пеленках императора-младенца. А после, надеюсь, уже такой истории и не будет, пытался образумить и защитить меня во время катерининского переворота. Не уверен, что Бургард Христоф был великим военачальником, побывал в крымском Бахчисарае, пока это еще не стало мейнстримом, но решающей победы не добился. Может и человек сложный, как описывали его современники. Но это он доводил все дела до нужного результата, это он брался за невыполнимые задания и с честью выполнял их все, прежде всего в области инженерии.

И как я не пытался найти аргументы для разговора с тетушкой, чтобы та позволила вернуть Миниха, как не придумывал комплименты, ничего не выходило. Если Миних честен своей присяге, и жив затворник Иван Антонович... Обиженный фельдмаршал, русский немец может и строить планы по возвращению брауншвейской династии на русский престол, по крайней мере, этого может опасаться Елизавета, патологически страшившаяся переворота.

И в этом ключе я не понимаю, почему жив некоронованный император Иван. Можно

заниматься самокопанием, поиском гуманных начал и страха греха детоубийства, но все бессмысленно и не рационально, если из-за этого мальчика развернется гражданская война. Да он и Елизавете в некоторых местах сковывает руки и лишает возможностей. Та же сибаритствующая эпикурейская гвардия не обязательная опора трона. Гвардейцы как принесли на своих руках дочь петрову к трону, так в простыне могут ее оттуда и унести, стоит, к примеру, ужесточить тренировки «лучших» бойцов России, да вино ограничить.

И так со многим. Ну, подстрой ты смерть мальцу, который и так живет хуже смерти, пусть всем станет лучше, пусть его отец Антон Ульрихович со своими дочерьми едет в родной Брауншвейг. Нет же, нужно держать взаперти Ивана Антоновича и его семью, отвлекать две роты солдат на их охрану, мучать и девочек и вдовца Антона Брауншвейского. Да что он значит без сына Ивана? Столько судеб ломается, столько оглядок на проводимую Елизаветой политику? Да, обещание не казнить, но что есть это обещание, когда ты ответственна за миллионы жизни и всю Россию! Но этого я тетушке не скажу... Может это страх обрушения всех ветвей Романовых, ведь остался только я и он, Иван. Потому и жив затворник.

На праздновании моего Дня Рождения 12 февраля пришлось выдержать пикантную проверку, уж не знаю, кем организованную. Склоняюсь, к Екатерине, но, она все же кажется еще не сильно искушенной в интригах, тем более в амурных. Может ее матушка поспособствовала, есть вероятность и проверки со стороны Елизаветы Петровны.

— Петр Федорович, Вы скучаете? — подошла ко мне симпатичная особа в лице Матрены Павловны Балк-Полевой. — Такой кавалер и без дамы? Не против моей компании.

Молодая девушка озорно посмотрела на меня, а после быстро отвела взгляд, притворно смущаясь. Этот прием был выполнен топорно и мог вызвать смех. Симпатичная, можно сказать даже красивая девушка, которую я видел еще до болезни лишь мельком, не могла находиться на празднестве, так как не была ни фрейлиной Елизаветы, ни принадлежала к семье из высшего эшелона власти. Но девушка была на балу и стреляла голубыми глазками, вот только нервозность и избыточное волнение выдавали ее неопытность в искусстве флирта.

— Сударыня, я рад, что меня облагодетельствовало своим вниманием столь прекрасное создание, жаль, но позволю себе заметить, что влюблен и это чувство неотвратимо покоряет мое сердце, пребывая в неге фантазий и предвкушая таинство венчания. Екатерина Алексеевна без баталии и единого выстрела привела к покорности мою мужскую сущность, — сказал я и удовлетворенно улыбнулся.

Тогда я сам себе поаплодировал и за высокий, как мне показалось, стиль и за то, что вовремя начал свое признание Екатерине, когда рядом проходила статс-дама Мария Андреевна Румянцева, являющаяся, в том числе и надсмотрщицей моей невесты и статс-дамой императрицы. Пусть передаст слова и Елизавете и Екатерине. Да и то, что я не поддался на флирт Матрены, такой наивный, неумелый, придавало мне некие бонусы в отношениях с будущей женой. А то, что Румянцева «случайно» проходила мимо, снимало всякие сомнения о действительном интересе со стороны Балк. Жаль девочку, ведь в обществе ее попытка флирта вряд ли будет принята без осуждения, тем более, что кроме статс-дамы Румянцевой рядом оказались фрейлины, которые побежали обсуждать такой афронт.

Москва

Апрель-май 1745 г.

В апреле 1745 года двор выехал в Москву, где предполагалось пробыть до лета, может и до Петрова дня. Выезд был приурочен дню коронации Елизаветы Петровны 25 апреля.

Еще до выезда в Первопрестольную, аккуратно после моего Дня Рождения, стало известно, что тетушка собирается подарить молодоженам поместье в Люберцах. Ну, может не столько поместье, сколько дворец, но я предполагал использовать этот подарок максимально, в моем понимании, выгодно. В самом начале марта был послан в Москву Тимофей Евреинов, чтобы понять, что там с предполагаемым подарком. Приказчик Ивана Ивановича Шувалова, к которому я обращался через Бернхольца, нашел несколько человек с опытом управления поместьями, строительством и, как это бы сказали в будущем, — ландшафтного дизайнера.

Я не хотел заселяться в заброшенное «наследие» Светлейшего князя Меншикова. То, что дарует императрица, должно работать и приносить пользу, а не сплошное сибаритство, основанное на пьянстве и разврате. В Люберцах я хотел сделать многое: создать оранжереи с выращиванием теплолюбивых фруктов и ягод, собирался засеять поля картофелем, кукурузой, ячменем, овсом, сахарной свеклой, отказавшись временно от ржи. Предполагал организовать сахарный заводик через год-два, если эксперимент удастся. Картофель, кукуруза должны пойти прикормом для свинокомплекса и коров, овес прикормом для лошадей. Это для «потешных» полков, чтобы питались на месте, да и помогали в хозяйстве. Вот для организации большого хозяйства, был отправлен Тимофей Евреинов и его брат Петр. Выкрестам поручено купить землю вокруг той, что будет принадлежать мне по праву. Ненужно, чтобы картофельные поля начинались сразу в метре от дворцового крыльца, а вот километра полтора-два парковой зоны и уже после сельское хозяйство и фруктовые сады, это более правильно.

Да, я намеривался создать потешные полки, которые, впрочем, потешать не станут, а будут обучаться новому строю и тактикам. Пока это будут две роты, на их основе сформирован полк, дальше «будем посмотреть», хотелось бы полк преобразовать в дивизию, но десять тысяч личных войск... На данный момент это выглядит фантастично.

Выделил я на мероприятия по сельскому хозяйству, как и на строительство казарм аж пятьдесят тысяч рублей. Это «аж» было для меня огромной суммой, команда сельскохозяйственного десанта же засомневалась в достаточности суммы, когда прониклась масштабами строительства и преобразований. Но это не слишком большая проблема, так как все и сразу я не жду, этапы и очередность работ выстроены и на последнем месте стоит косметический ремонт самого дворца и облагораживание парка рядом, на что, я очень надеялся, даст денег тетушка.

* **

Район Новгорода Великого

14 апреля 1745 года

— Ха-ха, дочь моя, неужели Вам не весело? — спросила Екатерину Иоганна Елизавета, чуть отсмеявшись после очередной шутки графа Андрея Гавриловича Чернышова.

Однако, Екатерина была обескуражена вниманием со стороны мужчины именно к ней, а ему уже за сорок лет. Возраст, конечно, мало имеет значение, но не в случае с невестой

наследника престола российского. А мама, как будто и не замечает, что знаки внимания Чернышова только лишь вскользь адресуется к Иоганне Елизавете, но целенаправленно бьют по Екатерине.

Недалеко от Новгорода карета невесты наследника двигалась в большом поезде части двора в направлении Москвы. Уличив момент, когда статс-дама Румянцева решит проехать часть пути в другой компании, Чернышов решил поиграть в тайные знаки, и намеки в отношении, прежде всего, принцессы и ее матери, во второй ряд [Екатерине действительно приписывали симпатию с графом Андреем Чернышовым. Ходили слухи о том, что они целовались. В своих дневниках Екатерина упоминала о признании от Чернышова в симпатии, но утверждала, что дальше отношения не зашли].

Андрею Гавриловичу действительно нравилась Екатерина, рядом с ней он чувствовал себя и моложе и вдохновенным. Понимал ли уже далеко не мальчик Чернышов, что такая связь может сулить проблемы? Да, понимал, но где вероятность проблем, там часто и возможности. Так что Андрей Гаврилович не спешил заставлять себя избавиться от этого «беса в ребре» и попробовать добиться благосклонности Екатерины.

Были ли и другие факторы, которые влияли на поведение графа? Да. Пусть и завуалированная, но просьба от самой императрицы «прощупать» характер невесты наследника так же имела место быть. А то та уж больно правильной кажется. Ну и желание Андрея Гавриловича немного «насолить» Великому князю, что не отлучив официально от себя, по сути, прекратил отношения с ранее любимым графом. Это он, с одобрения Брюммера, за почти безграничное финансирование от гольштейнского обергофмаршала, оказывал ряд услуг наследнику: покупал и прятал вино и пиво, часто сопровождал на охоте и подливал вина, подбирал симпатичных девиц для забав Петра Федоровича. С последним, правда были странности — наследник не возлег ни с одной из красоток-прислужниц, хоть и восхищался, когда девицы маршировали с оголенной грудью. Так что скучал Чернышов и думал, как не потеряться при дворе после уже сложившейся по факту отставки от Великого князя.

— Простите, мама, я все думаю о Петре Федоровиче, — виновато ответила принцесса.

— Это правильно, дочь моя, скоро ты станешь женой наследника и нужно думать и о нем тоже, — Иоганна Елизавета выверенным выстрелом шаловливых глаз стрельнула в сторону одного из красивейших мужчин двора графа Чернышова. Граф, как заправский дамский угодник, похотливо бросил взгляд на мать невесты наследника, потом и томный взор на Екатерину. Опытный лавелас хитро распределял свои лучшие взгляды

— Граф, — обратилась Екатерина, в этот раз не предав значения тайному знаку внимания опытного мужчины. — Вы же близкий друг его Высочества. Ваши слова о Великом князе, как мне кажется, разнятся с тем, кем именно является Петр Федорович.

— Все так, любезная Екатерина Алексеевна, — ответил Чернышов чуть ли облизываясь на Альхальтцербску нимфетку, но не забывая одаривать намеками и ее мать. — К сожалению, нужно признать, что был близок к Петру Федоровичу. Нынче Великий князь мало нуждается в моих услугах. Вина не пьет, девиц и слуг маршировать не учит, собаки чаще в вольере, чем в его опочивальне. Петр Федорович все больше занимается атлетикой, читает и что-то пишет, постоянно пряча записи в сундук под замок. Даже больше, дела сердечные не увлекают наследника.

— Не соглашусь с Вами, граф, — решила поучаствовать в разговоре Иоганна Елизавета, которая скорчила недовольную рожицу после очередного томного взгляда Чернышова на ее

дочь.

Бецкого пришлось оставить в Петербурге, императрица не собиралась его брать с собой, так что будущая теща наследника престола российского, рассчитывала на очередную интрижку в дикой купеческой Москве, пока покоритель ее сердца Бецкой остался в столице.

— Я знаю, сударыня, что Великий князь оказывает Екатерине Алексеевне знаки внимания, одаривая ее цветами, это при дворе все знают, — Андрей Гаврилович широко, призывно улыбнулся, что даже Иоганна Елизавета чуть смутилась, не говоря уже о неопытной в кокетстве Екатерины.

— А еще он подарил богатые подарки моей дочери, не меньше чем на три тысячи рублей, — вновь проявила свою падкую до денег натуру Иоганна.

— Говорят, что он потратил и все пять тысяч. Никогда не думал, что Петр Федорович станет столь щедрым, раньше он скорее потратил бы деньги на добрый штуцер или породистого щенка. Признаться, я огорчен, что Петр Федорович изменился, — сказал граф и поправил подушку, чтобы поудобнее сидеть, только что карету качнуло на очередном ухабе и подушки съехали из-под седалища.

Екатерина, было дело, хотела возразить, порываясь доказать, что такой наследник лучше, что он приятен, даже немного галантен, умеет плести словестные кружева, но одернула себя. Она не должна поддаваться эмоциям и чувствам, тем более к этому... к кому именно так для себя принцесса и не определила. Хотела назвать Петра «уродом», но нет — он вполне симпатичен, особенно после того, как стал заниматься атлетикой и закаляться. Он трус? И это не особо доказуемо. Не было еще случая, чтобы однозначно сказать, что Петр Федорович чего-то боится. При дворе говорили, что он даже перестал закрывать глаза при выстреле из фузеи или штуцера и не дергается при выстреле, что исполняют другие, стоящие рядом с наследником. Более того, Брюммер, рассказывал одной служанке, которой он... уделил толику своего внимания, что наследник фехтует отлично и стрелять стал даже лучше прежнего. А ведь и ранее его считали неплохим стрелком, пусть и прячущим глаза после выстрела.

Но больше всего Екатерину удивило поведение, как и красивые слова в ее адрес, если верить пересказу графине Румянцевой. Матрена Павловна Балк-Палева являлась претенденткой в фрейлины Екатерины после свадьбы ее с наследником престола российского. Вот и проверила коварная невеста, с допущения самой Марии Андреевны Румянцевой, решительность будущей фрейлины. Балк проиграла в карты, играть в которые просто не умела, а в исполнении платы за проигрыш, должна была попытаться привлечь к себе внимание Петра Федоровича, пофлиртовать с наследником. Балк оказалась боязливой и не решалась без дозволения статс-дамы Марии Андреевны Румянцевой. На удивление, та согласилась, но при условии, что будет находиться рядом, оберегая от бесчестия девицу или какого-нибудь апломба.

«Неужели он и вправду влюбился в меня?» — думала Екатерина, не ощущая, как колени графа Чернышова исподволь дотрагиваются до ее коленок. Пусть и через плотную шерстяную юбку ощущений ярких не предвидится, но граф в некотором роде пошел в атаку.

* **

**Карета государыни по дороге
в Москву в районе села Хотилово
14 апреля 1745 года**

Проезжая село, где в некотором роде решалась судьба Отечества, императрица попробовала переосмыслить случившееся чуть больше четырех месяцев назад. Если бы хворь тогда победила, и Петр отдал Богу душу, то очень сложно пришлось. Могли начаться брожения в высшем обществе, линия Петра Великого прекратилась, и стали бы буйные умы водить хороводы вокруг брауншвейского семейства. Но, нет, Господь любит Россию и не допустил в ней новой Смуты.

— Что скажете, судари мои, каков мой племянник? А? Кровь Петра Великого берет свое? — спросила императрица у своих попугачиков по карете, как только поезд тронулся от Хотилово, где императрица остановилась на ночь.

Елизавете было дурно, пучило и сильно тянуло вниз живота. Может из-за съеденного большого количества квашеной капусты, или по другим причинам. Медикусы даже пустили Елизавете кровь. Сейчас же императрица была в приподнятом настроении, особенно после доклада статс-дамы Румянцевой о конфузе с девицей Бальк. Да, Елизавета Петровна не забыла отчитать свою подругу, что анхальтцербская чета делает все больше долгов. Уже не только дура Иоганна обошла всех кредиторов в Петербурге, но и Екатерина должна больше семнадцати тысяч рублей, тем более, что не так давно невесте наследника были дарованы пятнадцать тысяч. Однако, после отповеди, государыня похвалила Румянцеву, благодаря действиям которой появилось больше понимания, каким стал Петр Федорович.

В карете ехали четыре наиболее приближенных к монаршей персоне человека: Иван Шувалов, Алексей Разумовский, Алексей Бестужев-Рюмин и верная Марфушка в девичестве Шепелева, сейчас деятельная жена брата Ивана Ивановича Шувалова — Петра Шувалова — главного олигарха России.

Ушаков входил в некоторую немилость и все больше отдалялся от Елизаветы, да и стал чаще болеть всесильный Глава Тайной Канцелярии. Императрица была не довольна, что интриги с Иоганной Елизаветой, Лестоком и французским посланником Шатарди раскрылись не главой Тайной Канцелярии, а вице-канцлером Бестужевым. Лесток по тем же причинам отлучен от благосклонности государыни. Лесток был тем, кто шел впереди гвардии во время переворота, лично открывал двери дворца Анны Леопольдовны и ее сына-младенца Ивана, строил козни против и Елизаветы в том числе. Но и карать Лестока Елизавета пока не решалась.

— Матушка, так и есть, видимо то и божий промысел, и вразумление недоросля. Пошла на пользу наука Якоба Штеллина. Судачат уже, что и говорит Петр Федорович, как заправский руссак, — сказал Алексей Разумовский, который на людях всегда держал дистанцию со своей тайной женой.

— Ваня, а ты что думаешь? — нежным, бархатистым голосом спросила Елизавета у Шувалова, от чего Разумовского передернуло — он уже понимал, что Иван Иванович становится для него конкурентом в фаворе.

— Не ведаю, матушка, токмо и другое верно — молниеотвод тот, о чем я сказывал тебе, работает. Поспрошал я у людей ученых, так они и не ведали, что молния в землю уходит и не приносит вреда. Чудно, — ответил Шувалов.

Иван Иванович умалчивал о проекте ресторана и казино, предложенного Великим князем. И не потому, что и не знал таких слов, а вследствие более раннего разговора с Елизаветой. Шувалов, зная о достаточно пристальном внимании императрицы к карточным играм, решил испросить дозволения начать такой проект, но говорить в присутствии иных

сановников об этом посчитал неуместным. Да и нужно словить, особый момент.

Ушлые приказчики рассчитали, что дело может быть весьма прибыльным, в особенности, если сам наследник будет посещать время от времени такое заведение, да Шувалов, может прийти, можно возбудить и желание Елизаветы посмотреть на этот «рестораций».

— Вот и я говорю, что чудно. Тайная Канцелярия вторит мне, — Елизавета намерено не назвала имя пока еще главы спецслужбы — Ушакова. — Вина не пьет, молитвы истово и чисто говорит, много читает и выписывает книги по истории, русскому наречию, житии святых. Изнуряет себя упражнениями, что даже я говорила с медикусами, но те сказали, что сие токмо на пользу наследнику, что он после болезни последней, ни одной хвори не подхватил. А ране часто болел. В Катьку, енту шельму, влюбился. То и хорошо. Но что делать с наследником, не отроком, но мужем? Того и гляди, гвардию подымет супротив тетки!

Последние слова Елизавета вроде как сказала в шутливой манере, но все присутствующие прекрасно поняли опасения той, которую сами же и возвели на престол. Гвардия не то чтобы остыла к Елизавете, она им благоприятствует, насколько это можно, но бывает жалование где-то и задерживается. Да и армия, коя превращается из героической в сибаритскую с пьянками и другим разложением требует жесткого вмешательства, которое твердости престола может и не принести. Но куда послать семеновцев или преображенцев, в Сибирь? На окраины? Не пойдут! Были еще в гвардии триста «кумовьев» — тех, ктс непосредственно на руках вносил на престол Елизавету. Эти товарищи вообще берега попутали и творят, что хотят, прикрываясь именем императрицы, уже и позабыли, чем именно должна заниматься гвардия. Были предположения, что именно некоторые из этих «кумовьев» связаны и с зарождающимся петербургским криминалом.

— А ты, матушка, поговори с Великим князем сама, можешь и в присутствии. Когда оно глаза в глаза, то много понять можно о намерениях человека, — дал свой совет Бестужев.

— В твоём ли Алексей Петрович присутствии? У наследника чай и глаза слезьми покроются от духа твоего хмельного! — сказала Елизавета и рассмеялась, ей вторили сановники.

— А я думаю, матушка, что дай ты ему воли более, пускай обожжется на делах. Отроки много дел вершить желают, да мало ладится у них. Вот и пускай, — сказал Алексей Разумовский, обычно советовавший своей Лизе только наедине, но редко в присутствии.

— А и то правда, чего горюнится. Ваня приставь кого из своих людей к Петруше, да ты Алексей Петрович из своих, пусть и помогают отроку в делах, но не шибко, недоросль сам должен дела делать. Чтобы только его забавы не вышли в деньги большие, а то и на миллионы может развернуться, — приняла решение Елизавета, при том, что потребует и у Ушакова более пристально смотреть за Петром Федоровичем. А еще... семью Антона Брауншвейского поставить под усиленную охрану с запретами любых выходов, с контролем Холмогоров, а Ивана малолетнего запереть в Шлиссельбург, поближе к Петербургу, под особый режим.

— Матушка, не знаю, как и поведать тебе, токмо, я говорил с Петром Федоровичем, словно с великовозрастным мужем, — негромко, только чтобы было слышно сквозь шум от трения полозьев, сказал Шувалов.

— Ваня, ты сам еще вьюнош! И что мне делать? С дураком-недорослем было все понятно, дай наследника, роди сына, а я уже его воспитаю и выучу, а тут... — Елизавета

задумалась, а потом ее лицо прояснилось и она обратилась к Бестужеву. — Алексей Петрович, тебя все считают плутом, посмотри-ка за наследником, да скажешь мне. А я и сразу же — действительно ли можешь окрутить словами любого, как все говорят. Только Петруша уже не пьет хмельного, так что и ты с душком не иди к нему.

В карете все рассмеялись, но Шувалов сдержанно. Глава конкурирующей партии Бестужев получил личное задание, даже семейную просьбу. И в таком ключе Ивану Ивановичу нужно постараться не потерять связи с наследником. Бестужев — бестия, окрутит отрока, тогда и коммерция не случится.

А Бестужев в это же время гнал опасные мысли из головы... Нет, не время даже думать о том, чтобы работать над запасным планом, где Петр становится... Рано, очень рано принимать решения, но руку на пульсе держать надо. Здоровье у еще вполне не старой, еще и сорока лет нет, Елизаветы, постоянно шалит, держит целую армию медиков при себе, а толку мала. Вот и нужны запасные варианты. Не ему, Бестужеву-Рюмину, но России потребны.

***

Пригороды Москвы, Москва

14 апреля — 22 апреля 1745 г.

— Господин обергофмаршал, — обратился я к Брюммеру на единственном в достаточной степени доступном ему немецком языке, когда село Хотилово оказалось уже далеко позади. — А что для Вас Шлезвиг?

Вопрос этот, насколько я знал, не имел никакого подтекста, для воспитателя потерянная область — боль, как и для моего почившего отца. Для меня это тоже боль, но уже фантомная, глупая, неуместная. Тогда герцогство Гольштейнское просто «кинули» после Северной войны, когда скорее Россия выиграла войну большим напряжением сил, но никак не Дания, но именно последняя страна заграбастала область Шлезвиг. А герцогство даже не спросили, принудили отдать территорию. И где-то я понимал и Брюммера и отца. Это для России с ее просторами маленькая область кажется незначительным, а для Голштинии — больше трети от территории всего герцогства.

— Мы с этой дикой стране только для того, чтобы вернуть родной Шлезвиг, — горделиво ответил Брюммер, если бы не карета с ограниченным пространством, то он бы и стал по стойке «смирно».

— И тетушка не прониклась нашей болью, — с показным сожалением произнес я, начиная разыгрывать до того продуманный спектакль.

— Да, я каждый день молю Бога, но он не посылает благоразумия императрице. Как же она не понимает, что это было бесчестным — украсть у нас прекрасный Шлезвиг! — говорил Брюммер со слезами на глазах.

А я думал, что как раз таки Елизавета благоразумна, что даже не помышляет о каком-то клочке земли в раздробленной неметчине. И пусть при этих мыслях у меня и щемит сердце, но душевные терзания переживем.

Шлезвиг, который вряд ли мог приносить в российскую казну больше, чем двести тысяч талеров дохода, стал бы бездонной бочкой, в которую пришлось вложится сразу не менее миллиона рублей, а после и кормить полки и чиновников, доставляя зерно в изолированную Голштинию. Так что двести тысяч талеров прибыли в идеале могли бы случиться не менее

чем через лет десять расточительства со стороны России.

— Я Вам, сударь, очень благодарен за все. И понимаю, что был далеко не лучшим воспитанником, особенно тут, в России. Но есть некоторые моменты, которые хотелось бы прояснить, — я сделал паузу, ожидая проблеска заинтересованности у собеседника. В это время Бернхольц, так же ехавший с нами, был сторонним слушателем, делавший вид, что его тут и нет, вот только было видно, как и он напрягся.

— Да, Ваше Высочество, я слушаю Вас, — сказал Брюммер. Обращаясь ко мне пс титулу, он проявлял не свойственную ему ранее вежливость к моей персоне.

— Возвращать Шлезвиг нужно не сразу, его просто не отдадут, а Россия будет сильно увлечена в европейскую политику и, возможно, войной с Османской империей. Так или иначе, но нейтральную Данию никто не станет трогать, она в системе союзных отношений с Россией, пусть и не официально. Датчане просто перекроют проливы, и Балтийское море окажется озером. Да и что получит Россия от Дании? Ни-че-го, если только деньги, а территории русским не нужны, — говорил я, но не видел понимания в Брюммере, зачем эта констатация и так понятных реалий.

— Вы что-то хотите предложить? — проявил нетерпение уже и Бернхольц, получив недовольный взгляд от Брюммера.

— Да, господа! Ненавистные датчане предлагали моему отцу деньги за отказ от претензий на Шлезвиг [Действительно Петру Федоровичу предлагались деньги за Шлезвиг. А проблему самого герцогства предлагалось решить заменой Гольштии, которая должна отойти Дании на Ольденбург, что даровался Петру Федоровичу и он, под нажимом Елизаветы в реальной истории, даже предварительно с этим соглашался]. Я предлагаю взять эти деньги, но позже, взять и сам Шлезвиг. Вооружиться, проявить себя в русской армии, показать мощь гольштейнского солдата, а после в ходе обязательного конфликта в Европе, не этого вялотекущего за австрийское наследство, а настоящего, взять то, что нам нужно, — сделал я паузу, так как главное было уже сказано и теперь и Брюммер и Бернхольц, даже не подозревая о том, делают выбор между жизнью и смертью.

— Я... я не могу пойти на это, Карл Петер, — нерешительно сказал Брюммер, в то время, как обергермейстер молчал и только крутил шейю то в мою сторону, то на обергофмаршала.

— Можете, наместник Гольштейнского герцогства, — выложил я главный «пряник» для Брюммера.

— Вы режете меня, Ваше Высочество, по живому, — как же быстро метались мысли в голове у этого человека, он даже не мог определиться, как именно обращаться ко мне.

— Мы не оставляем надежду и цель — забрать Шлезвиг. Спровоцировать конфликт с Данией может быть просто. Или устроить смерть короля датского и взять своих соплеменников под защиту, или устроить самим резню в Шлезвиге, обвинить датчан в этом и начать войну с привлечением русских солдат. И поверьте, господа, нам уже скоро будет сочувствовать вся пресвященная Европа, рыдая о Шлезвиге, в котором бесчинствуют датчане. Подождем пятнадцать лет и вернем, — я замолчал, больше уговоров Брюммера не будет, а будет его ликвидация. Как и где, решу, может на охоте.

Не нужен этот фанатик-истязатель воспитанника, то есть меня, он не даст простора для решений по Гольштинии, если не согласится на эту уловку. Брюммер же, вряд ли, полностью осознал те изменения во мне, что имеют место быть, для него я все равно, пусть и повзрослевший, но тот же «осел и выродок», каким он ранее меня и считал. А тут стать

целым наместником Гольштинии, когда дядя уже объявлен королем Швеции, а я стал совершеннолетним.

— Я хочу Вам верить, в последнее время Вы стали другим и отвечаете за свои обещания. Но как Ваш дядюшка? Он не будет против? — проглотил, наконец, наживку Брюммер, теперь будем подсекать.

— Если у Вас будет мое распоряжение, никто не будет против. Напомню Вам, что я уже совершеннолетний, в гвардии же Вас уважают. Так что проблем не случится. А то, что думает шведский король разве должно влиять на принятие решений в Гольштинии? Но... — я улыбнулся. — Сударь, Вы даете мне раз в три месяца сто тысяч в рублях, тренируете дивизию отборных солдат, в год строите два линейных корабля, вспоминая славные времена гольштейнских мореходов, имеете годовые магазины на три дивизии, пороховой заряд...

— Это уже не возможно. Ваше Высочество, вы путаете возможности необъятной России и маленькой Гольштинии, — перебил меня Брюммер.

— Сударь, Вы меня перебили. Вашего сюзерена и наследника Российской империи, — театрально взбеленился я. Начался уже торг, а он редко бывает без лицедейства.

— Простите, — проявил покорность Брюммер, склоняя голову. Еще бы! Замаячило очень сладкое место.

— Не забывайтесь, — сказал я и достал из небольшого сундучка лист бумаги. — Вот тут наше с Вами соглашение. Там два одинаковых текста и я попрошу Вас ознакомиться и подписать.

— И все же, Ваше Высочество, объясните все, Ваш план полностью не ясен, — сказал Брюммер.

Понимать же было и нечего — я стремился избавиться от актива, который мне и так не принадлежал. Послезнание говорило, что Россия не станет решать проблему Шлезвига, а я могу получить и оппозицию в русском обществе, если заикнусь на этом клочке земли, ненужном России ни разу. Тут или Копенгаген датский брать с контролем проливов, или вообще не дергаться. Да и взять датскую столицу одно — удержать сложнее, практически невозможно. Сам же я помню, как отец напивался, сокрушаясь, что датчане предлагают деньги за предательство. По мне — нужно было брать. Не взял серебро родители, так и помер в гольштинской нищете, попробую взять я, если вначале дадут, а потом, уже в России, не отберут.

И есть все шансы к реализации этого проекта. Россия уже сейчас вовлечена в европейские дела, как я узнал, тридцати шести тысячный корпус Репнина отправляется бродить по Европе. Может командующий Василий Аникитич совершить вояж и до Шлезвига. Нет, конечно, не может, тут самостоятельности решений генерал-фельдцейхмейстера не достаточно, но если договориться с тетушкой, то датчане могут думать о реальной угрозе быстрой войны с ними, чтобы «боль и слезки мальчика Петруши унять и забрать Шлезвиг». Плюс еще и тысяч пять-шесть гольштейнского воинства к тому.

Кто будет против? Австрия? Не думаю, они и так сейчас, пусть и пыжатся, но сделают многое, чтобы кровь руссаков решала проблемы Марии Терезии. Взяли Парму и Пьяченцу и полностью выдохлись, даже из Генуи их горожане выгнали.

Фридрих? Вряд ли. Прусский король еще не вошел в силу и не развил присущий ему нарциссизм, чтобы бросать вызов России, да еще когда два его ставленника возле власти. Два — это я и Екатерина. Тем более, что в этой войне Пруссия уже выполнила свои задачи — Силезия взята Фридрихом и Австрия ничего с этим поделывать не может.

Так что, прояви волю государыня Елизавета Петровна, — даже не заметят маленькой войны. А датская армия не выдержит большого конфликта. Да и зачем? Какие-то три миллиона в полновесных рублях отдать мне и все... считай союзники. А Голштиния, между прочим, своего рода буферная зона между конфликтом в Европе и самой Данией и представляется для данов хорошим активом.

В этот коктейль следует примешать еще и немного идеологии, как и щепотку игры на чувствах. Я стану злостным плагиатором и добьюсь слез европейцев и сочувствия, когда мир услышит полонез «от Гольшинского принца». И не мучает меня при этом совесть. Если будет шанс создать образ и усилиться, решить хоть какие задачи, то припишу себе любое авторство. Я, еще робко и неуверенно, но начинаю играть в политику. И эта игра мне нравится. Хорошо бы в результате этой игры, не допустить некоторые ошибки, что были в другом варианте истории.

Так что Михал Клеофанс Огинский, прости, но твой полонез «Прощание с родиной», написанный по поводу разделов Речи Посполитой, под который рыдали просвещенные европейцы в конце XVIII века, будет написан чувственным Шлезвиг-Гольштейнским герцогом по поводу утраты того самого Шлезвига. Партитура уже готова, осталось только добиться потери области. И тогда я собью с толку европейских правителей, которые продолжают считать меня апологетом войны с Данией, просто слабым человеком, который уступил воле русской царицы. И чем больше времени именно так будет считать Европа, тем более предсказуемо для моего понимания они станут себя вести. И Семилетняя война произойдет на схожих позициях, как и в другом варианте истории, только я поспособствую более качественной подготовке к ней.

И деньги получить далеко не самоцель, это лишь шаг к большим целям есть стремление их употребить эти средства, или заработать иные. Еще в конце прошлой жизни я отчетливо понял, что деньги — тлен, а жизнь твоя, близких и родных, соотечественников, просто хороших людей куда важнее. Меня, наследника, не перестанут кормить, давать деньги, потакать прихотям, если я даже буду, не выходя из своих комнат, пьянствовать. А хочется иного — чувствовать себя сопричастным, чтобы быть в истории не тем, кто за три дня издал столько указов, что Россия просто перестала существовать, пусть некоторые из них и были логичны.

Денег нужно прорву, и почему этого не понимает Елизавета, я не знаю. Взять, современный флот России — убожество, кратно уступающее флоту Петра Великого. Ну, хотя бы загрузить имеющиеся верфи, нанять офицеров-иностранцев, начать своих натаскивать, расширить прием гардемарин. Навести порядок в Морском шляхетском корпусе, да его еще и нету, разрозненные школы гардемарин. И выходить в море нужно не раз в год, а постоянно, хотя бы в тот же Киль, где я родился.

Между тем, в карете установилась тишина, нарушаемая только перестуком колес по мостовым. Мы уже подъезжали к Первопристойной и тут попадались отрезки мощенных дорог.

Чтобы разбавить тяжелый разговор и дать эмоциям, бурлящим внутри моих спутников, я начал травить анекдоты. Этот мир узнал о поручике Ржевском. Пробыть серьезность Брюммеля оказалось сложным, но Бернхольц не сдерживался и смеялся до кашля и красноты лица.

Была еще одна причина, почему я начал, благодаря своей неплохой памяти, смешить двух вечно серьезных немца — мы нагнали карету Екатерины. В своих изданных в будущем

дневниках моя невеста часто писала, как веселилась в каретах, как я, якобы, ей завидовал и все норовил поменять своих скучных спутников. Вот пусть завидует, наблюдая, как я негромко нашептываю пошлые истории про любвеобильного Ржевского.

— Ваше Высочество! — Екатерина изобразила книксен. — Позволить сказать мне, от чего так радость Вы и Ваши спутники?

Котэ разговаривала на русском языке, и это предавало ей еще большего шарма, было мило и забавно слышать акцент. И радовало то, что невеста наследника престола старалась говорить на языке не родившегося Пушкина. И, кстати, прости Александр Сергеевич, но немного и тебя обокраду, но ты гений, еще напишешь, а я сильно наглеть не стану.

— Я рассказывал смешные истории, сударыня, — ответил я.

— Не знать, что Вы знаете смешные истории, — проворковала Екатерина, подарив мне обворожительную улыбку. — Вы мне рассказать эти истории?

— Конечно, Екатерина Алексеевна, буду рад, позже повеселить и Вас, когда Вы перестанете меня избегать, — сказал я, развернулся и вошел в дом последней перед непосредственно Москвой станции, чтобы там, в тепле обождать смену лошадей.

Невеста стояла некоторое время на месте, видимо, моя реакция ее ошарашила. Но и я был зол на нее. Подарки дарил, цветами осыпал, несколько раз приглашал прогуляться, но постоянные отговорки. Нет, кое-что удалось узнать, Краузе выведала, что мама Екатерины, разлюбезная Иоганна Елизавета советует дочери промариновать меня. Этой великовозрастной дуре кажется, что я стану больше дарить подарков, если меньше буду встречаться с Екатериной. Все! Шабаш! Женят нас и так, никакой фимозы у меня нет, желание близости — есть и не получается даже тренировками либидо ослабить. Великая она Екатерина, или не очень, пока это еще девушка, не столь и начитанная всякими Вольтерами.

Так думал я до первого бала-маскарада, который состоялся аккурат после Пасхи — Праздника Воскресенья Господня. На это мероприятие была приглашена и Екатерина Алексеевна.

Чего я боялся, то и случилось — вечеринка трансвеститов. Что интересно, осуждаемая Европой, как жуткое непотребство, а в России — при дворе мужики в женском. Это же только в варварской России мужчины станут переодеваться в женское платье, а женщины, вообще ужас, — в мужское — те мысли, которые превалировали в умах Просвещенной Европы. Полное попрание европейских ценностей! М-да, знали бы вы!

Однако, важно еще какой смысл вкладывается в процесс переодевания мужчин в женское платье. Можно смотреть на такие маскарады с точки зрения женской натуры Елизаветы, мол, у нее красивые ноги и она их любила демонстрировать. Не лишено логики, у тетушки действительно с ногами все в порядке — ровные, без выпирающих коленок. Но я видел и еще один, более глубокий подтекст. Такой маскарад — это проверка на лояльность. Погрузить человека в стрессовое состояние и послушать, что он говорит, кого винит, насколько раздражен. Елизавета демонстрировала свою самодержавную власть. Ну и ножки, конечно.

Заикнись кто о том, как такие переодевания могут выглядеть в далеком будущем, дуэли было бы не избежать. А сейчас — шутка. Мужчины путаются в фижмах и падают, неумело вымазывают свои лица косметикой, лицедействуют, подражая женским манерам.

Вот и стоят девчонки, стоят в сторонке. Перечислю девчонок: граф Бестужев, граф Чернышов, граф Шувалов, граф Разумовский и ряд иных добропорядочных матрон. Я же не смог одеть все фижму, корсет, женские чулки, а революционно выбрал русский сарафан.

Стояла такая симпатичная русская барыня в кокошнике. И что интересно, несмотря на то, что я выделялся на контрасте с другими, мой наряд был одобрен всей русской партией, а немцев и так практически не было при дворе. Елизавета приходила к власти под девизом «против засилья немцев и все будет, как при Петре Великом», поэтому русофильство поощрялось.

И вообще, чем я занимаюсь? Уже больше четырех месяцев, как, наследник престола Российского коренным образом изменился, но вместо того, чтобы заниматься важными делами, упражняюсь в словоблудии при дворе, хожу ряженым и просто прожигаю время. Но где же будущая женошка, хотя бы с ней поговорить, все же через четыре месяца свадьба.

«Скотина!» — чуть не сказал я вслух.

Чернышов просто похотливым мартовским котом трется у Екатерины и та... не гонит его, тренируется флиртовать. Вот хочется, причем сильно, по морде съездить этому старику-извращенцу. Да уж, — чуть за сорок, но для меня он старик. Все же далеко не во всем личность Сергея Викторовича Петрова доминирует над сознанием Карла Петера Ульриха.

Внутри все закипело, юношеский максимализм брал верх над разумом. Насколько будет уместна ревность? Да никак не уместна. Галантный век, ити его туды, тут ревность осуждается больше, чем измена. Но я же становлюсь русским варваром, так что...

— Сударь, я считаю, что Ваше поведение не уместно, — сходу задал я тон светского скандала, быстрым шагом приблизившись к Чернышову.

— Петр Федорович, прекрасный маскарад, не правда ли? — изобразил слащавую улыбку граф.

— Сударь, я не могу вызвать Вас на дуэль, но, если Вы мужчина, хотел бы провести урок фехтования с Вами. Не страшитесь, шпаги будут безопасны. Ежели Вы откажетесь по какой-либо бесчестной причине, то найду возможность показать, чему я научился после того, как перестал с Вами общаться, — сказал я под меняющуюся осанку Чернышова, тот сгорбился и уже не казался щеголеватым кавалером.

В это время рядом стояла Екатерина, не проронив ни звука. Однако, я видел, что она осуждает мой поступок.

— Ваше Высочество, Петр Федорович, а я Вас везде ищу, очень хотелось бы поговорить с Вами, — попытался меня увлечь Бестужев-Рюмин.

— Алексей Петрович, я сейчас освобожусь и обязательно выделю время для разговора со толь замечательным человеком, как Вы, — я улыбнулся и на контрасте эта улыбка выглядела лицедейской.

— Не стоит, Петр Федорович, — сделал еще одну попытку канцлер.

— Завтра по полудни я хотел бы совершить прогулку и приглашаю Вас, Андрей Гаврилович составить мне компанию, — строго сказал я и кланяясь обратился к Екатерине. — Сударыня, Вы великолепно выглядите в мундире поручика Преображенского полка.

Я удалялся, увлекаемый канцлером, но до моих ушей доходили шепотки придворных. «Какой афронт», «Бедняжка Екатерина Алексеевна», «Это был вызов на дуэль», «Матушка императрица образумит наследника». Что ж оказался я абсолютно не готов к тяжелой работе к гадюшнике двора. А Катька, еще не став даже женой уже вызывает жалость и симпатию. Признаться и у меня тоже эта симпатия есть и по сему не нужны ни Чернышов, ни Салтыков, который вроде бы остался в Петербурге, ни Понятовские с Орловыми.

— Ну что ты уже устроил, Петруша? — Бестужев привел меня к Елизавете. Тетушке

обняла меня и поцеловала в лоб, я же прикоснулся губами к ее запястью на правой руке.

— Тетушка, мое, это только мое. Невеста моя, а не Чернышова. Свое защищать нужно, — ответил я.

— Дерзко, наконец, я узнаю своего племянника — внука Петра Великого. Батюшка мой жестко карал за неверность ему, даже если уже и сам отказал в общении, — довольно сказала императрица.

— Матушка, ты не против, если мы с наследником поговорим? — встрял в разговор Бестужев.

— Идите уже! — Елизавета вальяжно махнула рукой.

— Господин прапорщик! Осмелюсь на наглость и скажу, что любая девица, увидев Вас, будет только о Вас и мечтать всю свою жизнь, Вы великолепны! — выдал я комплемент Елизавете, которая была в мундире поручика.

Императрица разразилась смехом, которому вторили смешки многочисленных придворных, что окружали ее.

Мы же с Бестужевым шли в отдельную комнату, и я полагал, что сейчас меня вновь будут изучать. Уже никто и не обращает внимания, что я чисто разговариваю на русском языке, уже не судачат при дворе о том, что не пью хмельного, а изнуряю себя тренировками — привыкли, сплетни уже не свежие. Но это двор привык, а многомудрый канцлер не тот человек, чтобы свыкаться с невозможным изменениям. С ним придется сложно.

— Алексей Петрович, прошу сразу к делу. И зря Вы прервали мою пикировку с Чернышовым. Вы же против моей свадьбы, и она может разладиться из-за скандала, — сказал я, когда мы с канцлером присели на стулья в отдаленной комнате, где практически не была слышна суэта бала.

— Да уж, — произнес Бестужев.

— Сударь, у меня к Вам есть дело, которое может быть весьма прибыльным и для Вас, — начал я разговор «с места в карьер».

— У Вас ко мне? — удивленно спросил Бестужев, но сел удобнее, демонстрируя интерес, видимо канцлер не предполагал, что я стану задавать тон беседы, и расслабился, упустил инициативу.

Я дал понять канцлеру, в несколько завуалированной форме, что жду предложений от Дании и что готов их обсуждать с упором на деньги.

— Скажите, Александр Петрович, как канцлер Российской империи и, надеюсь мой друг, — Россия станет бороться за Гольштинию с Данией, даст войска, чтобы отбить у датчан Шлезвиг? — задал я прямой вопрос.

— Я убежден, что ответ на этот вопрос Вы уже знаете, и он не противоречит тому, что я скажу. Да, Ваше Высочество, Вы правы, и Россия не станет вмешиваться в свару с Данией из-за Шлезвига и потому, что она союзница Австрии и тем самым Дания и наш союзник, и потому, что перекрой датчане проливы и Балтийское море превратится в лужу. Начни мы войну с Данией и Шведы могут опять переиграть Полтаву, у них «партия шляп», что за войну ратует, победила, а король — Ваш дядюшка, уж простите, но не удержится от войны, — Бестужев развел руками, мол «ничего не поделаешь».

— Спасибо, Алексей Петрович за обстоятельный ответ. Поверьте, я прекрасно понимаю ситуацию вокруг моей бывшей родины. Но не теряю надежды стать чем-то более значимым для своей новой родины, для чего содержания от государыни мало, а просить деньги из казны не по чести. Посему я и вспомнил, что датчане предлагали деньги моему батюшке за

Шлезвиг. Признаться мне дорог только Киль, где я родился, и где России было бы неплохо иметь свою ремонтную базу для кораблей, как и склады для русских товаров, да и только, — высказался я и был услышан — Бестужев склонил голову с легкой улыбкой.

Фигура канцлера в деле вытягивания денег из Дании была очень важна. Без тех талантов жесткого дипломата, коими, без сомнений, обладал старый плут, будет сложно повернуть делишки в Голштинии. Бестужев слушал меня с удивлением, но не осуждающе, напротив, ему не нравилась появившаяся у России проблема в виде маленького герцогства.

— Вы подставляете и меня и матушку-императрицу, — сказал Бестужев, как только я сделал паузу. — В Европе будут уверены, что это мы Вас принудили отказаться от Шлезвига и... оставить только Киль, как я понял Вас.

— А у Вас в планах было решение этой проблемы? — с долей иронии спросил я.

— Нет, переговоры с Данией идут, но интересы Англии... С Англией у нас дружественные отношения, а они могут быть против, — ответил мне ярый англофил.

— Думаю, что Европе будет безразлично такая мелочь, тем более Англии. В конце концов, мы же не Французов усилим, или короля Фридриха, сейчас в войне Дания и Англия — союзники, — сказал я.

— И в этом будет и мой личный интерес? — задал прямой вопрос о вознаграждении канцлер.

— Очень надеюсь, что тетушка не заберет деньги, что должны быть переданы мне, тогда да — думаю сто тысяч из трех миллионов ваши. Остальные деньги, это я говорю для того, чтобы тетушка не беспокоилась, я вложу в формирование дивизии, русской дивизии, Алексей Петрович, строительства четырех линейных кораблей, восьми фрегатов и десяти шлюпов и на ряд иных нужд для России, — ответил я развернуто.

— Вы умеете удивлять, но послушайте совет, уж извините старика, — посоветуйтесь с флотскими офицерами, прежде чем создавать новую эскадру. Это же не только корабли, но и экипажи, — Бестужев одарил меня улыбкой. — Но я уверен, что Вы все это прекрасно понимаете. В остальном я поведаю Вам, что датчане уже обращались, выясняли намерения Петербурга и пытались понять изменения в Вашем поведении. Они заплатят, я почти уверен. После Вашего венчания займусь этим вопросом, Петр Федорович. И еще, — канцлер замялся, но после паузы продолжил. — Если Вы пожелаете расторгнуть помолвку, это еще возможно, пусть матушке и приглянулась Екатерина Алексеевна, я мог бы способствовать...

— Благодарю, Алексей Петрович, — сквозь зубы, стараясь не сорваться, сказал я.

Стало понятно, что игра вокруг Екатерины — игра с участием канцлера. Чернышов, может быть и человеком Бестужева, связи между ними есть точно. Бестужев, как я знал, был против Софии Фредерики, нынешней Екатерины Алексеевны, в качестве невесты. Против ее же выступал и некогда сильнейший политический игрок Лесток, но она здесь и дата свадьбы назначена. И сейчас, когда я могу приревновать свою невесту, когда я, по мнению общества, влюбился в Екатерину, появляется Чернышов — высокий, статный, многоопытный, при этом великовозрастный для невесты наследника, чтобы непоправимых глупостей не натворить. Для Екатерины, столь юной особы, уже поцелуи будут потолком распутства. Я же, будучи по мнению Бестужева, так же не искушенным в любви, стану совершать глупые и импульсивные поступки. Да чего уж там — уже совершил. Но разрывать помолвку я не собирался.

Действительно елизаветинский двор — логово змей. Не даром тот же Фридрих Второй сбегает от своего двора на войны, просто там все намного понятнее.

***

Москва. Кремль
24 апреля 1745 г.

Елизавета сидела у трюмо и рассматривала появившийся прыщ на щеке. К балу это непотребство должно быть замазано пудрой и скрыто большой мушкой, но дискомфорт, который ощущала императрица от казуса на ее красивом лице, не позволял полноценно веселиться во время маскарада. Сколько серебра уже потрачено на разного рода шарлатанов и мази, которые они предлагали. Не взирая на сопротивление придворных медиков, которые оказались бессильны что либо сделать для сохранения женской красоты императрицы, многие угодники старались обнадежить Елизавету и предлагали множество средств. Вот только прыщи появлялись все чаще, а морщины государыня уже перестала считать.

Да еще церковники выразили свое возмущение подобному тому, что планировалось на ночь, времяпровождению российской царицы. К слову, многим больше, церковь интересовали вопросы секуляризации монастырских земель. Елизавета уже неоднократно проводила беседы с церковными иерархами по поводу нерационального использования больших земельных угодий монастырей. Государство не получало нужных прибылей, а обвинения церкви в ее непомерных тратах и печении о богатствах более, чем о душах православных разбивались о каменные аргументы в тратах самой императрицы. Между тем, детей служителей церкви не брали в армию, два миллиона церковных крестьян не платили в казну ни копейки. Монастыри пустели, некоторые и вовсе были покинуты монахами, а земли бывших обитателей все так же использовались церковью.

Как я знал, Елизавета так и не решится начать секуляризацию, опасаясь и осуждения церковников и социальной напряженности. Императрица вообще делала все для того, чтобы этой напряженности не было, стараясь угодить всем, или не заметить вопиющего казнокрадства.

Вот и находилась самая власть имущая женщина огромной России в прескверном состоянии.

— Елизавета Петровна, к тебе Бестужев, — сказала Марфа — верная боевая подруга, которая была рядом с дочерью Петра Великого во время всех невзгод, стала статс-дамой, женой одного из Шуваловых, Петра, и все еще играла большую роль в жизни императрицы.

— Пусть войдет, — проронила Елизавета, которая не особо стеснялась принимать сановников, будучи не расчесанной и не одетой в платье. Те это знали и понимали, что такие аудиенции являются признаком благосклонности и даже некоторого фавора.

— Матушка, — Алексей Петрович поклонился.

— Ну, говаривай, что там неразумник Петруша утварил, — сказала Елизавета, которой донесли все сплетни двора, но, как это бывало даже не часто, а всегда, — сильно приукрашенные фантазиями людей.

— Позволь сказать, матушка, что не вижу я в том неразумности, что Петр Федорович одернул графа Чернышова. От его ждали большего апломба, но наследник проявил властность и просто, без прямых обвинений пригласил провести потешный бой с графом, — ответил Бестужев.

Канцлер покривил душой, на самом деле, он считал, что поведение Петра Федоровича

имело много безрассудства. Но, если это так, то слова канцлера о глупости наследника могут войти в противоречие с теми, что он собирался сказать далее.

— Граф опозорит Петрушу, если за этими потехами будет наблюдать двор, уж не знаю, какой рубака Чернышов, но он воинский человек, а наследник нет, — сказала Елизавета, но это ее, на самом деле, не особо интересовало.

Императрица уже сделала нужные выводы и дала указания, чтобы с Чернышовым провели беседу, отправили в Петербург и там он должен дожидаться назначения. Куда-нибудь... да хоть с посольством в далекую страну. Но то, что кто-то, пусть и из графов, может даже в шуточном бою оголить шпагу против наследника престола... Нет. Подальше его, графа этого, на всякий случай.

— Сдается мне, матушка, что Петр Федорович был вполне холоден головою при разговоре с Чернышовым и ведал, что творит. Он стал мужем, зело разумным мужем, — сказал Бестужев-Рюмин и после некоторой паузы рассказал и о своих впечатлениях от беседы с наследником и от той авантюры, что тот предложил.

— Сие есть, что немец стал русским? — спросила Елизавета, для которой было неожиданно услышать о стремлении племянника продать свой так любимый Шлезвиг, который Петр, впрочем, никогда и не видел.

— Мыслю, матушка, что он может вернуться к думам о возврате Шлезвига в зад Голштинии, но опосля. А руссаком он еще становится, посмотреть нужно дале, — ответил канцлер.

— И Россия станет вором, получив деньги, слово свое нарушит? — возмутилась императрица.

— Нет, матушка, только в Европе и нынче не спокойно — за Австрийское добро воюют, а буде еще горше, Фридрих силу набирает, Франция, как и всегда, интриги строит. А в мутной водичке, чего не случится! — Бестужев улыбнулся.

— Вот за толк не возьму, куда ему столько денег — три мильена. Чего не хватает? — задала вопрос Елизавета.

— А пускай покажет себя, матушка, посмотрим, куда употребит, говорит, что на воинство русское и на флот денег отсудит, — начал было говорить Бестужев, но был перебит вседержительницей.

— Гвардии на пропой и глупости? — Елизавета строго посмотрела на своего сановника, но быстро ее взгляд смягчился и она продолжила. — Мое имя не должно быть употреблено в сием прожекте, но армию, что готовится идти к Баварии, при нужде дозволяю вести к Голштинии для острастки и данов и пруссаков, да пусть голштинцы провизии дадут. И деньги, кои могут быть у Петруши, под досмотр, коли тратить станет на непотребства, отобрать в казну российскую. Иди Алексей Петрович, да помирись ты с Ваней Шуваловым и с Воронцовыми, чего лаетесь, одно же дело делаете.

В Европе бушевала «Война за австрийское наследство», которая развернулась из-за того, что просвещенная Европа не приняла то, что уже становилось нормой для России — женское правление. Карл VI не имея наследников мужского пола, подписал «Прагматические санкции», по которым императором Священной Римской империи (считай Австрия и в разной степени подчиненные ей курфюршества да герцогства) может стать и женщина. И первоначально многие страны приняли такую прогрессивную норму. Но слишком сильно тлели угольки противоречий в Европе, подпитанные из амбиций европейских монархов, чтобы не использовать «санкции», как повод начать войну. Россия

поддержала Марию Терезию — императрицу австрийскую, это было вполне естественно по ряду причин, из которых нельзя исключать и личные эмоции Елизаветы, и стремление к союзу в Австрией. Османская угроза довлела над Россией, все понимали, что мир с Блистательной Портой [по сути, название правительства Османской империи] недолговечен, а без Австрии встать один на один с османами, как думали все, значит проиграть. Османов в Европе все еще боялись, слишком много земли, и народом под турецкой пятой оставалось. Однако, русская армия, что должна была броситься в топку европейского конфликта, только формировалась и готовилась выдвинуться. Василий Аникитич Репнин был деятельным военачальником, но и он встретился с огромным количеством проблем в деле формирования русского корпуса и его обеспечении.

Петербург 25 августа 1745 г.

Будучи в Москве удалось не только побывать на маскарадах, устроить скандал, но и поработать. Сильно я поиздержался. Покупка земель рядом с Люберцами обошлась в немалую сумму в сорок тысяч рублей, крестьян на купленных землях было за три сотни, но земли не особо плодородные достались, однако, думаю, для выращивания картофеля и свеклы с кукурузой подошли бы. Оказалось, что превеликой проблемой было найти те самые семена. Картофеля на посев нашли только три пуда, кукурузы не нашли вовсе, лишь заказали семена на следующий год, немного подсолнечника нашлось, благо его разводили, как декоративное растение. Так что клевер и овес стали основными культурами на полях, но лиха беда начало. Да и пусть об этом печалится Семен Абрамов — мой приказчик в Люберцах, которые пока еще и не мои, но уже окружены купленными землями. Этот человек был сосватан Петром Евреиновым, и оказалось, что не выкрест Абрамов, как я думал, а вполне себе православный и работал с землей и ранее, не имея отношения к богоизбранному, но гонимому народу. Вот и определил я его заведующим сельским хозяйством в Люберцах, а Петра Евреинова — главным и над Абрамовым и вообще над всеми моими землями. Сейчас же на купленных землях началось и строительство военного городка и домов, небольшим парка, но главное — места размещения солдат.

Пришлось строить казармы, из дерева, денег на добротные сооружения не было. Раз десять ко мне прибегал Петр Евреинов для уточнения строительства полосы препятствий и тренировочных площадок. Привлекал я и Бернхольса и еще одного прохвоста-шведского офицера, чтобы те помогли сообразить о нужности тех или иных препятствий в рамках армейских реалий. А еще плац, тренировочные поляны для кавалерии и штыкового боя, и много иного, о чем я первоначально и не думал.

Так что деньги утекали сквозь пальцы. А когда прибыли две с половиной тысячи гольштейнской гвардии, коих я выписал из своей бывшей Родины, то дело стало вообще худо. Сразу же выложил сорок тысяч рублей на их расквартирование, закупку провизии, пороха и свинца, пришлось даже сорок коней покупать, строительный инвентарь, купил английские плуги...

Теперь остаюсь всего с тридцатью пятью тысячами рублей. Уже и пытался подговорить и Ивана Ивановича Шувалова и Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, чтобы те намекнули императрице дать денег в честь, так сказать, соединения двух любящих сердец, то есть к свадьбе. Надеюсь, что-то выгорит и пожертвуют глупцу-транжире, то есть мне, деньжат. Однако, императрица была мной не довольна, упрекала, что я узнал о ее подарке в виде имения в Люберцах, так что... может и не дать, тут уже, чтобы не передумала даровать само имение. Хотя бумаги о передаче были уже подписаны.

Что касается нашего проекта с Иваном Ивановичем Шуваловым, то некоторые подвижки тут наличествовали. По крайней мере, почти закончилась отделка ресторанный помещения, парадной, частично казино. Здание, что принадлежало Шувалову и так блистало богатым убранством, но что-то изменять пришлось. И проблема была в том, что мы с Иваном Ивановичем, как и со всем двором, просидели до второй половины лета в Москве, когда приходилось принимать приказчиков и давать указания по делам в столице, теряя

время на долгие переезды посыльных. Где телефон? Когда человеку за парой предложениями, а, порой и только за одобрением нужно ехать из Петербурга в Москву.

Глаза боятся, а руки делают и уже после Покрова Пресвятой Богородицы планируется открытие еще невиданного в мире заведения. Время выбиралось и для того, чтобы успеть поработать еще до Рождественского поста.

В крайней секретности, я консультировал своего повара и еще трех его учеников. Знал о кулинарии я много, правда практиком был никудышным, но все же некогда являлся, в том числе и владельцем ресторана. Некоторые изыски кухни, как оказалось, известны и тут. Так что пришлось вводить в практику кулинарии особенности и новаторство.

К примеру, майонез. Этот продукт я сам ел крайне редко, но не мог не отметить, что в качестве заправки соус хорош, как и для основы других соусов. Как я надеялся, продукт понравится, Бернхольс оценил, даже мой егермейстер Бребель с удовольствием поедал новшество, а он еще тот сноб. Вводил я в меню и «сельдь под шубой». Сама по себе селедка ценилась на столах аристократии, как дань, в том числе и Петру Великому и некому демократизму продукта, ну а остальные ингредиенты не противоречили уже и русскому аристократизму.

Самым продуманным меню предполагалось «гвардейское», где упор сделан на стейки, зразы, котлеты-шницели, котлеты «по-киевски» и «пожарские». Десерты представлены будут тортом, который был не чем иным, как «Наполеоном», но не имеющий пока собственного русского имя, эклерами с начинками, так же, предполагается и фондю с экзотическими фруктами из оранжерей Шуваловых.

Еще когда моя бывшая супруга только увлеклась ресторанным бизнесом, я, тогда очень основательно изучающий всю подноготную предстоящего дела, нанимал специалистов по истории кулинарии в качестве репетиторов. И все блюда уже сейчас и их производные для будущего ресторана выбирал по трем параметрам: цена, чтобы не сильно высокая; простота изготовления, по крайней мере, доступное в этом времени; подозрение на элитарность, чего можно добиваться и эстетическим составлением блюд. К этому коктейлю прибавляется еще предыстория каждой строчки меню, чаще выдуманная, но красивая.

Мне предоставляли больше свободы действий, уже не чувствовался тотальный контроль, Брюммер примолк и уже отправился в Голшгину, воспитатель Чернышов исчез, другой воспитатель — Репнин занят своими делами, Штеллин уже не столько учит, сколько общается со мной. И я использовал свою относительную свободу по полной, понимая, что после женитьбы времени на дела станет меньше.

Потому и в Москве и после, в Петербурге, я то и делал, что работал. Не было ни одного зря потраченного часа. Сон и отдых были дозированы только для того, чтобы восстановиться. Утром зарядка с пробежкой, обед из сложных углеводов, яйца, курица, кофе. Потом работа с документами — в моем случае записи рекомендаций по управлению рестораном и казино, отелем. Силовая тренировка или фехтование, потом плотный обед, дневной отдых с чтением книг, дальше полдник из фруктов или немного творога, потом вечерняя силовая тренировка, верховой езды, или отработка техник рукопашного и оружного боя. Вечером снова работа с документами и музицирование. При хорошей погоде, прогулка с собаками в парке.

На такой режим выйти я смог невероятными усилиями только перед свадьбой. Да, часто приходилось кроить свои планы, чаще из-за вечерних развлечений в виде театров или балов, реже из-за посещений меня разными сильными мира сего. Молитвы, службы и общение с Симоном Тодорским также нарушали режим, но я старался все же сильно

распорядок не менять.

Был у меня и грешок, или даже грех. При том, надеюсь, о нем никто, ничего и никогда...

Я стал быстро определять, когда именно меня слушают и за мной наблюдают, поэтому знал, что были и часы и даже дни, когда слежки не было. А зачем шпионить, когда встречи проходят чаще всего в саду, а комнаты стали личным пространством? И тут, в какой-то момент я понял, что мужское начало захватывает и мозг, да и другую часть тела. Тренировки уже не помогали и либидо перло наружу, когда я замирал взглядом на декольте любой дамы. Начал плохо спать, да и сны такие...

Каждый день, принимая ванную, у меня были чистые полотенца и ароматное мыло. В один вечер ни мыла, ни полотенца у ванной не оказалось, поэтому пришлось звать Краузе. Она не была сильно уж красивой, но грудь выдающаяся, волосы чистые, что уже на контрасте выделялось. Тогда обедневшая дворянка, что сейчас была слугой, долго извинялась за свою нерасторопность. И я не выдержал, накинулся на нее, завлекая в ту же ванную, где находился нагишом и сам. Женщина была не против, даже наоборот, особенно молодую голштинку восхищали уже заметные мускулы на моем теле, о чем она, задыхаясь, и говорила, мол, я колосс, Геркулес и кто-то там еще.

Что сказать?.. Стыдно, но как же понравилось! Молодое, набирающее силу тело, пылкая женщина, пусть и с неразвитым воображением, но у меня-то опыт имелся.

Потом был долгий разговор с Краузе и с запугиванием и задабриванием. Никто не должен узнать, что случилось и что, при необходимости еще может случиться.

Надеюсь, не придется обращаться часто, по представлениям меня, Петра Федоровича, к великовозрастной служанке, а Екатерина Алексеевна станет действительно женой.

Кстати, меня пытались учить, каким нужно быть мужем. Тот самый шведский офицер Торсен, ставший на непродолжительное время моим спарринг-партнером, при любом уместном или не очень моменте, пытался рассказать о главенстве мужчины и пресмыкающемся положении женщины. Если тому Петру Федоровичу, из другой истории, такой вот солдафон вкладывал в голову всю ту чушь, что пытался и мне вложить, то я начинаю понимать и Екатерину Алексеевну. Там и по поводу ударить зарвавшуюся жену было, и чуть ли ни на цепь посадить.

А еще Торсен рассказывал, какая хорошая армия в Швеции и у Фридриха, как важно, чтобы я это понял, и все такое. Пришлось устроить шведу «Полтаву» и накостылять так, что тот вызвал медикуса. Всего-то, использовать ноги и правильную технику удара, который с самого начала после болезни отрабатывал. Да и фехтовальщиком тот был так себе, мой итальянец и техничнее и изящнее работал шпагой.

21 августа Петербург, и до того живой город, начинал бурлить. По всем улицам отправились красочно одетые герольды, которые торжественно сообщали о предстоящей свадьбе. Выстрелы из крепости и кораблей сообщали о сборе войск и их построении у Казанского собора. Петербург украсили, назначались люди, которые смотрели, чтобы рядом с Зимним дворцом и Собором не ошивались никакие худые выезды, а только богатые, соответствующие требованиям, с украшенными каретами и конями.

Глядя на это, я поражался размаху и сожалел о тех колоссальных средствах, что утекают на великолепие свадьбы. Даже понимание того, что такой лоск и размах имеет и политические подтексты, не перебивал скорбь от потраченных денег. Впрочем, и я потратился.

— Венчается раб божий... — провозглашал Симон Тодорский.

Мы с Екатериной объединились в том, чтобы именно псковский епископ нас венчал, даже вопреки мнению организаторов торжеств. Уже потому, что этот человек был терпелив в общении, находил правильные слова и вообще не отличался никоим образом чванством и высокомерием, стоило доверить ему проведение таинства.

— Да, — ответил я, после некоторой паузы из-за задумчивости.

Эту паузу, не сомневаюсь, будут обсуждать в обществе, особенно в противовес быстрому «Да» моей супруги.

При выходе из Казанского собора собралось большое количество людей, которые со счастливыми лицами приветствовали молодоженов, а лакеи несли подносы с серебром за императрицей, мной и Екатериной, чтобы одаривать подготовленных юродивых, сырых и убогих. Впрочем, не сильно-то они и были «сырые», даже одеты были в чистое и не драное.

Екатерина была прекрасна. Эта молодая женщина, знала толк в уходе за собой. Она была в пышном оливкового цвета платье с красивой вышивкой золотыми нитями, с брильянтами и яркими сапфирами, жемчугами, вплетенными в пышную прическу. Невольно я сравнивал ее с Краузе, и последняя так и оставалась последней, как ни пыталась часть моего сознания кричать о любви к служанке — лез на первый план в моей голове, со своей влюбчивостью в дурнушек, Петр, но тщетны были его потуги. И, если все же семейная жизнь, хотя бы в постели, станет самодостаточной, то придется Краузе отсылать подальше, а лучше замуж выдать. Вот только я все еще сильно стеснен в своих действиях.

Держалась моя жена величаво, строго, но улыбочиво. Она дарила притворные улыбки всем, особенно, стараясь выказать любезность сановникам, находящимся в фаворе. Я пытался соответствовать и лучился внешне счастьем, а сам желал... да нормально поесть я хотел. Говение перед свадьбой, суточная бессонная подготовка, пара пирожков, украдкой подсунутых заботливой Краузе — вся еда за более чем сутки. Потом обряд, выход к людям, переезд, долгое поздравление, бал с обязательными танцами, в основном ненавистная кадрили. Как после такого труда молодым резвиться в первую брачную ночь?

Между тем, все подобные мероприятия — это окно возможностей. Где еще можно пообщаться с теми же послами.

— Ваши высочества! — обратился к нам с Екатериной Аксель фон Мардефельд.

Посол Пруссии в России выглядел далеко не под стать образу рослого прусского гренадера. Это был изрядно толстенький человек под пятьдесят лет, с короткими ножками и ниже среднего роста. Чуть съехавший парик открывал залысины на его голове.

— Господин посол, рады приветствовать Вас, — решил я перехватить нить разговора. — Как поживает наш дядюшка, король Фридрих?

— О! Мой король счастлив вашему браку и желает многие годы и здорового потомства. А так же выражает безмерную родственную любовь к вам, — высокопарно, задирая вверх свой острый нос, словоблудил Мардельфель.

— Майн херц, а тебе не интересно, какой подарок приготовил нам король Фридрих? — обратился я к Екатерине, отыгрывая влюбленного простачка.

Я-то знал, что король не приготовил подарка, так как, по своей прижимистости считал сам факт сведения меня с Екатериной величайшим подарком. Но пусть посол выкрутится.

— О, конечно же Вам, Великая княгиня, передадут подарок в самое ближайшее время, — загонял себя в лужу посол.

Все это говорило, что подарка нет, но я его приобрету за свой счет и передам от имени

своего короля. Вот и пусть подсуется, денег на шпионов Фридрих не жалеет, есть средства у посольства.

— Барон, мой супруг, конечно, шутит, от дядюшки Фридриха нам достаточно любви, — встряла Екатерина, которая насупилась сразу же, как я начал управлять разговором с прусским послом.

Мне это не понравилось. Это уже своего рода начало игры Великой княжны. Я знал, зарабатывая через пронырливого Тимофея Евреинова свою агентуру и при дворе, что Екатерина немного злилась на меня из-за Краузе. Нет, надеюсь, жена не знала о некоторых пикантных подробностях «работы» гольштейнской служанки. Супруга злилась, что я полностью забрал к себе немку, тогда как Краузе ранее прислуживала и Екатерине, особенно во время моих чрезмерных возлияний алкоголем до болезни. Жаль, что узнал я об этом не сразу, и менять уже ничего не имело смысла, тем более, после некоторых подробностей, допускать Краузе к душевному общению с Екатериной — верх безрассудства. А еще было очевидным, что Иоганна Елизавета оказывает очень деятельное влияние на формирование мнения моей супруги. Невольно, или осознанно, но Екатерина подражала матери

— Сударь, если моей жене и достаточно подарков, то я бы не отказался от лучших в мире прусских штуцеров, а то мои потешные полки вооружены только мушкетами не лучшей выделки, — вновь я проявил мнимую взбалмошность и ребячество.

— Конечно, я скажу своему королю о вашей просьбе, — улыбнулся Мардельфельд, переводя разговор из категории «мальчик обижается, что нет подарка», в категорию «мальчик просит штуцеры, преклоняясь перед прусским оружием».

А это уже разные вещи. И в последней интерпретации я прошу снизить Фридриха, а не стыжу его за невнимание к своим племянникам. Маленький, плюгавый, толстенный, но скользкий дипломат этот Мандерфельд. Молодец! А мне то что? Были бы те самые штуцеры, которые ужасно дороги, в русской армии, насколько я узнал, может один нарезной ствол на целый полк и сыщется.

— А еще, мой король и я, его верный слуга, очень будем огорчены, если русский солдат будет стрелять в прусского, тем более из наших лучших в мире и очень малочисленных штуцеров, и готовы многое отдать, чтобы не допустить такого развития ситуации, — сделал посол очень тонкий намек на толстые обстоятельства.

Я задумался... Послезнание точно говорит, что Фридрих не воевал в 1740-е годы ни с Репниным, ни с Ласси. Что-то там произошло, что страны пошли на уступки друг другу и прусский король признал императором Священной Римской империи, чтобы не признавать женщину, мужа Марии Терезии. И если рискнуть и, к примеру, взять деньги с пруссаков, пообещать — не воевать, а оно и по факту послезнания сражений не предполагается...

— Барон, я могу очень сильно подумать о том, что кровь русского солдата, как и прусского, не может более проливаться в этой войне, по крайней мере, наши солдаты не должны стоять в строе друг против друга, еще бы время найти на такие мысли, понять, как именно их донести любимой тетушке, то очень много сил и средств уходит на обустройство семейных гнездышек, все так дорого стоит, — уже не намекал я, а прямо говорил: «Дай денег, немчина! Даже мои мысли стоят денег».

— Я услышал Вас, Ваше Высочество, мы можем быть на Вашей стороне и даже пропустить армию генерала Репнина в Гольштеинию через свои земли, — Мардельфельд поклонился мне, а потом и Екатерине. — Великая княгиня, я в восхищении, только женщина с идеальным вкусом, воспитанная достойными родителями могла подобрать столь изящный

наряд.

«Скотина! Кто тебе слил инфу?» — рвалось изнутри. Насколько же тут все течет? Я говорил только с Брюммером и Бестужевым-Рюминым о Голштинии. Верное, мой воспитатель может брать деньги у пруссаков и Бестужев у англичан, а бритты уже торговать информацией. Значит и датчане знают об авантюре и тогда все зря. Был бы на свадьбе кто-нибудь из Дании, можно разыгрывать дальше ситуацию, а так... Ну, не был я в этом мире миллионером чего и начинать? Или все-таки начать и продолжать. А что такого он сказал, ну пропустит Пруссия Репнина в Голштинию, и чего такого? Она же моя, почему и не допустить Голштинию, как опорную базу для русского корпуса?

После того, как отошел прусский посол были еще несколько бессмысленных коротких разговоров, в ходе которых все выражали «восхищение» Екатериной. Я ощущал себя котом Бегемотом на балу Сатаны, а жена была в моей фантазии Маргаритой. Вот и остается мне вторить: «Королева в восхищении!». Хорошо же она соломку себе постелила в высшем обществе, успела обзавестись поклонниками.

Часть великосветских матрон демонстрировали, в большей степени Екатерине, нерастраченную материнскую сердобольность. У мужчин при общении с Великой княгиней Екатериной Алексеевной просыпалось желание ее защитить. Миниатюрная, но уже зрелая с явными женскими признаками, девушка со звонким голосом казалась воплощением невинности, вместе с тем и запретного порока. Не красотой брала Екатерина, а тем, что казалась слабой, нуждающейся в защите, сильные мужчины были готовы заслонить ее своим телом.

Это метафизика, но такие женщины, как мне кажется, в истории были и до и после Екатерины. Как можно было объяснить феномен Жанны де Арк? Или же сложный путь становления королевой «английской девственницы» Елизаветы Тюдор, у которой несколько раз за время правления была странная болезнь «вздутия живота». Этой химией, на грани магии, она могла привязать к себе и Орловых и иных сильных, решительных, но не особо мудрых мужчин.

Кстати, о поклонниках! Андрей Чернышов-то слился, вернее его слили. Уже на следующий день после того бала-маскарада, где я приревновал его к Екатерине, граф был высочайшим повелением отправлен в Петербург с инспекцией Сухопутного Шляхетского корпуса. Но весь двор быстро забыл о происшествии, так как императрица избавлением от Чернышова показала, что племянник прав и нечего перемалывать с пустого в порожнее. Тогда, насколько я знаю, Иоганна Елизавета, любезная моя теща, вновь взяла деньги у кредиторов, еще двадцать тысяч, чтобы вместе с дочерью в очередной раз осыпать подарками половину двора, нивелируя последствия скандала.

— Подите к матушке-императрице, — к нам с Екатериной подошел Алексей Разумовский, он заприметил, как спешит Иоганна Елизавета и строго, даже грубо одернул ее. — Елизавета Петровна просила подойти только Великого князя и Великую княгиню.

Моя теща опешила, она, видимо, посчитала, что теперь-то, как мать жены наследника, стала практически родственницей, а тут такое пренебрежение от фаворита. Да еще и безродного, как она считала, пастуха, небезосновательно. Вот только этот «пастух» был разумен и стал действительным аристократом. Попытка Иоганны скрыть такой афронт, переведя все в шутку, не получился — Алексей Разумовский был прямолинеен и прост, чтобы скрыть собственное отношение к Анхольт-Цербской пиявке. Он то, как раз не забывал о своем происхождении и относился к людям по их поступкам. Поведение же «немецкой

приживалки» бывший малоземельный казак считал сверхнеприличным и по своей простоте имел желание отхлестать Иоганну плеткой.

Екатерина опешила от такой ситуации, она была очень зависима в своем мнении от матери, которая держала дочь всегда в излишней строгости. А по мне, пусть быстрее привыкает быть «за мужем», чем оставаться «за мамой».

— Чада мои, я вельми рада, — встретила нас тетушка объятиями. Потом поцеловала сначала Екатерину, уже после меня. — Берегите себя и любите! А я дарю Вам Ораниенбаум, тако ж имение Люберцы. Но о том, Петруша ты проведаль и уже строительство начал, то ведаю. Ведаю и то, что денег хочешь, дам сто тысяч, но не тебе, а вам с Екатериной Алексеевной, дабы употребили совместно. А дом в Ораниенбауме уже отделявают. Соседями с Голицыными будете.

Елизавета подала мне руку и я ее поцеловал, склоняясь, в глубоком поклоне. Подобное проделала и жена, только еще и с книксеном.

В принципе, подарок был предсказуем, сто тысяч пошли бонусом, но могла и больше дать тетушка, на саму свадьбу может и миллион пошел, про наряды всем действующим персонажам лучше даже не думать, даже многочисленные герольды были в платьях, шитых серебром.

Провожали нас, молодоженов, в спальню Чоглоковы, которые, по мнению Елизаветы, были образом благопристойности и любви. Николай Наумович Чоглоков был женат на двоюродной сестре Елизаветы Марии Симоновне — любимой до замужества фрейлине императрицы. Они рожали детей так часто, что Мария Симоновна, казалось, всегда была либо беременной, либо только родившей. И Елизавета демонстрировала молодоженам, к чему нужно стремиться. Я же не хотел, чтобы Екатерина стала инкубатором для рождения великих князей и княжон на радость государыне, живя в охраняемом вольере, пока тигрица, Екатерина, найдет возможность вырваться на оперативный простор. Пусть займет свою умненькую головку делом и меньше думает, как меня убить.

Как смог я в иной истории сбежать и всю ночь где-то пьянствовать, если верить прочитанным мной мемуарам Екатерины, ума не приложу?! После общения с тетушкой, нас с супругой взяли в такой оборот, что и шагу в сторону не сделаешь. А потом еще и Чоглоковы, которые столь ревностно отслеживали нас с Екатериной, что дистанция, на которой находилась идеальное семейство, не превышала и двух метров. К слову, не слишком и идеальная семья, если события будут схожи с теми, что были в известном мне варианте истории.

— Сударь, Вы собираетесь спать в одной постели со мной? — дрожащим голосом спросила Екатерина, как только двери за нами закрылись и мы остались в небольшой комнате с огромной кроватью.

— Катэ, присядь и давай поговорим, на русском языке поговорим, — сказал я и присел на единственный стул в комнате, молодая жена присела на краешек кровати.

— Будем разговаривать, — со слабо слышным акцентом почти на чистом русском языке согласилась Екатерина. — Вам нравится называть меня Катэ?

— Ты отлично стала говорить на русском, — отметил я. — И, если тебе не нравится имя Котэ, скажи, и я не стану.

— Я старалась соответствовать Вам, Великий князь, вы стали лучше меня говорить на русском языке, я много училась, — сказала Екатерина, все еще волнуясь, игнорируя вопрос о «Катэ», о котором она еще не сложила свое мнение.

— Я принимаю твое нежелание общаться на «ты», но это в русской традиции обращаться к близкому человеку в такой форме, — сказал я и чуть вытянул ноги, которые зудели от напряжения сегодняшнего дня.

— А мы близкие люди? — спросила Катэ.

— Я бы хотел быть для тебя таковым, — и не дав себя перебить продолжил говорить, мешая правду с нужными, но преждевременными словами. — Я влюблен. Влюблен в тебя, но я такой, какой есть: буду защитником, если позволишь тебя защитить, буду помощником, если позволишь себе помогать, стану другом, соратником, буду любить, если позволишь себя любить. Хотел бы и от тебя такого же, но неволить не стану. Мы можем родить ребенка, потом еще одного и жить каждый своей жизнью, а можем жить одной судьбой.

— Я... я не знаю, — дрожащими губами сказала Екатерина.

— Я встретил Вас — и все былое

В отжившем сердце ожило;

Я вспомнил время золотое —

И сердцу стало так тепло... — читал я стихи, мысленно прося прощение у Федора Тютчева.

Екатерина расширила глаза. Я давил, как мне казалось, даже бил тараном по девичьему сознанию. Зная, насколько в иной реальности Екатерина Великая была талантливым литератором, понимала поэзию, приблизила Сухорукова, потом и Державина, я не стал красть музыкальные произведения, или выдумывать что-то еще, а «становился пиитом». Главная эrogenная зона у женщин уши? Вот и проверим!

— Это прекрасно. Кто написал такие чудесные стихи? — воскликнула Екатерина, переходя на немецкий язык, потом из начавшейся паузы и моей мимики сделала свои выводы. — Это Вы, Петр Федорович — вы пиит, это великолепно на русском языке писать так возвышенно.

«Я найду твоих предков, Великий мастер Федор Тютчев, и дам им денег» — подумал я и камень с души за воровство творчества если не спал, то значительно уменьшился в своей массе.

— Катэ, рядом с тобой влюбленный мужчина не может не быть пиитом, — я взял жену за руку. — Я посвящу все стихи о любви только тебе. Все иные женщины, если они не русские императрицы, меркнут перед твоей красотой, душевностью и умом.

— Почему ты молчать? От чего скрыть любовь? — у Екатерины вновь ярко проявился акцент.

— Понял не сразу, а потом хотел стать лучше, разумнее, сильнее, — отвечал я и приблизился вплотную.

Я поцеловал Екатерину, которая не сопротивлялась, но и не сделала ни единого движения навстречу, замерев, словно изваяние, с закрытыми, скорее от страха, чем от удовольствия глазами.

— Я боюсь! — произнесла Екатерина, потом сделав глубокий вздох, властно позвала свою служанку-калмычку, чтобы та помогла раздеться. — Сударь, отвернитесь, я буду раздеваться.

Я отвернулся. Потом был максимально нежен, но, когда молодая супруга, плача, просила остановиться, прекратить, я оставался настойчивым, шепча слова признаний. Никакого удовольствия ни я, ни, уж тем более, Екатерина, не получили, но моя внимательность в особенности «после» случившегося немного сгладила углы.

— Напьемся, Катэ? — спросил я, выуживая две бутылки вина, заранее припрятанных.

— Ты же не пьешь Петья! — попыталась принять мою манеру общения уже действительно, по всем пониманиям и разумениям, жена.

— С тобой выпью, апосля и поговорим, нам нужно говорить, — сказал я и первым отпил с горла, отдавая вторую бутылку Катэ.

Она в первые секунды опешила. Софии Фредерике Августе болезненными способами вбивали науку этикета, чтобы она вот так, с горла пила, тем более вино, но я настоял и правильно сделал. Может быть, за долгое время, Екатерина ощущала себя более свободной. У нее чувствовался бунтарский дух и еще не иссякшее безрассудство юности, она приняла правила игры и пила. Слушала меня, плакала, пила и говорила сама. Рассказывала, как ненавидела меня и боялась сегодняшнего дня, как была в растерянности, когда я изменился. Рьяно осуждала мать, что та изменяет в России отцу и сделала очень много долгов, намного больше, чем это же сделала сама Екатерина. Сказала, что она так же хотела бы стать и другом и соратником, умолчав про любовь, но призналась, что в замешательстве, что я таким нравлюсь ей больше, чем раньше. А я, уличив момент, когда Екатерина, неимоверно смущаясь, вышла в маленькую соседнюю комнату, выскочил из комнаты и подал знак Тимофею Евреинову.

Нельзя было, чтобы девчонка помнила страх и боль после первой брачной ночи, важно, чтобы она могла похвастаться перед близкой подругой, как было романтично и красиво, а в захмелевшем организме усиливается восприятие, после идеализируется.

Как только Екатерина вышла из соседней комнаты в уже поменянной ночной рубашке, предыдущая была вымазана «красной калиной», в комнату начали входить слуги с завязанными глазами, но каждый с большой корзиной великолепных роз. Глаза были условно завязаны, через ткань силуэты были видны, но девичьей психике, как я подумал, лучше знать, что ее никто не видит. Потом принесли сладкое. Такое, чего Екатерина еще не могла есть. Шоколадные конфеты и с кокосовой стружкой, с миндальным орехом внутри, эклеры, крепчайший кофе, который предпочитала моя супруга. Были еще стихи, пока захмелевшая Екатерина употребляла с превеликим усердием сладкое. А апогеем всего, ну если не считать сам факт близости, стал фейерверк, где под окном ярко загорелось имя «Екатерина». И я подарил просто зашкаливающий по своей стоимости комплект из сережек, ожерелья и браслета, рисунок которого сделал сам, вспомнив любимые украшения моей уже бывшей жены.

А поутру они проснулись...

— Сударь, Вы не ложились в кровать? — спросила Екатерина, натягивая простыни до подбородка.

— Мы стали обращаться на «ты» наедине это можно. Выспалась, любимая? — сказал я потягиваясь. В стуле, который вчера казался таким удобным, почти что креслом, оказалось, спать катастрофически неудобно — все затекло и болело.

— Так почему ты не ложиться в кровать? — настаивала на ответе Екатерина.

— Любовался спящей богиней, — соврал я.

На самом деле Екатерина уснула неудобно, «звездочкой», чтобы я пристроился рядом, да и я нашел еще одну бутылку вина и все же напился.

Не стал настаивать на такой же откровенности в разговоре, как и ночью, не стал я и навязчивым. Екатерине принесли кофе и еще порцию эксклюзивного десерта, и я ушел, предоставив жену заботам служанок и настойчивости тещи, которая, как нам сообщили, уже

спрашивала про свою дочь.

* *

Петергоф

2 сентября 1745 года

— Дочь, почему меня не пускали к тебе? — властно, с упреком, спросила Иоганна Елизавета, как только вошла в покои молодоженов.

— Мама, в этих покоях теперь может быть и мой супруг, — возразила Екатерина.

— И что теперь? Твоя мать не может видаться с дочерью? Воспитанный кавалер спрашивать должен о возможности его принять, даже муж, — воспитывала дочь Иоганна Елизавета.

— Мама, он... — было начала объяснять свои эмоции Екатерина, но не находила слов. Молодая женщина сама не понимала, что именно такое «он». Мысли путались, но что-то в ней изменилось и речь не о особенностях женской физиологии, хотя и о ней тоже.

— Какая прелесть! — воскликнула Иоганна Елизавета, обратив внимание на подаренные Великим князем украшения. — Семь, может и восемь тысяч такие стоят, работа просто восхитительная. Дорогая, а ты разговаривала со своим супругом, чтобы он закрыл наши долги?

— Мама, я свои долги почти закрыла, мне перед свадьбой выдала императрица пятнадцать тысяч, — осмелев, Екатерина охолодила меркантильный пыл матери.

— Вот как? — Иоганна Елизавета пристально посмотрела на свою дочь, которая, как была убеждена эта женщина, всегда была и останется под властью ее — матери жены наследника российского престола. — Ты не забылась?

— Нет, мама, и попрошу не забывать, что я Великая княгиня! — с вызовом произнесла Екатерина.

— Ах ты не благодарная! — выкрикнула Иоганна Елизавета и с размаху ударила жену наследника престола. У Екатерины с уголка рта проступила кровь.

* *

Петергоф. Левое крыло дворца.

Палаты императрицы

2 сентября 1745 года

— Скотина, курва немецкая! — негодовала Елизавета.

Императрице только в пять часов по полудни сообщили о конфликте вначале между женой наследника престола и ее матерью, а уже позже и Иоганной Елизаветой с Петром Федоровичем.

— Эта дура кем себя возомнила? В моем дворце, в моей империи она смеет бить мать будущего императора! — государыня продолжала быстрыми шагами ходить по большому залу, где еще прошлой ночью был бал в честь венчания наследника.

— Матушка, она уже собирает свои вещи под пристальным вниманием моих верных людей, — произнес Андрей Иванович Ушаков.

Нынешний глава Тайной канцелярии уже прекрасно понимал, что скоро его сместят и даже удивлялся, почему до сих пор этого не сделали. В конце концов, он начинал работать

еще при Петре Великом и пережил всех правителей, был он главой Тайной канцелярии и при Анне Леопольдовне, видел, знал, докладывал о заговоре Елизаветы Петровны, но не предотвратил. А потом промахи с интригами французского посланника Шетарди, нелепость «заговора» Лопухиной и теперь вся работа Тайной канцелярии измеряется неудачами. Все же старость и болезни берут свое.

— Выгнать в зашей, с долгами пусть сами разбираются, — продолжала злиться императрица. — Бестужев, сопроводительные документы готовы?

— Да, матушка, — соврал опытный царедворец. Пока Иоганна выедет, все будет готово, даже сопровождение до пределов империи.

— А хорош племянник — рыцарь! Рванул на защиту жены, а когда эта скотина немецкая начала меня поносить, так вином ее облил, хорошо, что сам не ударил. Да я бы и не осудила, если бы и ударил. Это у меня лицо прыщавое? Просыпается кровь Петра Великого в Петруше, еще космы-то повыдергивает вам всем, — настроение Елизаветы менялось чуть ли не на каждом ее слове.

Вообще государыни испортили благоприятственное состояние еще на балу, когда молодые пошли в свои покои. Прусский и австрийский послы устроили перепалку, которая чуть не переросла в потасовку с вызовом на дуэль. Это русские дворяне только осваивают правила дуэли, а немцы постоянно шпагами машут. Было бы интересно посмотреть, как низкий толстенный прусский посол фехтует с рослым и поджарым австрийским.

Вообще нельзя было приглашать на один и тот же бал двух послов противоборствующих держав, когда прусский король просто и незатейливо позволяет себе оскорбления в отношении австрийской императрицы Марии Терезии. Но как не пригласить, если король Фридрих, по сути, выступил в роли свахи, а Австрия союзница России.

Потом настроение императрицы стало веселым, когда она в подробностях узнала о первой брачной ночи Петруши, которого и называть-то сейчас хочется Петром, ибо не отрок, но муж. Елизавета, как женщина прониклась всей романтикой и таким знанием дела от наследника, что иной опытный сердцеед в своих действиях с еще девственной женой спасует перед, казалось бы, юнцом.

И снова, когда императрица, с рассветом, уже намеривалась идти спать в свою новую спальню, впрочем, она меняла их чуть ли не каждый день, Бестужев посмел озадачить проблемами. К канцлеру во время празднеств стекались вести, как и представители разных стран. И обнаружились подвижки в деле Шлезвига — датчане выставили встречное предложение. Даны предлагали пять миллионов полноценных флоринов за то, что Петр Федорович, как герцог Голштинии откажется от всего герцогства, раз он уже наследник Российской империи. Нет, само предложение не расстроило Елизавету, она просто не хотела работать, ее чрезмерно утомили разговоры Бестужева, государыня постаралась стерпеть, правда, на долго ее не хватило.

В целом же выходило, что датчане заволновались и решили поучаствовать в игре. Пусть они и считали и Верхний, и Нижний Шлезвиг своими, но понимали, что эти области вошли в состав их государства просто по праву сильного, даже с условием, что в тринадцатом веке, Дания владела еще большими землями. Просто откупиться датчане были, в общем, то и не против, но решили сразу замахнуться на большее, действуя по принципу: «проси больше, чтобы получить столько, сколько нужно».

И Бестужев продал бы и Шлезвиг чего уже там и Голштинию, но тут может пострадать авторитет России. Держава, которая бездумно раскидывается активами, формирует

отношение к себе, как легкомысленной.

Бестужев-Рюмин, как и сама государыня, пусть она и не хочет в этом признаваться, понимали, что авторитета, как такового, у Российской империи нет, никто ее не признает за серьезного игрока, так — пугало для Европы, разменная монета. Да, был Петр Великий, он своей победой в Северной войне доказал состоятельность России, с позором проиграл в Прутском походе османам. Однако, Петра нет и не секрет для европейцев, что тот же русский флот сейчас в более удручающем состоянии, чем в петровское время. Анна Иоанновна смогла удачно поучаствовать в польских делах и сомнительно повоевать в Крыму и тогда к России присмотрелись, оценили, но высокомерие европейских домов успехи России объясняло помощью Австрии.

В России происходит череда переворотов и непонятная возня вокруг трона, русская армия в Европе почти и не показывалась. Поэтому французский Людовик даже не принимает русского посланника, посему австрийцы считают, что русские только лишь могут отвлечь противника, но не стать силой для кардинального решения европейских проблем.

И в таких условиях Бестужев предлагает немного показать Россию, хотя бы поуготать датчан, тогда как Англии в целом безразлична судьба Шлезвига, им важен только Ганновер. Канцлер специально консультировался по этому вопросу с послом Англии в России лордом Кармайклом. Теория «управляемого хаоса» — так могли бы назвать то, что предполагал Алексей Петрович. Ждут от русских дикости, так и показать ее. Быстрым маршем зайти в Голштинию, пограбить ее, устроить столкновения с гвардией герцогства, в этих условиях Дания вводит свои войска, чтобы оградить от русских бесчинств бедных голштинцев. Россия же извиняется, конечно, и уже на этой платформе ведет переговоры, вытягивая деньги у Дании. И это иезуитство канцлеру подсказал Петр Федорович. Впрочем, Бестужев был уверен, что это он сам до такого додумался, наследник только натолкнул на нужные мысли.

И вся эта игра была сложным и несвоевременным для Елизаветы делом, вот только послы ждали ответов и в такой шахматной партии нужно быть расторопным, тем более, что Бестужев собирался требовать с Дании четыре миллиона за Шлезвиг и еще подумать о Голштинии. А русская казна, как, прочем и всегда, требовала пополнений.

— Что думаете о племяннике моем, о наследнике российского престола? — вдруг спросила Елизавета видом и тоном матери, чей малолетний сын только что с выражением прочитал большое стихотворение, стоя по струнке на стуле.

Императрице начал нравиться ее племянник, одновременно в душе Елизаветы зарождалась и тревога, что малолетний разумник, будучи уже, как минимум мужеского полу, станет более привлекательным для бунтарских голов, чем сама Дочь Петра Великого. Так и до бунта не далеко.

— Нужно, матушка, дать ему волю, пускай проявит себя, коли что выйдет с того, так и добро, а коли нет — так станет и ясно, в какой стезе воспитывать отрока, — решил высказаться Иван Иванович Шувалов, который заскучал от хитросплетений политических игр Бестужева. Уже не раз подобные слова звучали с уст приближенных, но Елизавете важно было в очередной раз услышать то, о чем и сама думала.

Шувалов уже оценил изобретение Великого князя, ни одно строение, где было установлено устройство отвода молнии, не сгорело и даже не задымилось, несмотря на то, что в мае и июне грозных дождей было более чем предостаточно. Уже это сэкономило немало средств, в том числе, и деньги всего семейства Шувалова, которые тратили до сорока тысяч рублей в год для покрытия расходов от пожаров, вызванных молниями.

Управляющие Шувалова не могут нарадоваться с того, что первый сахар из свеклы получился-таки и не хуже, пусть и не лучше, чем тростниковый. Да, технология была еще не отработана, часто приходится пристально смотреть, чтобы работники на сахарном заводике нарезали свеклу стружкой, еще плохо подобран известняковый раствор для отбеливания сахара, да так, чтобы без всяких привкусов. Были еще сложности, но Великий князь не чинясь, снисходил даже до худородных посыльных от управляющего заводиком, объяснял решения затруднений, как будто знал, как именно должно было все работать. Ну, не все мог рассказать Петр Федорович, некоторые вещи требовали решений и ученых мужей, но результат был. Уже Иван Иванович строит три новых сахарных завода в Новгороде, в Москве и еще один под Петербургом и собирался предложить половину дохода Петру Федоровичу, ибо видел, нет — чуял — что еще будут сюрпризы. Да уже есть — одного из посыльных Великий князь угостил сладкой водой лимонной с пузырьками и «вельми укусной», как говорил приказчик.

Так что Петру Федоровичу нужно больше воли и свободы продвижения и принятия решений, чтобы приносить деньги и ему, Ивану Ивановичу — уже точно не «бедному родственнику», становящимся одним из богатейших людей. Будет возможность еще больше прикормить Вольтера, или пригласить какого ученого в Россию.

— Иван Иванович, я и не противлюсь, быть по сему, а тебе Андрей Иванович следить за Петром, можешь и открыто, пускай знает о том, что под надзором моим, — обратилась Елизавета к Ушакову, а тот воспарял, вытянулся, выпучил грудь, не замечая, что императрица подала знаки и Шувалову и Бестужеву, чтобы и те своих людей напрягли и примотрели за наследником.

***

Петергоф

Октябрь 1745 года

— Сударь, выйдете, я не желаю Вас сейчас видеть, — проявляла истерику Екатерина, нарушая наше же с ней правило говорить на русском языке.

— Никуда я не уйду. Я свою добродетельную мать не знал вовсе, она почилла, когда мне был только месяц отроду, батюшка не занимался мной вовсе, я жил в казарме, не ведая любви родителя, только в строгости и был счастлив, когда меня хоть в малом похвалят. Теперь я есть у тебя, Катэ, и есть тетушка, она величественная, но и милосердная с большим сердцем, — говорил я, чуть ли не роняя скупую слезу, а в воображении представилось это «большое сердце» Елизаветы внушительного размера, размера так пятого точно.

Да, я играл, но лишь от части, по мере произношения своих слов, с обязательным упоминанием о благодетелях тетушки, я и сам начинал во все сказанное верить, но эти дворцовые правила заставляют вести себя лицемерно, наиграно. Между тем, как это ни странно прозвучит, моя жена начинала мне все больше нравиться. Вот это проявление эмоций, первая действительно семейная ссора, все говорило, что мы становимся более близкими. Допустить истерику в присутствии стороннего человека Екатерина не могла.

— Прости, Петр, но я всегда была подле матери, во все вояжи она брала меня с измальства, а тут ее рядом нет, — Екатерина достала платок и вытирала влажные глаза.

— Ее Величество императрица Всероссийская Елизавета, — прокричали в коридоре, причем там никого не было и «сигнализация» могла быть только от свиты самой тетушки.

Какая женщина! Восхищался я, наблюдая метаморфозы, которым подверглась моя жена. Из плаксивой девочки она молниеносно превращалась в Великую княгиню, менялось лицо, на которое приклеивалась услужливая улыбка, расправлялись плечи, приподнимался подбородок.

В комнату, где я, прервав свою тренировку, успокаивал жену, которой даже не дали попрощаться с ее матерью, а Катэ, вопреки всему, была привязана неимоверно к матери, ворвался ураган. И имя сей стихии — Елизавета Петровна. Императрица часто, особенно на эмоциях, ходила очень быстро, совершая широкие шаги, так, что придворным приходилось совершать перебежки трусцой. Вот и сейчас она быстрыми, широкими шагами, опираясь, в подражании Петру Великому, на массивную трость, вошла в комнату.

— Ваше Величество! — мы с Екатериной церемонно выказали приветственное почтение: я поклоном головы, жена — глубоким книксеном.

— Чада мои! — воскликнула императрица и стала лобызать нас, целуя то в щеки, то в лоб, мы же, дождавшись момента, поцеловали запястья рук тетушки. — Дозволяю Вам поступать, как вольно, но ведайте, что присмотр будет, может быть и иначе, коли непотребства чинить станете. Тебе, милая, ставлю запрет на переписку с Иоганной и не родней, сама ведаешь, что не права твоя мать. Тебе, Петруша, коли вольности ищешь и становишься мужем — погасить долги твоей жены и ее матери. И чтобы до конца года со всеми кредиторами рассчитался, коли муж разумный, отвечай за жену.

— Да, тетушка, все справедливо! — не стал я возражать, но внутри передернуло, так как боялся даже думать о тех умопомрачительных долгах тещи и сильно меньшие жены.

— Проси, что хочешь для дел твоих, но денег более не дам, ни рубля, ни ефимки. У кредиторов станешь братъ — под замок посажу, — продолжала фонтанировать императрица, да так эмоционально и громко, что подтянувшаяся следом свита из приближенных сановников понурила головы.

— Миниха Бернарда в учителя дай мне, Воронежский полк, дабы на его основе новое воинство готовить и волю в привлечении людей, — выпалил я и сам ужаснулся своему безрассудству, но настолько медленно получалось что-то решать, что хотелось форсировать события. Сонное правление Елизаветы, очень медленно что-либо происходит.

— Воронежский полк не против я отдать, не понимаю, отчего они, мог и ингерманландцев взять, да твои голштинцы, как я знаю, придут, но то воля твоя, — медленно, приглушенно говорила Императрица, обдумывая, видимо другое — зачем мне Миних.

На контрасте с предыдущим громом, такой тон показался могильным, так что присутствующие еще больше вжали головы в плечи, единственная Екатерина с большим удивлением посмотрела на меня, нарушая придворные негласные правила направлять внимание только на государыню.

— Зачем тебе Бернард Христоф Миних, может, еще и Эрнста Бирона вернуть хочешь? Немцев засилье возродить желаешь? — спросила Елизавета жутковатым тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— Бирона не надо, пусть он и мог бы стать добрым заводчиком коней для войска. Миниха хочу поставить подле себя, дабы учил фортеции, ты же, государыня, ведаешь, что я способен к этому, так же может понадобится и его опыт в потешных полках, — спокойно, выдерживая прессинг, ответил я.

— Миниха в потешные генералы? А-ха-ха! — разразилась громоподобным смехом

императрица.

— Он станет русским, может православие и не примет, но России служить станет честно. А коли не принесет Вам, тетушка, присягу честью и на Евангелии, то гнать стану в шею, — подкрепил я свою просьбу еще одним аргументом и еще решил добавить. — Хочу опыт его неудач в Крыму принять и не допустить боле, требовать можно, чтобы он не имел сношений при дворе, пока не докажет своей преданности ревностною службой, ни к кому из высшего общества его Христофора Антоновича не пущу. И за любую хулу на тебя, тетушка, самолично заколю шпагой.

— Алексей Петрович, — обратилась Елизавета, после долгой паузы, к Бестужеву, при этом я выдерживал ее жесткий взгляд. — Пошли за Бернхардом и под конвоем, но без насилия, привези Миниха. Он уже писал мне много, просил простить, говорил, что был только предан слову и присяге, потому и не стал рядом со мной. Пусть будет потешным генералом. С понижением в генерал-майоры. И, коли свою спесь уймет, и пойдет на такие условия, я еще подумаю. А почему, Петр Федорович, все же Воронежский пехотный полк? Почему не лебгвардейский, или Преображенцы, где ты, Петруша, полковником, или какой иной полк?

— Тетушка, воронежцами командует Петр Румянцев, он добрый командир, — ответил я.

— Ха-ха-ха! Вновь разразилась смехом императрица. Это Петр Александрович — тс добрый командир? Это горе почтенной семье и слезы Марии — матери его! В полковника я его произвела за вести о мире со шведами, что он принес, да протекцией его почтенного отца, да моей статс-дамы Румянцевой. А этот ахальник нагой через весь Петербург к мужним девицам бегаёт, позорит фамилию, — императрица вновь залилась смехом, вспомнив, как красочно ей рассказывали про похождения двадцатилетнего Петра Румянцева, который уже полковник без существенных подвигов на войне. Отсюда и отношение к Петру Александровичу, как к баловню судьбы, незаслуживающего благосклонности и важного дела.

— Дозволь, тетушка, вижу я его добрым и дерзким командиром, что еще ворагам нашим холку чистить станет сильно, — настаивал я на своем.

— Говори с ним, решай сам, — императрица вытерла платком глаза и громко выдохнула, такие яркие эмоции вымотали Елизавету и проявили зверский аппетит, поэтому она спешила в свои палаты, где на подъемном, возникающем из пола, столе должны уже стоять яства.

***

Петербург

2 октября 1745 года.

— Господа! Рад вас видеть! — громогласно произнес я, когда вошел в большое помещение, служившее чем-то вроде столовой в расположении Преображенского полка.

Громогласные приветствия уже отзвучали на построении и во время небольшого показушного парада — как-никак, я, полковник Преображенского гвардейского полка, пришел, наконец, в свой полк. Да не один, а с супругой.

Эту встречу не то, чтобы я откладывал, но все было как-то не до нее, да и присутствовало некое смятение от понимания необходимости если не дружбы, то дружественного нейтралитета с гвардией. Я, Сергей Викторович, мало знал о правилах и

моделях поведения с такой братией, как гвардейцы-сибариты, а я, Петр Федорович, просто боялся их, презирая «янычар». Так что пришлось немного подкопить информации и что-то для себя прояснить, прежде, чем начинать близкое знакомство с теми, кто уже неоднократно возводил на престол популярных в своей среде правителей. Между тем, я отслеживал ситуацию с гвардией и, когда обнаружил задержку выплаты жалования на целый месяц, быстро сориентировался и послал денег. Это резко, я бы сказал, молниеносно, подняло меня в глазах гвардии, тем более, что жалование им выдали в скорости и получилась такая вот премия от наследника. Но это не пустая трата денег, это вложение в свою безопасность.

Потом я уже собирался навестить гвардию, но дел после свадьбы образовалось столько, что пришлось кроить свой распорядок дня чуть ли не ежечасно.

Так, сразу после венчания, чтобы не слыть простачком и показать, что нельзя мною крутить сверх меры, я проверил работу совместных с Иваном Ивановичем Шуваловым предприятий. Остался недовольным организацией работы и попытался хоть что-нибудь изменить, сахарные заводы не были загружены и на половину но... Оказалось, что свеклы для загрузки даже одного невеликого заводика до нового урожая просто нет. И было не понять, почему. Один управляющий ссылаясь на то, что на землях Шувалова просто высадили ее мало, другой, что треть урожая погнило еще до того, как он попал на завод. Думалось, что и то и другое имело место, и первоначально Иван Иванович не поверил в успех предприятия, чтобы взять тот же урожай под плотный контроль. Правда, сейчас Шувалов строил еще три фабрики и думается, что по весне сахарной свеклы будет высажено немерено. Еще одним примером бесхозяйственности стало то, что получаемый жмых от переработанной свеклы либо воровался работниками, либо просто уничтожался. Почему не поставить рядом свинарник, или кто там ест такое лакомство, не знаю, но не должно быть так — выкидывать корм.

Между тем, сахарный завод дал мне некий профит в виде пяти тысяч рублей. По мерилам Великого князя, это очень мало, но как начало больших дел — очень даже неплохо. Сахар, произведенный на заводе, не стал дешевле привозимого тростникового, но почти сравнялся с ним в цене, только чуть-чуть дороже выходил. И тут компаньон включил «административный ресурс», взял в заговорщики своего двоюродного брата Петра Ивановича Шувалова, скорее последний и был инициатором сговора, и устроили эти деятели дефицит сладкого продукта, задерживая корабли и скупая на корню весь сахар, до которого могут дотянуться и который поступает в Россию. Данная политика привела к тому, что сахарный завод, не просто вышел на рентабельность, но и принес первую ощутимую прибыль.

Другое дело — это ресторация «Элита». Вот там все идет просто идеально. И причина в отлично проведенной рекламной компании. Так, Ивану Ивановичу, при некотором моем содействии, удалось заманить императрицу в это заведение. Конечно, это был закрытый прием, инициированный Иваном Шуваловым, все больше входящим в фавор, оттесняя, но, не сменяя Алексея Разумовского. «Почесала пятки» Императрице и жена Петра Ивановича Шувалова, Марфа. Это такое мероприятие, в ходе которого государыня соглашалась практически на все, уж сильно Елизавета любила массаж пят.

И вот после этого бала в ресторации «Элит», императрица сыграла в рулетку, посидела за карточным столом в игре «Фараон», потратила невероятную сумму денег, которую по обыкновению некоторые придворные попытались захватить. Однако, крупье, как и охрана, сдали свой экзамен, а Шувалов подтвердил полномочия служб заведения. Блюда, которые

попробовала Елизавета не вызвали у нее восторга. Разве... только — котлеты «по-киевски», на что и не рассчитывали. Елизавету позабавил момент, когда из этой котлеты брызнуло сливочное масло. Попало бы горячее масло на лицо, руки, или, не дай Бог, на платье, быть беде, но обошлось.

В тот вечер заведение заработало пятнадцать тысяч рублей, большую часть из которых оставила расточительная императрица. Были и те, кто проявил себя игроманом и был практически оттащен от рулетки, пользующейся особой популярностью. Шувалов уже думал о дополнительном столе с такой забавой.

Тут же было и фортепяно, еще мало известное в России, и даже пианист, который ранее играл на клавесине, но более-менее освоил и новомодный английский инструмент. А я «накидал» парочку произведений. Предков зарубежных музыкантов будущего искать не буду, чтобы оплатить им за использование произведения потомков, иначе все содержание и заработок потрачу на компенсации. Так что, Людвиг Ван, как и некоторые иные гении, обязательно напишите что-то иное. А вот, господин Рахманинов, не беспокойтесь: во-первых я вспомнил только небольшие отрывки вашего творчества, во-вторых, еще не скоро появятся музыканты, способные исполнять столь сложные произведения. А пока общественность восторгалась «гением» Великого князя — автора душещипательных музыкальных творений.

А на следующий день, двор бурлил, все обсуждали «ресторацию», особенно в костер интереса подкидывали дров подговоренные Иваном Шуваловым придворные. Как мне докладывал вернувшийся из Ораниенбаума Тимофей Евреинов, который не растерял связей в корпусе слуг при дворе. Некоторые дамы с кавалерами остались весьма довольны номерами в «Элите». И это бурление в обществе вылилось в аншлаги на протяжении уже трех недель. Да, были эксцессы, вызовы на дуэль, ссоры из-за дам, восторг и недовольство от кухни, но интерес не иссякал, а Шувалов уже выкупил большое здание в Москве для организации подобного и в Первопрестольной. Впрочем, я и там вошел в долю, пусть в данном случае и только на сорок процентов от доходов.

Так что деньги текли, пусть и не полноводной рекой, но ручейком точно. Доход уже приближался к цифре содержания от императрицы.

Что же касается Разумовского, то мне было его как-то жалко, пылких чувств к нему Елизавета уже не проявляла, но и не гнала от себя. Да тот сам виноват в происходящем. Елизавете, может, нравилось ощущать себя простой бабой, когда пьяный мужик лается и глупости делает, но, как экзотика, так сказать по разовой акции, а Разумовский стал во хмели позволять себе слишком уже многое, мог и толкнуть даже, обзвать Елизавету. Да, потом вымаливал прощение, находил красивые слова, на коленях стоял перед дверями в спальню государыни, завязывал пить...не некоторое время. Так что пусть муж пока поест груш, хотя, как человек, Алексей Григорьевич хороший, простой, но Шувалов — партнер и смена «ночного императора» пойдет только на пользу моих дел.

— Прошу вас, господа, не чинясь, мы не на светском рауте, и даже вне службы. Хотелось бы провести время в компании друзей, — высказался я, обращаясь к преображенцам.

— Позвольте судари, мне покинуть вашу компанию, есть масса обязательных дел, — проворковала Екатерина, стреляя глазками «по площадям», в столовой было явно больше трех десятков мужчин-гвардейцев и это были рослые, лихие мужчины.

Ну, и получит она сегодня постельный марафон, в лучших гвардейских традициях —

приличная мамзель и подвыпивший гвардеец, даже приду к спальню в гвардейском мундире. А ревность-то у меня не наигранная проснулась, естественная. Может я сам себя уже обхитрил, и постепенно начинаю верить всем тем словам любви, что говорю жене?

После слов Катэ все собрание щелкнуло каблуками сапог, а я пошел провожать жену.

— Катэ, я приревновал тебя. Ты так стрельнула глазами по гвардейцам! — шепнул я супруге, помогая ей взобраться на облучок кареты.

— А ты, Петр, ревнуй и цени, — стрельнула уже точно в меня глазками Екатерина. — Целуй страстно, гвардия смотрит!

И я поцеловал, как и просила жена, страстно, долго. А вовремя этого поцелуя, несмотря на то, что он был весьма приятен, я понял в очередной раз — с этой женщиной лучше дружить. Это так прочувствовать ситуацию... лихие гвардейцы, которые ценят и личную храбрость и некоторое безрассудство, особенно в отношении дам. Они, преображенцы, почувствуют, что наследник такой же, как и они — любит, так напоказ, всем большим сердцем, не стесняясь проявить чувства на людях. Вот только почти тоже самое они могут подумать и о Екатерине, а, если взять во внимание кокетство супруги... А, может, я все усложняю?

Когда я вернулся в столовую, куда еще ранее вошло командование, вышедшее так же проводить Великую княгиню, лица гвардейских офицеров сияли пониманием и улыбками, мол «вот так и нужно любить, наотмашь, по-русски».

— Петр Федорович, мы знаем, что Вы предпочитаете хмельному иные напитки... — робко было начал было офицер, имя которого я не запомнил, он был всего-то прапорщиком, но, видимо, настолько бесшабашный, что именно этого гвардейца подослали провентилировать вопрос о пьянке.

— Господа, делу время, а потехе час. Вот я и предлагаю эту самую потеху. Не соблаговолите ли выпить со мной вина, или водки? — обратился я к сибаритам-янычарам.

Встретив гул гвардии, в столовую вносили закуски и напитки. Вот так, нарушая свой режим, систему правильного питания и лицедействуя, приходится набирать политический капитал. На Руси же как повелось? Если с человеком выпил, то, как породнился, зло сделать собутыльнику уже будет мукой и терзанием, даже бесчестием. Значит, выпьем, а потом еще нальем, но мысли глупые выкинем из головы. Пусть разносят гвардейцы по столице и за ее пределами, что наследник никакой не немец, а наш, руссак — истинный внук Петра Великого.

Когда прозвучали многие здравицы и торжественное застолье стало из организованного банкета деградировать в мужскую пьянку, мне подали гитару и я исполнил «домашнюю заготовку», чтобы закрепить мнение гвардейцев о сегодняшнем дне. Я пел:

— Господа офицеры, по натянутым нервам. Я аккордами веры эту песню пою. Кто не ради карьеры, живота не жалея, свою грудь подставляет за Россию свою, — затянул я немного переделанную песню Газманова, которая пробиралась и будет пробираться в самые глубины офицерских душ и не только. — Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом. За Россию и царицу до конца. Офицеры, россияне, пусть Отчизна воссияет, заставляя сильней звучать сердца.

Тишина. Выпученные, от неверия в произошедшее, глаза.

— Виват! — гроыхнуло, как слаженный залп из десятка пушек. — Виват!

Все, после такой реакции, они надолго запомнят наследника и не позволят хулить и полоскать мое имя. Спасибо, Олег Газманов, гениальная песня!

А вечером была страсть. Катэ выпила вина и была развязной. Эта женщина обладала удивительной чувствительностью и пылкостью. Да, после брачной ночи, жена не подпускала меня к себе две недели. Вначале под предлогами после, не утруждая себя какими-либо объяснениями. И в один из вечеров я был достаточно настойчивым, чтобы принудить Екатерину исполнять-таки свой супружеский долг. Она вначале плакала, но постепенно лицо женщины преобразалось, накатывали ощущения, и они влекли за собой эмоции. После той ночи отношения наладились, и теперь я порой думал об том, чтобы просочковать семейное ложе, иначе придется забросить все дела.

Нет, уверен, что ни Котэ меня не любит, ни я ее, но то, что мы перестали быть противными друг другу — это точно.

— Ты сегодня опять бегать и после такой ночи? А потом куда? — спросила обнаженная нимфетка.

Я скоро приучил жену не стесняться меня, не быть жеманной, и она уже с удовольствием демонстрировала свое молодое, красивое тело, нисколько не худое, а вполне себе атлетически сложенное. Екатерина не чуралась упражнений, особенно любила верховую езду, которая очень даже энергозатратная и требует определенных усилий.

— Согласен, что сложно будет бегать, не выспавшись, но нужно. А сегодня у меня запланирован выезд к воронежцам, они становятся на квартиры в нашем поместье, нужно проконтролировать, да и с Петром Александровичем поговорить, а то дошли до меня слухи, что Румянцев младший не в восторге от перевода его полка, — ответил я, натягивая широкие шаровары, которые использовал в качестве спортивных штанов.

— А я буду слушать скучную даму Чоглакову о том, какой именно должна быть супруга наследника Российской империи, а потом, в лучшем случае, читать. Только и развлечение, что платья выбирать для посещения поместья Голицыных, — сетовала молодая женщина.

— Я подготовил кое-что для тебя, посмотри. Там сказка о царе Солтане в виршах, — сказал я, поцеловал Катэ и отправился на тренировку, где меня ждал отличный боец-рукопашник Кондратий Пилов — хорунжий из Донских казаков.

Этот пластун славился удалью и силой у казаков, что находились на службе и были призваны для предстоящего, если он вообще будет, европейского похода. Когда его полк проходил через Москву, знающий о моих нуждах Петр Евреинов, поинтересовался у станичников о бойцах, что знают ухватки и лихие в бою и те, не сговариваясь, указали на Кондратия. Я проверил его сразу, как тот прибыл и... «меня хватил Кондратий». Валял меня, наследника престола российского, казачий хорунжий, не взирая ни на какое мое монаршество. Сам виноват, что потребовал в полную силу. Это был техничный боец, который делал упор не на «эх, размахнись, да ударь», а на подлые приемы, захваты, нырки и уходы. Такой партнер и даже наставник мне и нужен был, тем более, что простоватый человек не умел льстить и не стремился завуалировать слова и действия, а шел во всем напролом. Хочет Его Высочество по морде, нужно исполнить. Уже три недели, как я таскаю двадцати пяти летнего казачка с собой повсеместно и при первой же возможности спаррингуюсь.

Вот и сейчас Кондратий сопровождал меня в расположение прибывшего Воронежского пехотного полка.

Обустроивались казармы в пяти километрах от дворца в Ораниенбауме, на землях, выкупленных не так давно у Голицыных. Подобные казармы с различными зданиями еще не использовались. Это было пока в деревянном исполнении, некое новшество для этого

времени, с проживанием в одном распоряжении с полком и офицеров. Там была и речка, чтобы тренировать переправы, лес, болотистая местность, есть холмы — можно многие тактики отрабатывать. Ну а мне не долгая прогулка на лошади от Ораниенбаума и уже в расположении.

— Стой! — скомандовали мне на подъезде.

— Стою! — усмехнулся я.

— Не смей мужик! Сие Великий князе Пеотр Феодоровеч, — среагировал на слова солдата Бернхольц, сопровождавший меня в поездке. Он отказался отправляться с Брюммером в Голштинию и теперь преобразился и даже приобрел важности.

— Ваш бродь, не велено, офицера кликнуть треба, — виновато понурил голову солдат.

— Клич, братец, офицера, приказы исполнять нужно ревностно и неукоснительно, не глядучи на чины, — сказал я и солдат, уже не молодой, просиял.

— Так енто мы быстро, енто мы сразу, — запричитал он, давая распоряжение другому солдату.

Офицер пришел достаточно быстро, не прошло и десяти минут. И это не сарказм, я уже привык к тому, что в этом мире слово «быстро» не всегда имеет значение, которое должно быть.

Встреча с Петром Александровичем Румянцевым, возможно, в будущем, великим полководцем, началась с угрюмости полковника. Он механически, без интереса, поприветствовал меня на грани приличия, пригласил к себе в шатер, так как другого места для своего пребывания не нашел, несмотря на наличие десяти вполне добротных деревянных домов, что были построены на подобные случаи.

— Вы чем-то опечалены? — спросил я Румянцева, когда стало понятным, что никакого разговора не клеится.

— Простите, Ваше Высочество, день был тяжелый, — ушел от ответа тезка, а, может, мой дядя, сын Петра Великого.

Хотя последнее — вряд ли, несмотря на некоторые исследования, имеющие своей целью скорее откопать сенсацию, чем признать Румянцева сыном своего отца-сенатора и не порочить имя его матери. Тут, в этом времени, никто не сплетничает на эту тему. Да и какой сын? В то время, когда должен был быть зачат нынешний полковник, Петр Великий тяжело и очень болезненно хворал, в том состоянии даже любвеобильному императору было не до женщин. Кроме того, Румянцев-отец уехал с новым посольством в Константинополь через два месяца, после зачатия сына.

— Петр Александрович, оставьте Вы это, я жду откровенности, а не расшаркивания на паркете. Говорите, что Вас беспокоит, и перейдем к делу. Если то, что я предложу, покажется для Вас блажью недоросля Великого князя, уйдете на предыдущее место и продолжите заниматься тем же, что и ранее, — я замолчал и стал выжидать.

— Хорошо, Петр Федорович, я скажу, сошлюсь на свою юность и неразумность, — Румянцев сверкнул решительными глазами. — Меня срывают с места, там, под Москвой, где я уже расквартировал полк, нашел поставщиков провизии, расчистил поле для экзерциций, занес серебра командованию, все было хорошо, готово к ратным делам. А потом мой полк, ждущий поступления в состав корпуса Василия Аникитича Репнина, отправляют сюда, на потеху Вам, Ваше Высочество.

— А еще Ваш батюшка нашел невесту и она тут рядом — Голицына? — осведомился я, вдруг вспомнив, что Румянцев был насильно женат именно на какой-то девице из

Голицыных, тех, кто соседствует с Ораниенбаумом.

— Это не совсем так, — Румянцев начал отходить от своего эмоционального всплеска и осознавать, что разговаривает с наследником престола.

Я предполагал, что тут еще кроются и личные мотивы, про меня, наследника, на периферии большой России ходили очень нелицеприятные разговоры. Это в Петербурге общество уже отходит от шока и не спеша, но уверенно, меняет отношение ко мне, но даже в Москве я все еще капризный немчик.

— Не тушуйтесь, полковник, продолжайте. Нам проще будет говорить, если камней за пазухой не окажется, — я добродушно расставил руки, призывая Румянцева продолжить.

— Извольте, — теперь Румянцев выглядел уже обреченным, но не стал отказываться от прежних слов, а начал сыпать новыми спичами. — Я стараюсь учить свой полк воевать, Вы же будете с ним играть, как играете восковыми солдатиками на столе. Казны полковой меня лишили, сказали, что на месте сформируется новая. А провизии в полку на четыре, ну может, на пять дней. Добрых коней у нас забрали, дали кляч перестарков. Какое у нас будущее, у меня вообще это будущее есть, или я стану арлекином в ваших потехах?

— Я Вас понял, — усмехнулся я. — Вот мои записи, посмотрите, я проведу тренировку на атлетической площадке, которую подготовил, между прочим, для Вашего полка, через два часа я приду и тогда поговорим.

Я пошел заниматься на перекладине и брусьях уже потому, чтобы интересанты, а я был уверен, что за мной будут пристально наблюдать, увидели, что вообще можно делать с этими перекладинами. Я не был воркаутером, но подтягивания, подъем с переворотом, выход на одну руку и две, делал. После отработали простые хватки с Кондратием и, умывшись, я пошел к шатру Румянцева.

— Что скажите, сударь? — зашел я с вопросом.

— Ваше Высочество, чьи сии труды? — спросил полковник.

— Мои, сударь, мои, но я бы хотел, чтобы были наши, и даже не только мы с Вами были причастны к делу, — отвечал я.

— А валенки солдату это не слишком? Нас в Европе и так варварами прозывают.

— Лучше быть варваром, но с ногами, чем европейцем, но с отмороженными конечностями, — попытался я образовать афоризм.

— А шинель — это из чего? — задал еще один вопрос Румянцев.

— Думать нужно, но точно из шерсти, может подкладку для утепления делать, — ответил я.

— А вот егеря. Я думал уже о создании егерского полка, но как их обучать еще не понимаю, да и оружие, какое иметь будут, не продумал. Вот Вы пишите, что должно быть два штуцера на плутонг. Но где это все взять? — Петр Александрович входил во вкус и уже не упрекал, а постепенно, но уверенно погружался в работу.

— Давайте все по порядку, у меня есть времени час с четвертью. Хотя о чем это я? Мы можем отобедать и вместе, если моя пища будет Вам уместна. Как вы смотрите на то, чтобы продлить нашу встречу еще и на обед? — я спрашивал, но, по сути, уже понимал, что обедать буду с Румянцевым.

Так и случилось. А вопросов у Румянцева было много.

К этому разговору я готовился на протяжении уже месяцев, проводил консультации с генералом Ласси, получилось выцепить и Василия Аникитича Репнина и с ним поговорить, привлекал некоторых преподавателей из Сухопутного шляхетского корпуса, получилось

переговорить и с генералом Степаном Федоровичем Апраксиным. Все полученные ответы постарался сложить в единую систему, вспомнить все, что видел и слышал в будущем. Получился чуть ли не научный труд.

То, что я предлагал полковнику — это создать на базе Воронежского полка первый и второй егерские полки. Те, кто сможет потянуть по показателям до ерега, ими и станут, остальные — охрана тыла, обозники, повара, санитары, или отправятся в иные полки. Потом, после полугодового обучения, когда станет понятным, кто из солдат, какую службу потянет, стану просить расструсить еще какой полк и набрать тысячу рекрутов дополнительно. Тут же, в этом военном городке, даже под самым Ораниенбаумом, формировать и специальные подразделения, о которых еще и понятия не имеют в этом времени. Диверсанты, подрывники.

Я описывал в своих записях новые подходы к ведению войны и сражений. Тактика перехода из колонны в рассыпной строй с использованием прицельной стрельбы из штуцеров, чтобы выбивать офицеров, когда егеря занимают все лощины, укрываются в складках местности. Предполагалось эшелонирование обороны и максимальное строительство оборонительных сооружений. Пришел — копай ретраншемент, перешел на километр вперед — копай опять. Главное оружие солдата — лопата и лом! Кроме того, я описал тактики множества каре, правилах и принципах быстрого перехода из походного построения к боевому, для чего в черне обрисовывал принципы походных колонн, известные мне по событиям и Отечественной войны 1812 года. Описывал и тактику, которую называли в иной истории «суворовской» — натиск в атаке, чтобы она проходила в постоянной динамике — выстрел, разрядил оружие, не перезаряжайся, а вперед, бегом в штыковую.

Задевались вопросы снабжения и коммуникаций. Ставился вопрос о взаимодействии родов войск, прежде всего артиллерии, которая пока была лишь вспомогательным фактором, не играя ведущие роли в тактических построениях. Доказывал я и необходимость существования резервов и напряжения неприятеля с их помощью для решающей атаки. Тактика максимального сближения с противником для штыковой организованной атаки.

А еще ряд мероприятий по санитарной организации, организации питания, и медицинской службы. Так, никакой сырой воды — за нарушение бить, пусть я и против палочной системы, но за это нужно. Второе — организация туалетов, третье — личная гигиена. И четвертое, и пятое — все, что понятно и неотъемлемо через двести семьдесят лет, но здесь не принято. Как минимум два человека в каждом плутонге должны уметь оказать первую медицинскую помощь — половина раненых умирает потому, что им не оказывается первая помощь, не останавливается кровь. В каждой роте три врача, из которых — два хирурга, а один — терапевт с функциями санитарной инспекции. На батальон — малый лазарет, на полк — большой лазарет. И чистить все раны от грязи, ткани и инфекций, чего не делали вплоть до Первой мировой войны.

Да, взять столько медиков, чтобы все эти позиции закрыть просто неоткуда, но собрать на полк, даже на дивизию — можно. Но открытие медицинского учебного заведения для мещан и разночинцев очень актуальная задача.

Форма солдат: к чертовой матери букли, узкие панталоны, цветастые одежды. Цвет формы нейтральный, менее заметный — серый, темно-зеленый, болотный. Цветастыми могут быть флагоносцы, чтобы определять какой сражается отряд, род войск. Короткая стрижка и без всяких париков, нещадная борьба со вшами, предполагались более просторные штаны, чтобы они позволяли производить любые атакующие действия. Предлагал вводить

шинели, валенки и обязательно некоторое количество тулупов для караулов в очень морозную погоду, шапки-ушанки. И по этому поводу уже предвижу крик про некрасивые фасоны, про азиатство, даже, если оно это «азиатство» предполагает еще более пестрые одежды.

Я предлагал Петру Александровичу Румянцеву квинтэссенцию его же собственных тактических и управленческих приемов, ну, может, немного разбавленных суворовскими. Тут сложно понять, где, чье, может частью и потемкинская тактика. Не важно, кому что принадлежит, важно, чтобы это все новаторство, которое позволило возвысить Славу русского оружия на небывалую высоту, сработало раньше.

— Это очень сложно, не знаю, под силу ли кому такое сотворить, — подводил итоги четырехчасового разговора полковник Румянцев.

— Одному человеку — нет, но многим — да. Петр Великий больше менял в воинском укладе, чем предлагается в этих бумагах, на то он и Великий. Елизавета Петровна — дочь петрова, — ответил я и, чтобы не развивать этой темы, решил еще привести аргумент. — Вы полковник, получили столь высокое звание, минуя другие из-за того, что привезли вести об окончании войны со Швецией. А дальше? Думаете, дадут бригадира, генерал-майора? Тут же, после создания того, что задумано, станете командовать дивизией. Сейчас в Люберцах под Москвой расквартировано две с половиной тысячи голштинцев, их уже весной начнут разбавлять русскими солдатами, сейчас немцы учат русские команды. Хочу этих гвардейцев растворить в русских богатырях, призвать из Голштинии еще солдат. И последнее, так как меня ждет молодая и прекрасная жена, присмотритесь к молодым офицерам, привлекайте их к нам. Вот, например, в Преображенском полку служит некий Александр Васильевич Суворов — добрый малый, он бы пригодился.

— Я понял, проработаю, как Вы говорили, план обучения полка и предоставлю его в ближайшее время, — устало сказал Румянцев.

— А я передам Вам четыре десятка шуцеров, которые получилось купить, готовы два магазина провизии, найдите среди хозяйственных людей добрых интендантов и отдайте магазины в их распоряжение. Шинели шьются, валенок пока триста пар заказал. Работайте с моим обер-камергером Бурнхольдсом, еще я пришлю к Вам своего обер-егермейстера Бребеля, он немного понимает в атлетических упражнениях и поможет в деле роста силы солдат, — сказал я и поспешил ретироваться, оставив свои записки у Румянцева.

Уже по дороге во дворец, не знающий, что такое чиновничество, казак Кондратий рассказал, что среди станичников будет немало молодцов, которые, если только не в рекруты, пойдут служить в такую дивизию. А я думал, что дивизия это мало, очень мало и таких дивизий нужно три, но тогда, когда будет достаточно людей, что обучат столько людей. Ну и... деньги, много денег. И пора бы подтолкнуть мастера Данилова, или еще кого, чтобы быстрее «придумывали» гаубицы-«единороги», что должны стать убийственным аргументом и для европейцев и для османов. А скорее всего, просто набросаю принцип конической системы каморы в пушках и лафета, позволяющегося бить пушкой-гаубицей и навесом.

— Петр, а к нам приезжал по протекции от Ивана Ивановича Шувалова господин Михаил Васильевич Ломоносов. Я оказала ему внимание, это действительно умный русский, — рассказывала за ужином, как провела свой день Екатерина.

— Катэ, мне кажется, что правильнее сказать «русский ученый», — сказал я, немного огорчаясь — Великий Ломоносов приезжал. И вот он выбор пути — армия и Румянцев, или

наука и Ломоносов.

Надо будет думать, о чем именно говорить с ученым. Было бы просто отлично направить его ум, но только, чтобы не потерять и иных открытий, в область промышленности. Неплохо, если Ломоносов поможет усовершенствовать процесс производства сахара, или газированной воды. Но, нет... металлы, он же изучал специализированно именно их.

— А еще Чоглакова приняла в мои фрейлины девицу Кошелеву и я не знаю, чья она фрейлина — моя или Чоглаковой. Петр мне так не нравится эта Кошелева, она не отходит от меня, — продолжала рассказывать про свои переживания и заботы Екатерина.

И в какой момент, в той истории, проблемы с назойливыми девицами сменились в голове моей жены на государственные? Казалось, что мир супруги ограничен сейчас формированием нашего с ней «молодого двора», и точно не геополитикой.

***

Берлин. Дворец короля Фридриха Сан-Суси
5 декабря 1745 г.

Дворец в Сан-Суси еще отделявали, не были готовы все комнаты, много площадей и пристроек перестраивались, но это мало заботило аскетичного короля Фридриха II, который пока только мечтает, чтобы его называли Великим. Король ликовал и все больше верил в свою звезду и персональную защиту Бога.

Фридрих всех перехитрил. Пока австрийцы завязли в боях за Северную Италию, он занял Силезию, часть Богемии практически без серьезного сопротивления. И что это, если не помощь Бога и гений самого короля, так он считал, так ему твердило его окружение, воспитывая нарциссизм Фридриха.

Это он, женоненавистник, словно хмельной пиит, писал оскорбительные вирши про женщин у власти, задевая их и провоцируя. Ну ладно, мадам Помпадур — она фаворитка и понятно, что управляет Францией и Людовиком XV через постель, как свою, так и поставляя молоденьких нимфеток королю. Тут грешки имеются. Елизавета Петровна не замужем и заводит фаворитов, даже не важно, что Алексей Разумовский в качестве «ночного императора» держится очень долго, но и тут можно было подумать о неблагочестивой русской царице. Но как же было обидно Марии Терезии — главной почитательнице идеалов семейной жизни и верности супругов, добропорядочной многодетной матери, когда и ее сравнивают с мадам де Помпадур [король Фридрих действительно писал оскорбительные стишки о «трех бабах» у власти: мадам де Помпадур, австрийскую императрицу Марию Терезию, ну и русскую императрицу].

Австрийская императрица теряла самообладание и требовала, требовала и еще требовала покарать мужеложца. А кем еще является Фридрих, если женщин ненавидит? Но покарать не получалось — пруссак бил австрияка сильно и беспощадно.

— Мой король, я поздравляю Вас с этой дипломатической победой — Силезия отныне прусская земля, — торжественным тоном говорил приближенный Фридриха генерал Манштейн.

— Спасибо, мой верный генерал, — уже традиционно сдержанно, как само собой разумеющееся, принимал похвалу Фридрих. — Но скажи, столь ты верен мне, как я на это рассчитываю?

— Моя жизнь, моя шпага, а если король попросит и честь — все принадлежит королю и Пруссии, — пафосно произнес Манштейн.

Впрочем, почему пафосно? Он так считал и просто озвучивал свою правду, в которую верил.

— Пока что Ваша честь мне не нужна, но содействие кое-какое необходимо, — не позволяя Манштейну продолжить выказывать свое восхищение, ибо у короля разболелась голова, а генерал был громким, Фридрих поспешил продолжить. — Вы являлись сподвижником и адъютантом фельдмаршала Берхарда Христофа Миниха и даже выполнили очень интимное поручение — арестовали регента русского малолетнего императора Эрнста Иоганна Бирона. Так вот, мне нужно, чтобы Вы написали письмо к Миниху с предложением помощи и поддержки.

— Мой король, чем поможет нам разжалованный фельдмаршал, который высаживает репу в далекой Сибири? — задал вопрос Манштейн.

— Есть данные от лучших моих шпионов, что он возвращается и поступит на службу к мальчишке Карлу Петеру. Но у бывшего фельдмаршала еще много тайных союзников в армии, есть те люди, с которым он служил, а, главное — генерал Ласси, генерал Левен, который вместе с Репниным готовит экспедиционный корпус против нас, — король подошел к приоткрытому окну и вдохнул свежего морозного воздуха. — Так вот, Манштейн, мне нужен Миних и мои шпионы смогут оказать ему протекцию в армии, а Вы письмо отправите и, если понадобится, пойдете вновь адъютантом к Миниху, но служить будете мне, а не узурпаторше Елизавете. Россия слишком активно начинает вмешиваться в наши дела, она азиатская страна и слаба, но и назойливая муха может принести неудобство. Мне нужно, чтобы в русской армии не хотели войны с Пруссией, а лучше ослабить бабский союз и рассорить Марию Терезию и Елизавету.

— Мой король, я исполню все, что Вы мне прикажете, — уже не столь фанатично отвечал Манштейн, полагая, что король не совсем понимает ситуацию в России.

— И еще, я послал к Рождеству гольштейнскому мальчику новый подарок — сорок пистолетов, чтобы не охладевал любовью к Пруссии. Я пропущу так же русский корпус к границам Дании, буду делать вид, что ничего не вижу, так как нападение России на Данию, приведет ее к деятельному участию в войне, может разладиться союз Дании и Австрии. А, если русские по глупости своей ввяжутся в войну с датчанами, то обязательно проиграют и тогда треснет австро-русский союз.

Фридрих был уверен, что идиот Карл Петер до сих пор остается немцем-пруссакком и готов отдать что угодно, только чтобы не воевать с ним, Фридрихом. И король решил помочь мальчику взять деньги за уже давно потерянную область Шлезвиг. Пруссия пропустит русских, как они этого просили, мало того, Фридрих встанет на сторону герцога Голштинии и так же потребует справедливости, благо гарантом закрепления итогов Северной войны является Священная Римская империя — вот и пусть Мария Терезия грозит своим союзникам, он озадачит и своих шпионов в Дании. Получался казус — Пруссия и Россия через австро-русский союз противники, но они же могут выступать совместно и против Дании и плевать тогда на тех датчан.

А история с Минихом — еще одна попытка создать команду вокруг мальчика Карла Петера, чтобы было кому поддержать переворот и скинуть эту развратную Елизавету.

Вена

4 декабря 1745 г.

Иоганн Франц фон Претлак имел честь получить аудиенцию у императрицы Священной Римской империи Марии Терезии Вальбург Амалии Кристины. Эта, безусловно неординарная женщина, могущая стать великой правительницей, только недавно — в сентябре стала полноценной в юридическом отношении императрицей. На практике, именно Мария Терезия, как дочь последнего императора, имела все рычаги власти. Объявление императором мужа Франца Стефана стало лишь попыткой не допустить формирования антиавстрийской коалиции из-за особенностей престолонаследия в этой стране, являющейся доминионом в Священной Римской империи. Некогда ее отец, не имея прямых наследников-мужчин, принял «Практическую хартию», или «санкции», где допустил императорство женщин, вассалы начали бунтовать, соседи развязали войну. Мария Терезия выстояла.

Властная женщина давала последние указания своему послу в России, который уже завтра отправляется в Петербург с исключительными полномочиями и конкретной задачей — укрепление союза с Елизаветой.

В Вене всполошились, когда русский корпус, под командованием Репнина начал движение в сторону Кенигсберга и дальше к Килью, а русский флот, который уже, казалось, прогнил, устроил быструю переброску дополнительных сил морем с формированием продовольственных магазинов в Голштинии. Само герцогство не оставалось безучастным и там, на базе гольштейнской гвардии начала формироваться полноценная дивизия с перспективой еще больше увеличить численность войск. Получалось, что Россия концентрирует до пятидесяти тысяч солдат на границах с Данией, между прочим, союзницы Австрии в этой затягивающей войне.

Но кроме концентрации сил елизаветинских орд в Голштинии, еще больше Марию Терезию и ее министров взволновал демарш Пруссии, которая еще до ратификации мирного соглашения, сама предлагает пропустить русские войска к границам Дании. В такой конфигурации, как бы не пришлось уже Австрии воевать еще и Россией. И почему? Может потому, что был унижен русский посланник, так и не ставший послом, что его не принимали на высшем уровне, да и министры избегали с ним встречи? Или потому, что Австрия даже рассматривать союз с Россией против Османской империи не собирается, только обещает, но это же политика, тут обид не случается. Вот только Мария Терезия сама забывала, как она оскорбилась на стишки мужеложца Фридриха, как рьяно стремилась опустошить бунтарскую Баварию, как сейчас грабит Тироль, Парму и Пьяченцу.

— Барон, Вашей задачей остается заключить союз с Россией, но сейчас вопрос столь скорый, что на дорогу я Вам даю не более трех недель, а на сборы боле время не дам. На нужды посольства будет выделен миллион талеров — цените, посол, — фон Претлак поклонился, пряча в поклоне изумленное лицо — такой щедрости он не ожидал. Да, конфигурация в Европе может резко измениться, но миллион — это аргумент для любого посольства! А императрица продолжала инструктаж. — Канцлер Бестужев падок до серебра, а иногда и до золота, он был сторонником Союза, и нужно его вернуть в это направление. Так же Вена готова принять русского посла. Но, барон, я настаиваю, будьте максимально уклончивым в вопросе распространения союзных отношений и на проблему Османской империи. Заведите отношения и с наследником. Ходят слухи, что его начали выпускать из

золотой клетки, да и все движения в никчёмной Голштинии — это слабость Елизаветы перед слезами племянника.

Иоганн Франц фон Претлак проникнулся ситуацией, между тем, понимая, что Россия только имитирует активность, не может она пойти на ссору с Австрией, а то и крымские татары пошालить могут, или и того лучше — османы ударят австрийскими пушками по новым поселениям сербов на юге Малороссии.

***

Ораниенбаум

18 февраля 1746 г.

Я стоял на крыльце дворца в Ораниенбауме и наблюдал, как из «повидавшей виды» кареты, молодясь, выпрыгнул рослый, худошавый, с волевым подбородком мужчина. Назвать стариком? Нет, он был не таков, пожилым, также не поворачивался язык обозвать бодрого Миниха. Это был активный, излучающий свежесть и нерастраченную энергию, мужчина.

Бурхарда Кристофа Миниха сопровождала целая рота уланов, тогда как из свиты разжалованного фельдмаршала был только коренастый мужик непонятного происхождения. Скорее всего — подлого, так как аристократизмом тот не обладал точно, но и не особо тушевался при виде меня на крыльце большого дома.

— Ваше Высочество! — Миних церемонно поклонился, но в его движениях не было видно подобострастия, только намек на уважение встречающего.

— Граф, — приветствовал я Миниха, делая упор на его титул, но не называя фельдмаршалом, которым, он, впрочем, уже и не являлся.

— Граф, значит, — задумчиво произнес русский немец.

— А Вы хотели бы, чтобы наследник престола именовал Вас фельдмаршалом? — громко и членораздельно сказал я, чтобы слушачи успели записать слова наследника.

— Ваше Высочество, я не знаю, что и хотеть, пребывая в неведении, зачем и почему я здесь и, простите, но не рядом с императрицей, а именно Вы меня встречаете, — ответил Миних.

— Сударь, нам нужно поговорить и отобедать, думаю, соединить эти два занятия, а потом станет ясно: или Вы останетесь, или... отправитесь обратно в Сибирь, — насколько мог властно сказал я и отправился в дом, тем более, что февраль в этом 1746 году оказался дюже лютым месяцем. Миниха провожали следом за мной.

— Граф, позвольте представить Вам мою супругу Великую княгиню Екатерину Алексеевну, представляя жену, не ожидая, пока сам Миних представится, — я все же проявил вежливость, когда Миних вошел в обеденный зал, а там уже ожидала к столу Катэ.

— Бурхард Кристофович, рада знакомству, — проворковала Екатерина.

— Великая княгиня, простите великодушно, обычно меня на русский манер зовут Христофор Антонович, но как Вам будет угодно, — сказал Миних.

Кроме нас троих в обеденном зале никого не было, если не считать появляющихся и удаляющихся сразу же, как исполняют свою роль, слуг. Минут двадцать в одном из самых просторных помещений дворца царила напряженная тишина. Не скажу, что я сильно напрягся, даже, напротив. Дело в том, что за последние месяцы я уже разубедился обязательной необходимости Миниха для своих планов по созданию воинских подразделений нового образца. Румянцев был на высоте и справлялся с

администрированием и командованием. Он не стал вдруг тем молчуном и серьезнейшим человеком, коим его описывали современники, грешки Петра Александровича множились, случилась еще одна сомнительная победа у Румянцева младшего на любовном фронте, но и работа была забыта.

Однако, имея послезнания и то, как все поголовно историки восхищались личностью Миниха, я на данном этапе был не против такого соратника.

— Граф, а чем вы занимаетесь в ссылке? — начал я разговор, акцентируя о настоящем времени, чтобы Миних проникся — ссылка еще не завершена.

— Скучать, Ваше высочество, не приходится: то репа не уродит, то корова отелится, а то и дорогу подправить нужно, — серьезно, как показалось, без сарказма, ответил фельдмаршал империи в ссылке. Екатерина аж поперхнулась такое услышать.

— Это замечательно! — улыбнулся я, а потом посерьезнел и продолжил. — Не хочу злоупотреблять Вашим временем, Христофор Антонович, а то скоро посевная и важно успеть посеять репу, так что перейдем к делу.

Миних подобрался, его и без того не сгорбленная спина, идеально ровно выпрямилась, глаза немного прищурились, взгляд стал напряженным, говорящим о готовности мозга к анализу ситуации.

— Императрица Вас не простила, это мое желание вызвать Вас. Но... — я сделал паузу. — Я наследник престола Российского, а на троне тетушка Елизавета и так оно и должно быть. Вы жили во время интриг Остермана, Бирона, Тайного Совета, не могли не быть интриганом. Тут же интриг не должно быть. Присяга, клятва на священных книгах о верности, слово чести дворянина, потом работа, много работы и не в теплых дворцах.

— Ваше Высочество, я не участвовал в интригах, я служил, насколько хватало моих сил и разума, — возмутился Миних.

— Христофор Антонович, я не собираюсь вдаваться в подробности, тем более оспаривать приговор, я всецело предан императрице Всероссийской Елизавете Петровне. Да, не скрою, Вы мне нужны. Мне нужно знать все подробности Вашего, да, сударь, Вашего, похода в Крым. Составить карты, обозначить направления дорог рядом с колодцами, тактику военных действий. Это одно, второе, мне нужен опытный руководитель тыловой службы и фортификации. Снабжение, доставка фуража, порохового припаса — вот то, что я жду от Вас, кроме управления отвоёванными территориями. — с повышением голоса произнес я.

— Ваше Высочество, — еще громче обратился Миних. — Война в Крыму не решит проблем, она их только создает. Биться нужно на Балканском полуострове. И тут Австрия ударит в спину России, какие бы союзы ее не связывали.

— Видите, граф, Вы знаете проблему и поэтому сможете ее решить, — спокойным, уравновешенным тоном произнес я. — Выбор за Вами, либо Вы граф, но не фельдмаршал без права носить знаки отличия, и работаете со мной, не служите, Христофор Антонович, а работаете. Служите Вы Елизавете Петровне. Либо... я даже ссужу Вам семена отличной репы и картофеля. Иного шанса может и не быть. Между тем мундир генерал-майора Вам разрешено использовать.

— Лучше смерть, чем унижение, — горделиво сказал Миних.

— Ваше право, граф, уже через два дня Вы отправитесь в обратный путь. А пока Вас ждут, к слову без особого удовольствия, лишь по моему указанию, в Первом Воронежском егерском полку. Вас отвезут, — сказал я и манерно отвернулся, показывая и некоторое пренебрежение и то, что аудиенция закончилась.

Заниматься уговорами Миниха я не хотел. Да — это первый русский полководец, который разбил силы превосходящих турок в чистом поле. Да — он захватывал крымский Бахчисарай. Он же сохранил Петербург, когда двор переехал в Москву и петровская столица обезлюдилась. Много чего сделал, но не оскудеет земля русская на таланты. Тем более, если эти таланты не имеют желания работать, а иные только ищут окно возможностей, без всяких условий.

— Ты не боишься, что Миниха станут использовать и сталкивать нас и императрицу? — спросила Катэ.

— Обязательно будут, но в этом и их слабость, — я улыбнулся. — Кем меня считают? Мальчиком, кумир которого король Фридрих? Играющийся в потешные полки? Так они и действовать будут и искать ко мне подходы. Вот и сделают ошибки. Миних же меня начнет убеждать делать все во благо Пруссии, если пойдет на соглашения со шпионами Фридриха. А я уже тут найду возможность и выкрутиться. Хуже, если я не буду знать, откуда ждать удара.

Сам же я подумал, что Миниха можно использовать и для того, чтобы тот передавал в Пруссию данные о моей фанатичной любви к Фридриху. Вон и штуцеры присланы, они стоят больших денег, да и не только в их дело, уже как месяц те мастера, что еще могут починить фузею, бессильны сделать подобие штуцера.

* * *

**Военный городок егерей
в пяти верстах от Ораниенбаума
18 февраля 1746 г.**

Миних находился в растерянности. Он не так представлял себе возвращение к Петербургу. Множество идей, как военного характера, так и управления поместьями появилось у Христофора Антоновича в изгнании. Он смог увидеть возможности Сибири оценить добычу пушного зверя и важности ее для экономики. Миних и переосмыслил свои военные походы, осознал ошибки и даже наметил планы более выгодной компании против Османской империи и крымских татар. И тут...

Не рады были его видеть, не к тому он привык, находясь некогда на вершине власти. Но что лучше? Сеять репу на земле, где и лето длится не больше двух месяцев, жить в небольшом доме, не иметь слуг, или работать в чине генерал-майора с определенными перспективами. Ну не вечна же императрица? Придет время и Петра Федоровича и тут Миних будет рядом с новым императором. Но честь и достоинство кричали, что лучше гордо проживать в Сибири, чем быть потехой для наследника.

— Христофор Антонович, я предупрежден о Вашем приезде, — не вежливо его встретил полковник Румянцев.

— К сожалению, я не понимаю пока зачем я здесь, — ответил в той же манере Миних.

Румянцев ничего не ответил, он вообще пребывал в не лучшем состоянии духа, да и тела.

Вчера Петр Александрович имел разговор со своим отцом. И это общение закончилось поркой. Его, полковника егерей, порол, как нерадивого крестьянина, отец, который был возмущен новыми выходками своего сына.

Очередная дама была опозорена Петром Александровичем. Полковник егерей был е

новом модном заведении «Элита» и спускал на рулетке недавно полученное жалование, все равно отец дает деньги. Там он и заметил девушку очаровательной наружности. Кто же знал, что она замужем и ее муж увлечен в это время картами, новой карточной игрой — покер. Напор, привлекательность Петра и уже дама пьет шампанское в компании полковника. Еще полчаса и уже захмелевшая девушка не сопротивляется, когда ее ведут в лучший номер ресторации «Элит». А потом... муж, вызов на дуэль, драка в специальном зале для дуэлей и ранение пожилого мужа прекрасной нимфетки.

— Вы будете пороть полковника, батюшка? — спросил Петр Румянцев, когда отец уже замахнулся вымоченной в воде розгой.

— Ты прав, сымай мундир, буду пороть не полковника, а сына, — сказал Александр Иванович Румянцев и таки выпорол [реальная история про порку Петра Румянцева за его амурные похождения].

Это было вчера, а сегодня с самого утра полковник прискакал в расположение своего полка, терпя боль и чувствуя себя униженным.

— Я так думаю, Христофор Антонович, что Петр Федорович хотел, дабы Вы прониклись его суждениями об организации войск и тактиками баталий, — взял себя в руки Румянцев и достал из тумбы стопку исписанных бумаг. — Ознакомьтесь. Но учтите, что, как только Вы прочтаете сей опус, назад дороги не будет... извините, в Вашем случае как раз именно что назад и дорога, если не станете рядом с Петром Федоровичем.

Бурхард Христов Миних начал читать с неохотой, но чем больше листов были отложены, как прочитанные, тем больше огня появлялось в глазах молодежявого телесно, но уже почтенного в годах, человека. Бывший фельдмаршал видел, что вот эта тактика могла бы помочь ему практически бескровно взять Бахчисарай, а используй он таким образом артиллерию, и Очаков был бы покорен быстрее. Не говоря уже о санитарных правилах. В той компании Миних победил крымчаков, он даже разбил османов, но проиграл войну, лишившись половины армии санитарными потерями. Используй он только кипяченую воду, как и карантинные меры и компанию можно было продолжать вплоть до взятия Стамбула-Константинополя.

— Я понял, Петр Александрович, многое понял, спасибо, — сказал Миних только через три часа и, было направился к выходу, но Румянцев решил более не строить из себя великого полководца, а оказать уважение к Миниху, который даже сейчас был выше чинами, чем полковник.

— Вы обедали, Христофор Антонович? Составьте мне, коли будет на то Ваша воля, компанию, — сказал Румянцев, которому показалось очень интересным узнать у многоопытного Миниха мнение о всем том, чему уже обучается его полк.

***

Петербург

24 февраля 1746 г.

— Петр Федорович, так что Миних-то твой? — спросила Елизавета сразу же, как только члены Совета расселись по своим местам.

— Ваше Величество, не мой он, да и посчитал запрет являться фельдмаршалом за бесчестие. Но сейчас он уже увлечен изучением порядка и службы Первого Воронежского

егерского полка. Посмотрим, — ответил я.

Должно было быть волнительно, нервно, так как сегодня было мое первое участие в заседании Совета. Но, нет, спокойствие и без чрезмерного энтузиазма. Тем более, что я догадывался о чем пойдет речь... Брюммер — скотина лживая, начал свою возню, но и это было в рамках игры вокруг Шлезвига!

Мой наместник в Голштинии без особого труда взял под контроль область, даже стал выполнять наши с ним договоренности, впрочем и продолжает это делать, однако, вел сепаратные переговоры с родственничком, моим дядей, Адольфом Фредериком — королем Швеции — омара ему в зад. Шведы, через права по рождению своего короля, решили, что имеют больше прав на Голштинию и объявили, что готовы смириться с потерей Шлезвига, но мое герцогство вынь да положь. Кроме того, Адольф Фредерик тряс Абоским мирным договором, по которому Россия не могла повлиять на ситуацию.

Россия не могла, но я, как герцог Голштинии, опираясь на русские штыки, мог. По крайней мере, просто так отказываться от актива, тем более в угоду дяде, не собирался.

— Миниха ко мне не подводи, его не слушай, дай дело Христофору Антоновичу и все. И если кто из Совета, али гвардии станет с ним общение вести, отправлю обратно немца, — высказалась Елизавета, несмотря на то, что эти моменты уже давно обсуждались и Миних пока не знает, что, согласись он служить, и поедет далеко от столицы — на границу с крымчаками.

— Матушка, позволишь ли ты начать? — спросил Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Елизавета махнула рукой.

— Позиция в европейской политике усложнилась. Теперь нам грозит, если не отвернем, война со Швецией... — начал было говорить Бестужев, но был перебит императрицей.

— И что им мало-то всегда? Почитай три года и не прошло, как бились и опять, — тетушка нашла меня глазами. — Это твой родственник шалит?

— Позволь, матушка, продолжить, — не дал мне ответить Бестужев. — Воевать нам не сподручно ни с кем. Дания союзна в европейской войне, шведы ссылаются на Абоский мир, тут еще и Фридрих и опасность разрыва отношений с Австрией. Нужно отдать Голштинию.

Все посмотрели на меня. Ситуация такова, что сколько не тужься Россия, но Голштиния моя вотчина.

— Я считаю так, — начал я, поймав на себе заинтересованные взгляды. — Вернуть все себе можно, при желании, после. В Европе будут войны, потому как Фридрих не станет мириться с засильем Австрии, а Священная Римская империя, в лице Австрии, не станет терпеть Фридриха. И война, что сейчас идет — только начало. Что касается Голштинии, то тайные переговоры наместника Брюммера со Швецией о протекторате можно выставить как бунт, но не давить его, а самим договориться и со шведами и с датчанами. Но это не лучшее. Дания — давний союзник России, она нужна нам против шведов, что так и норовят воевать, да ждут слабины нашей. Посему, пусть датчане дадут семь миллионов ефимок, родной мой Киль в обоюдном управлении, где мой наместник и датский равны и право будут иметь с беспопытной торговлей России и возможностью быть в порту русскому флоту.

Когда я закончил, установилась мертвая тишина. Никто не ожидал такого ответа от меня. По сути, я предлагал самый радикальный способ решения проблемы, максимально удобный России. И более сильная Дания в союзниках — это противовес Швеции и уменьшенное влияние Франции, как и свободный проход Датских проливов в Балтийском море. Ну и деньги.

— Алексей Петрович, и что Петруша умно-то говорит? — поинтересовалась Елизавета запутавшись в хитросплетениях европейской политики.

— Матушка, — да, умно, но... неожиданно... — замялся Бестужев.

— А вы, господа, и не выносите за границы Совета слова мои, но я уже говорил и скажу — я наследник престола Российского, и печься повинен о ней, России. Окромя того, я понимаю, что удержать Голшгинию не смогу, но людей оттуда переселить в Россию желаю. Будет на то воля Бога, и верну и Голшгинию и Шлезвиг, в том и деньги помогут датские.

После слов восхищения мной, выказанных в духе лестного обращения к Елизавете, что мол, вот какая у нас императрица, рассмотрела мальчика-племянника, переиграла и шведов и датчан, начались предметные разговоры. Так, я просил за Голшгинию уже шесть миллионов полновесных рублей, меня одернули и сказали, что просить станут, но дадут не более четырех. У Дании просто не будет столько серебра.

Часть этих денег должна пойти на организацию переселения населения, что пожелают ехать в Россию и в этом датчане сами должны быть помощниками. Этих людей я бы поселил у границы с крымчаками и в дальнейшем опирался на них в качестве тыла. Так же датчане должны были преподнести мне в дар две сотни шгуцеров. На верфях Дании закладываются три линейных корабля, команда набирается из голштинцев и датчан, это уже можно оплачивать с полученных от данов денег или в счет их. Брюммера арестовывают русские войска, что зимуют в районе Киля.

Бестужев выглядел счастливым человеком, видимо, предвкушая «благодарности» от датчан, да и его сто тысяч рублей за решение проблемы никто не отменял. А вернуть территории можно будет в будущем, если они вообще нужны. Для меня, Петра Федоровича, было бы возмутительным такое решение проблемы, но эта часть меня молчала, вероятно, рыдая на задворках подсознания.

Но то все эмоции, а практика прозаичнее. Не было никакой возможности эффективно удерживать Голшгинию, не имя полноценного сообщения с герцогством. Это Кенигсберг еще можно было оставить и то, через Курляндию прокладывать дорогу, а последняя, на минуточку, пусть и отдельное герцогство, но каким-то местом польское. Хотя карту Бирона — герцога курляндского разыграть можно, а Польша уже и сейчас не игрок, но Голшгиния еще дальше вдоль балтийского побережья.

— Ну Петр Федорович, что еще ты хочешь мне сказать? — усталым тоном спросила тетушка. — Непоседой стал, уже не солдатиками игры затеваешь, а с людьми, коли не Бестужев...

— Тетушка, дозвожь с Александром Борисовичем Бутурлиным на Урал съездить, — спросил я, как в омут бросился.

— Ты, Петруша, дурак? Наследника роди и езд! — выкрикнула Елизавета, привстала и схватилась за левый бок.

— Тетушка! — вскрикнул я. — Медикуса!

— Такое бывает, пройдет сейчас, — натужно простонала Елизавета.

В комнату, где я общался с императрицей после Совета, ворвались люди, меня бесцеремонно оттерли, началась суета. Сейчас прольется императорская кровь, так как процедуру ее пускания в этом времени делают надо-не надо.

— Позовите Петра! — послышался хриловатый голос Елизаветы, прорвавшийся до меня сквозь шум суеты.

— Тетушка! — я подошел.

— Будь в Петербурге, когда я поеду в Москву, поезжай на Урал с Бутурлиным. А Катька чтобы до Петрова дня была уже непрадна, — сказала Елизавета, под расцветшую и быстро завядшую улыбку.

Я не мог понять, почему тетушка меня отпускала, и поэтому напрягался и злился. Дать волю поехать по России? Сомнительно, а когда нет прямых и логичных объяснений, то становится тревожно. Но... развеяться нужно. Но условие беременности Катэ выполнено вряд ли будет, пусть хотя бы годик еще окрепнет, а то молода слишком.

* * *

Зимний дворец. Покои императрицы

25 февраля 1746 г.

Елизавета лежала на кровати и наслаждалась. Ведь наслаждение же, когда у тебя ничего не болит. Проникнуться могут лишь те, кто только недавно корчился от коликов, а теперь только легкое головокружение от очередного кровопускания.

В такой момент, когда Елизавете было больно и во время коротких периодов, когда боль ненадолго отступала, на государыню накатывала полная апатия. Это состояние приходит к женщине, вдруг осознающей, что ее красота конечна. Та, которой искренне восхищались, которую хотели лучшие мужчины, которую называли одной из красивейших женщин Европы — она увядала.

— Лизонька, ну как? — спросил Ваня Шувалов.

— Уже хорошо, Ваня, а где Разумовский? — задала мучавший ее уже два дня вопрос Елизавета, она была уверена, что Алексей примчится, станет рядом, возьмет руку и скажет, что она все еще красивая женщина.

— Алексей Григорьевич приедет, не волнуйся. Ты скажи, Лиза, зачем отпустила Петра? — задал вопрос Шувалов, у которого были свои интересы насчет наследника — в Петербурге открывался новый ресторан, пока без казино, недворянам запрещено играть, но еще большей площади — для мещан и купцов.

— Ваня, а ты уверен, что Петруша дров не наломает, когда узнает, что в Голштинию вошли датчане? Это он так, на Совете сказал, русским назвался, да Киль еще хотел оставить, а даны все забирают. Да и еще... — Елизавета замялась.

— Ты про то, что башкиры с казачками порезвились в Голштинии и людишек посекали? — показал свою осведомленность Шувалов.

— Да, перестарались, — констатировала императрица.

Большие переходы — бич русской армии. Дойти до Голштинии оказалось сложным мероприятием с немалыми санитарными потерями, армия была зла, и готова уже лучше сражаться, но не идти по всем этим немеччинам. И когда русское воинство, потеряв больше тысячи человек при переходе, пришла к границам Голштинии... ее туда не пускали. Брюммер рассчитывал, что русские просто разобьют лагерь на пограничье, даже определил русским более или менее заселенную приграничную территорию с небольшими городками и деревнями, чтобы можно было расселить часть воинства. Вот только магазины Брюммер не подготовил в нужном количестве. Шведский король и дядя Карла Петера Ульриха, Адольф Фредерик, обещал помощь, но Швеция не рискнула нарушить все тот же Абоский мир. Даже часть партии «шляпников» скооперировалась со своими политическими оппонентами из партии «колпаков» и выступили против роста напряженности. Воинственные заявления —

это одно, но после ревизии шведской армии оказалось, что ее, этой армии, почитай, что и нет, даже часть офицерства после последней войны с Россией уволилась.

Изнуренная и голодная русская армия потребовала обещанный провиант и зимние квартиры, голштинцы выставили заслоны из гвардии и начали набирать ополчение. Кто начал первый стрелять, не известно, но русские самостоятельно нашли и провизию и квартиры. Только в городе Киле сохранился порядок, так как там уже был небольшой русский корпус и эскадра и эти солдаты были сыты и довольны, получив еще и от магистрата Киля серебра на постой и за сохранение спокойствия.

И теперь для наведения порядка в ввергнутую в хаос Голштинию будут вводиться датские войска, а русский корпус уйдет, якобы из-за угрозы русско-датского столкновения и займет, по имеющимся тайным соглашениям Ольденбург. Идут переговоры, в которых разыгрывается карта нервного и импульсивного наследника престола Российского, что никак не хочет отдавать Голштинию. При этом подчеркивается, что императрица очень любит племянника. Поэтому Петра Федоровича нужно было убрать из поля зрения и двора и посольств, иначе игра могла бы и не случиться.

После долгих размышлений Елизаветы

... Нет, конечно, не ее, императрица в последнее время и так была чрезмерно напряжена государственными делами, в которых разбиралась, но которые занимали ее многим меньше, чем личная жизнь или жизнь двора. Поэтому решение о том, чтобы оставить Екатерину Алексеевну в Ораниенбауме, Елизавете «нашептал в ушко» канцлер Бестужев, с молчаливого согласия нового фаворита Ивана Ивановича Шувалова. Ранее же государыня думала отправить невестку с племянником, чтобы побольше трудились над зачатием будущего императора. Иван Иванович Шувалов же, понимая, что возвышается над всеми, стремился не терять головы и в малом лавировать между интересами и мнениями в другой партии — условно «бестужевской».

Сам же канцлер посчитал, что наследник начинает набирать политический вес и императрица уже смотрит на него, как на мужа, а не вьюношу неразумного. Того и глядишь, сметут Бестужева, как песок с бумаги. Канцлер был уверен, что Петр Федорович — марионетка в руках Шуваловых. Именно они пустили мальчика в свой кошелек и платят долю от дохода своей «ресторации» и сахарного заводика.

Если получится создать условия для разлада семейной жизни наследника, который, как считают при дворе, необычайно влюблен в свою жену, то получится скинуть Петра Федоровича с лестницы, ведущей на политический Олимп. Молодой человек, безусловно, полностью себя отдаст разбирательствам с женой, потеряет вес в глазах общества и императрицы, наделает ошибок. Молодая Екатерина уже создала себе репутацию «душки», причем щедрой на подарки и внимание, так что получится отличная интрига, направленная на дискредитацию наследника. В этом же поможет и мнение о Петре Федоровиче, которое еще не развенчалось, что он недоросль немецкая и руссаком быть не может, да и муж не состоятельный, ибо до сих пор не имеет любовницы, как официальной, так и тайной.

Южный Урал, Поволжье, Самара, Москва, Петербург.

10 апреля 1946 — 17 июля 1746 гг.

— Ваши веселые рассказы, откуда они? — спросил Миних.

— Сам придумываю, — соврал я.

— Вы, какой-то особенный, кладезь идей. Нужно срочно, хоть силой, вывозить из Голштинии Ваших учителей, Петр Федорович, если они воспитали такого умника, то это гениальные люди, — расплылся опальный фельдмаршал.

— Не льстите, Христофор Антонович, очень многое, из того, что знаю — это самообразование, — ответил я.

Мы ехали уже как две недели на Урал, а точнее в Нижний Тагил. Сколько я не пытался ускорить наше движение, получалось плохо: заметенные дороги и местами раскисшие, малое количество почтовых станций. Но хорошо, что маршрут построен был в обход крупных городов, чтобы не быть там VIP-персоной провинциальных мероприятий. И такие местные балы стоило посещать, чтобы создавать себе хорошую репутацию у «глубинного» дворянства, но не в этот раз. Тот же Нижний Новгород — торгово-промышленный город и нужен для России и в некотором роде и для моих планов. Но там могут находиться старшие дети почившего Акинфея Никитича Демидова, которые оспаривают завещание своего отца, а я сторону в этом споре уже выбрал.

В свое время, будучи промышленником и, пусть и в малой степени, но занимаясь металлообработкой — для участия в военных государственных заказах, интересовался знаковыми людьми, стоявшими у истоков русской промышленности. И Демидовы, что взяли пальму первенства у Строгоновых, были одним из столпов России, так как мощь армии, устойчивость государства, счастье и благополучие населения — это экономика и чем выше она, тем больше возможностей для увеличения всех перечисленных аспектов существования общества и государства. Не повернется язык говорить о счастье народа на Урале, тем более на заводах, где рабочие жили в среднем пятнадцать лет, делали очень важное дело, чтобы улучшить экономику страны, но имели прав и возможностей еще меньше, чем крепостные крестьяне.

Вот взять те же бунты XVIII века — они, прежде всего, экономические, как и многие до и после. Кондратий Булавин, от которого люди и стали говорить «Кондратий хватит» — поднял бунт за соль в Бахмуте и последующую реакцию Петра Великого, наступившего на казачьи вольности. Емельян Пугачев — искра в залитом бензином сарае: у башкир забирали земли, немцы в Поволжье не получили обещанных субсидий, труд на уральских заводах — каторжный, а тут Емелька. А еще в эту свалку легковоспламеняющихся причин для бунта, переселяли польских конфедератов в Поволжье. А они тихо ненавидели Россию, тихо, ибо даже тут за эту ненависть по мордасам получишь, но все вместе очень громко ненавидели русскую власть. Как не быть бунту Пугачева, да еще под благовидным предлогом защиты прав меня, убиенного?

В эту долгую поездку я взял Миниха по двум основным причинам, кроме тех, что мне было просто скучно и с Бутурлиным и с другими людьми из его комиссии, где нужно себя держать манерно и великосветски. С Минихом я себя так не вел, как то сразу установилось

легкое и доверительное общение, Христофор Антонович показался мне несколько не интриганом, но человеком общительным и прямолинейным. Еще Миних ехал со мной потому, он становился неким балластом на моих плечах. Дом его на Васильевском острове в Петербурге никто не собирался отдавать, несмотря на то, что он пустовал, а другого жилья у бывшего фельдмаршала не было, все имения изъяты. Ну и еще пусть этот гениальный инженер, волею судеб бывший и военачальником, либо проникнется моими делами, либо... валит сажать репу.

«Замороженного» фельдмаршала (по сути его не лишали чина, лишь временно дали дозволение на ношение мундира пехотного генерал-майора), в обществе пугаются, как черта, боясь не то, чтобы заговорить, но быть в поле зрения рядом. Внешне Христофор Антонович с юмором относился к такому поведению и знатных и даже мелкопоместных дворян. С трудом, строгими приказами не всех, но некоторых офицеров формирующегося Первого Воронежского егерского полка, пришлось урезонивать, так как те отказывались работать с Минихом, а Румянцев выбрал позицию нейтралитета. Командующий признавал Христофора Антоновича, как опытного военачальника, который даже стоял в Бахчисарае, но Петр Александрович был человеком высшего общества, а там Миних был игнорируемым.

Я видел, что опальный фельдмаршал колеблется и думает, сомневается. Миних не особо умеет скрывать свои эмоции. И тут, либо он увидит меня таким, какой я есть, без паркетных расшаркиваний, и проникнется планами, либо, если многое узнает, будет несчастный случай, и я буду горькими слезами оплакивать великого человека. Ну, а не будет осведомлен о каких тайнах — чемодан, карета, север.

Интересным было наблюдать, как у Миниха появлялся хищный оскал, когда проезжали Ярославль. Я с любопытством наблюдал за этим действием — ненависть, не проходящая годами. Там проживал Бирон — старинный враг Миниха времен остермановских интриг. Только мне кажется, что они оба лишь неучи в искусстве интриговать — там преподавателем был — Андрей Иванович Остерман.

— Петр Федорович, можете мне сказать, почему Вы так упорно на протяжении всей совместной поездки просили и требовали у Александра Борисовича Бутурлина учитывать больше иных позиции в наследстве именно младшего сына почившего Акинфея Никитича Демидова — Никиты Акинфеевича? — задал вопрос Миних, которого я ждал с тех пор, как под Нижним Новгородом распрощались с посланником императрицы Бутурлиным.

— Я уверен, что другие сыновья Акинфея Никитича Демидова не столь рьяные в радении отцовского дела, сколь Никита Акинфеевич. Прокопий Акинфеевич повеса, который прогуляет отцовское наследие, Григорий Акинфеевич — добрый муж, но он не станет горнозаводчиком, может... — я сделал вид задумчивости — ботаником будет добрым, или еще кем. А наследие столь важного для государства дела должно быть в руках человека желающего преумножить мощь России. Глупцы! Своим спором они уже лишаются алтайских приисков серебра в пользу державы.

— А что именно Вы хотели бы от Никиты Акинфеевича? Я полагаю, оружие? — проявил сообразительность Миних.

— Да, Христофор Антонович, именно так. Прежде всего артиллерия. Я говорил уже, что считаю этот род войск самостоятельным, могущем делать на поле боя большее, чем ныне, — ответил я.

— Я читал Ваши уставы, и считаю... — начал было говорить Миних, но был мною перебит.

— Простите, Христофор Антонович, но это не уставы, это только мысли, способствующие в будущем создать передовой и действенный новый Устав воинства русского, — сказал я.

— Но, вернусь к делу применения артиллерии, — продолжил, немного поморщившись, Миних. Вот как с таким читаемым лицом вообще можно было влезть в интриги, тут же все эмоции напоказ? — Создать отдельные артиллерийские бригады, как самостоятельные воинские части — новаторство, кое еще осмыслить нужно. А так же Вы предлагаете иметь до десяти батарей в полковом подчинении, даже о ротной артиллерии размышляете? Кроме того, поддержка атакующих колон до момента соприкосновения с противником, поддержка конницы. Это очень сложно, поверьте, я знаю о чем говорю. Да и потребуется очень много пушек.

— Это еще одна причина, почему Вы здесь — своим опытом и присущей вам прямоотой, одергивать меня, но только опосля полного осмысления всех моих прожектов. А так, Вы правы, я хотел бы дать Никите Акинфеевичу Демидову заказ на изготовление новых гаубиц, коих нет ни в одной армии мира ныне. Так же везу ему штуцера прусские, дабы он ладил мне такие, — сказал я и прикрыл оконце кареты, которое было открыто ранее, так как начало мая выдалось теплым, даже жарковатым, а дорога от того стала слишком пыльной. Между тем, в разговоре с Минихом, мы перешагнули тот Рубикон, после которого Христофор Антонович лишился свободы выбора. Артиллерия — это совсекрет!

В той жизни я не был артиллеристом, служа в морской пехоте в Крыму, но советских офицеров учили хорошо. Это потом, в конце существования СССР я оставил армию и пошел в коммерцию, на грани криминала, иногда и за его грань ю. Так что я имел понятие о истории развития русской артиллерии — одном из главных факторов побед России в XVIII и в начале XIX веков. По крайней мере принцип конусной каморы знал, как и устройство лафета времен Наполеоновских войн. Петр Иванович Шувалов не догадывается, что я забираю у него славу «главного елизаветинского артиллериста». «Шуваловские единороги» в немного модернизированном виде, прежде всего в лафете, должны появиться на свет на десять лет раньше. А еще, продемонстрировав пушку-гаубицу военным и тетушке, я рассчитывал получить должность генерал-фельдцейхмейстера, то есть командующего артиллерией. Пусть ограничат меня в принятии решений на поле боя, но дадут возможности заказов и модернизаций артиллерии. Ну а госзаказы — это стабильная прибыль.

За пару дней до конечного пункта моего путешествия в Нижний Тагил, туда, в город, были отправлены посыльные, чтобы Никита Акинфеевич, еще ранее предупрежденный о моем приезде был во все оружии, не прилично человека заставить врасплох. Одновременно, мой казак Кондратий со своим десятком донцов отправился созывать казачий круг, который должен был собраться в Самаре.

К встрече с казаками я готовился с того времени, как у меня в спарринг-партнерах и уже в личных телохранителях оказался Кондратий Пилов, которому получилось вернуть и десяток сорвиголов, коими он ранее командовал. К Яицким казакам, как и к донцам, были отправлены посланники с «вежественным повелением», именно в такой формулировке, прибыть казацким старшинам по дюжине человек от донцов и яицких, а так же трех представителей от башкиров и калмыков, но те будут удостоены аудиенции, а с казачеством я решил заигрывать. Такое же предложение было послано и сибирскому казачеству, но те могли и не успеть прибыть. То, что казаки придут, не было достоверно известно. Во-первых, в послании была крайне спорная, не в мою пользу, приписка «коли на то буде воля

матушки-императрицы». Казаки примут за слабость недоросля, что пожелал подивиться на вольных мужей, как на зверушек. Поэтому, чтобы конфуза не получилось, Кондратий и отправился в Самару, еще до того, как мы прибыли в Нижний Тагил.

Почему приписка? Так что можно подумать, когда я мало того, собирая голштинцев в Люберцах, взял себе в потехи Воронежский пехотный полк, еще я и полковник Преображенского полка, да и шеф лейб-драгун. Тут еще и казачки с башкирами и калмыками. Да это не меньше, получается, по масштабу, чем у бунтовщика Пугачева. А Елизавета патологически боится переворота. Вот, хотя бы вот так, упоминая где надо и где не стоит, отвести подозрения от подготовки бунта с моей стороны.

А казаки, как бойцы нового склада мне понравились. У них вольный, чистый, без предрассудков подход к воинскому искусству. Подлые приемы? Да запросто, без душевных терзаний, главное — победа! Вот и хочется мне видеть особые пластунские отряды казаков при решении всевозможных задач. Благородные многие методы сочтут ниже своего достоинства и могут загубить все дело.

Ребята-казачки, что были у меня — все резвые, быстро учились тому, что я могу знать, к каким-то решения приходили коллегиально. Прежде всего я из них лепил бодигардов, я пересказывал те принципы, которые слышал от профессионалов-телохранителей из другой жизни. Некоторые особенности работы телохранителя и я мог показать, так как всегда предпочитал не быть пассивной охраняемой куклой, а уметь правильно реагировать в экстренных ситуациях. Меня уже не пускали гулять одного по улице, контролируя пространство и обследуя каждый объект, пистолы были всегда наготове, реакция прикрывать своим телом сразу же в любой неординарной обстановке вырабатывалась автоматически. Одновременно, я пытался привлекать этот десяток к апробации основ диверсионной работы в тылу врага, пусть и больше для понимания психологии и готовности к подобной работе людей этого времени.

Никита Акинфеевич Демидов находился в притворном хорошем расположении, когда принимал меня. Пышности, которые он считал неотъемлемым атрибутом членов императорской семьи, для меня были излишни. Я, словно старый скряга, пытался подсчитать, сколько пушек можно было купить за те деньги, что ушли на фейерверк, богатейшие кушанья, шикарные выезды с великолепными лошадьми, которые были куплены только для встречи наследника.

Между тем, чуть полноватого молодого, лет двадцати-двадцати двух, парня, коим был Никита Акинфеевич, что-то давило внутри и я догадывался, что именно.

— Никита Акинфеевич, не знал, что Вы находитесь в Петербурге, когда я собирался выезжать к Вам, в Нижний Тагил и мое решение приехать вынудило Вас проделать большой путь, обгоняя меня — это недоработка моих людей. Между тем, мы здесь вдвоем. — Я наколот на вилку кусочек прекрасной ветчины, которую мог бы назвать «пармской», прожевал нежное мясо и серьезным видом продолжил разговор. — Я понимаю, что гложет Вас — наследство. Вы думаете, что несправедливо вникать в семейные дела?

— Я не могу противиться воле императрицы, я преданный ее раб, — быстро среагировал Демидов-младший.

— Я не сомневаюсь и не для того, чтобы оспаривать всегда справедливые решения моей любимой тетушки, я прибыл сюда, дабы работа на Урале не остановилась из-за тяжбы с наследием Акинфея Никитича. Царствия ему небесного! — сказал я, перекрестился, что повторил и сын почившего «хозяина Урала». — Пока будет Александр Борисович Бутурлин

работать, могу уже сказать, что часть наследства останется и у Вас, далеко не все, но потому для встречи я и выбрал Нижний Тагил, что заводы у этого города и на юге Урала, станут Вашими. Я так же просил, чтобы вам достался и оружейный завод, где ладятся пушки, да фузеи, но койй отойдет к среднему брату. Тяжба сия буде длиться долго, а России нужно оружие и железо сейчас.

Взгляд Никиты Акинфеевича, который выдавал его скорбь по потере отцовского дела, немного разгладился, видимо младшенький, после того, как в ситуацию влезла власть, и не рассчитывал на значительную долю.

В прошлой истории, которую я уже изменяю и создаю иной, окончательное соглашение между братьями было подписано только в 1757 году, при том, что прииски были отжаты властью сразу же после начала разбирательств. Здесь я намеренно говорю «власть», а не Елизаветой, так как тетушка в такие распри вникала только сердцем и эмоциями, а сановники выжимали из момента максимально материальных благ. И вот чуть ли не десять лет заводы если не постаивали, то развития точно не получали и управлялись спустя рукава. Сейчас я очень хотел подобной ситуации не допустить. По крайней мере, Никита Акинфеевич должен быть загружен работой, а не рефлексировать в ожидании приговора.

Поэтому, пока наши поезда с Бутурлиным ехали вместе, и я чаще ехал в одной карете с ним, чем с Минихом, я много говорил с Александром Борисовичем. Правда, пришлось помирить некогда товарищей по оружию. Бутурлин был в армии Миниха во время похода в Крым и занимался интендантской работой.

Два, некогда товарища, первоначально стали сыпать претензиями друг другу, как будто крымский поход завершился только вчера. Но Миниха я уговорил не трогать проворовавшегося тогда на поставках в армию Бутурлина, что, между прочим, было фактом, признанным не только Христофором Антоновичем. Между тем, посланник императрицы, некогда ее возлюбленный, пребывал в очень высоком расположении духа, предвкушая, какой барыш получит при разбирательствах с огромным наследием Демидовых.

Я поступил хитрее и начал исподволь говорить, что имею очень большой интерес, как такой честный и справедливый и многоопытный Бутурлин (бывший любовник Елизаветы Петровны был уже в годах) решит спор. Александра Борисовича озаботила перспектива нахождения рядом меня, наследника. И не откажешь же племяннику Елизаветы, который «хочет получить урок». После долгих вежливых препираний, я и выдал «маленькую просьбу», заключающуюся в том, что младшенькому, по случаю завещания, по которому вообще все Акинфеем Никитичем отписывалось младшему сын, достанется немного больше — всего-то на два заводика больше, чтобы не ломать производственный цикл при изготовлении оружия. Жалко, что Тульский завод не светил ни мне, ни Никите Демидову.

Я понимал, что отдав предпочтение младшему Демидову, я наступаю на интересы Петра Ивановича Шувалова, который был в одной партии с Воронцовыми, что и инспирировали вмешательство в семейные дела Демидовых. Бестужев же был противником Шуваловых-Воронцовых, но в это дело, видимо, не лез, свои барыши канцлер поимеет, и от игры с судьбой Голштинией.

— Что Вы мне предлагаете, Ваше Высочество? — задал уже прямой вопрос Никита Акинфеевич, который, видимо, больше имел знаний о металлургии, чем о лицемерии при переговорах.

— Что ж, признаться ия люблю прямоту. Вот это все... — я обвел руками большой стол, заставленный нетипичными яствами на золотой и серебряной посуде. — По стоимости

будет, как несколько пушек, может и больше. Мясо доставлено в лучшем случае из Москвы, или даже прямиком из Вены, устрицы — явно гольштейнские, я то их знаю. Спасибо, я оценил прием, понимаю, что мы мало знакомы, как по мне, так лучше штуцер подарили бы, или научились их ладить. Но поели и давайте к делу, я привез Вам много интересного. Нужен чистый стол, перо и бумага.

Демидов моментально вскочил и в нарушении правил этикета, выбежал из столовой, резко открыв дверь и чуть не сшибив собственную мать, которая, не трудно было догадаться, подслушивала разговор своего маленького сыночка с самим Наследником. Это была вторая жена бывшего «хозяина Урала», а остальные братья — сводные.

Через десять минут в комнате, которая была больше похожа на кабинет, так как имела отпечаток рабочей обстановки, мы с младшим Демидовым уже склонились над чертежами, которые первоначально были моими, но, поняв, неуклюжесть рисунков, привлек двух учеников-художников.

— В подобной камере заряд имеет большую первоначальную скорость полета, так как сгорание пороха проходит в конусе, — объяснял я.

— И, само орудие становится легче, — рассматривая чертежи, констатировал Никита Акинфеевич. — Нужно проверить, но сама мысль передовая, я такого не знал и в Европе.

— И никто не должен знать. Мы еще поговорим о мерах секретности, — строго, даже угрожающе сказал я, чтобы проникнулся промышленник. — И еще, я отправляюсь в Самару, пока оттуда еще не уехал Василий Никитич Татищев. Знаю, что у Демидовых были споры с ним, это нужно оставить в прошлом. Все в прошлом, уже истории!

Как упоминается имя Татищева, так сразу лезут в голову слова, «прошлом», «история». Да, это был тот самый историк, государственный деятель, основатель Екатеринбурга, который сейчас находился в Самаре. Между тем, он был промышленником, который спорил с Демидовыми в некоторых регионах.

И вот раскрывается и еще одна сторона, почему я собираюсь в Самару, кроме уже озвученных, — встретится с Татищевым и решить-таки проблемы с башкирами и калмыками, иначе новый виток их неповиновения неизбежен, а этот регион для моих целей нужен обязательно. А всего-то и нужно было поговорить с башкирами и закрепить все земли документально: это ваше кочевье, это наша земля, сюда ходить, сюда не ходить, а ясык сами носите по утвержденной норме и не больше, даже если об этом просят чиновники.

— Есть еще один важный и крайне секретный вопрос, — я выдержал паузу и, дождавшись отвлечения Демидова от чертежей, продолжил. — Назовите этот способ «Демидовский» и прославитесь со временем на весь мир.

— Заинтриговали, — сказал Никита Акинфиевич, а я стал немного сомневаться в правильности своих решений — глаза у младшего Демидова были не естественные, какими-то дурными, что ли, маньяческими.

— Еще раз, — с нажимом я начал новую отповедь, чтобы немного сбить фанатизм наследника Демидовых. — Ни-кто, не должен знать о том, что я сейчас показываю Вам.

— Да, я понял, спасибо. Но эта пушка — она и в за правду может быть дюже доброй, — виновато казал Демидов.

И я рассказал принцип пудлинговой печи, который заключался в преобразовании чугуна в мягкое малоуглеродистое железо. Расписал процесс помешивания железа, про недопущение контакта с топливом и другие особенности уже сформированного метода, чтобы избежать мелких сложностей и «детских болезней», что свойственно всему

новаторскому. Предоставленные рисунки такой печи в двух исполнениях заставили выпасть из реальности Никиту Акинфиевича минут на двадцать.

— Так, это сюда, ясно, отсюда... а вот клапан, ага, только как это... вот понятно, — бормотал Демидов, рассматривая рисунки.

А я благодарил свою зрительную память, пусть и пришлось поднапрячься и, может что-то я и додумал сам, может что-то и не так нарисовано, но принцип изложен явно лучше, чем это смог бы сделать через почти сорок лет Генри Корт, получивший патент на данный способ. В моем проекте технологии уже учтены некоторые «детские болезни», что решались и после господина Корта. Правда, до англичанина китайцы были первыми, когда использовали названный способ еще в первом веке. Вот уж эти китайцы — во всем первые, но не могли свои разработки использовать, как это делали значительно позже европейцы.

— Почему я? — задумчиво спросил младший Демидов.

— Я верю в Вас, как верил Ваш покойный батюшка, бывший великого ума человек. Посему я выбрал Вас. Мне потребны пушки, когда они у меня будут? — с нажимом спросил я.

— Я... — молодой промышленник и теперь еще и «изобретатель» замялся. — Скоро, очень скоро, сразу же еду на заводы, соберу мастеров и приказчиков, будем начинать отливать формы, потом сами пушки, после испытывать.

— Не затягивайте, наплюйте на дележ наследства, работайте. Штуцеры прусские для образца я привез, должны быть сперва не хуже, после — лучше. Выделяйте деньги для изобретений. А, когда «демидовская пушка» убьет своего первого врага, Вы войдете в фавор, да и когда железо в большом количестве и доброе пойдет, то также станет вопрос — правильно ли лишили наследства того, в ком дух отца и деда, — я сделал паузу, чтобы впечатлительный собеседник немного успокоился и после «пряника» озвучил и «кнут». — Пятьдесят пушек по симу прожектору за Ваши деньги, как и сто штуцеров. Сроку полгода, но как начнете ладить, немедля отсылать. Дале — до каждой пушке подготовить расчеты — это пушкарей, добрых, чтобы они их и испытывали. За службу сим пушкарям — свобода от крепости опосля десяти годов службы с деньгами для дома и семьи. Но это будут уже мои деньги. Далее, — что я покупаю, то по самой малой цене, чтобы только не в убыток Вам. И ни-ко-му о прожекторах. А еще жду Вас в Петербурге не позднее двадцатого сентября. Иные заказы от державы, то по сговорной цене.

К чести Никиты Акинфеевича Демидова, тот попытался было торговаться, но я пресек это непотребство, опираясь на свой статус и напомнив, кто выбил у Батурлина два завода, кто дал такие прожекты, да и зато, что я вообще — наследник и буду по мере сил покровительствовать, можно и большее требовать. А если он не хочет... то я просто останусь в гостях на два-три месяца и наем устриц на такие деньги, что и сто пушек можно сладить.

— Уверен, что Вы, Никита Акинфеевич, к осени, когда приедете в Петербург, обрадуете меня начальными результатами. Ну и решим окончательно некоторые вопросы, — сказал я и, выслушав благодарности и заверения, отправился отдыхать, чтобы через три часа провести тренировку с Кондратием.

Дальше дорога моя лежала в Пермь, от куда уже на речных ладьях, как в старину дремучую, в Самару. Кареты, как и сопровождающие две роты моих подопечных лейб-гвардии драгун, отправились конно вдоль реки. Рота же егерей под командованием самого Суворова, сопровождала меня.

Я специально попросил Петра Александровича выделить мне роту, на которую был поставлен командиром поручик Суворов — шестнадцатилетний паренек с горящими глазами, получившего ни жданно, ни гаданно в командование роту. Во время своего путешествия, я старался Суворову внушить правильность «суворовского учения» — абсурд, конечно. Однако, Александр Васильевич далеко не сразу пришел к пониманию его же «Науки побеждать», а я не хотел, чтобы гениальный полководец в будущем приходил ко многим выводам через кровь и сражения, а уже применял свои же выводы во время боев, еще более совершенствуя их своим светлым умом и с необузданной ни кем энергией. Суворов «внушался» и начинал спорить, освоившись в общении без чинов и титулов. Кроме того, оказалось, что Александр Васильевич каждое утро бегаёт и заставляет это делать свободных от дежурств солдат. Не всегда, но часто, я стал присоединяться к этой процессии бегунов, понимая, насколько им неудобно бегать в башмаках, у меня для этого были специально пошитые полусапоги из мягкой кожи.

Я взял с собой егерей, чтобы в дороге тренироваться и самому и может что-то показать и солдатам. Отрабатывали рассыпной строй и быстрое построение в линию, принципы охраны персон немного прояснил. На всех остановках мы стреляли, не жалея пороха, а шпугера, которых осталось на роту десять, так как остальные были отданы Демидову для реплик, не успевали прочищать. Чаще всего рота делилась по шестьдесят, чуть с большим, человек и одни защищались, другие нападали. Лейб-драгуны не особо кипели желанием после долгих переходов еще и проводить учения, но, когда на одной из стоянок нагнали ладьи, втянулись в игры. Вот и получалось, что часть пути шла отработка взаимодействия пехоты и кавалерии, жаль, пушек не было, иначе вообще позабавились.

На пристани Самары меня встретил Татищев и не сказать, что был сильно рад прибытию столь высокопоставленного по титулу, но еще не по делам своим, лица. Он собирался ехать в Петербург, его работа в Оренбургской комиссии заканчивалась, но тут свалился «наследник с бугра».

Я был расстроен тем, что губернатор Оренбургской губернии Иван Иванович Неплюев не прибыл в Самару, видимо, задерживаясь, так как посланная полурота лейб-драгунов и отряда вооруженной заводской охраны Демидова во вновь отстраиваемый Оренбург прислали посыльного, что хозяин формируемой Оренбургской губернии выехал в Самару.

Первоначальное место для столицы новой губернии было выбрано безграмотно в деле безопасности и обороны, поэтому и само передвижение губернатора по башкирским землям может быть беспечным, но уже та охрана, что была послана мной — многого стоит, да и вряд ли Неплюев пойдет без серьезного собственного охранения. Сам же я не то чтобы побоялся поехать в Оренбург, поленился или проявил чванство, и высокомерие, кичась своим положением. Нет! Я и так уже вел себя на грани возможного. Моя остановка в Самаре и без того может оказаться крайним раздражителем для Елизаветы Петровны, которая ждет от голштейнского теленка-производителя хорошего потомства, а не деятельного участия в развитии России. А потомства пока и нет, это после, когда Катэ родит, ценность моей тушки резко упадет в цене.

Что же касается Неплюева Ивана Ивановича, из того, что я о нем знаю, остается размышлять, как такого человека вовлечь в свои дела. Это был тот, истинно петровский чиновник, который и на Аляску поедет, если царь-император скажет. Очень опытный дипломат, жесткий, по-петровски, не боится замарать руки в крови, что не может быть положительной характеристикой. Но и сейчас и, как показывает мое послезнание, и будет

далее, чаще уважается грубая сила. С сильным разговаривать станут, слабого пнут, особенно в беспокойной Оренбургской губернии. И Неплюев, вероятно, это понимал, когда топил башкирских старейшин после очередного бунта. Я же считаю, нужно быть чуть хитрее и башкиры должны стать надежным тылом, а не постоянно тлеющим фитилем на бочке с порохом.

— Ваше Высочество, позвольте выразить Вам свои верноподданнические чувства и радость от Вашего визита, — начал говорить Василий Никитич Татищев, но был перебит.

— Оставьте, Василий Никитич, я понимаю, что свалился, как снег на голову, но не нужно обихаживать меня, я с деловым визитом, — одернул я Татищева, и вся небольшая его свита замерла, не зная, как реагировать на слова наследника. Они-то готовились расшаркиваться. А тут что делать?

— Господа, я прибыл, дабы прознать о том, как живут в одном краю калмыки, что сами попросились под руку Российской империи, башкиры, казаки, государевы люди. Не лютуют ли лихие люди, да как землю поделили, — задал я вектор своего визита и быстро пошел вперед.

Опять был прием и опять, пусть не так изыскано, но все равно дорого, угощали. Звучали заверения в полной лояльности, произносимые с улыбками и бегающими глазками у управленцев. Татищев же витиевато выразил недовольство тем, что в городе полно казаков, как будто город взят приступом, смущало многоопытного управленца, что пришли так же и делегации от калмыков и башкир.

— Василий Никитич, два года назад был крайний бунт башкир, уверен, что не последний. Нам замирииться нужно, создать правила общего жития. Скоро войны начнутся, в Европе уже идет война, а тут что получается? Есть переселенные немцы на Волге, есть казаки, которые так же не раз смуту учиняли, есть обиженные и воинственные башкиры и калмыки, кто еще? — высказывал я свою озабоченность Великому человеку.

— Ваше Высочество...

— Давайте не чинясь. Мы одни и именно с Вами я и хотел переговорить, — проявил я нетактичность, перебив Татищева.

— Хорошо, Петр Федорович, — согласился он, немного расправил плечи и, видимо, решил говорить начистоту. — Есть проблемы с башкирами. Их кочевья занимают очень плодородные земли. Не многие дворяне решаются расширить свои имения, но порой это происходит. Самара растет, начинают обустраиваться новые города, к примеру, Оренбург, нужны эти земли, не правильно использовать их только для кочевий. Как кормить сии поселения, коли хлеба своего не вырастить? Да и три полка держим тут, дабы не нарушить равновесие и пресекать раздоры, им прикорм так же нужен.

— Я понял Вас. Знаю о не всех, но многих делах, что здесь рядятся, — я протянул Татищеву бумажные листы, на которых были написаны некоторые варианты решения проблем. — Вот некоторые мои думы, прочтите и скажите мне, возможно ли сие.

Василий Никитич углубился в чтение.

— Петр Федорович, не пойдут башкиры на то, чтобы согласится оставить земли, что уже заняты помещиками, — сказал Татищев, видимо, прочитав первый абзац моего проекта договора.

— Я для того и вызвал их, чтобы пошли на эти договоренности. Но тут может быть и еще один хитрый ход. Пусть башкиры, если не хотят отдавать свою землю для земледелия, дают часть ясыка зерном. Потерпите, Василий Никитич, я не закончил, —

предупредил я Татищева, когда тот набрал воздуха для возражения. — Это вполне резонно. Нам нужно зерно, чтобы прокормиться — они его частью дают, небольшой частью. Но где они зерно возьмут? Могут закупать у тех же помещиков, что заняли их земли, по малой цене, в счет захвата пастбищ. Или сами садятся на землю, что еще лучше для нас станет. Дают землю в аренду на пять-шесть лет, потом иной участок в аренду. Трава будет расти и так, а пахота будет завсегда богата. Уже сегодня у меня встреча с казаками, а завтра я и с башкирами встречу, и буду предлагать решения.

Далее разговор, с пожалуй первым профессиональным историком, складывался более интересно. Василий Никитич рассказывал мне о тех исторических источниках, которые использовал при своей подготовке к написанию труда о истории России. Пospорили мы и о исторической пользе Повести Временных Лет. Я был больше на умеренной позиции о роли скандинавов в формировании русской государственности, будучи уверенным, что они сыграли большую роль, но славянские племена еще до Рюрика имели зачатки своей государственности. Так что завтрак, а мы прибыли с рассветом, прошел во вполне дружелюбной обстановке.

До обеда я принимал подарки, делая вид спесивый и грозный. Понять чинуш было можно, я попросил отчитаться о количестве ясака, что собирался от башкир, доложить, как именно он берется. Вот и действовали по дедовским методам — задобрить подарками власть.

Я был уверен, что где не копни, везде найдется воровство, это как в любой стране и уж тем более регионе российской империи. Вот и нашел нарушения. Брали ясак частенько при помощи военных, не дожидаясь, пока башкиры сами принесут налог, бывали и разные неприятные случаи с обеих сторон. И кочевники могли напасть на отряд «налоговиков» и те могли, беря лишку, забить до смерти кого. И об этом все знали и считали нормой. Получалось, что и держать тут значительный воинский контингент против башкир необходимо, которые вроде бы и верноподданные. Накладно это и не рационально аж три полка иметь там, где можно обойтись и одним, но с выстроенной системой отношений, и казна недополучает налогов и еще и взрывоопасная ситуация при всеобщих обидах.

Я приказал быть настороже, как егерям, так и двум ротам драгун, которые и полк местный разметать могут, после вызвал к себе командующих дислоцированными в регионе полков, из которых на месте оказался только один, но от двух полков прибыли по два офицера. Я не собирался долго разглагольствовать, а просто сказал:

— Буду просить тетушку свою, нашу матушку императрицу, дабы расформировала ваши полки. Вопреки договору с башкирами, вы ходите за ясаком, не спрошу даже с того, что солдаты провизии недополучают, что командиров нет на месте, а у Вас, господя, лошади, на которых вы прибыли дороже моих, а пока все свободны, боле не задерживаю, — максимально металлическим голосом сказал я, стараясь выглядеть, как можно более строгим, что в теле еще не взрослого человека делать сложно.

После обеда, когда я уже собирался послать прибывшего ко мне Кондратия к казацким старшинам и дать своему повару особое задание, пришла делегация от тех самых чинуш, которые каялись и божились, что моя воля и они «никогда», «ни за что», «верой и правдой». Я чуть ли не напрямую потребовал вернуть все награбленное и тогда не повезу прямо сейчас на казнь в Москву. У людей, несмотря на то, что при Елизавете казней не было, видимо под коркой бояться суда государева. А может еще такая реакция на имя «Петр». Легенды ходили про строгость и скорость на расправу Петра Великого. Стребовал я сорок тысяч рублей,

может для этого региона, это очень много, но я понимал, что награблено больше. И чиновники были прощены.

Почему прощены? Да, уверен, что сделаю я турне по местам залегания чиновников по всей необъятной России, и можно было одеть и вооружить минимум семь-восемь дивизий. Все воруют, в том числе и из-за того, что платит государство этим чиновникам до смешного мало. Предполагается, что те будут «кормиться с мест». Изменить такую ситуацию одномоментно нельзя, даже разоряющим казну решением по поднятию оплаты. Да и в какой стране полностью истребили коррупцию, пусть в этом времени, пусть и в будущем?!

Ну а насчет турне по чиновникам... Так нарваться могу, несмотря на статус. По дальним регионам особо не покатаешься, а в центральных районах уже на потоках сидят родовитые родственники приближенных к императрице. Мне же не с руки ссориться с обществом и вновь прослыть дурачком.

— Казаки, вы вольный люд, так что и не прошу колени преклонять, — сказал я, когда увидел смущение у входящих в шатер старшин, его поставили из-за отсутствия нормального места в городе, если не считать административных зданий. Трактир же оказался еще тем гадюшником.

Кто как кланялся. Кто постарше, спину гнули больше, молодые да дерзкие, лишь немного прогибали спину. Впрочем, казаки младше лет тридцати пяти, тут вряд ли были.

В развернутый большой шатер во дворе дома, что я занял — это был дом наместника, входила разношерстная публика. Были и чубатые казаки и вполне благовидного, купеческого вида, были и с явно узкими глазами, но славянским носом-картошкой — результат малого количества женщин в казацких селениях и кражи женщин соседствующих племен.

— Дозволь, цесаревич, принять от Донского казачества сию саблю, что была взята со знатного турка, — произнес седобородый казак, но между тем, находившийся в отличной физической форме. Этаким Миних в казацком исполнении, тот так же старичок вроде бы, но фору большинству молодым офицерам даст.

— Любо, — сказал я и казаки прямо просияли сквозь свои усы и бороды. — Добрая сабля, будет мне подругой, покуда у султана не вырву его саблю с рук басурманских.

Общество казацкое разделилось: часть одобрительно пробормотало «любо», часть насторожилась, услышав слова о будущей войне.

— А что станичники, думаете простить нужно крымчаков да турок, что тыщи наших баб, детей, да стариков в полоне сгубили? — сказал я.

Общество зароптало, говоря каждый свои слова, превращая их в сплошной гул, но сквозь его было слышно возмущение, что казаки всегда были первые, кто встречал врага. С этим нельзя было не согласиться, и, напротив, не согласится — всякое было в истории. И империя предавала казаков, к примеру, не посылая подмогу во взятый казачеством Азов, а ведь там и запорожцы были, и донцы и долго они воевали голодные в полном окружении. Были и некрасовцы, которые после не так уж и давно отгремевшего булавинского восстания, переселились к османам и уже отличались в схватки с некогда своими товарищами.

Казаки недолго роптали, если донцы преподнесли свой подарок, то яички нет, да и сибирцы в малом числе — трое были, еще слова не сказали. Шесть коней, три сабли, один золоченый пистолет — вот то, на что я стал богат. Могли бы деньгами...

— Отведайте овоща моего царского, — сказал я и на стоящие столы в большом шатре внесли картофельные пирожки с мясом, капустой, грибами, драники с зажаркой, жареную картошку с луком и мясом.

Казачи с любопытством смотрели на незнакомые блюда, но после того, как я попробовал кусочек с каждого большого блюда, опасливо стали есть, постепенно смелея.

— Любо Вам, казаки? — спросил я.

— Любо! — ответили почти хором чубатые.

— Цесаревич, дак то потат. Я, колись на ляхов ходили усмирять, ел его, — проявил осведомленность один из донцов.

— Верно, можете звать овощ этот картошкой — она в голодные годы спасать может, потому как в год, когда жито, да пшеница не уродит, то картошка может добрый урожай дать. А с ее вон сколько сготовить можно. Все это и я ем кожный день, — соврал я в последнем.

Действительно, картошка в некоторых регионах может быть более перспективным овощем. Взять даже ситуацию в 20-30-е годы, когда в СССР был голод на Юге страны. В той же Беларуси, голода не было, потому, как рожь вполне обычно заменялась бульбой, как белорусы называют картофель. Почему картошка распространялась с большими усилиями со стороны властей и даже были бунты против ее высаживания? Люди боялись ее, обзывая сатанинским овощем. Может потому, картофель боится света, от чего становится ядовитым, зеленея. Вот и поверья, что божьего света не выносит сатанинский овощ. Были и другие моменты, к примеру, отсутствие понятия как именно выращивать картофель, что нужно окучить, прополоть, ягоды не есть...

— Семена есть, дам троих умельцев, что знают, как правильно его выращивать. Посейте в огородах, попробуйте, понравится, сейте далее. Еще и подсолнух выращивайте, ваши земли очень хорошо под него подходят. Мои люди расскажут, что с ним делать. У тех умельцев, что оставлю вам, будет серебро — сами прокормятся, но и помочь смогут. Вы их казаки не обижайте, — говорил я.

— Да нешто сами не прокормим, — заворчали станичники. — Казаки всяко живут, но трех людей царских прокормить могут.

— Не держите обиду, казаки, — я оглядел собравшихся. — Тут казаки донские, яицкие, сибирские тако же. И пригласил я Вас для иного.

Все стали само внимание.

— Говори, цесаревич, слушать тебя станем, — сказал один из яицких.

— Да и скажу, станичники, — я улыбнулся и начал говорить.

Вначале был «пряник» и я сказал, что формулу «с Дона выдачи нет» поддерживаю для всего казачества, но и казаки не должны крепостить крестьян. Да, от меня пока мало зависит, но всеми силами будут к тому стремиться, чтобы эта формула работала. Казаки — вольный народ. Но и не в этом дело, а в том, что казачество сильно помогало России и с Наполеоном и дальше. Вот и я хотел бы видеть в них такое служивое сословие.

Далее я предлагал казакам три вещи — первое в моем присутствии послезавтра, когда поговорю с калмыками и башкирами, прийти и заключить с ними ряд, чтобы боле не было вражды.

Второе, о чем я говорил под одобрение сибирцев — отпускать свою молодежь, или кого иного, может и крестьян беглых к сибирским казакам. За переселение я стану немного, но платить, к примеру, сейчас дам уже пять тысяч, чтобы снабжать самым важным переселенцев, поговорю с башкирами, чтобы не трогали людей, если те через их земли будут идти. Деньги пока на веру даю, а не будет чести, так и сам могу нарушить слово.

Последнее и самое шкурное, для своих планов — просил по две сотни с яицких и

донских казаков доброй молодежи, чтобы не последними выучениками были казацкими. К ним просил по двадцать пластунов, или опытных казаков с оплатой работы и с повышением на один чин. Знал, что получение дворянства для казаков не такая уж и цель в службе, но о перспективе перейти в благородное сословие сказал. Так же за знание языка либо немецкого, либо турецкого, заплачу за казака его родне тридцать рублей. А так, пока они служат, то семьям, либо казачьему кругу, если казаки не имеют родителей, по двадцать рублей в год. Деньги так себе, разовые, но это разом конь с коровой, или за два года — дом в станице, добрая фузея. Чувствую сирот пришлет казачий круг, чтобы деньги им шли.

Я хотел создавать целый батальон диверсантов, подлых бойцов. Офицеры такими делами мараются не станут, большинство из себя белоручек строят, казаки из другого теста.

По моему разумению, в современных реалиях враг не ждет диверсионных групп, которые могут выкрасть офицера, узнать о планах врага, уничтожить отставшую повозку или отряд фуражиров, подложить фугас на дороге, или волчью яму сладить, коней отравить или людей. Для сохранения жизней своих солдат и обеспечения преимущества в войне, такие люди могут быть очень полезны.

Потом, после решения вопросов, принесли хлебное вино и основательные закуски в виде мяса, гречневой каши, капусты. Никакого излишества, если не считать картошки, все по-свойски. Пусть считают наследника своим, дай Бог не пригодится в дурных делах на казаков опираться, а вот на войну за такого своего цесаревича, станут более охотно идти.

Песня о «коне» Игоря Матвиенко зашла бодро, патриотично, но еще большее внимание вызвала казацкая песня «Любо, братцы, любо», где я заменил «Терек» на «Ерик». Эту песню я пел осторожно, боясь, что такая уже есть, но, казаки ее не знали, а я навел «плеть на плетень», не говоря кто автор. Революционную песню, где много про волю и правду, «Ойся, ты ойся» вначале не решался спеть, а после, разгоряченный хмельным, затянул, чем ввел в экстаз казаков, подпевавших уже на втором припеве, разрывая свои голосовые связки. К концу вечера, зашел Кондратий, организовавший охрану, он шибко пожилал посмотреть хоть одним глазком, что тут творится, я его за это отчитал, объяснив, что служба есть служба, произнес поговорку царя Алексея Михайловича «Делу время, потехе час». Между тем, пора было и прощаться с казаками, которые, захмелев наперебой обещали все, хоть мир завоевать. Эх, казачки, вас бы на Карибы, чтобы показали тем английским и голландским каперам «кузькину мать».

С башкирами и калмыками прошла встреча на следующий день. Эти подарки привели более ценные — коней по двенадцать отличных скакунов от народа, правда кони не для драгун, уланы или те же казаки на быстрых лошадях будут выгодно смотреться, а вот тяжелые всадники не очень, не потянут лошадки.

Степняки были согласны с решениями, пусть и роптали и напрягали мой десяток казаков-телохранителей. Пришедшие старейшины были мудры и понимали, что не добьются большего. Я отдал им десять тысяч серебром, часть от того, что получил от чиновников, чтобы подсластить разочарование. Но было еще одно обещание для башкир — потеснить киргизов за двести верст и это полностью покроет потерю кочевий и даже поможет создать земельный фонд для сдачи в аренду помещикам. А киргизов нужно отводить от горы Магнитная, да и казаки от них теряют многих.

Подготовленный под мою диктовку договор в пяти экземплярах подписывали все стороны. Калмыки, башкиры, казаки, Оренбургская комиссия в лице Татищева, после подписал и Иван Иванович Неплюев. Впрочем он выразил после сомнение, что это

сработает, но, как временную меру, признал.

Я договор не подписывал, но экземпляр себе забрал, как некая гарантия его выполнения. Не был я наивным, понимал, что это временно, но, может, предотвратит хотя бы один бунт и то экономия средств и людей. А людей нужно больше. Много населения — больше серебра в казне.

Но все эти условные успехи были бы половинчатыми и стремились стать ничтожными, если не утверждение самого наместника или, если угодно, первого губернатора Оренбургской губернии. Иван Иванович Неплюев прибыл уже когда я готовился к отплытию и оставалось только взобраться по маленькой лестнице на речное суденышко. Губернатор прислал вестового, что через день будет. Так что еще минимум два дня пришлось гостевать в Самаре.

— Иван Иванович, я рад Вас видеть, давайте поговорим без чинов. Признаться, хотел приехать и в Оренбург, но тетушка не поймет, она опекает меня. Политика и будущее государства российского — пока не окрепнет трон наследником... Впрочем, не об этом, — я посмотрел на уставшего, но не потерявшего выправку и внимательность взгляда, мужчину и улыбнулся. — Присаживайтесь.

— Ваше Высочество, признаюсь, визит наследника престола российского в эти беспокойные места казался ранее невозможным и посему является неожиданным. Будет ли мне позволено полюбопытствовать, коли моя аудиенция у Вашего Высочества носит более приятельский характер, чем вызван Ваш визит? Вы не довольны моей службой, или работой Василия Никитича Татищева? — сказал Неплюев, сидящий на стуле с такой прямой спиной, что выглядит это как то не естественно. Но, не хочет расслабиться Иван Иванович — его право, пусть напрягает позвоночник.

— Вот, — я пододвинул договор Неплюеву. — Вас не было, поэтому пока без Вашей подписи, но надеюсь, что и Вы подпишите.

Губернатору понадобилось чуть более пяти минут, чтобы прочитать договор, потом некоторые пункты он перечитывал.

— Договор вполне приемлемый, пусть и предполагает инакомыслие и различную трактовку, но мог бы работать. Мы уже заключали договоры подобного рода. Вот только казаки, которые так же подписали... Вы желаете столкнуть донцов и яицких казаков с башкирами? — с нотками недовольства говорил Неплюев. — Уж простите, но тут и так хватает проблем — киргизы опять в рабство увели людей у станицы Магнитной.

— Вот, и о ней поговорим. Но... — я так же посуровел видом. — Я подписал сей документ и кто станет его нарушать, станет в раз моим врагом, так всем и сказал. Говаривал я и с казаками — они дадут Вам охотников, дабы формировать Оренбургское казачество. Направлю Вам и голштинцев сколько будет, всех оружных за свой кошт. Будет у Вас сила, ни башкиры, ни казачки не осмелятся шалить.

— С чего столько внимания от Великого князя к нашим землям? — задал вопрос Иван Иванович Неплюев.

— Станица Магнитная должна стать безопасной, посему, выясните, какие роды киргизов ходят в набеги за рабами и предложите им уйти на двести верст, остальным же киргизам дать заверение не трогать заводы и станицы у Магнитной горы, — я сделал паузу, чтобы услышать отклик на сказанное.

— Не пойдут на это киргизы, пусть и только три-четыре больших рода и занимаются ловлей живого товара, остальные их не осуждают и охотно покупают людей в рабство, —

казалось, в тоне Неплюева был отголосок отчаяния, вероятно, он уже не раз пытался решить данную проблему.

— В таком случае, Иван Иванович, сколь значимыми силами вы располагаете? — спросил я и увидел оживление на лице опытного управленца, у которого забрезжил лучик надежды на решение нерешаемой задачи.

— Полк пехотный в Оренбурге, сформированы пять казачьих сотен, пожалуй и все, есть еще охотники, но их не много. Те три полка, что стоят тут, у Самары так же призваны вспомоществовать мне, но на деле... их подчинение не ясно. Приписаны они к Оренбургской комиссии, которая уже закончила свою официальную работу. Ждать из Петербурга повелений долго, — ответил Неплюев.

— Иван Иванович, берите эти полки и сделайте из них могущих воевать. Я верю, что Вы не только великолепный дипломат и честный, что редкость, наместник, но и сведущ в военном деле. Петровские птенцы — они и горы свернут, — польстил я и попал прямо в точку, глаза Неплюева выдали, казалось, внешне без эмоционального человека.

— А решение Петербурга? — спросил он.

— Оставьте это на меня, а мы договоримся и с Василием Никитичем Татищевым, чтобы он официально передал Вам эти уже разлагающиеся полки. Тем более, что и кое-кого в Самаре я поприжал и вытряс денег, с них часть отдам вам. Не удивляюсь во многих бунтах башкир, когда их обирают со всех сторон, как дойную корову, да еще и землю забирают, — сказал я, и увидел понимание и проявление вины у Неплюева.

Да, часть вины за эти проступки и на плечах губернатора Оренбурга. Вообще тут наблюдалось отсутствие системы управления — три центра: Комиссия, сборный пункт в Самаре, Оренбург. Такое положение частично обусловлено тем, что столица губернии переносится, из-за перманентной опасности передвижения в регионе, да и окончание многолетней деятельности Комиссии вносит сумятицу. Но систему управления нужно срочно выравнять и централизовать.

— Итак, Иван Иванович, — стал я подводить итоги почти двухчасовых переговоров. — Подписываете договор, вечером вновь встречаемся с казаками и башкирами, думаю, калмыки Вам мало интересны. Продолжаете строить крепость у Магнитной горы, но готовите там избы и казармы для принятия людей, формируете магазины. Я даю Вам двадцать тысяч рублей серебром, в том числе и на эти нужды. По весне, если только не получится договориться с киргизами, прибудет пять полков от меня, под командованием Петра Александровича Румянцева и Христофора Антоновича Миниха. Против Миниха, коим Вы служили, ничего не имеете?

— Нет, что Вы, удивлен, что его приняли ко двору, — Неплюев был несколько шокирован тем, что его командир по Крымскому походу вновь при императрице.

— Нет, он не обласкан, это я настоял взять Миниха себе в помощь, да у Вас будет возможность с ним пообщаться, но как только мы закончим, он тут, со мной приехал, — небольшая пауза и перехожу вновь к делу. — Итак, командиром выступает Румянцев, под его начало Вы отдаете и свои силы, и таким образом уже формируется дивизия. Есть вероятность, что получится сформировать дивизию и без Ваших сил, но мы все равно мощным кулаком должны пройти. Казаки, как яицкие, так и донские поддержат, башкиры так же, тем более, что в качестве компенсации за отобранные у них земли, займут кочевья в зоне между киргизами и югом Урала. Граница должна пройти за двести верст на Восток от Яика. В случае чего, вы поддержите эти решения у императрицы. Слышал я, что она весьма

благодарна к Вам.

— Силы может не хватить, киргизы воевать умеют, — выказал скепсис Неплюев.

— Хватит, тем более, что мы станем подчеркивать и строго следовать тому, что невинные роды не трогать не станем, если будут у меня деньги, то платить им за отход серебром станем. Как гласит восточная мудрость: «Осел, груженный золотом, возьмет любую крепость?». Как-то так, — закончил я и предложил выяснить детали.

Через неделю пребывания в Самаре, я отправился по реке Каме в Волгу и после остановки в Казани на неделю с приемом в местном колорите, отправился в Москву. Насколько я рассчитал, там должен был быть двор и императрица, ну или проинспектировать Люберцы с расквартированными там голштинцами.

**

Ораниенбаум

Конец апреля 1745

Великая княгиня, жена наследника престола российской Екатерина Алексеевна пребывала в Ораниенбауме и скучала. Поездка в Москву, куда должен был отправиться весь двор, откладывалась на неопределенный срок. По слухам, у Елизаветы романтические отношения и она даже забылась о планах посетить Первопрестольную, но это было правдой лишь отчасти. Действительно, отношения государыни с Иваном Ивановичем Шуваловым стали близкими, пересекли прочерченную черту на императорской кровати и Ваня вошел в полную силу фавора, используя свой статус более выгодно, нежели до него это делал Алексей Разумовский.

Но Елизавета не забывала интересоваться делами и сплетнями двора. Когда императрице принесли бумагу на подпись о назначении камердинером при наследнике по протекции Бестужева, как и всего семейства Салтыковых, Сергей Салтыков — красавец и повеса, Елизавета только предвкушала развитие событий, не обращая внимания, что данное назначение даже не было первоначально не согласовано, но государыня не хотела в чем-либо перечить канцлеру. Условная партия Шуваловых при дворе получала явное превосходство из-за стараний Вани Шувалова в императорской опочивальне и Елизавета пыталась показать, что Бестужев и его люди отнюдь не лишены благосклонности государыни.

Назначение Сергея Салтыкова камердинером повлекло за собой ряд пересудов при дворе и события не заставили себя ждать.

Уже через неделю после отбытия Петра Федоровича на Урал, Екатерина захандрила и не с кем не откровенничала, несмотря на попытки разговорить ее. Двор долго не знал, куда именно отправился наследник, что всех сильно злило, так как ранее вся жизнь Петра Федоровича была в центре внимания елизаветинского двора. Даже в лейб-драгунском полку, из состава которого две роты были отправлены в сопровождение наследника, не могли сказать куда именно были откомандированы конные гвардейцы. Только через три недели, когда доходили слухи, что видели поезд наследника у Нижнего Новгорода, двор сложил информацию и принял к сведению, что наследник ехал вместе с Бутурлиным для решения проблемы демидовского наследия. Это еще больше подстегнуло двор к пересудам, почему и зачем Петру Федоровичу вникать в грязное дело о наследстве «хозяина Урала», но иноземные послы выдохнули.

Представители иностранных государств сначала посчитали, что Петр Федорович устремился в Голштинию, спасти свою родину. И этот демарш нарушил бы многие комбинации очень сложной игры в регионе, поэтому дипломаты и волновались. Все роли были распределены, и неуравновешенный мальчик мог много дров наломать.

Датчане согласились выплатить деньги России и лично гольштейнскому герцогу, сколько именно, никто не знал. Обязалась Дания оставить Киль независимым городом с коллективным управлением через магистрат, куда входили бы и датчане и шведы и русский представитель с правом «veto» — запрета на любое решение, которое могло навредить интересам России. Русские войска пока оставались в Голштинии и были гарантами выезда из герцогства всех желающих. На деле же разрешался только выезд в Россию и за определенную, немалую, плату. Шло методичное разграбление области. Датчане же пошли на такой шаг из-за того, что Россия не стала рассматривать компенсацию, что предлагали даны за Голштинию, в виде Ольденбурга.

Сказанные слова Петра Федоровича на Совете при императрице дали полную свободу действиям Бестужева и тот развернулся от всей широты. Наследнику же ничего не останется делать, как подписать необходимые документы и этот вопрос все считали решенным, так как запрашиваемые три миллиона полноценных рублей уже ждут своего обладателя в Петербурге, датчане не стали затягивать с оплатой во избежание непредвиденных факторов. А так получалось, что деньги Россия уже взяла и сложно что-либо переиграть назад.

Ну, а двор, смакуя многие новости и тяжбы Демидовых, и международную повестку, и тем более новый роман императрицы, уже не заметил еще одного пикантного сюжета.

— Я не могу без Вас существовать, вся моя жизнь теперь только во имя и ради Вас. За один поцелуй... — расплылся Сергей Салтыков.

— Вы забываетесь! — вроде бы и громко, но не слишком уверенно сказала Екатерина.

— Господин Чоглаков устраивает охоту в своем имении на Острове, я приглашен и Вы приглашены, сударыня, я пораженный Амуром и потерявший голову, требую свидания, — продолжал Салтыков, чувствуя, что на верном пути.

— Вы не можете требовать, сударь. Я собиралась ехать на охоту к Чоглаковым и развеять свою скуку, но сейчас сомневаюсь, ибо Ваша напористость страшит, — продолжала тренировки во флирте жена наследника престола.

Екатерина прекрасно понимала, куда клонит Салтыков и она, как оскорбленная женщина, хотела отомстить своему мужу. Отомстить за связь Петра с бесстыжей Краузе. Еще юная и податливая на импульсивные эмоции, Екатерина была разъяренной хищницей после того, как узнала, что ее Петр, который был столь искусен в речах, сколь и на семейном ложе, делал то же самое и с неродовитой дворянкой Краузе. С кем? С этой старой дурнушкой? Еще ладно с первыми красавицами двора, с той же Матреной Балк, но с Краузе!

Когда прошло только пару дней со дня отъезда Петра Федоровича, Екатерина обнаружила под своими дверями записку, в которой говорилось, что ее муж спит с Краузе. Быстрый допрос камер-фрейлины и да — связь есть, пусть нахалка и говорила, что после свадьбы все закончилось. Екатерина несколько раз сильно ударила предательницу по лицу и после долго плакала.

Скоро появился рядом Сергей Салтыков, рослый красавец показался чувственным и понимающим Екатерину, вскоре Сергей начал настойчивые ухаживания. Он казался не столь интересным и изобретательным, каким был Петр, но жажда мести, как и заручится поддержкой сильного клана Салтыковых, делали свое дело. Тем более, что двор был увлечен

другими новостями и на фоне смены фаворита Елизаветой, адюльтер Екатерины должен поблекнуть, бывшая немецкая принцесса уже изучила русский двор и свободно в нем лавировала.

— Я буду ждать Вас, сударыня, — сказал Сергей Салтыков и пришпорил коня в сторону, удаляясь от Екатерины.

— Я не сказала «Да», — прокричала вслед жена наследника.

— Вы не ответили «Нет», — прокричал Салтыков и перешел в галоп.

— Каков наглец... и красавец, — сказала сама себе Екатерина. После перекинув ногу для седла «по-мужски» ударила маленькой изящной плетью и своего коня [Данный сюжет описан самой Екатериной Алексеевной в «записках»].

На охоту к Чоглаковым молодая женщина, чей муж лишь месяц назад уехал на Урал, готовилась основательно. Ее костюм был с некоторыми рюшечками, не сложными в исполнении, легкое платье, на грани приличного, как и другие атрибуты, видимые скорее женщинами, чем ценные мужчинами. Получился наряд что-то между платьем и костюмом для верховой езды.

Уже во время охоты, когда собаки погнали двух зайцев и кони со своими наездниками и наездницами устремились в погоню, две лошади со своими наездниками чуть отстали от группы охотников и стали удаляться в сторону небольшого охотничьего домика, в который никто не должен был приезжать.

Сердце Екатерины билось часто и, казалось, выпрыгнет из груди. Такое состояние будоражило молодую женщину, и она признавалась себе, что ей это нравится. Если не жажда адреналина, возможно, она бы и передумала ехать на свидание с наглецом Сергеем Салтыковым, но ехала.

— Я люблю Вас, все, что хотите, ты самая прекрасная, люблю, люблю, — говорил Салтыков, целуя Екатерину в шею и в область декольте.

Она молчала. Страсть, которую ждала, бывшая ранее только с одним мужчиной, Екатерина, никак не приходила. Невольно женщина сравнивала Петра и вот этого проходимца, который все больше представлялся ей похотливым животным. Проблема была в том, что она уже здесь и никому при дворе, прознай хоть кто, не докажешь, что она сбежала... Да! Бежать! Я не хочу!

— Я не хочу! — прокричала она, ощущая все более усиливающееся чувство омерзения и к себе и к Салтыкову. — Оставьте меня!

— Не могу, меня накрывает любовь к Вам, — продолжал свое словоблудие мерзкий Салтыков, уже расшнуровав тесемки на корсете и целуя грудь.

— Мне мерзко, не смейте, — попыталась Екатерина отстраниться, но, сильные руки схватили ее и повели к кровати.

— Не смей! — зло прошипела Екатерина и ударила коленом Салтыкова по причинному месту, как учил Петр, в моменты их шуточных игр. Несостоявшийся любовник скорчился на полу.

Растрёпанная, полураздетая жена наследника выбежала из дома и направилась к своей лошади. Уже вскочив в седло, словно заправский улан, Екатерина поняла, что выглядит не лучше, чем... она не позволила себе сравниваться с кем-то или чем-то низким. Возвращаться же в дом, где остался корсет и блуза, было нельзя — там ненавистный Салтыков.

— Что же я наделала? — проговорила Екатерина, настегивая кобылу, и было не понять о чем больше беспокоится бывшая принцесса: о предательстве, или о реакции общества на

измену, так как обратного доказать будет невозможно.

Пробравшись, как ей казалось, незаметно, в дом Чоглоковых, Екатерина быстро пошла в свои покои. Она не заметила присутствия фрейлины Кошелевой — любимицы Чоглоковой и, как знала уже Екатерина, любовницы ее пузатого и крайне неприятного мужа. Мало того, от Николая Чоглокова Кошелева уже беременна. К слову в семье надсмотрщиков семь детей, так что пузатенький, или еще какой, но мужчина плодовит чрезмерно.

Через неделю Елизавета давала бал-маскарад, где вновь мужчины переодевались в женщин и наоборот. Жена наследника была приглашена самой Елизаветой. Не прийти жена наследника не могла.

— Вот она, представляете, фрейлина Кошелева рассказывала, что Екатерина Алексеевна прибежала полунагая, ужас — была с Салтыковым и не успела привести себя в порядок, — говорила одна придворная болтушка в костюме пехотного офицера.

— Не опытная, а Сергей Салтыков... каков наглец, но интересный, — отвечала своей товарке дама с нарисованными усами и в костюме Сумского гусарского полка.

Екатерина, обладая прекрасным слухом, да и дамы говорили громко, поняла, что сегодняшний бал станет для нее очередным испытанием. Бывшая принцесса умела держать удар — школа ее матери Иоганны Елизаветы многого стоит.

— Милая, иди сюда, — прервав свой смех от очередной шутки высокой в пышных юбках дамы, которой являлся Иван Шувалов, Елизавета обратила внимание на невестку.

— Господин полковник, прапорщик Первого Воронежского егерского полка по Вашему приказу прибыл, — весело отрапортовала Екатерина государыне, которая была одета в мундир полковника Семеновского полка.

— Да, форма в этом егерском полку неказистая. Но ее придумал твой муж, который выдумывает все больше новых экзерциций с Петром Александровичем Румянцевым. Это похвально, когда жена поддерживает своего мужа и ценит его начинания, особенно в то время, когда он в отъезде, — с яркой улыбкой на напудренном лице сказала императрица. Несмотря на то, что кавалеры не пудрятся, а Елизавета ныне отыгрывала кавалера, императрица толстым слоем пудры замазывала свои очередные два прыща.

«Она все знает» — подумала Екатерина и на миг растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Безусловно, Ваше Величество, добродетель супруги, ждать его и разделять его стремления, — сказала Екатерина.

— А ты раздели его начинания, сходи к егерям, к Румянцеву, он живет с полком чуть в стороне в небольшом таком домике, в который вряд ли кто придет. Узнай, как идет обучение новых солдат, кои только поступили в полк, — не слишком завуалированно, но в рамках светского общества, Елизавета оскорбила невестку.

Зная императрицу, она сейчас просто назвала Екатерину женщиной, которой нравится при муже ходить на свидания с другими мужчинами. Сердце закололо у жены наследника, уже давно на задворки сознания отправилась глупость Петра с Краузе. Да и что там было? Молодой, как оказалось, требовательный к женскому вниманию, организм наследника мог и не того начудить. А тут тихо, не баламутя общество, по обоюдному согласию, с подарком на прощание перед своей свадьбой. «На прощание» — подумала Екатерина.

Ей вдруг стало безразлично что и кто думает, лишь важно, чтобы поверил Петр, она остановилась, она... А когда она остановилась? Когда стояла полуголая перед соблазнителем Сергеем Салтыковым? А когда считается измена? Тогда, как пошла с

мужчиной в дом для определенных целей, стояла полунагая перед ним, он ее целовал. Это же не измена? Или как? Но эти вопросы молодая женщина выметала из головы. Она потом, в одиночестве и поплачет и простит себя. И этот галантный век с разрешенными изменами, он работает тогда, если муж и жена не едины, когда уже есть дети и супруги охладели друг к другу, но не сейчас. И году не прошло со времени свадьбы.

— От мужа твоего, Петруши, письмо пришло. Все в порядке. Добрался до Перми. Через два месяца будет, — сказала Елизавета и отвернулась, показывая некоторое свое пренебрежение.

Жест был, казалось, малозаметен, но не для двора. Все поняли, что сегодня мило общаться с женой наследника, не следует.

А в это время, Сергей Салтыков, на том же балу, как ни в чем не бывало, смутил красавицу-фрейлину Екатерины Матрену Балк. Опытный сердцеед понимал, что встречаться с неудавшейся любовницей не следует, во избежание конфуза, да и общество осудит, если скандал учинится. Когда оно вот так, шепотком, так и не было ничего вовсе, иначе императрице придется вмешиваться, тут и до развода с позором недалеко. А, как бы то ни было, зла Екатерине он не желал, напротив, он уже начинал верить своим словам о любви, и искренне огорчился, когда не получилось возлечь с ней. И дело не в том, что дядья потребовали от Сергея соблазнить Екатерину Алексеевну. Как и неважно то, что проигравшийся в карты в этом, пусть он провалится в ад, «Элите», дело в чувствах.

Участники же игры вокруг Екатерины, прежде всего Бестужев с Шуваловым, как первые в строю своих партий, гадали о реакции Великого князя. Оба сходились во мнении, что молодость и эмоциональность возьмет свое и Петр Федорович больше увлечется своими проблемами, а не тем, что договор с Данией ждет только подписи герцога Голштинии, бывшей герцогством, а в скором будущем области Дании.

Екатерина выдержала бал, улыбка жены наследника не сошла с ее лица до того момента, пока Екатерина не зашла в свои комнаты. Она трижды танцевала, нашлись смельчаки, что пригласили, потом шутила и остроумно отвечала на завуалированные намеки в свой адрес, порой вводя в замешательство собеседников искрометным юмором и ответными словесными выпадами. Уже утром, когда императрица ушла в свою спальню, и маскарад стал быстро затухать, она рыдала, долго не могла уснуть и не вышла ни к обеду, ни к ужину, прикинувшись больной. А на следующий день у Екатерины начались месячные, и это была единственная радость, так как можно было не говеть и сказаться еще на пару дней больной.

Тула. Москва. Люберцы. Петербург. Ораниенбаум
Июль 1946 — 17 августа 1746 г.

Тула — прародина русского оружия. Еще в XVI веке тут проживало большинство оружейников в Московском царстве, а после и России. Не было никакой причины, чтобы обойти своим вниманием столь важный объект. Тем более, что в Туле производили в очень небольших количествах и штуцера и весьма неплохие фузеи. Я же не собирался класть все яйца в одну корзину и собирался пользоваться всеми возможностями, о которых додумаюсь и смогу дотянуться.

Никто не ждал меня в городе, что я воспринял благоприятно. Не хотелось официоза и помпезности там, где место деловым переговорам. Скоро приеду ко двору и там начнется... А пока нужно загрузить нужные мне мощности работой.

«Отыгрывая» роль требовательного наследника престола, я приказал до конца года изготовить двести штуцеров и две тысячи новых фузей, три тысячи пистолей. Самое же важное, что я требовал и мне пошли на встречу, так это предоставить не позднее чем через месяц пять мастеров опытных и пятнадцать грамотных подмастерий, либо смышленных отроков со станками и инструментом. Свое требование в городской управе я подкрепил шестьюстами рублей — на переезд и вспомоществование. Ну и пришлось платить откупные за специалистов.

Я собирался создать своего рода НИИ по исследованию и проектировке огнестрельного оружия. При том, что я хотел сам попробовать «создать» револьвер, но в перспективе, когда получатся дельные пружины. Главное, чем будут заниматься подмастерья — пули Минье или Патерсена, что получится из этого и что станет проще в производстве и покажет на какие новшества ориентироваться. И все это в условиях строжайшей секретности. А заготовить пуль нужно и на учебные стрельбы, без множества которых, не может быть штуцерника, и на войны нужно много пуль. Как минимум, две войны — с Пруссией и Османской империей. Получить преимущество в войнах, как в скорости перезарядки, кучности, точности, так и дальности новых пуль, вряд ли получится — европейцы быстро учатся и имеют высокую культуру производства уже сейчас. Так что быстро скопируют технологию и преимущество в этой области прекратится. Следовательно, большой запас иметь нужно, чтобы не затягивать войны.

Ну и мастера нужны для того, чтобы «изобретать» нужные вещи на продажу. В мыслях было изготовление детских колясок, велосипеда, зажигалок и ряда иных новшеств, но которых тут, почему-то не додумались, но которые неизменно должны пользоваться спросом.

В Москве, где я уже надеялся застать двор, такового не обнаружилось. Оказывается, вопреки планам императрицы, она уехала из первопрестольной сразу после отмечания годовщины коронации, при том, что и ездила без сопровождения двора, с Иваном Шуваловым.

Между тем, от приема московского дворянства мне отлынивать было нельзя. Опять же денег вбухали немало в фейерверки и в застолье. Речи про опору императрицы в московском

славном дворянстве, про то, что и я и Елизавета любим Москву и посему часто в ней бываем и все такое, что нужно было сказать, и чего собравшиеся ждали от наследника.

Оказывается, что уже через месяц открывается и в Москве «ресторация» и имущая элита ждет этого события с нетерпением, чтобы потратить свои средства в глупых попытках обыграть казино. Ну-ну, давайте!

Остановился же я в своем имении в Люберцах, где провел четыре дня, присутствуя на учениях Первого и Второго люберецких гренадерских полков, а так же Голштинского егерского полка. Численность расквартированных, уже частью и в бывших казармах Преображенского и Семеновского полков, солдат была более трех тысяч, среди которых четыре сотни русаков, объединенных в отдельный батальон и остальные были голштинцами, но, как меня заверили, офицеры учили русский язык, а православные священники вентилируют почву, как бы немчуру воцерковить в православие. Нужно сказать, что голштинцы проигрывали в выучке воронежским егерям Румянцева, несмотря на то, что из полка Петра Александровича были присланы пять офицеров, знающих немецкий язык для обучения личный состав уже по отработанным методикам егерей.

В этом году сюда будут переведены с повышением в чинах еще часть офицеров из Первого Воронежского егерского полка. Сам Петр Александрович Румянцев придет на зиму чтобы задать вектор учения этим воинским формированиям. Хотелось их в большей степени разбавить русскими офицерами, но это оказалось архисложным, прежде всего из-за того, что руссаки-офицеры не горели желанием переводиться к немцам, даже с повышением по табели о рангах. Были и карьеристы, которые предполагали отсидеться на должностях. По итогам проверки, часть из этих карьеристов пойдет по ротации на замену выбывших из полка Румянцева офицеров, в свою очередь отправленных к голштинцам. В целом же формирование дивизии оказалось не таким уж и легким и скорым действием, поэтому, признав ошибки и неудачи, хотел просить Елизавету, или Бестужева-Рюмина, чтобы дали дозволение использовать и еще один полк, к примеру, Новгородский. Или помогли найти офицеров.

Порадовал и обстоятельный отчет Петра Евреинова, который пока оставался в Люберцах, отправив Абрамова в дальнее поместье под Рязанью с инспекцией. Все поля засеяны с упором на две культуры — сахарную свеклу и подсолнечник, последнее было опасным делом, не те широты и климат, но что делать, если пока не получается обосноваться на юге. Меньше, но не менее пятнадцати гектаров (так и хочется все эти чети и десятины переводить в привычные единицы) засеяны картофелем, есть клевер, овес. Строился и свой заводик сахарный и пресса для выжимки подсолнечного масла.

По подсчетам Петра Евреинова, без понимания, за сколько можно будет торговать подсолнечным маслом, имение принесет прибыль в одиннадцать тысяч рублей. Но и проблем хватало, прежде всего, люди. Крепостных не достаточно, квалифицированных работников просто нет, а тут еще и новаторство в производстве сахара и пока не практикующегося в России отжима масла из подсолнечника. Да и эта культура еще должна вызреть, тут климат Кубани или Дона отлично подойдет, а не Москва. Но, не имея гербовой, пишем на обычной.

Ну и еще одно направление — алкоголь. Пока тут еще мало чего сложилось, идет только кустарная апробация рецептуры. Если по ликерам немного было понятно, тот же бейлис или амаретто были мне вполне знакомы, то абсент, джин, знал на уровне некогда потребителя.

Некогда, уже в иной жизни, я занимался подпольным производством алкоголя. Да

большинство околкриминального бизнеса в 90-е годы так или иначе занимались подобным делом. Вот только не мудрствуя лукаво, тогда я производил водку, в меньшей степени ликерами. Между тем я знал насколько был популярен тот же абсент в Европе и в колониальных войсках Европы, может, только уступая в распространении джина и в Центральной Америке рома. Знал, что джин пахнет можжевельником, а в абсенте экстракт полыни. Вот и экспериментировали. Получится, и тогда появится серьезный источник экспорта. Джин-тоник должен появиться еще не скоро, если только в Российской империи некий попаданец не ускорит этот процесс, чтобы заработать денежек.

В Москве меня настигли новости, которые не дали времени для рефлексии или вдумчивого участия в хозяйственных и производственных процессах в Люберцах, как и участия в обучении полков. Во-первых, Екатерина. Жена что-то там начудила с Сергеем Салтыковым и сердце, когда я узнал такие сплетни, неожиданно екнуло. Любовь — вряд ли, но умеет женушка располагать к себе, вот, видимо, и я поддаюсь на эти чары. Или я множу сущности, а на самом деле все проще, мужское собственничество сыграло во вне. Но то, что я узнал о, якобы адюльтере, слово же французы подобрали, не в Петербурге, а в Москве, спасло меня от слишком уж безрассудных поступков. Первоначально, я хотел просто убить Салтыкова, после я все еще хотел его убить, далее опять хотел убить. Однако, свои «хотелки» унял, и мне даже стало жалко Екатерину, которая одна, без поддержки, терпит издевательство двора. Это, если она не виновата и все рассказы — сплетня и не более, может стать либо причиной нашего разлада, или, напротив, открыть окно возможностей для создания надежной семьи. В том же случае, если измена случилась... Вот тут я и сам терялся, что могу сделать.

Переезд в Петербург был самым комфортным из всех отрезков пути. Почтовые отделения без проволочек и быстро запрягли свежих лошадей, дороги были относительно ровные, погода стояла ясная. Кто там напишет про путешествие из Петербурга в Москву, критикуя российскую власть, Радищев? Ты бы «критикун» проехался по Уралу, или Оренбургской губернии, где и близко такого подорожного сервиса не было! Так что был я в столице очень скоро.

На посту у въезда в Петербург мне было сразу же сказано, что тетушка ждет немедля моего присутствия. Поэтому, переодевшись прямо в карете, я отправился к императрице.

— Я многое увидел, что Вы мне хотели показать. Я буду работать с Вами, интересно, к чему это все приведет. Да, мне придется наступить на горло своей гордости, вместе с тем, я надеюсь, что Ваша милость не изменится, — сказал Христофор Антонович Миних, когда мы с ним временно прощались — он уезжал в расположение воронежских егерей, где бывшему фельдмаршалу выделялся домик с прислугой.

В Петергофе меня встретил, чуть ли на правах хозяина, Иван Иванович и начал обнимать и тискать, словно сына. Противиться не стал, пусть проявляет заботу. Или началась игра по облапошиванию голштейнского герцога на предмет «нету больше твоей Голштинии»? Так это я понял еще в Москве, когда получилось собрать и часть фактов, и толику сочувственных взглядов. Но, если меня лишили денег, по сути, за предательство своей малой родины...

— Петр Федорович, рад видеть тебя, возмужал то как за это время, — панибратски, казалось, искренне говорил фаворит Шувалов.

— И я рад тебе, Иван Иванович. Как здоровье? Как наши дела? — принял я манеру общения Шувалова.

— Все хорошо, вот, прикажу перевезти в Ораниенбаум еще двадцать три тысячи серебром — все по чести, все работает и завод и «ресторация», — расщедрился компаньон. Догадывался я, что дела в казино идут хорошо, даже москвичи специально ездили в это заведение, чтобы оставить там свои деньги, но настолько...

— Как тетушка? Вот что наипервейшее! — опомнился я, так как о здоровье Елизаветы нужно было полюбопытствовать первым делом.

— Проснулась уже и ждет нас к столу, — ответил Шувалов и указал рукой направление к двери, так как встречал он меня на ступенях заезда экипажей у дворца.

— Петруша! — сказала радостно Елизавета и приобняла меня, целуя в лоб.

— Тетушка, пожалейте девиц, они же плачут по ночам, так как ведают, что их красота никогда не сравнится с Вашей, — решил я начать общение с императрицей с витиеватого комплимента.

— Рассказывай, угодник, — сказала смеющаяся Елизавета.

Я рассказал, умалчивая о некоторых моментах. К примеру, я не говорил про конструкции новой пушки, которые отдал Никите Демидову, не рассказал и о технологии пудлинговых печей, как и о пулях Менье. Про заказы оружия поведал без деталей. Мой рассказ об общении с казаками и степняками, был немного ретушированный, но в целом решения были одобрены, кроме как заигрывания со станичниками в вопросе воли казацкой. Но, на удивление со мной все соглашались, не ругая и не осуждая. Ни слова упрека за своеволие, ни звука о том, что подвергал себя опасности, я готовился к иному. Ждал подвоха, и он не преминул прибыть через сорок минут, после моего приезда.

— Матушка, примчался быстрее ветра, — кланялся тот самый «подвох» в лице Алексея Петровича Бестужева-Рюмина.

— Ваше Высочество, очень рад, выглядите мужем, очень похожи на славного деда Вашего Петра Великого, — извивался ужом канцлер.

— Алексей Петрович, спасибо, так же безмерно рад Вас видеть, и поражен столь ревностному отношению к делам державным, вы, право слово, так спешили, — вторил я канцлеру, при этом остро желая послать его по матери.

— Бестужев, ты уже успел хмельного выпить? — поморщилась императрица, от канцлера действительно веяло амбре.

— Это вчерашнее, матушка, — ответил он.

— Я еще не отобедала, поспешите решить вопросы, и пойдем откушаем, — проявила нетерпение Елизавета.

— Это мы быстро, матушка, не задержим. И бумага у меня с собой, — Бестужев достал из принесенной им папки три гербовых листа.

Я взял и вчитался. Договор с Данией был написан на французском языке, как и многие иные документы России. Насколько я знал, только при Николае Павловиче документооборот будет унифицирован на русском.

— Отчего я, теряя Голштинию, не получаю ничего? — довольно жестко сказал я, так как в бумагах о выплатах не было ни слова.

— Как же? — расплылся в улыбке канцлер. — Конечно, получите, мы позже обсудим количество серебра.

— Алексей Петрович, я теряю свою родину, пусть уже и считаю себя русским и желаю блага России, но свои активы за просто так не отдаю. Сколько мне причитается и когда люди герцогства со своим скарбом переселятся в Россию, на дарованные мне тетушкой

земли? Здесь и сейчас отвечайте, канцлер, — голос мой звучал довольно жестко, чтобы удивить и Шувалова и Елизавету, но те молчали, являя собой зрителей.

— Три миллиона рублей, половина гвардии Голштинии выказала желание переехать к своему герцогу в Россию. И не забывайте, что много населения переселилось в Киль и его окрестности, чтобы жить в вольном городе, — недовольно, сбросив маску угодливости, сказал Бестужев.

— Все оружие герцогства должно быть у меня, или компенсация, четыре миллиона рублей и построенный в Киле линейный корабль с командой. Кроме того, все профессора университета должны быть расквартированы в России и служить ей, хоть силой привезти их, — определял я свои условия.

— Четыре миллиона, не возможно, датчане согласились только на три с половиной, — отвечал уже Иван Иванович. — Что касается корабля, то команда единственного линейного голштинского корабля и двух шлюпов выразили желание служить во флоте России. Датчане готовят два фрегата и линейный корабль, как откуп за Ольденбург.

— Хорошо, я верю, что это так и есть. Корабли я и сам желал отдать флоту российскому, но оставаться их шефом, есть некоторые задачи, что я мню решить этими кораблями. Деньги доставят в Ораниенбаум, и я подпишу бумаги. Но... — я сделал паузу. — Я не хочу слыть предателем и буду горевать по потере, дам бал на котором представлю полонез, названный мной «Прощание с Родиной». На балу и дамы и кавалеры должны прийти с любым черным элементом.

— Нет, — ответила Елизавета, как все поняли, касательно черного цвета.

— Тетушка, Ваша воля — закон не рушимый, — согласился я, решив, что слухи о черном цвете и запрете его императрицей распространю. Я буду строить образ обманутой жертвы, аккуратно только.

— Вот и хорошо, подписывайте! Завтра прибудет серебро, датчане, в несвойственной им манере, быстро расплатились, — улыбаясь во всю ширь своего рта сказал Бестужев, видимо, в его понятии, он обвел наследника вокруг пальца.

Я подписал, после того, как Шувалов и сама императрица заверили, что деньги действительно будут. Плохо, что в России пока не было банка, как и бумажных денег, чтобы не хранить такое огромное количество металла во дворце. Вот и еще одно окно возможностей, которое нужно проработать.

Вытрясла с меня тетушка и обещание, не тратить такие большие деньги бездумно и особо крупные расходы согласовывать. Я согласился, при этом даже не думая поступать таким образом. В любом случае, львиная доля пойдет на благо России, просто в этом вопросе появляется больше свободы действий, деньги добавляют свободы.

За обедом уже серьезных тем не подымалось, если не считать некоторых намеков Елизаветы, что некоторые девушки столь доверчивы льстивым речам, что теряют голову. Я пропустил это мимо ушей, поедая очень недурно приготовленный суп из голубей и заедая все это сдобным хлебом.

Провожал меня опять же Шувалов, который противопоставил себя Бестужеву и уведомил, что две телеги с серебром, что составило мою долю в деле, уже отправились в Ораниенбаум. В отличие от канцлера, он, якобы, сразу расплачивается, а не ждет завтрашнего дня. Уже спускаясь по лестнице, я все же не выдержал и спросил:

— Екатерина Алексеевна виновата?

— Доподлинно не известно, Сергей Салтыков бахвалится, что был адюльтер, но видоки

говорят, что скорее всего, не было, — ответил Шувалов и резко развернулся в сторону входа во дворец.

Что я чувствовал от того, что, по сути, продал малую родину? Вот ждал боли утраты от Голштинии, или терзания от предательства людей, проживающих в герцогстве, все же два сознания во мне и тот, Карл Петер должен был выть, но ни-че-го. Больше меня занимал вопрос о Екатерине и Салтыкове, который, впрочем, я пытался гнать, концентрируясь на Голштинии.

Что получилось? Русские войска вошли в, практически союзное герцогство, как-никак наследник российского трона владетель этой территории. Произошли столкновения, которые обязательно должны были быть, так как русская армия, одобренная казаками и калмыками, не могла быть управляемым монолитом. Достаточно было одного идиота с оружием, чтобы разразился настоящий бой. Возможно, это и произошло. После русские начали грабить и Репнин с Левеном их не остановили, возможно и намеренно. Естественно, подобное поведение вызвало недовольство у местного населения, а может масштабы и были преувеличены — насколько я знал, русская армия сильно уступала в жестокости европейцам.

Тем не менее, Брюммер призвал шведов в помощь и собирался объявить о протекторате шведского короля над герцогством Гольштейнском. При таком раскладе, Абосское соглашение сразу же ставило русских в неловкое положение, так как этот договор Россия не нарушала и не жаждала очередной войны с северными соседями. Дания же, с попустительства России «решила защитить гольштейнский народ», беря за основу договоры пятнадцатого века, когда герцогство входило в состав Дании. Россия же, пограбив, договорилась с датчанами от имени меня, Петра Федоровича, ибо трепался на Совете о подобном варианте. Да и куда бы я делся? Засунули бы в золотую клетку и не давали выйти дальше парка — вот судьба моя за то, что я посмел бы противиться воле императрицы.

Теперь я жертва, которую обманули дикие русские, — жертва, у которой три с половиной миллиона рублей, о которых общество не должно знать. И нет, терзания отсутствуют, а вот радость от того, что теперь смогу не в долг заказывать ружья и пушки, а все в полном объеме оплатить, это хорошо.

В подобных раздумьях я и доехал до Ораниенбаума, где, как уже начинали говорить в обществе, был «молодой двор». Встречал меня Бернхольс и с десятков слуг, камердинер не поехал в Петергоф, а поспешил «домой», чтобы организовать и обед и комнаты, да и неприлично было бы мне приезжать без предупреждения. Та же Екатерина должна подготовиться к встрече. И очень надеюсь, что Салтыков просто сбежит, иначе на одного камердинера у меня может стать меньше.

— А почему моя супруга меня не встречает? — задал я вопрос Бернхольсу.

— Ее Высочество, Великая княгиня ожидает Вас к ужину, — почти без акцента сказал гольштейнский камердинер.

Быстро зайдя к себе в комнаты приведя себя в порядок, направился в столовую. Я как-то предполагал, что комнаты наши с Катэ будут общие, но нет — разные.

— Ваше Высочество! — Екатерина изобразила книксен.

— Вышли все вон! Бернхольс проверь, чтобы никто не слушал, — выкрикнул я, присаживаясь за стол, дождавшись, когда двери закроются, я уже обратился к жене. — Говори все, что было, без утайки.

Екатерина Алексеевна некоторое время собиралась с мыслями, после, как будто

«окунулась в омут с головой», начала рассказывать. В ходе этого повествования, я услышал, как бедную девушку обманом завлек обольститель в нежилой охотничий домик, от куда она, избежав изнасилования сбежала. И что она, наивная, даже не предполагала такую дерзость. Не забыла добавить, что ударила его, как только Салтыков набросился на милую и наивную.

— Катэ, я хочу тебе верить. Но ты сама пошла в тот дом, добровольно зашла, скорее всего, одумалась и убежала. Чего ты добивалась, тебе мало внимания, или это любовь к Салтыкову? Если любовь, то я могу дать развод и даже хорошее приданное — теперь я очень богат. Да и Салтыковы далеко не последние богачи в России. Что скажешь? — спокойным тоном сказал я.

— Я Ваша жена и чиста перед Вами, а впредь стану более осмотрительной. Я не желала быть с Салтыковым. Я была обозлена из-за Вашей связи с Краузе, но уже поняла, что это была глупость, Вы вольны поступать, как посчитаете возможным, — сказала Екатерина, а я ощутил, что хочу эту женщину, долгое воздержание и фантазии о самых приятных часах в интимной обстановке с Катэ будоражили мое молодое уже тренированное тело. Заглушить гормоны не мог даже скепсис и сдержанность от сознания взрослого многоопытного человека.

— Бенрхольс, — крикнул я громко, чтобы камердинер точно меня услышал. — Позови Кондратия.

Через десять минут, которые прошли в молчании и поедании внеочередного для меня обеда или ужина, пришел Кондратий.

— Изыскать Сергея Салтыкова и сюда. Хоть по-доброму, хоть и силком, — скомандовал я и мой нукер без лишних слов и эмоций, направился исполнять.

— Вы же не собираетесь здесь устраивать скандал? — озабоченно спросила Екатерина.

— Я лишь хочу добиться того, чтобы все знали, что мое — это ТОЛЬКО МОЕ. Катэ, я не галантный человек, который будет предоставлять свою карету жене, чтобы ей не было стыдно ехать на встречу с любовником из-за худого выезда [реальная история, произошедшая во Франции и одобренная европейским обществом]. Не приемлю я и домо строя, когда женщину прячут. Я хочу любить и быть, если не любимым, то уважаемым своей супругой, — сказал я, а сам подумал, что достаточно уже год беречь Екатерину, пора и беременеть, а не прерывать любовные утехы, грех это.

Ранее я посчитал, что девушка еще до конца не созрела, чтобы выносить ребенка без последствий. Но прошел год, Катэ еще больше расцвела и теперь можно подумать о наследнике. Если я об этом не подумаю, то, не дай Бог, задумается кто-то иной, какой-нибудь Сережка Салтык.

— Ваше Высочество, это немислимо! — говорил разбитым в кровь ртом Сергей Салтыков.

— Я к Вашим услугам, сударь, — сказал я и жестом приказал отпустить руки обольстителю. — Вы мне назовете мне имена, кто надоумил Вас начать ухаживание за Великой княгиней, и перестанете гнусно распространять слухи о вашей амурной победе. Тогда я посчитаю, что все кончено и оставлю Вас при себе, все же Вы мой камердинер. Иначе не помогут и искренне мной уважаемые члены Вашей фамилии.

Я понимал, что делаю неправильно, что это нарушение всякого этикета, варварство чистой воды, но у меня же просыпается кровь Петра Великого, вот пусть и думают, правильно ли то, что современная идеология России идеализирует моего деда. Он-то и

бороды рубил, и лупцевал своих ближних от души, с оттяжкой.

Хек! — я пробил по печени Сережки, чтобы не смел наставлять мне рожки.

— Я сам этого захотел, но надоумил меня человек Бестужева, — прохрипел Салтыков.

— Вот и хорошо, — унизительно для оппонента, я погладил того по голове. — Первое

— Вы говорите о женской добродетели Екатерины Алексеевны, каетесь на исповеди в Казанском соборе, после работаете у меня верой и правдой. Если об этом разговоре кто-либо узнает, либо лишняя царапина появится у моих казаков, я найду для Вас порцию белладонны, или лично прирежу. На людях и я стану Вам благоволять. И женитесь на Матрене Балк, она хорошая девица, да и подарок от нас с Великой княгиней будет достойный.

Салтыков кивал, словно болванчик, соглашаясь на все, а я огорчился этому факту. Он либо сломлен и такой помощник мне не нужен, либо соглашается с камнем за пазухой, который метнет в мою сторону при первой возможности.

Салтыков быстро развернулся и уже в дверном проеме сделал вежливый поклон. Ушел. Я же стал раздевать взглядом свою жену.

— Катэ, никто, кроме тебя, но и ты должна понимать — муж вернулся с долгого похода. Наградите, сударыня, лейб-гвардейского драгунского полковника своим вниманием, — сказал я и, не обращая внимания на робкие возражения, понес молодую жену в спальню. Нужно запомнить этот день, возможно от него и следует отсчитывать девять месяцев.

Уверен, что ребенок, если мы сегодня его зачали, будет плодом любви. Я искренне любил в эти минуты свою Катэ, она, я это чувствовал, отвечала мне тем же. Была страстна и требовательна ко мне. Только тогда я скорее почувствовал, что измена не случилась и что есть шанс создать нормальную семью.

Сутки мы практически не вылезали из постели. Я забросил все свои тренировки, работу с бумагами. Когда Сергей Салтыков прислал записку через служанку, что он готов к выполнению любого задания, я послал его узнать, чем загружены петербургские верфи, ну и сказать всем интересантам, что наследник с женой изволят наследника делать. Это была дерзость, и выходило за рамки приличий, но наше настроение было слишком игривое и да — мы делали наследника, а между тем много говорили. И только сознание опытного человека внутри меня противилось полностью окунуться в чувства и эмоции и искренне признаться в своей безмерной любви к Екатерине. Даже когда стали прибывать телеги, груженные серебром, я лишь дал распоряжение Тимофею Евреинову принять и все пересчитать, чтобы до рубля, а после прыгнул в кровать, где грациозно лежала нагая Великая княгиня.

Поручение Салтыкову было связано с тем, что флот русский был не просто в плохом состоянии, он неумолимо исчезал. Петр Великий неимоверным напряжением сделал из России державу морскую, его женушка, как и внучек Петр II, вообще не занимались флотом. При Анне Иоанновне, как ее не пытаются очернить, флотские немного вздохнули воздуха. Ну а Анна Леопольдовна, как и моя тетушка вообще забросили детище Петра Великого. Ходили слухи, которые я пытаюсь проверить, что немало флотских офицеров уходят в отставку, сбегают иностранные специалисты, моряки часто замешиваются в криминальных делах. Жалование во флоте не платят уже полтора года, тимбировка кораблей [ремонт днища и не только] не проводится. И спросить толком не кого, так как в адмиралтейств-коллегии нет главы. Все это вызывает такие ситуации, что в навигатскую школу, или роту гардемарин записываются вообще бедные и часто неграмотные дворянчики, которых и учат спустя рукава. Только на императорских яхтах ситуация блестящая, во всех смыслах.

Там и деньги вовремя и чины и почтение.

Так что нужно, обязательно нужно и для России в целом и для многих моих торговых проектов мощный флот. Ну, никак я не хочу быть наследником державы, которую в пух и прах разгромит даже скудный прусский флот, или шведский.

Через день в Ораниенбаум начали пребывать послы. Не совсем понял, зачем именно. Наверное, только для того, чтобы посмотреть на спектакль «наследник горюет и скорбит, но бессилён противостоять монархам». За обедом, при произнесении молитвы, я просил у Бога милости для Голштинии и людей ее населявшим. Отрадно, что послы, прежде всего австрийский и шведский, не знали о деньгах, что я получил за герцогство. Вернее, они знали, утаить это было сложно, но иноземцы не могли оценить масштабов, чтобы сложить свое мнение о моей роли в событиях. Апогеем таких посиделок как с австрийским послом, так на следующий день и с прусским, становилось исполнение полонеза «Прощание с Родиной», который в ином варианте истории написал Михал Клеофанс Агинский после разделов Речи Посполитой. Тогда плакала вся пресвященная Европа, слушая действительно гениальное произведение, о Польше, критикуя и ругая больше Россию, но не забывая упоминать и Пруссию с Австрией. Сейчас все сочувствуют мне — бедному мальчику в варварской России. Мои слезы, как и слезы Екатерины, не оставляли шансов заподозрить в моем лице что-либо, кроме жертвы сильных мира сего. А полонез все звучал, завоевывая сердца просвещенных подданных Российской империи и уже готовящийся собирать эмоции в европейских обществах.

Через два дня был театр в Петергофе. Мы с Катэ прибыли и озаряли пребывающий в недоумении елизаветинский двор, счастьем, не забыв при этом и высказать свое сожаление о потере Голштинии и даже одеть траурную ленту.

Перед самым представлением, императрица, по своему обыкновению, делала правку спектакля, который сегодня давали гардемарины морской академии. Неумелые актеры больше кривлялись, чем играли. Французские слова, написанные самим великим Мольером, коверкали до неузнаваемости. Между тем, Елизавету представление позабавило, она искренне смеялась скорее неуклюжести исполнителей, чем от того юмора, который вкладывал в свое произведение французский драматург. Екатерина же с трудом скрывала свое раздражение, ей категорически не нравилось, что происходило на построенной сцене в саду. Вместе с тем, Катэ держала меня за руку и это многие находили милым, снисходительно улыбаясь.

Я уже знал, что двор фантазирует на предмет, что именно произошло между мной и Сергеем Салтыковым. Многие считали, что внутри Великого князя проснулось наследие Петра Великого, который впадал в приступы непреодолимой агрессии. Пусть думают, может меньше будет соискателей на сердце и тело моей, именно что моей, жены. К чести камергера Салтыкова, он не стал развивать туман событий, напротив, говорил, что наследник достоин своего предка. Казалось, реклама так себе — черный пиар, скрыть синяк и разбитую губу несостоявшийся любовник не смог, пусть и пытался, используя пудру, но общество уже посматривало на меня не снисходительно, а опасно. И эти взгляды мне нравились больше.

В последние годы общество, вторя императрице, настолько идеализировало личность Петра I, что даже негодное поведение схожее с тем, как себя вел первый российский император, выглядело правильным. Ну это пока на своей спине железную трость монарха не прочувствовали. Салтыков немножко уже почувствовал, поинтересовались бы, как это.

Камергер, наконец, нагруженный делом, сообщил, выполняя первое поручение, что верфи Петербурга заняты ремонтом больше частных мелких суденышек, но и корабли военного флота так же занимают места на стапелях, некоторые более двух лет стоят там. Так что могло и не получится заложить новый фрегат или хотя бы шлюп, да хоть галеру.

Я решил заложить новый корабль, потребовав освободить от ремонтных работ одну верфь, иначе и не сладится построить более-менее сбалансированную эскадру. Тем более, что высушенный лес имеется, предполагалось уже как год строить новый корабль, но все никак, а лес все равно закупался, уже и на пяток фрегатов хватит строительных материалов. Однако, со флотскими пообщаться необходимо, как и дать сколько-нибудь денег, иначе Россия потеряет статус морской.

Бал, который в этот раз не был сборищем трансвеститов, прошел без происшествий. Я ходил угрюмый, Катэ не станцевала ни одного танца, пили умеренно и на шутки смехом не реагировали. Мне сочувствовали. И, если Елизавета была беззаботной, то Бестужев понимал, насколько я выгляжу жертвой от действий его, хищника-канцлера, что своими интригами обидел впечатлительного юношу. И канцлеру это не нравилось, хитрый лис прекрасно понимал, что я играю.

— Завтра придет Михаил Васильевич Ломоносов, — сказал я жене, когда примерно в два часа ночи, мы ехали домой. — А с утра я на пробежку до расположения егерей. Они еще вчера меня ждали, а я покорился стрелам Амура.

— Я много лестного слышала о Ломоносове. Знаешь, после того случая на охоте, я не подпускаю к себе Чоглокову и даже отомстила ей — сделала так, что она узнала об измене ее мужа с Кошелевой. Так что пока я не под надзором, не до меня образцовому семейству. Могла бы с тобой пойти к егерям, — сказала Екатерина и облокотила свою милую головку на мое плечо.

— Представляю тебя бегущей рядом со мной, — я рассмеялся. — Милая, я с раннего утра, даже с ночи и до обеда буду в расположении полка, а после к тебе, на крыльях любви.

— Но уже скоро утро, — изумилась Екатерина.

— Поэтому я и в дом заходить не буду. Не волнуйся, — сказал я и поцеловал жену.

На подъезде к Ораниенбауму, я вышел из кареты. Меня уже ждал десяток Кондратия. Казаки были облачены в накидки типа «леший» или «кикимора», которые сшила невеста Кондратия — Настасья, которая была дочерью старосты одной из деревень, что мне принадлежали. Причем мне понравилось, как казак в первого раза понял, что именно я хочу, сам нашел исполнителя, что я сделал заказ той самой Настасье и она шьет и подобные вещи для диверсионной и снайперской работы и зимний вариант, и маскировочные сети. Казалось бы, откуда авиаразведка, но... ее нет, конечно, сверху никто не посмотрит на расположение войск, если только не с высокой горы. Однако, и хорошая маскировка и по горизонтали двух-трех батарей, когда противник не знает о них, может быть залогом перелома в сражении, тем более, если конница противника обходит аллюр три креста во фланг и получает вместе с приятным встречным ветерком картечь. Тут и свалка и давка и уже кавалерия не грозная сила, а мишень.

Я показал казакам-диверсантам, что наступил режим молчания и мы, разделившись на две группы, где одной командовал я, а другой Кондратий, при моем общем командовании, устремились в сторону деревьев. По кромке леса максимально тихо, к сожалению, я оказался самым шумным из группы, отряд диверсантов приближался к лагерю условного неприятеля. Петр Александрович Румянцев получил указание от меня, пусть я так и не являлся

официально его командиром, но был наследником, чтобы тот усилил в ближайшую неделю бдительность и перевел службу в походный режим на территории противника. При этом, зачем и почему, конечно же, не говорилось, враг так же вряд ли будет уведомлять в русской традиции «иду на вы».

«Стоять. Внимание» — Кондратий поднял руку в кулаке. Из кустов выпрыгнул большой жирный заяц. И войска рядом и пахари, а они, ушастые, вон, только жирнеют и живут — не тужат, нужно частью их отстрелить, старосты жалуются на длинноухих овощных воров.

Еще полтора километра в таком темпе, скорее быстрого шага, чем легкого бега, и уже показался военный городок. Он был огорожен забором с заточенными жердями, но подобное препятствие не является непреодолимым. Подставленное к забору небольшое бревно в равном удалении от костров дозорных, что горели по периметру и первые два диверсанта уже на территории расположения условного противника. Тишина. Отсутствие лишнего шума и следующие четыре воина быстро перелезают стену. То же самое происходит и с моей группой в метрах трёхстах от товарищей.

Пролежав минут пять на земле, практически полностью слившись с ландшафтом, в достаточно высокой траве, мы начинали медленно с залеганиями передвигаться в сторону одного из постов. В такой ситуации можно было пробовать пройти между костров вглубь военного городка, но нужно было показательно наказать егерей за нерасторопность.

Подобравшись максимально близко к костру, возле которого трое солдат спали, а всего двое сидели и разговаривали на тему сложной службы, но хорошего питания, я знаком подал сигнал к атаке. Взметнулись пять фигур и выверенными движениями «выключили» и спящих и бодрствующих. Да, утром у них будет болеть голова, но несли бы службу лучше, не были столь легкой добычей.

Быстрыми перебежками обе группы, справившись со своими задачами, приблизились к дому, где должен был, по данным разведки, находиться Румянцев. За военным городком два дня велось наблюдение, казаки не были обнаружены. Вот и знали все, что нужно. Нет, все нужные для такого хулиганства, что сейчас происходит, данные и так были известны, не раз мы приезжали к егерям, но, если отыгрывать роль, до полноценно.

Возле дома полковника был еще один пост и разводящий офицер. Этот подпоручик оказался единственным, кто попытался дать отпор и увидел, а, может, и почувствовал атаку, но удар по затылку успокоил и его.

— Доброе утро, Петр Александрович! — сказал я, как только вошел в спальню командира полка.

— А? Что? Кто Вы? — сонный, но быстро приходящий в себя Румянцев всматривался в силуэт, который посмел прервать его сон.

— Сударь, соблаговолите следовать за нами, если условно Вы окажете сопротивление, то нам придется нести Вас на себе. Хотелось бы без рукоприкладства обойтись, — сказал я.

— Ваше Высочество? — изумленно спросил Румянцев, но развивать тему узнавания меня полковник не стал.

Уже через двадцать минут обе наши группы соединились за забором. Группа Кондратия нарисовала кресты на складах и арсенале. Моя же группа справилась с задачей похищения командира полка и выведения его за пределы лагеря условного противника.

— Без жертв? — спросил я.

— Так точно, без потерь и с нашей стороны и со стороны условного неприятеля, — отрапортовал хорунжий.

— Как видите, Петр Александрович, дюжина подготовленных солдат лишила боеспособности целый полк, узнала планы неприятеля, его численность и все остальное у командира, — обратился я к полковнику Румянцеву.

— Но я не собирался разговаривать с неприятелем, — догадался, о чем идет речь Петр Александрович.

— Сударь, у каждого человека есть свой болевой порог, который он терпеть не сможет и только в неумелых руках допрашиваемый умрет, другие расскажут все, что потребуется, — сказал я, снимая капюшон накидки. — Жду от вас работы над ошибками и с докладом уже завтра пополудни. А сейчас, мы Вас проводим обратно через пост.

Пока шли к дороге, ведущей к военному городку, говорили о том, почему нам так просто удалось проникнуть в самое сердце, можно сказать, показательного полка, да еще который был предупрежден о вероятных сюрпризах. Теперь, когда самолюбие Румянцева задето, я был уверен, что организация службы охраны станет на порядок строже и эффективнее. Да, такими диверсиями, что мы условно совершили, в этом времени не балуются, считая подобное подлым, но все же возможным. Да и нам тренировка была в пользу. Само собой, я не собираюсь бегать диверсантом и этой ночью я больше проверил себя, могу ли считаться не телком, а бойцом, размялся и посмотрел на возможности моих казаков.

Уже в начале осени, как обещали донцы и яицкие старшины, придут казаки, которым и суждено было стать теми самыми диверсантами. А десяток Кондратия станет инструкторами у этих бойцов. И, как мне кажется, хорошими инструкторами. Пусть они еще и сами только учатся читать карту и тем более им далеко до ее составления, но не боги обжигают горшки, Петр Великий куда большие преобразования сумел провести.

Возвращаясь домой, я увидел не самый дорогой, мягко сказать, выезд. Уже повидавшая вида карета, запряженная двумя, пусть и ухоженными, но уже старыми лошадьми, стояла у крыльца дома-дворца. Протиснуться так, чтобы не быть замеченным кучером или тем, кто на этой карете приехал, оказывалось задачей, возможно, сложнее, чем проникнуть в дом Румянцева в центре военного городка. Был вариант разбить окно, или еще более неприемлемые способы проникновения в дом, к примеру, взобраться по молниеотводу в открытое окно. Но осознал, что начинаю заигрывать, не отойдя от адреналинового всплеска во время ночной игры в диверсантов.

— Узнайте, кто в этой карете, — приказал я Кондратию, который выключил боевой режим и выглядел расслабленным. Однако, хорунжий снял накидку, в которой и направился к транспортному средству.

— Ух, черт лохматый, твою... — услышал я басовитый громкий голос и грохот от того, что сваливается Кондратий.

— Отставить! — закричал я, когда казак с суровой решимостью встал, чтобы покарать своего обидчика, но приказа не послушался и замер.

Из кареты вылез высокий мужчина плотного телосложения, я бы сказал, медведь, если бы это не был величайший русский ученый за весь XVIII век. Уже солнце отвоевало свое место на небосклоне, и можно было отчетливо рассматривать холмогорского вундеркинда.

— Ох и скоры Вы на расправу, Михайло Васильевич! — улыбнулся я, но этот жест расположения оказал обратный эффект, так как лицо было вымазано в сажу.

— Э-э, — замялся ученый, не понимающий, какую модель поведения выбрать, явно не узнавая меня.

— Степан, воды подай умыться и мыла, не пойду же я в таком виде в дом, а то мадам

Чоглакова с испугу родит восьмого дитя, — сказал я, а казаки, прекрасно уже ориентирующиеся в перипетиях «молодого двора» искрометно рассмеялись.

Пока я умывался, светило русской науки наблюдал за моими действиями. Я разделся по пояс, намылил тело и лицо черным мылом, потом меня окотили холодной водой, слуга принес свежую рубаху, и я ее одел. При этом величественности в моих действиях даже при наличии бурной фантазии, узреть было невозможно.

— Простите Михаил Васильевич, воевали нынче с полком егерей Румянцева, взяли его в полон, после вернули обратно в полк Петра Александровича, сейчас домой возвращаемся с викторией, — казаки рассмеялись, а после команды Кондратия, который оказался более тактичным, и понял неуместность нахождения рядом с Великим князем и его гостем, диверсанты-телохранители пошли к себе, в пристройку неподалеку от дворца.

— Я, Ваше Высочество, право, и не думал, что вы... — Ломоносов рассмеялся. — Что и взаправду взяли в полон Румянцева — это сына сподвижника Петра Великого Александра Ивановича Румянцева?

— Так и есть, впрочем, если Вы не против, пройдем в мой кабинет, мне есть что Вам сказать. Только не шумим, Екатерина Алексеевна еще, должно быть спит, у нее еще два часа сна. Пусть супруга спит — у нас будет больше времени пообщаться, признаться, удивлен безмерно столь ранним вашим приездом, я говорил про утро и слишком буквально поняли мои слова, — говорил я по пути ко дворцу, где на входе стоял слуга с графином чистой воды.

— Я по утрам бегаю, а после жажда изнуряет, вот я и приказал встречать меня с водой, — объяснял я Ломоносову свои пристрастия и занятия, пусть проникается, он идеализировал Петра Великого, не зная оного, может и мне преданно послужить надумает.

— Ваше Высочество... — начал говорить гениальный ученый, но я его перебил.

— Не чинясь, можете обращаться ко мне Петр Федорович, — попросил я.

— Петр Федорович, я, признаться, не поверил, уж простите простака, что это Вы изобрели столь важную для всего мира вещь, как молниеотвод. Иван Иванович Шувалов мне о том сказывал, и я уже давно мечтал иметь честь общения с Вами. И теперь верю, столь удивительный, уж простите, выюнош, может и изобретателем быть, — высказался Ломоносов.

Я, было подумал, что обратись он ко мне прежнему, до исцеления в декабре 1744 года и этот «выюнош», то бишь я, мог и терпение потерять. Но на этой встрече большее волнение, чем и сам ученый, испытывал именно что я, пусть и стараясь этого не показать. Подумать — сам Ломоносов!

— Давайте к делу, Михаил Васильевич, есть важный и, думаю, неотложный вопрос — добавки или присыпки, как будет угодно, при выплавке стали, — сказал я и посмотрел на реакцию великого ученого.

Он выглядел недоуменно. Ну, конечно, где выплавка стали и я — наследник с сомнительной репутацией, которая вроде бы и меняется, но стереотипы бывают весьма устойчивы.

— Вот Вам один состав — полторы доли от ста углерода, можно две доли, с добавлением от семи до девяти долей марганца.

— Простите, чего? — недоуменно спросил учёный.

И почём мне было знать, что его, марганца, ещё не открыли. Я знал, что этот элемент открыли в XVIII веке, но то, что этот век ещё и не перевалил за половину, упустил. Сложно мне придется в деле "просвещения" Ломоносова, надо как-то "открыться" с упором на

божественную благодать.

— Это серый металл, мягкий, вроде как в черной магнезии он содержится. Китайцы знают о нем, — соврал я в последнем.

— Мы недооцениваем Китай и вообще Восток, — посетовал Ломоносов.

— Ещё как! Вот есть у них и метал, что можно назвать молибденом, он извлекается оксидом водорода из молибденовой кислоты, — продолжил я, уже осознав, что "откровениям" нужно дать хоть какое объяснение, китайцами во всем не прикрыться.

— Сплавы сии нужны России в ближайшее время, так как без хороших сплавов не может быть эволюции русского оружия. Потребно проработать задачу. Займитесь этим вопросом, и это скорее просьба. Осенью в Петербург приедут по моему приглашению наиболее видные промышленники в металлургии уже тогда нужно что-то предоставить им для дела, определить свойства каждого из сплава и дать рекомендации в применении. Поэтому лучшим образом можно поехать Вам с учениками, если таковые есть, либо в Петрозаводск, либо в Тулу. Бумагу выправить, уверен, поможет Иван Иванович Шувалов. Уже позже проверьте составы с добавлением хрома... — продолжал я, но по реакции ученого понял, что сказал что-то не то. — Что-то не так?

— Простите, Петр Федорович, хрома? Сей элемент мне не знаком [хром был открыт только в 1797 году, но сам Ломоносов описывал этот элемент в 1763 году, как «красная свинцовая руда»], - недоуменно сказал Ломоносов.

Я в этот момент растерялся окончательно и понял, что мои, отнюдь, не фундаментальные знания о металлах, столкнулись с тем, что химия и металлургия сейчас только начинают взаимодействие. Пришлось-таки наводить «тень на плетень» и корчить из себя просветленного, что владеет недоступными знаниями. Такой таинственный масон, или целованный Пресвятой Девой. Еще не раз придется мне обращаться к Ломаносову, много нужно сделать «открытий», но поэтапно, сейчас металл и пружины из сплавов.

— Михаил Васильевич, Вы верите в Бога? — задал я провокационный вопрос.

— Конечно, я православный, — ответил Ломаносов.

«Ну да, поверим «истинному» верующему, который женат на лютеранке и неассоциирующий себя истинным православным» — подумал я, но сказал иное:

— Относитесь, будьте так любезны, к моим словам, как к некому откровению. Я и сам многое не знаю, но прикоснулся к поистине великим знаниям, не понимая их сущности. Но... — я соорудил максимально серьезную мину на лице и металлическим голосом сказал, — Ни-ко-му, ни-ког-да, ни-че-го, иначе наше общение закончится в сей же миг, как только Вы изволите рассказывать о моем участии в ВАШИХ исследованиях. При этом я нисколько не желаю принизить Ваш гений, напротив, имею целью, предостеречь Вас от ненужных поисков, если ответы на проблемы есть у меня. Так значительно большего можно добиться. Ведь жизнь наша так скоротечна.

Ломоносов молчал, было видно, как в его голове протекают мыслительные процессы, он сомневался, скорее всего, не верил в метафизику, в «откровения». Уверен, что и к вере он относился только, как данность, необходимость.

— Вы так уверены в этих, как вы говорите «присыпках», знаете металлы, что ещё и не открыты в Европе, но на Востоке ведают? — спросил Ломоносов, приняв решение.

— Да, — лаконично и четко сказал я и придвинул два листа бумаги, где было написано-то небольшое, что я знал о свойствах металла, с теми или иными добавками и методах выплавки.

— Я сохраню тайну, ибо мое стремление к познанию сущности вещей превыше всего. Если то, что Вы утверждаете действительно таково, будет ли мне позволено говорить с Вами, когда исследования зайдут в тупик, что неизбежно? — сказал Ломоносов.

— Да, безусловно, пока Вы прилагаете все усилия для определения свойств сплавов, не один, берете себе учеников, опытным путем нужно проделать массу экспериментов, да и направлений в науке очень много остается, есть мне, что еще рассказать. И повторюсь, — сказанное мной тайна, никто не должен знать о наших исследованиях, даже Ваш покровитель Иван Иванович Шувалов. Опубликуем исследования позже, — я придвинул к себе другую стопку бумаг, более объемную, чем предыдущая. — Тут я написал, что знаю о металлах и справах и о тупиках в исследованиях в этом направлении, чтобы Вы не шли ложным следом. Тут же мое видение университета в Москве, в создании которого готов вложиться деньгами. Тут и как обучать и где обучать и как спрашивать за обучение и другое. В дороге, или в свободное время изучите и внесите свои поправки, потом подготовим прожект и покажем обществу, но строить начинать надо сейчас, ищите подрядчиков, говорите с Иваном Ивановичем, мне не досуг пока этим заниматься, но денег дам. Кроме того, тут есть прожекты училищ для подлого сословия с тем, как искать подобных Вам самородков и давать им возможность выучиться и получить сперва личное дворянство, а при усердной работе потомственное. Особенно просмотрите прожекты медицинских училищ для армейских нужд. Пока все, Михаил Васильевич. Если Вы готовы работать в этом направлении — нужно начинать, если нет — я буду искать другого человека. Признаться хотелось бы видеть Вас на этом поприще.

— Вы вводите меня в растерянность, Петр Федорович. То, что Вы предлагаете в деле металлов, я проверю. Остальное — то великое дело, нужное многих дум и размышлений. Я, признаться, желал заняться мозаикой и производством стекла, но, конечно, я стану работать в этом направлении.

— Вы еще создадите много великолепных мозаичных работ, но державе сейчас нужен Ваш ум и энергия, которая всегда сохраняется и Вы являетесь человеком деятельным, а многие в лени пребывают, нужна лаборатория — просите на ее деньги и я дам, поговорю с Иваном Ивановичем и он, безусловно, вложится в создание лучшей в мире лаборатории, — я улыбнулся и протянул еще четыре листа. — Это мой вирш о полтавском сражении, прочтите, если пожелаете, позже.

Я не помнил всю поэму Александра Сергеевича Пушкина, но часть учил в школе, решил вложить в свой формируемый образ и литераторство. Ломоносов начал читать первые строки:

— Горит Восток зарею новой.

Уж на равнине, по холмам

Грохочут пушки. Дым багровый

Кругами всходит к небесам

Навстречу утренним лучам...

Михаил Васильевич не стал дочитывать, а ушел в свои мысли. Я же специально дал это творение «нашего все», чтобы тот, кого считают родоначальником русской словесности, кто был готов сломать нос Сумарокову за его легкомысленный подход к сочинительству виршей, прочитает апологета русского стихотворения. Думаю, Александр Сергеевич мог бы проникнуться важностью момента.

То, что я дал на откуп и критику стихотворение Пушкина первому теоретику-

профессионалу русской словесности Ломоносову, имело далеко идущие планы. Я знал, что Михаил Васильевич долго и мучительно составлял принципы русского стихосложения, выводил закономерности, правила. С творчеством Пушкина ему это должно было стать, куда сподручней делать. Может тем, что я передал Ломоносову отрывок из поэмы «Полтава», сэкономил год-два его кипучей деятельности, которую можно направить в иную, практическую плоскость.

— Я просто не понимаю, Вы немец, русский для Вас даже не второй язык. Но как? Почему не на французском пишете? Я не ставлю под сомнение, что это Вы написали, но сие... «откровение». Вы так, Петр Федорович, заставите меня поверить в таинственные знания масонов, — пребывал в шоке профессор химии.

— О, нет, прошу Вас, не лезьте в эту яму масонскую, это не они повлияли на меня, уж поверьте. А в ином, я и сам не понимаю откуда, верю, что то дар от Пресвятой Богородицы, что приходила ко мне в годину хвори смертельной. И я должен являть миру вирши, дабы обогащать оный. Но Вас очень прошу — не нужно распространяться, о том, как и о чем мы говорили. И тогда наши встречи станут более частыми и не менее интересными. А сейчас, прошу Вас познакомиться с моей супругой, она уже должна проснуться. И настаиваю, на нашем совместном завтраке. Учтите, я скромн в еде, так что не обессудьте, — сказал я и поднявшись с кресла указал направление в столовую, где уже распорядилась Катэ, пригласившая на завтрак так же свою фрейлину княжну Гагарину.

Я ненадолго покинул компанию, извинившись, вернулся в кабинет, возле которого был Тимофей Евреинов.

— Ну, все по чести? — спросил я у своего помощника, которому досталась не легкая задача посчитать серебро, что было привезено мне в рамках предательства Голштинии.

— Тридцати пяти тысяч не хватает, — ответил Тимофей.

— Бестужев... Пошли к канцлеру бумагу от моего имени о недостатке. Он и так получил свои сто тысяч за весьма сомнительные результаты. Простую, казалось, комбинацию, усложнил до абсурда, — сказал я и поспешил вернуться к завтраку.

Через полтора часа светило ученой мысли в России, уехал в задумчивом, но точно не в удрученном состоянии. Я же отправился спать. Бессонная ночь, игра в диверсантов, потом прием нетерпеливого ученого, что с ночи ждал аудиенции — все это, вызывая непреодолимую усталость, вынудило идти отдыхать, лишив Катэ общения. Благо, фрейлина Гагарина рядом, а чоглаковское семейство уехало выяснять отношения. Оказалось, что Кошелева беременна от Николая Чоглакова, как и жена этого бычка-производителя [реальная история, как, казалось, идеальное семейство Чоглаковых, представленное к молодоженам, оконфузилось]. Но это их дело, хотя некоторое злорадство имеет место быть, очень уж неприятные личности эти Чоглаковы.

***

Берлин. Дворец короля Фридриха Сан-Суси
24 июля 1746 года

Дворец Сан-Суси сегодня принимал бал. Один из самых прижимистых дворцов Европы в этот раз расщедрился, и было даже застолье с десятью сменами блюд. Приглашенные были в недоумении, король Фридрих потратил столько денег на бал, сколько стоило не менее

двухгодичное содержание гренадерского полка. При прусском дворе часто сравнивали траты с возможностью еще более усилить армию.

Были на балу пруссаки, верящие в свое исключительное право стать главенствующей силой на раздробленном германском жизненном пространстве. Однако, если послушать разговоры присутствующих, то можно было сложить мнение, что двор исключительно французский — все говорили на этом языке временного партнера, но стратегического врага Пруссии. Сам король Фридрих, которого пока еще повсеместно не называют Великим, но уже считают самым правильным королем из всей истории Бранденбургской династии, не любил немецкий язык. Он считал его грубейшим и был готов разговаривать на этом наречии с лошадью, но не в обществе [исторический факт]. То ли дело изящество французской речи.

Просвещенный король, признанный музыкант и менее признанный пиит, как было видно, талантлив и не только удачно воевал, успев уже занять и Силезию и дойдя до Богемии — последнего форпоста на пути к Вене. Вся Европа признала, что пруссаки под командованием своего короля являются очень грозной силой. И даже некоторые победы французов только это подтверждали, так как легкой прогулки для маршалов Людовика XV не было, они сильно сцепились и с англичанами и с австрийцами, которых Фридрих легко громил. И этот воитель только что сыграл на флейте, кстати, почти везде попав в ноты, очень проникновенную сюиту, в которой подыгрывал ему сам маэстро — Иоганн Себастьян Бах.

— Фон Мардефельд, что скажете? — сразу после получасового концерта, где сам король под восторженные льстивые речи, играл на флейте. — Как мои шпионы работают?

— Бернхард Миних отказался сотрудничать, мой король. Он взял письмо своего бывшего порученца Манштейна, но после поездки принца Карла Петера Ульриха на Урал, нашел нашего человека и отдал и деньги и письмо, — докладывал прусский посол при русском дворе.

— Миних всегда был слишком прямолинеен, что тут скажешь, он саксонец, не пруссак. А что мой племянник? Как отнесся к потере Голштинии? Признаться, я сам мало понял, что там произошло, — спросил Фридрих, беря в руки поводки его любимых собак.

— Очень горюет, я привез партитуру полонеза, который он посвятил потере Голштинии, в Петербурге у многих слезы проступают, когда слушаю эту музыку, — говорил Аксель фон Мардефельд.

— Вот как? — спросил король и нетерпеливо выдернул из рук прусского посла при российском дворе партитуру. — Ла-лалала-ла-лала. Очень не дурно, я бы сказал очаровательно. Сегодня же разучу. У вас еще экземпляры есть?

— Нет, Ваше Величество, — ответил посол, на что король удовлетворенно кивнул головой.

— Слышал, мальчика жалеют и у меня при дворе, даже мои генералы, — Фридрих позволил себе улыбнуться. — А Миниха подставьте, чтобы Бестужев подумал на предательство фельдмаршала и что он работает на нас. Дальше работайте через Августу Фредерику и ее мужа-наследника Карла Петера. Девочка более своего мужа умна и хорошо, правильно, воспитана матерью. Давите на то, что их обманули. Уж не знаю, сколько дала денег своему племяннику Елизавета за отречение от Голштинии, но вряд ли больше ста тысяч. Будьте рядом, когда молодому двору понадобятся деньги. И напишите от моего имени письмо, где я называю Карла Петера рыцарем и выражаю свои родственные чувства, скорблю о потере Голштинии вместе с ним. Ходят упорные слухи, что Елизавете все чаще

пускают кровь, она ведет слишком неправильный образ жизни, чтобы долго жить и этот глупый мальчишка займет ее место. Конечно, Елизавета так же не способна управлять государством, как не может этого делать ни одна женщина в виду своей природной слабости, и за нее это делают мужчины, но то — ее команда, ее люди, а у Карла Петера таких людей нет и наша задача, чтобы и не было, или они были нашими людьми.

— Ваше Величество, на меня выходил один из лидеров шведской партии «шляп», которая ратует за бескомпромиссную войну с Россией до последнего шведа. Они, в очень завуалированной форме интересуются, как отреагирует мой король, если, вдруг, Карла Петера не станет. Швеция хочет максимально ослабить Россию. Не будет наследника и линия Петра Великого прервется, а в империи все держится на памяти к деду Карла Петера. Начнутся бунты... — фон Мандервельда прервал король.

— И Россия не сможет прийти на выручку к Австрии, Англия уже хочет подписать соглашения с нами, но ждет окончания войны, Францию с английским серебром в нашей казне мы разобьем, Дания не станет вступать в войну, Шведы так же помогут уже нам, — король задумался. — Знаешь, мой верный Аксель... если Екатерина понесет ребенка, я буду плакать по своему умершему племяннику Карлу Петеру, но, не сказать, что сильно...

..........*

Петергоф

1 августа 1746 года

С растрепанными светло-русыми волосами, что имеют рыжий оттенок летом, когда волосы, несмотря на головные уборы, немного выцветают, с неспасаемыми ниже плеч локонами, в цветастом халате, Елизавета сидела у зеркала. Императрица рассматривала, не скрывая уныния новые прыщи и морщины. Ей говорили доктора, что своим режимом государыня приводит к расстройству организма, нарушению обмена веществ, поэтому и появляются прыщи и новые морщины на лице женщины, которая не разменяла еще и пятый десяток.

В последнее время все больше проявлялось увядание некогда совершенной красоты. Дочь Петра Великого еще могла бы выглядеть хорошо, как и иметь лучшее здоровье, но образ жизни.... То до исступления придерживаться поста с поеданием одной капусты, то после вкушать большое количество жирной пищи, много сладкого, рваный распорядок дня с бодрствованием по ночам. Все это накладывалось одно на другое и болезни все больше начинали беспокоить женщину.

Сегодня она проснулась в два часа по полудни, и уже как несколько часов в соседней комнате ее дожидался любезный Ваня Шувалов, что не остался ночевать сегодня в покоях императрицы.

— Пусть войдет Ваня, — сказала Елизавета присутствующей подле нее несменной подружке — Марфуше, в замужестве с Петром Ивановичем, Шуваловой.

— Лиза! — с сияющей улыбкой в покои императрицы зашел Иван Иванович Шувалов.

— Ваня, что там еще? — сказала Елизавета, проявляя недовольство тем, что нужно выслушивать доклады о делах государственных.

— Вот, подготовил, как ты и велела, отчет о делах Петра Федоровича на Урале, — сказал Шувалов, хлопнув по папке ладонью.

— Ну, говори уже, да обедать пойдём, — сказала Елизавета.

— В сформированной Оренбургской губернии как полгода сложилось так, что управление переходило полностью к Ивану Ивановичу Неплюеву, но Василий Никитич Татищев с Оренбургской Комиссией заканчивал свою работу, и было не понятно кто кому подчиняется. Башкиры и казаки шалить начали, да киргизы за ясаком ходить на южный Урал, а Неплюев только формирует казачье войско, дабы войти в силу и твои интересы блюсти, — докладывал Шувалов.

— Ты про то, что делал, Петруша, рассказывай, то и так ведомо — край дикий, но Неплюев справится, — проявила нетерпение императрица. Ей было более важно, что именно сделал наследник и вообще, зачем он там был.

— Уложусь, матушка, быстро, — сказал Шувалов, поменял исписанный лист бумаги на другой, и продолжил. — При вспомоществовании Петра Федоровича заключен договор с башкирами, калмыками, казаками, Оренбургской Комиссией и Иваном Ивановичем Неплюевым. По сему договору, башкиры не требуют возврата отобранных у них недавно земель, но те помещики, что захватили земли, дают зерно башкирам, дабы те частью зерна платили налоги в казну, частью себе оставляли. Казаки не ходят на башкир, те не грабят торговых людей. Тако же по письму Неплюева видно, что Петр Федорович собирается помочь ему отодвинуть киргизов, что за ясаком ходят аж на двести верст от Яика на восток, дабы гору Магнитную обезопасить и посадить там голштинцев руду добывать. Да и Яик-река для торговли нужна, а киргизы учиняют там разбой. Для сего готов Великий князь послать свое потешное войско до дивизии под началом Петра Румянцева и Миниха который займется строительством засечных черт.

— Вот, Ваня, а мне говорили, что Петруша войско готовит, чтобы меня свергнуть. А оно, вона как — о державных вопросах печется. Али то не так? А, Ваня, бунта не будет? — в голосе Елизаветы прорезались металлические ноты властности.

Елизавета Петровна панически боялась бунтов и переворотов. Государыня никогда не спала больше трех дней в одной и той же спальне, часто замуровывали одни двери и прорезали иные, чтобы злоумышленники заблудились, в случае чего, очень скрупулёзно императрица относилась и к охраняемым ее гвардейцам, постоянно то одну, то несколько монет раздавая дежурившим солдатам и офицерам [исторический факт].

— Не вижу я, Лиза, что Петруша хочет тебя сместить. Ни единого слова, как я знаю и говаривал мне Ушаков, не сказал о тебе дурного, завсегда только и кажется, что ты добрая императрица. А войско то, что у него, так половина голштинцы, а другая — руссаки и они не помышляют ничего крамольного. Да и переселенных немцев нужно отправить на поселение, почему и не на магнитную гору? А там доброе железо, для России полезное вельми. А еще заказал он оружие в Туле, — Шувалов оторвался от бумаги и посмотрел на ту, в кого был влюблен уже давно, если это «давно» есть у мужчины чуть за двадцать лет. — Что скажешь, Лиза?

— Пусть так и будет, я крамолы не вижу, коли ты видишь, то рассказывай. Любой бунт со слов начинается, а Петруша, молчит, не примкнул ни к тебе, ни к Бестужеву. Гвардейцев не страшат, восхвалял меня на встрече с ними. Да, они теперь говорят, что наследник иной и стал добрым русаком, что даже Миниха так подмял под себя, что тот в слугах ходит у Петра. Были те офицеры, что почитали Миниха зело, а ныне считают, что Христофор Антонович поступился честью, и то на пользу моей короне. Я поговорю с племянником. Коли хочет и дале дела ладить, да войско учить, то повинен опорой моему трону быть. И еще Катька

родить должна, а то Петруша ездит, где татилютуют, рискует, — сказала императрица, собственноручно замазывая пудрой новый прыщик.

— Так тем и занимаются, с кровати не слезят, — улыбнулся Иван Шувалов. — А еще Петр поколотил Сергея Салтыкова.

— Ох, выходит кровь Петра Великого, тот был скор на расправу и жуть, как охоч до баб и этот туда же. Еще поплачете, коли кровь отца моего в силу войдет, — видя замешательство на лице, казалось, всеильного фаворита, императрица засмеялась, а, упокоившись, сказала. — Приведи Алексашку своего родственника, поговорю с ним, Ушаков все больше болеет, а работа Тайной канцелярии хиреет, пусть Алексашка покажет себя, сколько быть товарищем в Тайной канцелярии, пора и дела примать. Уже как почитай три года твой кузен частью замещает Ушакова, а все в силу не войдет, чтобы старику заменой быть, пора ему уже под начало Тайную канцелярию брать. А то ты мне доклады приносишь, что должен он нести, а у тебя много дел и без того, к примеру веселить императрицу. Весели меня, Ваня...

..........*

Ораниенбаум

Август-сентябрь 1746 года

В середине августа 1746 года Катэ, смущаясь, что было не свойственно женоушке, сообщила, что есть вероятность ее беременности. Для меня это новостью не было. Понимая насколько важно и для меня лично и для государства, истории и общества рождение ребенка, отслеживал женский календарь жены. Задержка в семь дней имела место, но это еще не столь информативно, как смена вкусов жены, не частый, но уже случающийся токсикоз, повышенная эмоциональность. Чувствую, дастся мне эта беременность, что и войну развяжу с кем, чтобы сбежать. Жаль, не отпустят.

Но, конечно же, я включил, глупого мужа, для которого беременность жены являлась неожиданностью. Вполне искренне я старался еще больше уделить внимания Екатерине, «гасил» вкусняшками взрывы эмоций, преподносил цветы, подарил красивое сапфировое украшение. Главным же подарком было то, что я окончательно закрыл все долги и жены и ее матери. Да и от себя лично увеличил содержание Екатерины с полагающихся тридцати тысяч в год от тетушки, до ста тысяч в год. Единственное, что просил, быть чуть скромнее, чем Елизавета в богатстве убранств туалетов, чтобы не провоцировать неудовольствие императрицы.

Двору мы сообщили, что ждем ребенка, только к концу августа на годовщину нашей свадьбы. Был устроен прием в Петергофе, где принимающей стороной были мы с Екатериной, а императрица в качестве самой почетной гостьи. Тогда я и прочитал пушкинскую «Полтаву» именно тот отрезок, что знал. Ломоносов прислал мне рукопись с его пометками — он нашел некоторые ошибки стихосложения. Еще раз для восприятия — ошибки стихосложения у Пушкина! Я был поражен, но не стал спорить. Между тем, ученый сказал, что некоторые свои постулаты в литературе пересмотрел именно благодаря мне, то есть неведомому всем людям этого времени Пушкину.

Елизавета была впечатлена виршем, особенно расчувствовалась после того, как я сказал, что в тот славный год у России было две виктории: полтавская и рождение Елизаветы и оба были великим благом для Отечества. За такое сочинительство моя личная казна пополнилась на пять тысяч рублей от расчувствовавшейся дочери Петра. Пусть и не

существенные деньги, но одновременно получить больше оклада полковника гвардии за два года, или оплату труда академика за три года, очень даже неплохо.

После приема мне пришлось вновь окунуться в дела, так как ответственные за многие направления люди, имеющимися у них средствами и возможностями, не справлялись с поставленными задачами.

Так, прибыло пополнение из нового рекрутского набора в Первый Воронежский егерский полк, который уже реорганизовывался в два полка, пусть еще не полной комплектации. Расселение людей, создание полковой кассы, поиск офицеров, оружие, обмундирование — много чего, с чем не справлялась, пусть и опытная и старательная команда егерского полка.

Денег егерям отсыпал, комплекты новой формы с шинелью и валенками, как революционными новшествами, как и «богатырьками-буденовками» предоставил по численному составу, недешево это обошлось мне на текстильных фабриках Петра Ивановича Шувалова.

Я посчитал, что форма российской императорской армии варианта 1917 года, в которую большевики одели формирующуюся Красную Армию, может своей сказочной экстравагантностью немного нивелировать то недоумение, которое будет вызвано введением шинелей и болотного цвета формы. В этом времени красная форма пехотных частей англичан считается красивой и правильной, яркая сине-желтая шведов и пруссаков — так же визитная карточка Фридриха. Русская форма в зеленых тонах была менее яркой, но недостаточно, чтобы сбивать прицел противнику, к примеру, в поле или лесной зоне. Но я был готов к критике настолько, что просто решил ее игнорировать. Достаточно было убедить своих командиров, что попасть в яркий мундир англичанина намного проще, чем в одетого в нейтрального цвета одежду русского солдата.

Другой проблемой, которую целиком на меня кинули, стали голыштинские, и не только, переселенцы. Европа полыхала войной, пусть еще предстоит в недалеком будущем более кровопролитная бойня, но и сейчас хватало людей, которые искали убежища. Когда уже многие семьи отчаялись, а вольный город Киль объявил, что больше людей не в состоянии принимать, жители Голштинии узнали, что их зовут в варварскую страну и обещают кров, работу и еду. Оказалось, что этого уже не мало.

Я же еще через Евреинова просил англичан, которые торговали с Россией, чтобы те приглашали к нам моряков и солдат. За каждого человека обещал плату в рубль, а если рекрут еще и имел специальность, будь то морскую, или сухопутную, то и по две полновесных монеты дам. В Англии идет уже на спад жестокое противостояние властей и якобитов, которые жаждали посадить на трон короля из Стюартов. Это движение переросло в национальное противостояние англичан с шотландцами и ирландцами, поэтому в английском флоте сейчас серьезное брожение. Оттуда и хотелось бы заполучить многоопытных моряков, что и до Америки и до Индии хаживали. Вот при всем моем уважении, но русский матрос здесь и сейчас проигрывает английскому. Уже потому проигрывает, что из лужи в Балтийском море русские корабли и не выходят почти что, если только не сообщаются с Архангельском.

И вся эта свора устремляется в Россию, в основном в Петербург. Конечно, на меня возложили заботу о голыштинцах, но к ним примешивают толпу иных, рассуждая «а кто разберёт тех немцев». Этими вопросами пока занимается Миних и я озадачил Бернхольса они и будут заниматься проблемой переселения и строительства временного жилья, пока

Христофор Антонович не отправится в к горе Магнитной, чтобы там проинспектировать крепость и наметить строительство других опорных пунктов обороны. Те богатства должны разрабатываться и горе тому, кто решит озорничать на Юге Урала.

Всего из Голштинии прибыло без малого двадцать тысяч человек за полгода и это очень много. Да, среди этой массы вполне немало нужных людей. Получается даже укомплектовать из голтшинских переселенцев формирующуюся дивизию докторами после того, как они пройдут курсы у медиков егерей, те уже используют хлебное вино или уксус и чистят раны. А так же следят за санитарией, принимают карантинные меры и понимают пользу применения сублимированного угля при кишечных инфекциях.

Были среди голштинцев и представители других профессий — мельники, кузнецы, лавочники, ткачи и портные, кожевенники, плотники. Тут сложнее, но не думать же обо всех наследнику престола российского. Мое дело создать систему и дать денег. Я так и поступил. Теперь все беженцы, конечно, без принуждения и обязательности, поступали в распределительные лагеря, где осматривались врачами, получали временное жилище и питание, демонстрировали свои умения, если того требовалось, после распределялись в Люберцы к Абрамову, который там немало мелких производств осваивает. Кого и на сахарные заводы отправляли, часть шла на работы по строительству военных городков. Образованные учат в этих лагерях более-менее образованных, пытаемся вычлнить способных, чтобы позже реализовать ряд проектов по учебным заведениям для иностранцев, пока их поток большой. Благо, Бестужев исполняет мои пожелания по чуть ли не насильственному перемещению профессорского состава Кильского университета в Россию. Пока часть из них живет в реквизированном доме Миниха на Васильевском острове. Часть беженцев рекрутируем и в армию, признаться — большую часть.

А вокруг сплошной бардак... Кстати, я был шокирован — в России, не знаю как у других, нет понятия государственного бюджета. Спроси хоть кого из приближенных к императрице, сколько государство зарабатывает и тратит, и все цифры будут с потолка и у каждого чиновника разные. Ни планирования, ни отчетности. Вроде бы Миниху приписывают слова о том, что Россией управляет лично Бог, иначе невозможно понять, как она существует. Частично, верю, что это так.

Пятого сентября вечером в Ораниенбаум прибыли на захудалом выезде и без сопровождения два моих старинных товарища. Ну, как моих — друзья детства Карла Петера, но привязанность к одному из прибывших я испытал настоящую. Это были Христиан Август фон Брокдорф и камер-юнкер Адлерфельд. Из нахлынувших воспоминаний, я ощутил обиду на Брокдорфа, что тот не поехал со мной в Россию, что оставил наедине с диктатором Брюммером. Теперь же я совладал с эмоциями и не стал сразу же выказывать свое благоволение к голштинцу.

Передом мной стоял рыжий, из-под парика виднелись волосы, высокий, с маленькими, впалыми глазами, мужчина, и источал радость от встречи.

— Я так же рад видеть Вас, Брокдорф, но намерен спросить. От чего Вы только сейчас соизволили прибыть ко мне? — сказал я вынужденно на немецком языке, некоторая неприветливость обращения смела улыбку с лица Брокдорфа.

— Ваше Высочество, я следом за Вами устремился в Россию, но обер-гофмаршал Брюммер выпросил у вице-канцлера Воронцова бумагу, чтобы меня развернули в Риге и не пустили далее, в Петербург. Я был вынужден вернуться в Киль [исторический факт]. Теперь Брюммер сбежал, говорят, отправился к Вашему дядюшке — королю Швеции и я тут, пред

Вами, — Брокдорф изобразил поклон, чего в нашем общении ранее не наблюдалось.

В моем детстве этот персонаж играл большую роль. Не имея друзей и даже приятелей, я принимал за таковых личностей, похожих на Брокдорфа. Меня могли унижать, как это сделала некогда мать, казалось бы друга Христиана Августа, могли меня и игнорировать, подшучивать. Теперь же я наследник российского престола и вот он, Брокдорф, готовый верой и правдой служить. А готов ли?

— Милостивый государь, сегодня прошу Вас быть моим гостем, вам подготовят покои. Завтра же, если желаете мне служить, последуете в лагерь, где обретаются наши соотечественники из Голштинии и проконтролируете, чтобы у них была крыша над головой и еды предостаточно, кабы не издохнуть от голода. Даю Вам две тысячи рублей на сие. После отправитесь в Москву с таким же поручением, далее в Нижний Новгород. Ваши задачи помочь выявить ремесленников, рекрутировать моряков и солдат, кто вообще имеет понятие о службе и морском деле. Справитесь, будут еще важные поручения, — сказал я и показал рукой следовать за мной.

— Ваше Величество, признаться, я ожидал иной прием, привез отличного рейнского вина... — не смирился со своей участью собутыльник из детства.

— Нет, сударь, теперь я наследник и работы много, особенно после того, как родная Голштиния захвачена датчанами. Впрочем, вы вольны принимать решения, — ответил я и не дожидаясь реакции последовал во дворец.

Брокдорфу ничего не оставалось делать, как последовать за мной и после согласиться поработать. Несмотря на ощущения привязанности к этому человеку я помнил и то, как он наливал мне вина, восьмидесяти летнему мальчику, как смеялся с того, как неловок я становился, и даже тошнил. Однако, я и знал, что Брокдорф был образованным человеком. Кроме того, нахлынули и уже забытые ощущения того меня, которого убили и я вспомнил, что Брокдорф, появившийся при мне значительно позже, чем в этом варианте истории, являлся умным человеком и преданным до конца. Он тогда единственный, кто увидел перспективу екатерининских интриг и всячески ограждал меня от этого, даже способствовал смещению Бестужева, который поставил в своей игре на Екатерину Алексеевну, но Елизавета временно поправилась от смертельной болезни, разрушив планы канцлера. Посмотрим, время покажет, как и работа Брокдорфа.

***

Стокгольм. Швеция

10 сентября 1746 года

Брюммера не отпускала ярость. Вот, казалось бы — такие сильные эмоции не могут существовать в человеке долго, но тут случилось исключение, или патология с диагнозом психического расстройства. Обер-гофмаршал и наместник в герцогстве Голштинии был уверен, что именно Карл Петер Ульрих спровоцировал захват Данией герцогства. Он и продал родину, он и подписал за тридцать серебряников уничтожающий и унижающий достоинство любого дворянина договор.

Брюммер не осознавал того, что он сам практически продал Голштинию Швеции, и был готов отдать ее прусскому королю Фридриху, если бы Адольф Фредерик — дядя Карла Петера не захотел брать себе ношу в виде герцогства, но только не датчанам. Вот отдать

Дании — предательство, отдать Швеции или Пруссии — это правильно, только чтобы громить датчан, чтобы не русским, которых Брюммер патологически ненавидел. Обер-гофмаршал уже несуществующего герцогства не хотел замечать величественной и изящной планировки Петербурга, его чистые европейские улицы, его строго отведенные места для рынков, масляное освещение Невского проспекта, великолепия Петергофа. Все это не важно, Россия все равно дикая страна, с невежественными людьми. Это он внушал и безрезультатно Карлу Петеру Ульриху, подтверждение подобных утверждений он требовал и от окружения наследника престола российского [Это, судя по источнику, было именно так, кроме того, как писала Екатерина Великая, быть русским в Голштинии было просто опасно, могли только за это убить].

И гофмаршал был не одинок в своих суждениях — четверть офицеров бывшей гольштейнской гвардии разделяли мнение Брюммера, ненавидя то большинство, которое либо преобразовалось в гвардию города Киля, либо направилось в Россию. Что интересно, к Фридриху Прусскому пойти на службу решились единицы, мало кто из солдат и унтеров захотел идти в «палочную» армию и осматриваться на шпицрутен в руках вышестоящего офицера.

Брюммера, как и многих «непримиримых» приютила Швеция, воинственная партия «шляп» старалась хоть в мелочах, но гадить России, прекрасно осознавая, что полномасштабная война была чревата новым поражением. Поэтому встреча заговорщиков и была назначена в пригороде Стокгольма, в трактире «Кабанье ухо».

— Гюнтер, кто из тех офицеров, что записался в егерский полк Предателя, все еще верен Голштинии и Шлезвигу? — спросил у бывшего гвардейского майора герцогства опальный Брюммер.

— Есть люди верные. Обер-вахмистр Бредель и его лейтенанты идейные люди. Они хотели идти в армию короля Фридриха, но оказались отрезаны от дорог и приняли бой с русскими, потом бежали в Киль и оттуда отправились как частные лица в Россию. Я уже связался с ними через прусского короля, который помогает нашим офицерам, обустроится, уже в России вербуя в свою армию некоторых из них. Если на то будет воля, они выполнят любой приказ и готовы после бежать в Швецию, — ответил Гюнтер, ныне подполковник формирующейся дивизии наследника Петра Федоровича, который некогда командовал полком в голштинской гвардии.

— Я отправляюсь в Россию и оттуда покараю Предателя. Это король Фридрих еще может заблуждаться на счет ублюдка, я же общался с ним и видел те перемены, которые в нем произошли после оспы. Это страшный дьяволенок, предавший и веру, и отцовское наследие, выродок русской принцессы ненавистной Анны, которая так удачно умерла, когда Предатель был еще младенцем, — расплылся в ругательствах Брюммер.

— Я буду рядом, как и мои самые верные люди, среди них есть те, кто хорошо стреляет из прусского штуцера. Мы убьем Предателя и ослабим Россию, — вторил Гюнтер.

— Линия Петра Великого и его жены-кухарки прервется и в самой России найдутся горячие головы, чтобы освободить Брауншвейскую семью и истинного императора — Ивана. Тогда будет бунт и елизаветинская империя ослабнет настолько, что и шведы возьмут отнятое у них после Северной войны, а мы будем в одной колонне с войском шведского короля Адольфа Фредерика.

Дорога от Ораниенбаума до
расположения егерских полков
25 сентября 1746 г. 9.12 утра.

— Петр Федорович, — обратился ко мне Кондратий. — Ночью и на рассвете возле дворца были замечены солдаты.

— Кто? — насторожился я.

— Мы отследили их, они ушли в сторону военного лагеря егерей, были в ихних мундирах, — ответил казак.

— Почему не взяли? — задал я резонный вопрос.

— Их было три десятка, если бы брали, то могли и прибить ненароком, — пожал плечами опытный пластун.

— Или сами получили бы по сусалам, что тоже не хорошо, — я задумался. — Глупо со стороны Румянцева так оплачивать за наше озорство в его лагере. Три десятка солдат без должной подготовки не могут оставаться скрытными. Странно, но вполне нормально в современных реалиях. Но все равно нам нужно ехать, так что заедем к Петру Александровичу Румянцеву и спросим за этих солдат, тем более, заодно отвезем им новые клинки, что по моему заказу сладили в Туле, пусть оценят.

Ехать в военный городок мне пришлось в карете, я направлялся в Петрозаводск на тамошний завод, чтобы посмотреть станочный парк, да и договориться о заказе на фузеи. Завод этот, насколько я знал, выполнял заказ от императорской армии и не имел достаточных мощностей для увеличения изготавливаемой продукции, но в связи со скорым походом на Южный Урал, я хотел попробовать уговорить заводское руководство поработать сверхурочно.

— Драгуны в дороге будут? — спросил Кондратий.

— А тебе что, некому морду набить? Помню я твои битвы с ними еще на Урале, — я усмехнулся. — Возьми два десятка донских казаков, что живут у дома, присланные неделю назад для обучения, пусть развеются, да в дороге проверим, кого нам прислали донцы, добрые ли вои.

Через полтора часа я поцеловал Екатерину и отправился в Петрозаводск с заездом в военный городок. К Катэ с утра приехал медикус из-за участившихся токсикозов, чтобы пустить кровь, и она чувствовала себя не сказать, что хорошо. Я был против лекарств от токсикозов, считая, что это не причина напрягать организм сомнительными медикаментами, но Катэ выпила какую-то микстуру, и ей полегчало. Провожала меня будущая мать моего ребенка, словно на войну. Так и хотелось залихватски вскочить на коня, лихо на нем крутануться и в галоп, бить супостата. Но я сел в карету, чтобы проехать пять километров до военного городка, а там, свернув на дорогу, ведущую к владениям Голицыных, выйти к тракту на Петрозаводск.

— Петр Федорович, — обратился ко мне все тот же сегодня особенно назойливый Кондратий, когда мы отъехали километра на полтора. — Зарядите пистолы и штуцеры, что в карете в сундуке.

— Ты что-то заметил? — немного взволновано спросил я, но волнение быстро уступало место хладнокровию и готовности.

— Прости, Ваше Высочество, прикажешь выпороть опосля за дурость, но заряди пистолы и штуцеры, — волнуясь, переходя на «ты» сказал казак.

Я не стал его одергивать и напоминать грубияну казацкому, что я это я, а просто стал делать то, что он сказал. Еще в прошлой жизни привык к тому, что охрана на выезде всегда главная, это ей отвечать за мою тушку. И если казак чувствует опасность, то поверю в это. Не в моем случае переноса во времени и слияния сознаний говорить об материализме и предрассудках.

— К бою! — закричал Кондратий, а ко мне в карету с двух сторон быстро запрыгнули двое казаков, которые бесцеремонно повалили мою ценную тушку и прикрыли своими телами.

Я не шевелился, только сгруппировался для минимизации болезненных ощущений от тряски кареты. Вот приеду из Петрозаводска займусь рессорами и варкой резины из одуванчиков, чтобы обшивать ею колеса.

Карета резко встала, с чего я заключил, что кучер убит или сильно ранен. Выстрелы стали особенно частыми, крики ржание лошадей, несколько пуль попали в карету. Я не сразу заметил, что один из казаков, Никифор, начал постепенно заваливаться на бок, раскрывая меня.

— Степан, выходим из кареты, залезаем под ней. Есть три заряженных штуцера, пистолеты забираем и мои и Никифора. Быстро, нас тут просто перестреляют, как зайцев! — прокричал я, уже готовясь открыть дверцу.

Вот приеду из Петрозаводска и сделаю карету с железными листами внутри обшивки. Приехать бы...

Выбраться из кареты удалось споро. Это не то время, когда наведенный пулемет не давал бы шанса и дернуться, тут стреляют чаще всего «в ту степь», редко попадаются действительно хорошие стрелки, особенно штуцерники. Я скинул, предварительно завернутое в шпору, оружие и сполз сам, потом перекрутился и оказался под каретой. Подтянув увесистый сверток, начал его разворачивать, как был оглушен — Степан разрядил штуцер, который он прихватил из кареты. Тогда я понял, что идея отстреливаться из-под кареты — это отголосок сознания Сергея Викторовича Петрова, так как глупо не понимать, что после выстрела штуцера мало того, что громко и уши закладывает, но и дым от сгоревшего пороха просто осел там, где мы и находились, а не развеялся ветром, в небольшом пространстве под каретой было дымно. Стрелять было невозможно, а ждать десятки секунд, пока дым под каретой все же развеется не продуктивно.

Готов ли я вылезть из укрытия и участвовать в разворачивающемся бою? Если задаваться этим вопросом, размышляя, сомневаться, то — нет! А убрать сомнения...

— Выходим! Пистолеты товсь! — скомандовал я, под возражения Степана.

Казак делал свою работу, но и перечить не брался, такую ситуацию мы не прорабатывали, а надо бы.

Отползти от дыма, привстать на колени, осмотреться.

— Ешкин кот! — сказал я и быстро подтянул штуцер.

Прицелился я в набегающего в форме Первого Воронежского егерского полка солдата, который со звериным оскалом и с обнаженным тесаком бежал котбивающемуся от двоих солдат казака. Выстрел! Есть. Первая жизнь, забранная мной в этом мире. Признаться, в другой жизни бывало всякое, но и хладнокровным убийцей я не был никогда.

Встаю, извлекая из ножен рапиру — этот вид холодного оружия, более лёгкий, я предпочитаю шпаге. Больше церемониальное оружие идальго, но выбирать не приходится. Ноги сами ведут меня в эпицентр схватки. Противник имеет численное преимущество перед

нами, может, вдвое, но тенденция на нашей стороне — тел нападавших значительно больше, чем убитых казаков. Но, черт побери, есть двухсотые и с нашей стороны!

Пистоль в левую руку. До первого противника метров сорок. Меня заметили, и три человека с тесаками бегут навстречу, один из них останавливается, подымает руку с пистолем и, практически не целясь, стреляет. Треуголку сметает с моей головы. Выстрел! Это уже я не промахиваюсь и выключаю из схватки одного противника. Слева от меня звучит еще один выстрел — Степан, стоящий рядом разряжает один из своих пистолей.

Тем временем уже с десятков нападавших — все оставшиеся, кто мог выйти их своих схваток с казаками, бегут в мою сторону, может, и правильным было прятаться... Трое нападавших спешно перезаряжают свои ружья. Выстрел! Это Степан разрядил второй свой пистоль в одного заряжающего фузею. Все правильно — нельзя допустить, чтобы нас расстреляли с расстояния.

К нам бегут и казаки, которые либо оставили своих противников, либо поспешили закончить свои поединки ранением нападавшего. Они не успевают. Можно было бежать, пытаться вскочить на одного из двух коней, которые остались нетронутыми после начала боя и не испугались грохота выстрелов, но я не собираюсь показывать свою спину. Холодная решимость убивать.

— Я уже умер, меня смерть боится, — прокричал я, принимая на рапиру выпад первого противника.

Простейший отвод клинка, как учил еще Брюммер, отклонить туловище, перенести вес тела на левую ногу, выпад. Первый готов — клинок вошел прямо в сердце. Выстрел! Опять Степан разрядил пистоль. Где он их столько набрал? Ну да — это еще Никифора пистолы. У меня так же за поясом висит еще один заряженный пистоль, но я его пока поберегу.

Беру на свой клинок тесак противника, который направлен прямо мне в голову, по касательной его отвожу, чтобы не остаться с обрубком рапиры и резко отбиваю уже другой удар. Рядом саблей рубится Степан и уже одного нападавшего отправил в ад.

Уклоняюсь, чуть отвожу тесак противника, делаю шаг и оказываюсь с боку и чуть сзади солдата, тем самым прикрывшись его телом от троих напавших. Прогремел выстрел и мой еще секунду назад живой щит из солдата, становится уже и не живым и не щитом. Быстро колю подставившегося нападавшего в плечо и наотмашь рассекаю своим клинком лицо еще одного. Краем глаза замечаю, что в схватку вступили оставшиеся казаки, которые добежали-таки до кареты. Но, отвлекшись, не успеваю среагировать на устремившийся к моей голове тесак.

— Предатель, умри! — прокричал до боли знакомый голос Брюммера.

Уже заваливаясь, вижу, как раненый в руку Кондратий отбивает своей саблей очередной удар обер-гофмаршала, который должен был прекратить мою жизнь. Брюммер колет кинжалом в правое плечо казака и тот становится беззащитным, не могущим уже держать саблю в руках, так как обе верхних конечности были повреждены. Тут же летит горсть песка в глаза Брюммеру и тот теряет динамику атаки и пропускает рубящий удар уже сабли Степана. С рассеченной грудью обер-гофмаршал уже несуществующего герцогства заваливается и погибает за свои идеалы, свою правду или еще за что-то...

Темнота и я лечу...

* *

Петергоф

25 сентября 1746 г. 13.30

— Матушка, вставай государыня, Елизавета Петровна! — кричал ворвавшийся в покои императрицы Алексей Разумовский.

Он прибыл в Петергоф по повелению императрицы, но, даже зная, что Елизавета ранее двух часов по полудню не проснется, приехал с самого утра. И, когда прибежал посольный со скверными новостями, он, так долго находившийся подле Лизоньки, уже стал давать распоряжения и Алексея Григорьевича слушали.

— Что случилось? — спросила заспанная Елизавета. Она даже сразу не сообразила, что рядом не Иван Шувалов, а Лешка Розум.

— На Петра Федоровича напали, был бой, — сказал Разумовский, помогая приподняться императрице.

— Что? Где? Кто? Что гвардия? — все страхи Елизаветы накрыли ее с головой.

Вот так и она в ноябре 1741 года, только не днем, а ночью, пришла к спящей императрице Анне Леопольдовне и сказала: «Вставай, сестрица!» и взяла тогда Елизавету власть в свои руки. Кто придет сейчас? Но рядом Разумовский, ее певчий мальчик Алеша. А топота гвардейцев не слышно. Тогда взять себя в руки и идти царствовать.

— Быстро платье! — грозным металлическим голосом прокричала императрица, и Алексей вздрогнул — он уже забыл, что Лиза может быть такой.

— Ваше императорск... — начала было говорить фрейлина императрицы, которая сегодня дежурила у покоев Елизаветы, но была резко остановлена.

— Сегодня, пока не появится ясность, меньше слов, больше дела! Усилить присутствие гвардии в Петергофе, поднять все полки. Если будут бунты в Петербурге давить нещадно. Тайно вывести из Шлиссельбурга затворника Ивана и под усиленной охраной направить его в иную крепость, — императрица резко посмотрела на Разумовского. — Что стоишь, Алексей, делом займись!

Разумовский выбежал из покоев императрицы, пока даже и близко не представляя, что именно ему делать. Уже у фонтанов, где и стояла его карета, он встретился с запыхавшимся Иваном и Петром Шуваловыми. Оба фаворита бывший Алексей и нынешний Иван обоюдн наградили друг друга резкими ненавидящими взглядами, но более деятельный Петр Шувалов не стал обострять и спросил:

— Как она, уже знает?

— Да, повелела гвардию подмать, — ответил Разумовский.

— Уже. Преображенскте выдвинулись к Ораниенбауму. Нападение было со стороны егерского полка. Граф Александр Румянцев, как и его жена Мария пока взяты под охрану Тайной канцелярией до выяснения роли их сына Петра Александровича, который командует егерями. В город входят уланы, семеновцы и ингерманландцы берут под охрану Петербург, Кронштадт готовит корабли к выходу и поднят по тревоге гарнизон, — Петр Шувалов посмотрел на Разумовского и что-то для себя решив, сказал. — Алексей Григорьевич, не время лаяться. Мы все ей нужны. Она сейчас одна, она боится. Бери Ивана, и идите к Лизе.

И Разумовский понял, что Шувалов прав, что все повеления императрицы уже выполняются и без его участия. У Лизы есть опора. И она сейчас там одна...

— Затворника повелела перевезти тайно в иную крепость, — сказал Алексей Разумовский.

— Шуринов! — прокричал Петр Иванович и как из-под земли появился человек в штатском, но явно военной выправки. — Ты слышал? Реши вопрос, но затворник должен

жить. Вот бумага, сейчас подпишу и с ней к брату моему Александру Ивановичу на подпись, он поможет организовать все тайно.

Петр Шувалов подписал уже заполненный бланк и отдал Шуринову, который быстро побежал к лошади, бывшей в метрах ста, лихо вскочил на нее и бросил кобылу в галоп.

— Я послал своих людей в Ораниенбаум, туда же выехал Бестужев и Апраксин. Преображенцы и лейб-драгуны шли убивать егерей, которые напали на наследника. Нужно остановить бойню и разобраться, чем займется канцлер со своим соратником генералом Апраксиным, а мы нужны Елизавете, — Шуваловы направились в сторону дворца, за ними пошел и Разумовский.

***

Ораниенбаум.

25 сентября 1746 г. 14.40

— По какому праву, сударь? — разъяренная Екатерина Алексеевна встретила на крыльце дворца в Ораниенбауме полковника Петра Александровича Румянцева.

— Мы должны Вас защитить, Ваше Высочество. Его Высочество Петр Федорович ранен и доставлен в полковой лазарет. Полк поднят по тревоге и перешел на военное положение. В лесу наличествуют банды рекрутов, которые в том числе напали и на Вашего мужа. Вероятны нападения и на Вас. Петру Федоровичу ничего не угрожает. С ним кроме роты Суворова, казаки, что остались в живых и не ранены, — докладывал Румянцев.

Екатерина почувствовала боль, причем не только физическую внизу живота. Она ощутила крайне болезненные эмоции, понимая, насколько боится потерять Петра. И не только потому, что он являлся залогом и ее безбедной жизни Великой княгиней, но и потому, что... Любит?

— Выпейте Екатерина Алексеевна, — с чудовищным акцентом сказал приехавший на осмотр беременной жены наследника престола доктор-немец.

— Извольте отпить, сударь, — Румянцев заслонил собой Великую княгиню.

— Но я есть не беременный, — стал возражать медикус, но поняв в чем дело, соорил крайне недовольную мину на лице, но отпил горькой настойки, показывая, что не имеет намерений отравить Екатерину.

— Подождите немного, Екатерина Алексеевна, и пейте, — сказал Румянцев, наблюдая за реакцией немца-медикуса.

— Господин полковник, к Ораниенбауму приближается не менее двух полков. Это лейб-драгуны и преображенцы. Идут рваной колонной, дальний пост снялся и занял позиции у левого крыла дворца, — доложил Румянцеву дежурный офицер.

— Первый залп вверх, потом на поражение. Направьте сообщение в лагерь, пусть выдвигают артиллерию, — быстро и, не колеблясь, принял решение Румянцев.

— Петр Александрович, Вы собираетесь стрелять в гвардейцев, которые пришли спасти Петра Федоровича? — возмутилась Екатерина.

— Ваше Высочество, не понятны намерения гвардейцев. Мы не знаем, что именно происходит, какая сейчас ситуация в Петербурге, поэтому, будучи верными императрице, обязаны всеми силами и средствами сохранить ваши жизни, — сказал Румянцев и не видел, как преображается милая и угодливая молодая привлекательная женщина в жесткую и бескомпромиссную Великую княгиню.

— Не смей меня задерживать, сударь, примените силу и я не прошу Вам никогда, я Великая княгиня и жена наследника престола, будущая императрица, и будущая мать наследника. Дорогу! — ледяным голосом, пронизывающим до костей произнесла Екатерина и Румянцев замялся.

— Екатерина Алексеевна, позвольте, — Тимофей Евреинов, находящийся в соседней комнате, но прекрасно слышавший и умевший анализировать ситуацию, решил прийти на помощь жене наследника.

Еще ранее при разговоре с Петром Федоровичем, тот научил Евреинова тайному знаку — подмигнуть. Это могло означать как «подыграй мне», так и многое другое, но только тайный знак на то и тайный, чтобы сообщить нечто, не предназначенное для посторонних глаз и ушей. И Петр Федорович говорил, что только очень близкие люди, в числе которых он назвал и Екатерину Алексеевну, знают о знаке.

— Да, Тимофей Григорьевич, пойдёмте, — Екатерина была слишком сообразительна, чтобы отреагировать на тайный знак быстро и правильно.

Может Румянцев и проявил бы настойчивость и не отпустил Великую княгиню с Евреиновым, но на авансцену вошло еще одно действующее лицо.

— Арестуйте меня! Это моя вина в том, что произошло, — сказал Христофор Антонович Миних.

— Черных, арестуйте! — приказал полковник Румянцев, решивший за лучшее арестовать, а уже после дознаваться за что.

Миних сейчас проживал во флигеле дворца и слышал выстрелы вдали, но когда он поспешил на звуки, уже было поздно, и егеря спешили во дворец. Туда же направился и опальный фельдмаршал, но пришлось делать крюк, чтобы не попасться бегущему авангарду Воронежского полка и проникнуть во дворец первым. Однако, преимущество быть конным не помогло, быстро бегали егеря. И, когда Миних приблизился ко дворцу, там уже стояло оцепление. Гордо, независимо и властно, фельдмаршал спешился и направился к покоям Екатерины Алексеевны. Никто не посмел остановить русского немца в мундире генерал-майора и он спокойно добрался до жены наследника. Чтобы что?

А для того, чтобы повиниться. Дело в том, что еще вчера утром к Христофору Антоновичу прибыл его знакомый человек, дальше больше, ранее бывший соратником, сейчас же пребывающий порученцем у Манштейна — его, Миниха адъютанта. Дружеская беседа за бутылочкой вина, потом еще за второй и третьей бутылкой рейнского. После передача Бурхарду Кристофу аж пятнадцати тысяч талеров, якобы от Манштейна, который не может жить спокойно, когда знает, что его бывший командир нищенствует. Такие жесты были не похожи на бывшего адъютанта, но Миних не насторожился, он вообще отвык от интриг и лжи.

И только сегодня Христофор Антонович понял, что это он рассказал, что Петр Федорович собирается ехать в Петрозаводск и после посещения егерей, где думал взять еще роту сопровождения. Так думал Миних, но наследник не думал о роте усиления. Если бы заговорщики узнали, что Петр Федорович будет без сильной охраны, то лучше бы напали по дороге в Петрозаводск. Однако, они резко меняли планы и в этом был «виноват» Миних, проболтавшийся своему бывшему соратнику о наследнике, которым начинал восторгаться, особенно во хмели.

Так что Миниха уводили под конвоем.

— Идемте, Екатерина Алексеевна. Не нужно Вам ссориться с полковником, он все

правильно делает. И я не уверен, что мы благоразумно поступим, выходя из дворца, — бурчал Евреинов, провожая Великую княгиню через скрытый ход, о котором могла знать только прислуга, так как эта дверь использовалась для хозяйственных нужд, вдали от господских глаз.

— Господин Евреинов, Вы забываетесь! — было начала Екатерина указывать на место ближнему помощнику мужа, но поняла, что это не справедливо, да и не выполнил до конца Тимофей задуманное ею, а что, если он передумает выпускать ее из дворца и сошлетя на волю Петра Федоровича. Однако, нет, Тимофей был сегодня явно не в своем уме.

Выйдя во двор, Екатерина обнаружила два коня, причем седла были мужские на обоих, а она в женском платье, не предназначенном для верховой езды ну никак.

— Простите, но вход на конюшни, где можно было взять женское седло, перекрыт солдатами, — понял заминку Екатерины Евреинов. — Ох и попадет мне от Его Высочества!

— Спасибо, Тимофей Герасимович. И вы же знаете, что я тайком езжу на коне по-мужски. Нет? Тогда знайте, — сказала Екатерина и вставив в подставленные ладони свою ножку, взобралась на скакуна неприлично задирая платье.

Следом не сильно умело, но решительно сел в седло Евреинов. И они направились к выезду с территории дворца.

— Стоять, не велено выпускать никого! — закричал капрал плутонга, дежурившего на дороге, ведущей в Петербург.

— Дорогу жене наследника российского престола! — во все горло закричал Евреинов и солдаты, еще не забывшие раболепие перед барями не посмели препятствовать тем, кто всем своим поведением говорил, что имеет право отдавать приказы.

Еще два заслона егерей Екатерина в сопровождении Евреинова проскочила без проблем. Эти солдаты были заняты скорым приготовлением к сражению и знали, что дворец оцеплен и, если кто с той стороны и скачет, значит имеет дозволение командования.

Через две версты Екатерина заметила пыль, которая подымалась от движения большого количества людей и лошадей. Не колеблясь, повинувшись не расчету, а наитию, некому сверхчувству необратимости исполнения своего долга, та, которую один человек звал... зовет Катэ, загоняла лошадь, чтобы успеть остановить кровопролитие. Екатерина знала — преображенцы и лейб-драгуны полюбили ее мужа, и они не остановятся. Она не верила в предательство гвардии, как и знала о преданности воронежцев. Некие ряженные попытались убить Петра и, вероятно, пользуясь неразберихой, устроить побоище всех со всеми. Вот сейчас прольется первая кровь и уже будет неважно абсолютно все, начнется побоище. Скорее всего, воронежцы выстоят, но чтобы не говорили про гвардию, она все еще дерзкая и сильная.

Вперед выскочил, неожиданно для Екатерины, Евреинов, которого в седле шатало со стороны в сторону, и он чудом удерживался, но коня выбрал Тимофей более резвого, специально для возможности обогнать Великую княгиню.

— Ее Высочество Великая княгиня, жена наследника престола российского Петра Федоровича Романова! — кричал Евреинов, при этом он закрыл глаза, так как страх сковывал весь организм, а с закрытыми глазами, вроде как и не страшно лететь на обозленную и решительную гвардию.

В торговле, управлении — да, он был смел, мудр и прозорлив, тут же практически побоя и он боялся, но исполнял свой долг. Евреинов отыграл у Екатерины Алексеевны полверсты и в случае того, если гвардия шла убивать наследника и его жену, Екатерина

успеет развернуть свою лошадь и будет иметь шансы спастись.

Драгуны притормозили, но не остановились, продолжая движение. Вдали у дворца послышался залп из фузей, который предупреждал о решимости егерей идти до конца. Бесформенная масса гвардейцев скоро превращалась в стройные две линии по четыре стрелка в ряд, по флангам располагались драгуны. Многие с интересом смотрели на приближающегося странного всадника, конь которого свернул чуть в сторону, а всадник как будто не реагировал на изменение курса.

Между тем приблизилась валькирия. Гвардейцы не сразу признали Великую княгиню, да и как признать, находясь в таком шоке. Женщина мало того, что сидела в седле, как мужчина, так и оголила чуть выше колен очень соблазнительные ножки. А еще она была простоволосая, и по мере приближения все больше казалась прехорошенькой. Такое впечатление многие мужчины-гвардейцы пронесут через всю свою жизнь.

— Знаете ли Вы меня, гвардейцы? — покричала Екатерина, и в уже выстроенных рядах преображенцев началось какое-то брожение. — Я пришла сюда, дабы не допустить кровопролития православного. Муж мой жив и сейчас в лазарете егерей, Румянцев защищает меня. Он не враг, но союзник.

— Так чего за юбкой прячется, командир потешный? — выкрикнул кто-то из гвардейцев и моментально получил по лицу от соседа справа, а потом и от соседа слева в глаз несдержанного горлопана прилетел кулак.

— Не прячется он, я сбежала, но муж мой узнает о словах твоих. Петр Федорович ваш командующий, я подполковник и приказываю вам, преображенцы, остановиться, лейб-драгунов прошу сделать тоже самое, — сказала Екатерина столь величественно, что гвардейцы прониклись. Многие из которых еще не забыли, как на руках вносили на престол Елизавету Петровну, какие эмоции в тот момент в них бушевали, как чувствовали себя всемогущими сотрясателями империи, они были готовы так же внести на трон и эту милую, притягивающую к себе немку, такую сейчас желанную. Но гвардейцы не поддались глупому порыву, они хранители трона, они русский парламент, избирающий императоров, выбор сделан.

Десять командиров — от секунд-майоров до подполковника вместе с Великой княгиней готовились отправиться в сторону Ораниенбаума.

— Кто это? — спросила Екатерина Алексеевна, когда на дороге вдруг появилась карета в сопровождении роты уланов.

Евреинов ей не ответил, так как на карете не было герба, а именно это средство передвижения не было засвечено у кого-либо из власть имущих. Но любопытство Великой княгини быстро было удовлетворено. Не дождавсь остановки кареты, ее дверца была резко открыта, а оттуда выглянул генерал Апраксин. Но главной фигурой, которая прибыла к Ораниенбауму, стал канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Почему именно он прибыл, было не ясно, тот имел опосредованное отношение к гвардии. Между тем логично, что для поддержки канцлер прихватил друга и одного из видных бойцов «партии Бестужева». Вот только Апраксин становился скорее бойцом на паркетe политических интриг, чем с боевым генералом. Но стоило надеяться, что исполняющий обязанности Президента Военной коллегии остудит гвардию.

— Братцы! Я прибыл, дабы не допустить кровопролития. Я заставлю сдать предателя Румянцева, и он ответит за обиды Петру Федоровичу, — расплылся Бестужев.

Однако, опытный политик и дипломат Бестужев сразу проникся тем, что гвардия

накачана и не его словами, которые, не встречая отзыва, беспрепятственно летят прочь, они уже в подчинении другого лица. И он узрел ее, Екатерину Алексеевну, которую рассматривал в своих интригах значительно позже, нежели сейчас, может через лет десять. А девочка уже себя проявляет. Алексею Петровичу представилось, как ее, эту милостивую немку вносят на престол и признал, что не так уж и невероятно это выглядит, особенно, если она родит от Петра сына. Канцлер знал, что беременность Екатерины протекает болезненно, а сейчас еще эти выходки Великой княгини с поездкой на коне.

«Дура! Выкинешь дите, и на черта ты кому нужна будешь, если Петр Богу душу отдаст» — подумал Бестужев и решил не препятствовать группе гвардейцев и Екатерине отправиться к взбунтовавшимся егерям.

— Господа, прошу, за мной! — ни слова лишнего не говоря, лишь укоризненно, даже обидчиво посмотрев на Екатерину, Петр Румянцев пригласил парламентариев отправиться с ним сразу в лазарет. С командующим Первого Воронежского егерского полка были всего пять офицеров, одного из которых сильно выделял Петр Федорович — молодой Суворов, не доросший в чинах даже до капитана, но уже командующий ротой. Меньшим количеством своей свиты Румянцев демонстрировал и свою отвагу и то, что не имеет желания обострять и без того накаленную обстановку.

Только пять минут назад прискакал посыльный из военного городка, он рассказал новости, которые уже стали обрастать фантазиями и легендами, что формировали образ наследника престола на новой основе, стараясь не поминать былые глупости подростка, он так переменялся после оспинной болезни. А что было до того, блажь и дурь немецкая, что вышла из внука Петра Великого.

Еще не полную картину случившегося удалось собрать из обрывочных данных и казаков, героически защищавших наследника, и оставшихся в живых нападавших. И сразу же начал обрастать небылицами сюжет, как Петр Федорович самолично порубал, пострелял, руками забил, заакрыз... Даже Румянцеву обрисовали уже искаженную картину произошедшего. Выходил эпос про богатыря-цесаревича.

**Ораниенбаум, Петергоф, Петербург.
18 августа 1746 года-10 апреля 1746 г.**

Пробуждение было резким, как будто только что тонул в мутной воде, и некая сила рывком выбросила меня не только из воды, но и подняла на пару метров над водной гладью, и вновь шмякнуло, но уже об бетон. Боль вдруг разлилась по всему телу, наиболее концентрируясь в районе правого плеча и на затылке.

— Доложите о потерях! — прохрипел я, выплескивая все свои мизерные силы.

— Хорунжий раненый, семеро казаков убиты, одиннадцать ранены, татей постреляли и посекали три дюжины, еще четыре дюжины взяты в плен, половина из них ранены, — отчитывался какой-то офицер, имени которого я не знал.

— Кто? — выдавил я лаконичный вопрос и обмяк. Нет, находился в сознании и даже сквозь вязкий туман сознания проступали некоторые слова «шведы», «переселенцы», «пруссские штуцера». Вот только свести воедино обрывки фраз не получалось — голова болела и эта боль «стреляла» по разным местам организма.

После того, как в меня влили горькую настойку, я уснул.

Уже после сна немного полегчало, и я мог и слышать и воспринимать слова, может пока был не в состоянии анализировать, но, используя выводы говорящих, картину случившегося для себя прояснял.

— Вот, Петр Федорович, они — эти голштинцы, да со шведами, намеренно записались в наш полк. Мы же брали по умениям, а это были готовые богатыри, да и стрелки среди них оказались хорошие. От чего же не взять? Да и у каждого история была, что они гонимы на родине, что готовы верой и правдой стоять за Россию. Кто же знал, что на самом-то деле в головах у них, — говорил у моей кровати Суворов. Я узнал место, где был помещен — одна из спален в доме Румянцева в военном городке.

Пусть еще зудела голова, и мысли были не стройными, но картина для меня сложилась более-менее стройная, в особенности, когда вспомнил звериные глаза Брюммера. Вот она — ответочка за «продажу родины». Или скорее лишение обер-гофмаршала его положения? Найти горячих голов для исполнения акции по устранению предателя, не должно было составить труда. В таком хаосе, что, наверняка, творился в Голштинии при переходе ее под управление Дании, были и жертвы и лишённые имущества, да и двадцать пять лет внушения враждебности к датчанам — все это рождало «непримиримых».

Теперь же нужно подумать. А что же мне с этим делать? Какой профит можно извлечь от покушения? Первое — это вероятное улучшение отношений с Елизаветой. Она не может ни проникнуться ситуацией и испугаться за свое будущее, как и России. Проблема престолонаследия становится в полный рост, еще не известно, что там с беременностью моей жены. Жена!

— Что с Великой княгиней? — спросил я.

— Все хорошо, дворец в Ораниенбауме взят под охрану, медикус пользуется Екатерину Алексеевну, — ответил Суворов.

Ох уж это выражение «пользует Екатерину» — сразу лезут в мою болезненную голову дурные мысли извращенца со стажем. Но это уже и признак того, что мне становится все

лучше, раз я размышляю о семантике слова «пользует».

Через полтора часа начала приходить новая порция информации. Так, были отловлены еще шесть человек в лесу у дороги, в направлении шведского Гельсингфорса. С ними же было аж четыре штуцера, немало серебра и какие-то бумаги. Имеют ли они отношение к покушению на меня доподлинно не известно, но казачки-пластуны-диверсанты шерстили все дороги в сторону Швеции, как только поступили данные о том, что шведы каким-то образом замешаны в покушении. А тут скрывающаяся в подлеске у дороги группа, да еще и с диковинными для многих в русской армии штуцерами.

Ну и без конкретики, как я понял по наставлению медикуса, мне поведали про то, что Великая княгиня Екатерина Алексеевна как-то там разрулила ситуацию и сейчас в сопровождении гвардейских офицеров направляется посмотреть на меня и определить степень моей живучести. Может затем, чтобы как в 1762 году ударить по голове уже наверняка, чтобы без шансов... вновь последствия травмы сказываются, или нет...

Раньше Екатерины прибыл Андрей Иванович Ушаков, который и не думал ломиться в стену, кою создали егеря у Ораниенбаума, а залез в форточку, прибыв в военный городок егерей со стороны владений Голицыных.

Уже вроде бы и не глава Тайной канцелярии, но пока Александр Шувалов не берет все бразды руководства важнейшего органа-охранителя Елизаветы, продолжает делать то, чем занимался всю свою жизнь при всех императорах. Он самолично решил разузнать, почему полк, который был на хорошем счету и в большом фаворе наследника, решил своего благодетеля изничтожить. Многоопытный, несменный долгое время, глава Тайной розыскной канцелярии не верил в то, что находилось на поверхности, не верил в предательство егерей, да еще и целого полка. С ума они там сошли что ли? Да и семью Румянцевых Ушаков знал очень хорошо, чтобы даже подумать о них, как о предателях. Да, сын, Петр Александрович, был взбалмошным и продолжал чудить, за что был выпорот отцом. Но наряду с загульным образом жизни, парадоксально, но факт — младший Румянцев все больше становился стоящим командиром, требовательным и исполнительным. А женят, появится и еще одна опора для императрицы. Кровиночка румянцевская стала серьезной и возмужала. Вот и прибыл Андрей Иванович Ушаков с ротой ингерманландцев в становище тех, кого уже многие окрестили убийцами.

Сильно больной человек, который и передвигался чаще-то с помощью слуг, спокойно прошел через усиленные кордоны егерей, когда один из офицеров признал в старом человеке ужасного ката из подвалов и провел Андрея Ивановича через посты к лазарету. Внутри дома, который и стал лазаретом, Ушакова впустили без сопровождения, а ингерманландцев оттеснили и взяли под наблюдение.

— Кто старший офицер? — спросил Ушаков скрипучим, пропитанным старостью и болезнями, голосом.

— Секунд-майор Градовский, — представился офицер, который и являлся на данный момент в военном городке старшим.

— Доложите, что произошло! — потребовал Ушаков и Градовский подчинился.

Секунд-майор говорил, а Ушаков сожалел. Он жалел, что Господь уже надумал его прибрать к себе. Такого дела Андрей Иванович еще не раскручивал никогда. Получалось, что это не внутренняя крамола, измена, бунт, а вмешательство иностранцев. Так действовать против члена императорской семьи нигде в Европе не решались. Может, и были какие отравления, элегантные убийства, но крайне мало, да и против наследника совершить

нападение...

— Дозвольте пригласить, граф, казака пораненного — Кондратия. Он повсюду сопровождал Его Высочество и принял первую пулю в ногу, но уже передвигается, да и со стреляной ногой взял двух разбойников, которые сделали первые выстрелы из-за леса, — отрекомендовал Пилова секунд-майор.

— Я буду в этом доме, проследите, чтобы больше никого там не было, и пропустите моих помощников. И еще — я, волею матушки императрицы Елизаветы Петровны, генерал-аншеф. Так что сударь, извольте это знать, — напомнил Ушаков про субординацию. На самом деле секунд-майор и понятия не имел, какое воинское звание носил глава розыскной Тайной канцелярии, догадывался, что в генеральских чинах.

— Ну, говаривай, хорунжий, — сказал Ушаков, когда вошел в комнату казак. Он ковылял на правую ногу, руки были все еще в крови, короткие волосы поменяли цвет с чернявого на черно-бордовый, опять же из-за крови. Но такие картины Ушакова напугать не могли, и не то видал он за свою службу.

— Мы направлялись в Петрозаводск и по дороге хотели заехать к егерям, у Петра Федоровича были дела там, не ведаю какие. В двух верстах от дворца я почуял неладное и приказал казакам-личникам Великого князя, дабы прикрыли его своими телами. Прозвучал первый выстрел и моя кобыла завалилась, а пуля прошла мне, значит, по ляжке. Я отдал приказ ускориться и всем направляться к егерям, до которых оставалось еще три версты, но на разворот не было времени, и мы могли подставиться, да и штуцерники стреляли по возникшим. Значит, с Никиткой мы подотстали, я сменил коня и погнался за теми татями, что стреляли из штуцера с кустов. Пока мы их брали, начался бой, мы возвратиться, а там уже все заканчивается и Петр Федорович лежит весь в крови, а вокруг его не меньше дюжины разбойников посеченных. И Степан, то мой заместитель, пораненный лежит, но он больше от усталости.

— Ты казак, не заговаривайся, кто то был? И где полоняные? — направил Ушаков в нужное русло разговор.

— Было семьдесят три разбойника. Из них тридцать один — голштинiec, пятнадцать пруссаков, двадцать шесть шведов, остатния али иные немцы, али подговоренные этими татями руссаки — новья рекруты, они за наживой пошли. Были те, кто хулил Великого князя предателем, что он сдал Голшгинуию и превратился из немца в русского. Были у них деньги — ефимки, числом две тыщи, но что с бою, то наше. Командование было у Гюнтера, я его и брал, он уйти хотел, но не успел. Тридцать девять полонили, остальные или издохли, или тяжело раненые. Это кратко, записать не поспел, — закончил свой доклад Кондратий, а Ушаков прямо облизнулся и осознал, что, если бы продолжал исполнять обязанности главы Тайной канцелярии, то выкупил, а, нет, украл такого казака, что и считать и писать, да и дозание грамотно учиняет. А ведь сперва показался мужичьем сиволапым.

Уже чуть позже, обходя выложенные в ряд трупы убитых, Ушаков узнал Брюммера, который больше походил на оборванца, так как был обобран до нитки. Тогда и сложилась основная версия произошедшего, и он поспешил отправить пятерых уланов с заводными конями, чтобы те как можно быстрее передали письмо императрице. Сам же Ушаков оставался, нужно было понимание судьбы наследника, который пребывал в бессознательном состоянии, то приходя в сознание, то снова впадал в беспамятство.

Он дождался очередного пробуждения Петра Федоровича, после чего незамедлительно отправил еще пятерых уланов уже с новым письмом к императрице, где, в том числе, излагал

и о событиях у Ораниенбауме и роли в них Великой княгини Екатерины Алексеевны.

Когда вышло очередное пробуждение наследника тот стал хулить медикусов, что те не прочистили рану и будет «антонов огонь» — жар от гноений, потребовал водки и чтобы все сделали, как нужно. Мало того, потребовал позвать всех медикусов полка, что были в лагере и старших офицеров и сам направлял руку хирурга, который нещадно разрезал вокруг раны плоть, а наследник вместо того, чтобы кричать от боли, пел песни и указывал, что делать медикусу.

Нет, этот наследник не будет лишь бычком осеменителем, от которого ждут доброго теля, как того хотела Елизавета, этот сам взойдет. Уж кто-то, а Ушаков это видел, как никто другой, пережить столько правителей и знать их характеры, да не увидеть в Петре Федоровиче характер Петра Великого...

* * *

Военный городок егерей.

18 августа 1746 г.

— Ой то не вечер, то НЕ-Е вечер, да не жалея, жалость в этом деле убить воина может режь...да лей водку на нож, — исполнял я театр абсурда.

Пуля, которая застряла в плече, была изъята, видимо на излете была, или повезло, а вот каналы не прочищены, частички камзола вошли в рану, да и пуля сама вряд ли стерильная, но никто об этом и не подумал. Уже скоро должен подняться жар и вновь был бы на грани жизни-смерти. А так, пусть это и выглядит глупостью, но сейчас рождаются легенды. И, кроме того, пиар, он и в елизаветинское время таковым является, а то оказывает и еще большее влияние на умы, чем в далеком будущем. Можно много говорить о нужности и правильности медицины, но не проникнутся люди, кои часто страдают от заскорузлости ума, а вот этот спектакль из уст в уста перескажут и запомнят. Будут говорить: «Наследник терпел и даже песни пел, а ты что? Говорил Петр Федорович, что нужно, дак, так и делать станем».

Вытерпел я стоически, не ожидал от себя такого, наверное, присутствие многих повлияло на проявление мужества. Потеря лица была страшнее смерти. Слезы, мольбы, истерика — все это крах складывающейся репутации. А так, собственноручно и разбойников побил без счета и стерпел боли с песнями. Аника-воин!

— Ваше Высочество! — в лазарет влетела Катенька. — Вы живы?

— Любимая, ты как? Все ли хорошо? — сказал я и увидел, что большинство, может кроме Ушакова, улыбнулись, демонстрируя принятие такого моего общения с женой.

Лишь старый Ушаков, устало развалившись на принесенном ему кресле, осуждающе взирал и на спектаклю, и на мои откровения с Великой княгиней. Но смотрел он, как смотрит родитель на своего ребенка, без излишней злобы, но требовательно, как будто тот без спросу подверг себя опасности и решился оседлать ретивого жеребца. И опасно и нужно бы наказать за непослушание и гордость за то, что смелого и решительного ребенка воспитывает.

— Любимый, все хорошо. Живот... — хотела добавить Катэ, но поняла, что говорить о беременности и особенностях в этой связи сегодняшнего дня не стоит.

— Оставьте нас! — прохрипел я, так как попытался пошевелинуться и чуть угасшая головная боль, переместилась и прожгла плечо. Наверное, и плечо вывихнул и уж, не дай Бог

что-то там сломал.

— Ваше высочество! Позвольте только услышать от Вас, кто все же виноват в случившемся, — спросил кто-то из преображенцев, я не заметил кто именно.

— Спросите у Андрея Ивановича, но голштинцев и иных немцев не бейте, они служат будут России. Да и Румянцев защищал меня и Великую княгиню, оставался всей душой верным императрице, — сказал я и прикрыл глаза.

Когда все вышли, Екатерина, понимая, что именно я хотел от нее услышать, рассказала, что живот у нее тянуло, когда все началось. Однако, после стало легче, только поясница побаливает.

— Ложись рядом, — скомандовал я, понимая, какую нагрузку получила жена и что угроза выкидыша очень велика. Поэтому сразу же покой и прямо здесь.

— Но как это будет принято? — опешила Екатерина Алексеевна.

— Да плевать, ложись и моли Бога, чтобы не лишил нас дитя, — на последних силах сказал я и уснул.

Снился мне диалог Петра Федоровича и Сергея Викторовича, разговаривали они с женщинах. Некоронованный император просил позаботиться о Лизаньке Воронцовой, когда та подрастет, подобрать ей хорошего мужа и обязательно, чтобы он ее любил. Просил не забрасывать скрипку и хвалил за великолепные произведения, что пусть и были украдены, но появились в этом мире раньше и уже волнуют просвещенное общество. Мы пили почему-то капучино, который я никогда не употреблял и в той жизни, кроме того, я добавлял ложку подсолнечного масла в этот напиток, а закусывали все это серым, как будто грязным, сахаром. И мне было необычайно вкусно!

— Ваше высочество! Просыпайтесь! — тормозил меня за бок Сергей Салтыков.

Я открыл глаза и смог разглядеть, что рядом со мной, кроме этого неудавшегося, все еще уповаю на то, что адюльтер не случился, любовника Екатерины, еще была чета Чоглоковых, Бернхольс и Миних. Странно, вроде бы его арестовали, так мне сказали, а он тут. Выясним.

— Зачем просыпаться, господа? Я могу быть и зол, если не выплусь! Тем более, что я все еще прикован к кровати, — сказал я вовсе без злобы.

— Петр Федорович, Вы проспять больше пятнадцати часов и медикусы сказать, что можно Вас перевозить, — сказал голштинский камердинер.

— Бернхольс, учи спряжения русских глаголов, — вырвалось у меня. Вот не знаю, есть в этом времени вообще понятие «спряжение». Но реакции удивления на мои слова не последовало, все только и ждали, когда мое Высочество соизволит собираться.

Тетушка так расчувствовалась, что потребовала раненного племянника тащить ближе к своей юбке. Может, я и не против пообщаться с такой сердобольной родственницей — быть рядом с ней уже подняться высоко в реалиях этого общества. Однако, отменять поход на Южный Урал нельзя, там уже должны начинать действовать. Тот же Неплюев уже довел до сведения киргизов ультиматум, чтобы те отодвинули свои кочевья от Яика на Восток, даже предложил денег. Ждем ответа. И, если сорвется поход, — не то, что уважения в регионе не получим, вся политика там рухнет. Как и мой только зарабатываемый авторитет пошатнется.

Мы ехали в Петергоф, к тетушке. На удивление, ноющая боль не сильно беспокоила, ощущения значительно притупились после невероятно горькой настойки от очередного медикуса, уже с приставкой «лейб». В сон клонило, и я даже умудрился подремать в карете.

В Петергофе были готовы покои и для меня и для Екатерины, которая, впрочем, еще не

приехала — лежит на кровати и молится о сохранении беременности. Врачи говорят, что опасность миновала, но обострился сколиоз ангальтцербской принцессы, что просмотрел Листок при осмотре еще тогда Софии Фредерики. Теперь же жenuшка не может согнуться. Есть вероятность, что те боли внизу спины были связаны со скривленным позвоночником больше, чем с беременностью.

Я помню с десяток отелей со стоимостью за номер в сутки в сто тысяч долларов и выше. Там можно сказать «облизывали», причем если попросить сделать это не только в фигуральном исполнении, то проблем не возникло бы. Под крылышком Елизаветы было тоже самое. Никто бы не понял меня, кабы я попросил служанок облизывать меня, но вряд ли кто сильно возмущался, а служанки так и вовсе проявили понимание, предчувствуя определенные предпочтения после таких экзерстиций. Так что жил я, как у императрицы за пазухой.

Подробности расследования были доложены Елизавете через три дня. Это была «лебединая песня» Андрея Ивановича Ушакова. Он смог раскрутить маховик Тайной канцелярии и показать, почему именно он смог оставаться у руля своей организации со времени Петра Великого до Елизаветы, оставаясь на своем месте во времена дворцовых переворотов и апогея интриг вокруг престолонаследия Российской империи.

В деле были замешаны и шведы и пруссаки. Первые переправили боевиков под видом беженцев, желающих пойти на службу в егеря Румянцева, а так же провели через дырявую границу десять человек. Немало оружия, прежде всего дюжину штуцеров, им передал посол короля Фридриха в России Аксель фон Мардефельд, им же и финансировалась операция. Форму, между прочим, свободно купили на ткацкой мануфактуре Петра Шувалова. В полк смогли попасть только шестнадцать человек, остальные были либо забракованы, либо вызвали настороженность у офицеров-егерей. Другие же нападавшие прятались в лесу у Ораниенбаума, после того, как забрали свой заказ из ткацкой мануфактуры.

Почти тридцать человек ночью дезертировали из тренировочного лагеря формируемого Второго Воронежского егерского полка, заговорщики смогли завербовать еще «пушечного мяса» из новоприбывших солдат. В связи с большим притоком новобранцев, отбытию части офицеров в Люберцы, в полку, а, вернее уже в полках, дисциплины явно не хватало.

Да и охрана военного городка и окрестностей была не налажена. В первые дни, когда сами, по доброй воле, приходили беженцы записываться в полк, нередко бывали случаи бегства. Тратить время на поиски дезертиров не всегда удается, зачастую побег просто игнорировались, если они случались еще на карантине до постановки на полное довольство. Но за такой большой группой дезертиров, которые, тем более уже получили оружие, был отправлен отряд. Следы вели в сторону от военного городка в направлении Швеции, и это сбило преследователей, которые сделали большой круг, пока не вышли на след беглецов, но было уже поздно. Бой уже подходил к концу.

— Андрей Иванович, есть мысли, чтобы попросить Фридриха заменить посла, так как он, якобы по своей воле, не уведомив короля, участвовал в покушении. И... он не должен доехать до Берлина. Пусть где-нибудь в Польше на него нападут разбойники, убьют и ограбят, — сказал я и стал ждать реакции. Вот не знал — вписываются ли такие действия в специфику работы Тайной канцелярии. С одной стороны собственноручно давать королю аргументацию неучастия в подлости, с другой — красноречиво, через скоропостижную смерть посла, указать на ошибки тайной прусской дипломатии.

— И Фридрих ни при чем, и послание прусскому королю однозначное. Пожалуй, так

могло быть и уместно, — Ушаков вымучил улыбку на бледном лице и продолжил. — Признаться, я думал, что Вы захотите больше крови, все же молодости присуща горячность. Может своего дядюшку — шведского короля пожелаете отправить... ну, куда там отправляются протестанты. Но удивили. Жаль, что не получится работать под Вашим правлением.

А через четыре дня от, как здесь писали «апокалиптического удара», читай «инсульт», Андрей Иванович Ушаков скончался. И мне было искренне жаль этого человека.

В Петергофе же, вплоть до конца сентября, пока я находился подле тетушки, были сплошные балы. Шальная императрица стремилась навеселиться с запасом. Она за почти пять лет уже забыла, что такое быть на острие, ощущать опасность, что такое действовать быстро и решительно. Теперь же Елизавета заливала недавно разбушевавшийся пожар внутри себя нескончаемой рекой веселья и озорства, очень вредной едой и сладкой водой.

Государыня, отдавая предпочтение, в качестве «ночного императора», Ивану Шувалову, демонстрировала двору, что и Алексей Разумовский окончательно не лишился фавора. В тот день, когда, казалось, спокойный Петербург начал бурлить и пришлось задействовать гвардию и другие полки, императрица ощутила шаткость своего положения и сейчас она стремилась задобрить элиту общества, раздавая и подарки и выказывая свое расположение как можно большему количеству придворных и не только, горожане получили свои подарки в виде первой кружки пива в трактирах за счет императрицы. Пусть и ненавидела Елизавета пьяных на улицах, тут желание показаться хорошей и заботливой превысило. Маскарадов с переодеваниями мужчин в женское, что так раздражало и злило сильный пол, еще полвека назад бывший всесильным, не было. А вот напитки и закуски были в изобилии.

Отрадно было то, что сладкая содовая вода, мелкое производство которой было организовано энергичным Петром Евреиновым, была часто представлена на этих праздниках, а каждая бутылка — это почти рубль мне в карман. Скорее всего, все, что производилось в эксклюзивном порядке, покупал двор, так как содовая пользовалась спросом у приглашенных на балы, но она и не заканчивалась. Надеюсь по высокой, очень высокой цене ее продал Евреинов и с каждой бутылки и больше рубля выйдет прибыли. А производство нужно расширять и значительно, ведь уже как полгода вода производится, а купить содовую свободно невозможно ни за какие деньги. Кто там изобрел содовую, Швец? Как то так. Извини. Хотя, нет, можешь подать на меня в суд через лет так тридцать, когда тебе в голову взбрдет технология такой воды, ан нет, не взбрдет — уже в России есть. Троллинг Швепса, который и не догадывается о существовании такого слова «троллинг».

Между тем порядок, в особенности, после покушения, наводился с высокой для этого времени эффективностью. А к концу августа еще окончательно не сформированные два полка егерей выдвинулись к Нижнему Новгороду, где должны были оставаться на зимних квартирах и ждать подхода трех люберецких гренадерских полка. Там же они соединяются с Новгородским пехотным полком и с 12-м Великолуцким пехотным полком. Еще был отдельно выделенный артиллерийский полк, который пока не получил названия, да и не сформирован окончательно — оставался в ожидании новых пушек от Никиты Демидова, тренируясь на устаревших орудиях. С подходом улан численно получалась усиленная дивизия. Кроме того, ожидалось формирование полка в Оренбурге и переподчинение Неплюеву Самарских полков. С учетом башкир, яицких и донских казаков, как и формируемого оренбургского казачества, получалась сила, которой и с Крымом побадаться было бы не стыдно, если только без участия турок.

Намечалась разовая акция, но в том регионе, на Южном Урале нужно было показать, что Россия и после каспийских походов Петра Великого способна выставить всеразрушающую силу в регионе.

Невозможно было допускать, чтобы женщины не имели возможность ходить на Яик постирать, были вынуждены брать охрану в десять, а то и более, человек. Иначе бабу просто выкрадут в рабство [исторический факт]. Разговоры с киргизами не приводили ни к чему, да и не было этих разговоров, по крайней мере, конструктивных. Кто не может показать силу, с тем разговаривать не станут. Вот и нужно показать эту силу, да посмотреть на действия Петра Александровича Румянцева, правильно ли было делать ставку на него.

Соединить все эти подразделения было бы невозможным, и не случилось формирование дивизии, если бы не...

— Петруша, ну и что ты хотел мне сказать? — спросила тетушка, находящаяся в хорошем расположении духа и весьма мне благоволила.

Еще бы, два дня назад у Елизаветы вновь была проблема со здоровьем. Императрицу мучал запор и вздутие живота. И тогда на выручку любимой родственницы пришел я со своим спрессованным очищенным углем. Это лекарство помогло быстро и сняло все боли. И кто бы мог подумать, а я стал героем для женщины. И явилось мне чудо, которое, наверное, являлось и Алексею Разумовскому и Ивану Шувалову, а ранее и Бутурлину, или последний был фаворитом еще до воцарения — полное соглашательство государыни в благодарность от избавления от болей. И чудо это было с формулировкой «проси, что хочешь». И я попросил:

— Тетушка испытай меня, поставь президентом Военной коллегии, — сказал я, состроив невинное лицо с притворным наивным закатыванием глаз.

— Что? — удивилась императрица.

— Тетушка, Василий Владимирович Долгоруков почил, ныне Военная коллегия не имеет президента, только лишь генерал Апраксин и занимается делами, — уже более серьезно, без притворств, сказал я, так как предыдущий образ не возымел должного эффекта на Елизавету.

— Генерал-аншеф Степан Федорович Апраксин — приемный сын почившего Андрея Ивановича Ушакова был заместителем у Долгорукова и рассчитывает на это место. Да и в друзьях он у Бестужева и может потерять протекцию канцлера после смерти Андрея Ивановича Ушакова, — Елизавета выдохнула. Для нее было сложным понимание раскладов во внутренней политике, но баланс сил императрица поддерживала интуитивно.

— Пусть и остается заместителем-товарищем, он и так очень быстро поднимается — за один год два чина получил. Ну, и я могу не справиться, тогда и Апраксину откроются пути, — озвучил я модель «мальчик хочет большого дела — дай ему, а наиграется, заberi».

— Ну, хорошо. Тогда нужно тебе дать чин генерал-аншефа, а ты мал годами, — согласилась императрица.

— Как Великий князь могу пока занять сию должность, — я не смог скрыть радость и улыбался во все зубы, кстати, в отличие от Екатерины, у меня были великолепные зубы. У жены, что не месяц, так новый флюс, и дырявила она их гвоздем, пока я не заметил [исторический факт].

— Ну, хорошо. И я даровала чины Румянцеву и еще десяти офицерам по твоему прошению. И, если был не Иван Иванович Неплюев, безмерно мной уважаемый, который ходатайствовал, то не получил бы Петр Румянцев чин генерал-поручика, перешагнув генерал-майора. И этот... Суворов. Сразу в подполковники, да на полк поставленный.

Петруша, они будут разжалованы, если не помогут в должной мере Неплюеву. Уясни и ты это, а то будешь командовать токмо потешными голштинцами, — Елизавета отмахнулась, мол — иди уже и так много получил.

— Прости, государыня за дерзость, — я поклонился.

— Не пугай меня, Петруша, когда ты так говоришь, я страшусь, что собираешься пошатнуть устои державы моей, — напряглась императрица, после неродственного обращения. Она уже привыкла к более фривольному стилю общения.

— Тетушка, нельзя принимать запрет иметь землю только лишь дворянам, так мы станем душить торговлю и коммерцию. Вот взять промышленника Твердышева, с коим я дела веду. Он не дворянского сословия, но помогает и армии провиантом и подати платит привеликие в казну Вашего Величества, у него партнер Мясников тако же много делает и торговлю ведет в самых дальних окраинах твоей державы, такие люди есть повсеместно и решить проблему, наделив часть из них дворянским сословием, нельзя. Так обесценится и дворянство, — я выдохнул, заканчивая свой спич и ожидая гнева.

— А вот так мне Бестужев и не прояснял проблему, а Петр Шувалов так же ратует за торговлю, но не связывает ее с иманием земли подлым сословием. Я не приму сей закон, а отправлю его в Сенат, да скажу, чтобы и твои слова учли, но... — Елизавета улыбнулась. — За это и ты поставишь на подушный налог тех немцев, что пришли к нам, а не станешь их освобождать от подати на десять лет и примиришься с Адмиралтейств-коллегией, а то они уже жалуются, что корабли строятся без их ведома, да верфи не принимают флот на ремонт.

И как же понимать «за это», ну неужели не ясно, что запрет иметь земли и крепостных кому либо, кроме дворян — путь в никуда. Где брать рабочих, как строить новые заводы? Да, большинство промышленников — дворяне, но социальная лестница, хоть какая, должна быть. Демидовы вначале стали крупнейшими промышленниками, а после получили потомственное дворянство и такие примеры еще были. Да и в старых семьях не всегда рождаются достойные продолжатели дела родителя. Яркий пример — свара с наследством Демидовых. И вообще, хорошо бы иметь рынок труда, пусть и в урезанном виде, в рамках крепостничества, но наемные работники, как сословие, должны появляться, а то так и будет, что основной доход государства — подушная подать, а не прогрессивная торговля.

Но больше занимал вопрос о становлении меня президентом Военной коллегии. По Сеньке ли шапка? Понимаю, что дали дитятке поиграться, посмотреть чего недоросль стоит. И потерпеть тут хоть маломальское фиаско будет означать то, что к серьезным делам меня не допустят.

Что такое быть президентом Военной коллегии, то есть министром обороны, в этой истории, где страна больше нападает, воюет или готовится к войне, чем поступательно развивается? Это большие деньги: плюс-минус шестьдесят процентов всех поступлений в казну, в военное время и того больше, рабочая сила, огромное количество людей. Такая неуправляемая махина, как я уже понял, сжирала средства бесконтрольно, документооборот не развит, от слова «совсем». Присосавшиеся к финансированию пиявки имели место на всех уровнях. Написал полковник, что пороху истратили на тысячу рублей, кто там проверит, что солдаты стреляют только два раза в год. Да и чего им учиться стрелковому бою, если в линейном сражении все стреляют в ту степь, а егерей в русской армии и не было вовсе, пока я такой красивый не проявился.

Или взять того же генерала Степана Федоровича Апраксина. Откуда у него не менее, чем миллионное состояние? Земля, с малым количеством крепостных, повсеместно

вспаханная? Не секрет это и при дворе все знают и не осуждают, что землю ту обихаживают у местоблюстителя президента Военной коллегии солдатика. По сути, у него в крепостных не менее дивизии солдат, а то и больше. И не только в этом источник доходов моего будущего заместителя.

Вот и получалось направлять недоученные полки на войну, которые, по мнению того же Миниха раньше показывали себя с лучшей стороны. Нужно создавать более организованную армию, обученную. По крайней мере, тратить время не на обихаживание мундира и крахмаления буклей, а на учение штыковому бою и прицельной стрельбе. И уж точно не пахать на генеральских полях. Скоро войны, в иной реальности Семилетняя война унесла жизни от трехсот тысяч до полумиллиона. Цифры катастрофические.

Но и организовывать сверхармию из множества полков при существующей системе комплектации, я точно не собирался, пока только одна дивизия, но способная на многое, как я надеялся. После, из дивизии корпус, далее армию, коих должно быть две. После шестилетнего обучения, расселять солдат на приграничные территории и, при необходимости, мобилизовать этих уже обученных солдат. Что-то вроде военных поселений Аракчеева, но без жесткого режима дня и при системе периодических проверок боеспособности. А еще нужно перейти на батальонную систему комплектования полка.

Что касается Христофора Антоновича Миниха, который, ну не способный к интригам уже потому, что признался в участии в покушении, то его вина заключалась лишь в том, что он взял деньги от прусского посла Акселя фон Мардефельда, тем более, что я знал об этом. Но в этом времени все брали деньги. Так можно было и Екатерину обвинить, которая взяла, вернее ее мама, деньги у короля Фридриха. Бестужев вообще кормился с рук англичан, получая ежегодные выплаты не менее чем в двенадцать тысяч рублей, как и некоторые другие сановники. Уверен, что и мне бы предложили ефимок или рубликов, и я бы взял, но послы и другие шпионы не глупые люди и понимают, что лично я в деньгах, не нуждаюсь. Зря, конечно, нуждаюсь. Да и подарки в виде штуцеров я принимал и от Фридриха и от Марии Терезии и от дядюшки шведского. Чем не взятка?

Но произошедшее с Минихом пошло на пользу дела и он, подобрав из беженцев команду, как и пятьдесят семей с мужчинами, могущими держать оружие в руках, уже направляется к станции Магнитной. Инспекция крепости, создание засечных черт на наиболее опасных участках, система безопасности у рек, пусть и на отдельных участках — вот задачи, поставленные перед гениальным инженером, но в меньшей степени военачальником.

* * *

Берлин, Потсдам Дворец Сан-Суси.

15 сентября 1746 г.

Берлин! Город контрастов и веротерпимости. Сюда сбежали некогда до десяти тысяч гонимых французскими католиками гугенотов, здесь жили и лютеране, были и те самые католики. Король Фридрих даже подумывал построить в Берлине мечеть, еще за долго, как в Европе это стало мейстримом. Музыка флейты и свободное общение короля хоть с бюргером, хоть и крестьянином — вот какой был просвещенный король Бранденбургского дома.

Видимо, поэтому, а не из-за немалого содержания в полновесном серебре, в Берлин, а

после в Потсдам переехал и известный человек Просвещения Франсуа Вольтер. Этот француз находил Фридриха самым просвещенным монархом Европы, по крайней мере, так он говорил прусскому королю. Вольтера не смущало и то, что Фридрих просто ненавидел женщин, унижал их и презирал.

Во дворце Сан-Суси не было ни одной женщины, которая бы имела шанс попасться на глаза королю. Что-то случилось в юности у Фридриха, что отвернуло того от женщин, а его брак с принцессой Брауншвейской был столь номинальным, что супруги годами не видели друг друга, не говоря уже и о том, чтобы спать в одной постели, это не было ни-ко-гда.

Может быть, взяв себе кумиром короля Фридриха, и Петр Федорович противился близости со своей женой. Он все делал так, как вел себя прусский король. Мальчик, который, как был уверен король, еще окажет услугу своему дядюшке Фридриху восхищался прусской армией и уже писал королю, что мечтал быть полковником в ней. Глупец, он может быть фельдмаршалом в русской армии и стоять рядом со своим дядюшкой и наслаждаться руинами Парижа и развалинами Вены.

Но король был умен и прозорлив и чувствовал изменения в Карле Петере Ульрихе. Мальчик даже не направил письмо с поздравлениями ему, Фридриху с заключением мира с Австрией и признанием Силезии за Пруссией. Письмо пришло не так давно, и там были написаны те же слова восхищения наследника русского престола перед гением Фридриха. Однако, и нескрываемого раболепия не было, как будто мальчик поднабрался смелости или начинал ощущать себя причастным к России. Тем более о его религиозности уже докладывают и давно.

Поэтому и не особо сокрушался король Фридрих, давая свое молчаливое согласие на акцию по убийству Карла Петера и подставы Швеции под русский удар, когда наиболее боеспособная армия России находится в Голштинии. Все указывало, что шведы организовали покушение, и Елизавета должна была начать войну, вот только взять шведские крепости Россия не смогла бы, поистощилась, да и от европейских дел отказалась.

— Эти русские варвары, они непонятны цивилизованному человеку, поэтому опасны, — ни с того ни с чего сказал король Фридрих за обеденным столом, пока Вольтер прикидывал в уме сколько денег ему утром доставили от русского фаворита Ивана Шувалова и что ему отписать этому человеку. Король говорил на французском языке, который предпочитал немецкому, считая родное наречие грубым.

— Отчего же, король, среди них есть люди Просвещения. Взять Ивана Шувалова, к примеру, или саму императрицу, пусть она и не читает мои книги, но и не жжет их, — сказал Вольтер, которого Фридрих обычно слушал с удовольствием и в хорошем расположении духа, но не сейчас.

— Не смейте, месье, упоминать женщин в этом дворце, они не имеют права управлять государством. Это же унижительно, что существуют дьявольские «санкции», которые разрешают править женщинами в Священной Римской империи. Я заставил Марию Терезию передать корону своему мужу, но она продолжает считаться королевой Богемии и Венгрии. И война не закончилась. А Россию я просто ненавижу, русские — не солдаты, и эта Елизавета... Она убила моего Мардефельда, я знаю это, — кричал Фридрих, а Вольтер спокойно поедал гусиную печень.

Философу было все равно, он прощен и его вновь зовут в Париж, он же может поехать и в Россию, там будут больше платить, но, оттуда сложно оставаться популярным и востребованным. А Фридрих своими победами и устремлениями притягивает взоры всей

Европы. Пусть кричит монарх, не важно. Даже не важно женоненавистничество, а может и мужеложство Фридриха, но Вольтер не знал точно так ли это, по крайней мере, философ не видел короля с мужчиной.

— Мой друг, Франсуа, — обратился к французу прусский король. — Вы не разделяете моих убеждений?

— Отчего же, король, вполне, пусть мне и не хватает общения с женщинами при Вашем дворе, но я так же считаю, что дикость России в ее жестокой позиции в религии. Общество может зависеть от религиозных чувств подданных в той степени, чтобы люди опасались совершать преступления. Нет ничего, пока Просвещение не победит в умах людей, чтобы остановить человека от дурного поступка — боязнь божественного гнева останавливает человека, а в России ортодоксальная вера, сдерживая Просвещение, — с глубокомысленным видом вещал французский просветитель.

— Вы правы, пусть и не разделяете моего противления женской роли в политике. Женщин слишком много: Мария Терезия, Елизавета, а уже то, что Францией управляет не король, а его любовница Помпадур — это сверх допустимого и приличного, — говорил Фридрих, не вникая в суть отношения к религии со стороны Вольтера. — Эта ба-ба Елизавета держит мальчика в клетке. Вот он мне пишет, что восхищается Пруссией, что хочет быть похожим на меня и это правильно. Но он меня обвиняет, пусть и косноязычно, в покушении на себя. Почему бы Карлу Петеру не подумать о том, что Россия в своей громадности территорий не может быть европейской и она, скорее, азиатская страна, а с азиатами не может быть равноправного разговора...

Король вовремя остановился, не стал продолжать развивать мысли, которые доходили до такой степени, что Фридрих вполне допускал убийство и своего родственника, который стал по иронии судьбы наследником российского престола. Если нужна смерть Карла Петера Ульриха, то она будет, как только Пруссия возглавит процесс подготовки покушения, а не эти глупые голштинцы, которые уже проиграли. Главное — ослабить Россию и ввести ее в пучину смуты, бунтов, а уже потом вполне искренние слезы по убиенному племяннику.

Союз трех баб уже наметился и, имеющий определенные психологические проблемы Фридрих, видел в вероятном соглашении мадам де Помпадур, Марии Терезии и Елизаветы, скорее, объединение по гендерному признаку, чем против того, что сам Фридрих нарушил баланс сил в Европе. Пусть «Война за австрийское наследство» еще идет и свое слово Россия еще не сказала, но несмотря будет ли победа России, что сомнительно, или победит Франция — в следующую войну эти страны войдут в союз против Пруссии. Кто более-менее разбирается в политике, уже видит это.

А, между тем, Аксель фон Мардефельд убит и это явный вызов Фридриху. Да, скорее всего, операция была проведена по указанию Ушакова, который уже умер, но король вызов принимает. Ведь Карла Петера не убили, да и ранение наследника русского престола странное, может и подстроил раны сам хитрый лис — глава Тайной канцелярии. Мыслей много, но малолетний глупец все еще считает своим кумиром прусского короля, пусть и проступают в письме зачатки разума. В любом случае, карту наследника российского престола, как и его жены Софии Фредерики нужно разыгрывать и далее, но тоньше.

* * *

Петербург.

28 сентября 1746 г.

За столом в ресторации «Элита» сидели шесть человек: собственно я, уже оправившийся после ранения, Петр Иванович Шувалов, как старший представитель от вошедших в силу Шуваловых, ну и со своим шкурным интересом был он, ибо имел заводики на Урале. Так же присутствовал Александр Борисович Бутурлин, как главный судья семейного спора Демидовых, и непосредственно три брата — Прокофий Акинфеевич, Григорий Акинфеевич и мой протеже Никита Акинфеевич.

Уже успели и поссориться, когда братья были оставлены наедине, дабы сами смогли, придерживаясь линии, взятой Бутурлиным, договориться, примериться, но решения так и не было. Пришлось вмешиваться.

— Господа, я пока был сторонним наблюдателем, стараясь не вмешиваться в действительно семейное дело. Но... слишком много в России зависело от деятельного вашего батюшки. Держава, подданными коей и вы пребываете, не допустит того, чтобы заводы простаивали и ждали своих хозяев, — я открыл папку, где были бумаги на каждого из братьев. — Прокофий Акинфеевич, Вы еще при жизни батюшки Вашего проживали за границей, получая вспомоществование от Акинфея Никитича, царствие ему небесное. Григорий Акинфеевич, Вы же увлечены ботаникой и сиречь науками, связанными с растениями. Зачем Вам заводы? Деньги? Понимаю и принимаю Ваши чаяния. Давайте так поступим...

Я рассказал о принципах акционерного общества, что не нужно непосредственно заниматься той же горнозаводской деятельностью, чтобы получать с ее доход. Назначьте управляющего и договоритесь о системе контроля за прибылью — все. Живи себе за границей, получай деньги. Не патриотично — да, но и запретить так поступать, не считаю нужным. Зачем державе бездарность и повеса? Пусть прожигает жизнь за границей, да стране не гадит. Но, несмотря на то, что я, как сам считал, был убедительным. Именно Прокофий, прожигатель жизни, уперся в слово «нет». Это тот персонаж, кто первый промотает все наследство, споит тысячи людей в Петербурге, сотни из которых умрут от алкогольного отравления — целый батальон молодых и до встречи со старшим Демидовым, здоровых людей. Будет такой эпизод в истории, если не предотвратить. Этот прожигатель жизни еще знойным летом прикажет скупить всю соль в Москве и высыпать ее на улицы для того, чтобы Прокофий покатался на санях [исторические факты].

— Хорошо, воля Ваша, еще дед мой даровал Вам эти заводы и право ставить новые. Но я настаиваю, что при продаже части своего наследства, любой из Вас будет обязан предложить купить имущество своим братьям за восемьдесят долей от полной стоимости. Коли нет — иду к императрице и сказываю, что ваша свара пагубна для державы, — сказал я.

Пусть и выглядела угроза жалобы государыне детской, но она-то и подействовала. Все присутствующие понимали, что такое самодержавие. Могут и вообще остаться без ничего, если под дурное настроение государыни попадешься, или фавориты захотят чего урвать для себя. Семейство уже лишилось серебряных рудников в Алтае, могут и большее забрать.

Договор был заключен, Григорий Акинфеевич, между тем решил подумать над созданием долевого товарищества с Никитой Акинфеевичем. А я ждал новой встречи, обедая с Петром Шуваловым, чье присутствие предполагал и на обсуждении похода дивизии Румянцева на Южный Урал. Признаться, Петр Иванович смотрел на меня скорее изучающе, словно экзаменатор. Мне же нужно содействие этого деятеля, но на равных условиях, а не по

формуле «учитель-ученик».

Такие совещания, что сейчас должны случиться, нужно было бы проводить в здании коллегий, что находилось на Васильевском острове. Но, посетив это строение, я остался крайне недовольным — там невозможно работать. Мало того, что на первом этаже был сущий восточный базар с торговыми лавками, так и на месте оказались только два чиновника Военной коллегии. Нужна реорганизация и создание системы работы учреждения. Для этого по моим требованиям организуется кабинет Президента Военной коллегии, создается архив со стеллажами, приемная, идет накопление бумаги и печатей для делопроизводства. Из-за отсутствия людей, хоть приблизительно понимающих, что именно я хочу видеть на выходе, данные вопросы повесил на Тимофея Евреинова, который уже, пусть и не в достаточной степени, принял основу системы документооборота.

К трем часам по полудни в «Элиту» прибыли Петр Александрович Румянцев, Иван Иванович Неплюев, не уходил и Петр Шувалов, а так же сибарит Степан Федорович Апраксин пожаловал — пусть растит на меня камень за пазухой, размером с большой булыжник, или зуб точит, но услышит о предстоящей работе. Тем более, что присутствие и Шувалова и Апраксина — это контраст двух партий при дворе, мне не нужны интриги в работе Военной коллегии, пусть их и вряд ли получится избежать, но стараться минимизировать необходимо.

— Господа, я рад приветствовать Вас. Не будем тратить время и прошу высказаться Ивана Ивановича, — предоставил я слово Неплюеву.

По его словам, ультиматум киргизам вызвал двоякий результат: с одной стороны наиболее мирные рода, у которых работоторговля не являлась основой деятельности, отошли на двести и больше верст от Яика, но в то же время иные, более агрессивные кланы, устроили набеги на яицких казаков и даже подходили к самому Оренбургу. Были стычки, отбиться удалось, но казаки уже негодуют и требуют отмщения.

— Что ж, это и ожидалось. С теми родами, что ушли, необходимо найти контакт — для армии нужен хлопок и шерсть и в большом количестве. Вот альтернатива воинственному соседству — выгодная торговля, — резюмировал я, примеряя роль модератора собрания. — Иван Иванович, а как происходит переформирование самарских полков и организация оренбургского казачьего войска?

В этом направлении все было нормально, а, когда те же офицеры узнали о назначении меня главой Военной коллегии, ускорило необычайно. Понимали командующие, что их шансы на карьеру тают из-за моего вероятного противодействия. Казаки уже стекаются в башкирскую степь, но серьезных столкновений там не наблюдается — все уже знают о предстоящем походе, а башкиры заинтересованы заполучить «серые» территории за Яиком для своих кочевий, в том числе и в виде компенсации за отобранные русскими помещиками земли ранее.

— Петр Александрович, сперва хочу поздравить Вас с новым чином генерал-поручика, и в этой бумаге список повышений и для офицеров-егерей, — Румянцев подпрыгнул со своего стула, стал по стойке смирно, вытянувший во фронт, а сказать, как не напрягался, переполняемый эмоциями, ничего не мог.

Он еще не должен был в курсе своего повышения через чины, да только, может я, канцлер и императрица и в курсе, вряд ли более. Но ранее Петр Александрович и сам намекал, что как командующий большим формированием не вышел званием. Теперь же все правильно.

— Прошу заметить, что ваш чин, как и иные, что прописаны в бумаге, императрица дала с условием успеха в компании, в противном случае, и Вы, и я будем в немилости и лишимся всего, но главное доверие Ее Императорского Величества, — немного спустил я на землю Румянцева.

Когда командующий немного отошел от шока, он рассказал, что в Нижнем Новгороде идет вполне нормальная работа по боевому слаживанию. Места дислокации были готовы не лучшим образом, поэтому часть солдат стоят в чистом поле в палатках и шатрах. Однако, избы рубятся и до наступления сильных холодов должны разместиться все, тем более, что расселение немецких беженцев идет полным ходом из-за активности Миниха и те освобождают свои лагеря.

После покушения на меня, егеря косо смотрели на немцев, желающих служить в формируемых полках, и тех в итоге «растворили» в плутонгах с русаками, стараясь не превышать количество одного-двух немцев в низших подразделениях. Там они и выучат русский язык быстро, а солдатское общество, если не змордует немца, сделает из него русского.

Всю зиму Румянцев планирует потратить на боевое слаживание и отработку новых тактик в условиях уже дивизии, благо поступившая, стоящая мне больших собственных средств, новая зимняя форма с шинелями и валенками, позволят проводить учения и в условиях зимы.

Проблемы были с нехваткой оружия, пороха и свинца. Однако, я, как глава Военной коллегии, уже перенаправил все государственные заказы на фузеи и мои личные на штуцера в формирующуюся дивизию. Еще и с запасом. Так же выскреб где только есть порох, в чем помог Апраксин, который оказался не так уж и бесполезным, нашли и бикфордов шнур, как и офицеров с инженерным складом ума, что и должны были работать с подготовкой фугасов. Ломоносов так же помог тремя химиками слабыми для науки, но неплохими прикладниками, пребывающими в нищете, между тем в достаточной степени образованными и преисполненными желанием пойти на службу, чтобы занять средства для существования.

— Фузеи, штуцера, а так же новые пушки от Никиты Акинфеевича Демидова с уже сформированными командами, заберете себе в Нижний Новгород. Кроме того, отправляю Вам шесть моих личных казаков — тех, кто выкрал Вас из военного лагеря, а после и спас мне жизнь, скорблю по четверем из них — убиенных. Начальствующий у них хорунжий Степан Красный. Оставляю себе только Кондратия, и будем готовить новых пластунов. Сотня казаков от донцов будут учиться у них. Обеспечьте казакам жилье и довольствие, у Степана будет своя казна, — сообщал я Румянцеву, который поморщился от упоминания того, что он был выкраден казаками.

По словам Никиты Демидова, который еще до сегодняшней встречи, побывал у меня в Ораниенбауме, жили то мы пока в Петергофе, но я специально прогулялся до своего дворца, пушки вышли просто великолепные. Да я и не сомневался, был пару раз еще в далеком будущем в музее артиллерии, видел «шуваловские единороги», понимал и устройство их дальнейших модификаций. Конусная камора сделала возможным победы русского оружия, вместе с совершенством тактики, главенствовали подобные гаубицы на полях сражений до середины XIX века. Пока же было готово только пятнадцать пушек, но становление их производства, если можно так выразиться, на поток, позволит еще до лета произвести до тридцати единиц, а пушкарей-контрактников из молодежи крепостных заводских рабочих

хватает.

И в благодарность за выторгованные для Никиты два завода, пока все обозначенное поступает в формирующуюся дивизию бесплатно, за счет самого промышленника. Но по факту бесплатно для Военной коллегии, а по бумагам, учетной книге, проведу оплату. Да — сам коррупционер! Но кто без греха? Тем более, что мне еще организовывать и кормить бюро разработки нового оружия. Тульские оружейники с семьями прибывают, их нужно селить, имение Ораниенбаума не резиновое, земля вокруг дорогая, Голицыны продавать свои угодья уже не хотят. Вот и изыскиваю средства, а Никита Акинфеевич, буде он усердно работать, не лишится моей протекции и благоволения.

А еще деньги нужны на просроченные выплаты. Если армейцам жалование худо-бедно положено, то флотские год и полушки не получали. О каких морских победах грезить, если даже офицерам, коли по чести, семьи кормить нечем? Можно сказать, что пусть с имений своих кормятся, да только имений тех и нет — во флот идут те, у кого протекции не хватает записаться в гвардию или иной полк. Система образования морских офицеров — это вообще невообразимое убожество и чистилище, состоящее из трех недоучреждений. Нет, там даже учат, но дедовщина жуткая, руководство чаще просто не лезет в дела. Нормальным считается и отмудохать зазевавшегося преподавателя. И как не верить в божественное проведение, когда в этом околотском хаосе, рождается великая Чесменская победа!

Обратился в Адмиралтейств-коллегию, чтобы те сделали выплаты, так ответ один — денег нет, но вы, флотские, готовьтесь к великим подвигам.

Так что неучетные деньги нужны и для того, чтобы держава, коей я управлять должен после Елизаветы Петровны, имела добрый флот, да хотя бы уровня времен Петра Великого, ну и армию, а не дармовую силу для барщины на генеральских землях.

Выплаты флотским начал из собственных средств, пока еще окончательно не разобрался с денежными потоками в Военной коллегии, свои деньги положить пришлось и из-за нежелания поднимать проблему в Адмиралтейств-коллегии. Заложил опять же в Петербурге один линейный корабль, а на Архангельских верфях линейный корабль, два фрегата, три шлюпа, плачу и за лес, что валится и сушится в карельских и ингерманландских лесах, сам содержу линейный корабль, доставшийся от Голштинии — «Петр Великий» назвал. Из Курляндии в конце навигации должны прийти два фрегата, названные мной «Варяг» и «Рюрик», а там команда наемная и жалование каждому положить. Так что не краду я — беру свое! Но с флотом решать, конечно, нужно. Если морские не почешутся, то объявлю строящуюся эскадру собственной, торговой, и сам стану использовать.

— А что, если киргизам далее предлагать повоевать за нас? В Европе, например? — задал я вопрос Ивану Ивановичу Неплюеву.

— А с кем они воевать станут? На Урале — мы, с джунгарами на востоке они и так сами воюют, с персами? Или с турками через Кавказ? — спросил губернатор Оренбургской губернии.

— А в Европе наводить страху, — задумчиво ответил я, встретив непонимание со стороны собравшихся.

А ведь это неплохая мысль — киргизов послать порезвиться в будущей семилетней войне, которую было бы неплохо сократить до двух лет. Видят же в нас варваров — пусть Фридрих проникнется. Это позволит и снять напряжение в рядах киргизской молодежи, то есть в рядах будущих казахов. Пассионарии пар выпускают на общее дело, там выгодная торговля, экономическое вспомоществование, привлечение в казаки, и нет проблемы, а есть

взаимовыгодное сотрудничество. Но это стратегически, а тактически отогнать киргизов от Яика и создать условия для разработки горы Магнитной.

— Прошу, господа, вы можете детали выяснить в соседнем кабинете и уже начинать с завтра действовать, а у меня еще одна встреча, — уже не стараясь быть вежливым, выпроваживал я военных, так как пора и с промышленниками поговорить и не только с Демидовым Никитой.

В общем зале ресторана уже сидели три человека, которые между собой в той или иной степени соперничали на Урале. Я пригласил Ивана Борисовича Твердышева, непосредственно, Никиту Акинфеевича Демидова, успевшего после встречи с братьями заскучать, остался и Иван Иванович Неплюев, Петр Иванович Шувалов сделал все возможное, чтобы угрем выкрутиться, но не остаться на собрание промышленников Урала. Что ж, посмотрим, как будет этот высокомерный господин бегать, когда полностью проиграет в конкурентной борьбе.

— Господа, я понимаю, что данное общество может показаться не столь представительным, но, если все сладится, то и купец Иван Борисович Твердышев станет и дворянином и деятельным участником нашего собрания, — сказал я, видя недоумение, что в столь представительном присутствии находится купчишка Твердышев, не имеющий дворянства.

Он то, может и купчишка, но об этом предпринимателе я был осведомлен из послезнания. Уже сейчас он, со своим компаньоном Мясниковым умудряется являться главным поставщиком провизии, прежде всего мяса и зерна, в Оренбург. Занимается он и поиском руд, тайком, если история в этом совпадает, уже изведывал гору Магнитную, строит и медеплавильный завод. Деньги должны быть у него и немалые, а то, что он дружбу с башкирами водит, привлекая их к делу из-за недостатка крепостных, так только честь ему и хвала.

— Я знаком с Иваном Борисовичем, и не имею ничего против его участия в разговоре, — отреагировал Неплюев, а Демидов промолчал, он, в некотором роде так же прицепом идет.

Я намеривался предложить этим людям создать акционерное общество и наметить монополию. Тут нет антимонопольного законодательства, так что огромное непаханое поле для деятельности. Можно было самому все организовать, а не создавать долевого общества — деньги на десяток заводов есть, да и кредиторы, если что найдутся, тетушка, опять же, при льстивых речах и правильном подходе бывает сговорчивой. Но люди! Где взять людей? Да я даже толкового секретаря не могу найти. Уже и к Якобу Штеллину обращался, но нет, два человека, что он прислал, не годятся.

— Я предлагаю Вам создать долевого общество, в котором доли распределить так: мне двадцать долей как частному лицу, но не наследнику, десять долей Оренбургской губернии на развитие и укрепление, пять долей лично Ивану Ивановичу Неплюеву, двадцать пять долей Никите Акинфеевичу Демидову, двадцать пять долей Ивану Борисовичу Твердышеву, пять долей на обустройство станицы Магнитной и ее служб, пять долей на привлечение мастеров и иного рабочего люда, пять долей на оплату управляющему. Доли на мастеров, управляющему, на развитие губернии станицы равными взносами даем все мы. Выплаты назначаются из прибылей, если их нет — нет и выплат по долям. Я содействовать так же стану, как и заказы от Военной коллегии предоставляю, — сказал я и, забрав с собой Неплюева, вышел из комнаты для переговоров, чтобы промышленники сами определились,

что и как делать.

Первоначально я думал даже повесить расходы на предстоящую военную компанию на этих господ. И так бы оно и было и не отказались, но, став главой Военной коллегии появились возможности не стричь всех, тем более, кого думал привлекать в свою команду.

Демидов и Твердышев согласились с условиями, только уточнили некоторые особенности организации долевого общества. Такие «Долевые Общества» я собирался и далее создавать в разных сферах. В принципе и заведение «Элита», как и московский филиал — тоже доленое предприятие с Иваном Ивановичем Шуваловым, но тут остается уповать лишь на честность фаворита, так как никакой отчетности мне не предоставляется, а самому потребовать отчета — выказать недоверие. Но, деньги в размере семнадцати тысяч недавно поступили. Эх, нормальный банк нужно создавать, но слишком много инициатив от меня — опасно и за это братья. Разобраться нужно с Военной коллегией, показать, что могу работать.

* * *

Петербург.

Апрель 1746 г.

10 апреля 1746 года, прямо на Пасху, я стал отцом. Первый требовательный детский крик огласил Зимний дворец в Петербурге о рождении Аннушки.

Беременность протекала сложно, три раза медики говорили об опасности выкидыша, Екатерина маялась болями в спине, жуткими токсикозами и почти постоянной изжогой. Настроения жены так же менялись с необычайной частотой. В другой жизни, когда жена, по мистическому совпадению тоже Катя, почти уже забытая и затемненная ярким образом Екатерины Алексеевны, носила моего сына, я не ощутил всю полноту сложностей в общении с беременной женщиной. Сейчас же, хлебнул сполна. Было и «ненавижу» и «люблю» и «не подходи ко мне» и «обними по-крепче». Порой я даже наслаждался работой главы Военной коллегии и осознавал, что тут биться головой об непробиваемую мощь ничегонеделания подчиненных, более перспективно, чем пытаться объяснить что-либо жене. Между тем, я старался быть рядом с Екатериной, не оставлял ее, ночевал только в одной комнате с женой, если не был в отъезде по заводам в Туле или Сестрорецке. Чаще спали в одной кровати, порой и на кушетке ночевал. Я хотел этого ребенка и делал все, что мог.

Был ли шанс назвать девочку иначе, чем Анна, когда у этого имени 8 апреля святцы, да и в честь моей матери и старшей сестры государыни? Нет, да и хорошее имя Анна.

Было видно, что тетушка немного расстроилась рождению девочки, она то хотела сразу наследника воспитывать. Но публично не высказалась об этом. Однако, история повторилась в том отношении, что ребенка от Екатерины сразу забрали. Но я не тот Карл Петер Ульрих, который пьянствовал вовремя и после родов жены. Я Петр Федорович — наследник российского престола, глава Военной коллегии, я добьюсь и для себя общения с дочерью и участия в ее воспитании биологической матери.

Когда я читал дневники Екатерины, она описывала, что лежала в кровати после того, как разродилась Павлом Петровичем, чуть ли не сутки без чьего либо участия. Плакала, чувствовала себя брошенной, ненужной, тогда акушерка пришла только за шарфом, который потребовала Елизавета. Ни питья, ни воды, и муж пьянствующий где-то, а может и изменяющий с дурнушками, которых чаще красивым дамам предпочитал [по описаниям из

«записок» Екатерины]. Вот и рождалась в той окровавленной последствиями родов та, которая отомстит, которая не осудит убийц мужа.

Сейчас все было по-иному. Я был рядом, находился в соседней комнате при родах, ворвался в комнату, где рожала Катя, первым взял ребенка на руки, успел сказать «спасибо!», пока Анну не забрали. Я не отходил от Великой княгини, требовал расторопности от слуг, не стал уходить на празднование Пасхи, а принес куличи в комнату. К вечеру же, после мольбы Екатерины, я отправился к императрице, благо та находилась в том же крыле дворца.

— Христос Воскресе, государыня, — обратился я к Елизавете в несвойственной мне манере.

— Воистину Воскресе! — ответила тетушка и троекратно расцеловала меня. — Петр Федорович? Пошто пришел, поздравить с Великим днем?

— И это тоже, Ваше Императорское Величество, — сказал я и преподнес ювелирное изделие в виде яйца — плагиата одного из творений Фаберже, что приходилось видеть, правда, не столь искусно выделанное, как оригинал в будущем.

— Какая прелесть! И где ты мыслей столько берешь, сладить такую вещьцу? Дорого, небось. Но о деньгах не беспокойся, я приготовила тебе и Екатерине Алексеевне по сто тысяч за рождение сына, думала не давать за Аннушку, но дам, Петруша. А ты старайся и дале. Пусть Анна станет сестрой старшей наследнику престола Российского, — сказала Елизавета, рассматривая подарок.

— Дозволь повитухам принести дочь Екатерине, государыня, — я поклонился и не спешил разгибать спину.

— Ах вот из чего ты, наконец, государыней меня именуешь! — усмехнулась Елизавета, потом резко посерьезнела. — Я буду лично принимать участие в воспитании Анны. Сына твоего сама воспитаю! А чинить препятствий видится с Аннушкой, не стану. Пусть ее отнесут к Екатерине Алексеевне.

«Это мы еще посмотрим, кто кого воспитывать станет» — внутренне вызверился я, но не скинул маску благодушия с лица.

Пожалуй, это первый раз, когда я оказался, действительно, зол на Елизавету и чуть было не допустил крамольные мысли в голову. Можно многое делать и многим поступаться, но мои дети должны быть моими и той, кто их мне дарит. Нет — наши дети! Точно — наши!

В иной истории Екатерина была, если сказать помягче, не лучшей матерью и для Павла и для Алексея Бобринского, что от Орлова. Сейчас же она проявляла искренние эмоции и заботу за ребенком и гладила по головке Аннушку, когда дочка ела из груди кормилицы. Искренне расстраивалась, когда дочку уносили в покои Елизаветы, но уже утром, Анну приносили вновь и она была с Екатериной, пока часа в три по полудни не просыпалась государыня.

Петербург. Петергоф. Ораниенбаум. Южный Урал.
Май 1746 — февраль 1747 г.

Семь месяцев, целых семь месяцев и тонны терпения понадобилось, чтобы хоть как-то наладить работу Военной коллегии. Более ста тысяч рублей пришлось потратить только на то, чтобы обеспечить первоначальное функционирование военного ведомства. Трижды пришлось прибегать к содействию самой императрицы, так как я долго искал те деньги, которые шли на обеспечение войск. Нет, были договоренности с заводами и их частичная оплата, но проходили эти средства даже после моего назначения через Апраксина, который был заместителем. Пришлось временно примкнуть к партии Шуваловых, тем более, что Бестужев временно вышел из фавора и даже был заподозрен в сговоре с Лестоком, с которым у них была уже неприязнь, но ранее крепкая дружба. В итоге я подвинул генерала Апраксина, но потом опять дал ему немного воли, так как не хотелось плодить врагов. Да и признаться, как управленец, не так и плох был мой заместитель, быстро приспособился под выстраиваемую мной систему.

А еще, я, наконец, обзавелся секретарем и это абсолютно ранее неизвестный Савелий Померанцев — один из сотрудников газеты Санкт-Петербургские ведомости. Якоб Штеллин, наконец, посоветовал толкового и исправительного, даже инициативного бумажного червя. Савелий Данилович сначала проявлял изрядную скромность, стеснение перед генералами и разными чиновниками, с коими приходилось мне иметь дело, но освоился, тем более, что был дворянином. Теперь, по крайней мере, все мои встречи регламентированы, составляется календарь, наладилась переписка, документооборот. Мне достаточно сказать, чтобы Савелий отписал на завод, либо в какой полк и он, понимая проблему, вполне грамотно составляет бумаги. Бернхольс так же при мне, но тут скорее помощь в решении личных вопросов, к примеру, вовремя послать цветы Екатерине, или подобрать правильный туалет, подарок, выезд.

В этом отношении он стал оспаривать свое место с Христиан Август фон Брокдорфом, что с приемлемым результатом заканчивал работу с голштинскими беженцами, поток которых сокращался. Но для этого дельца есть авантюра через годик, справится, так и в ближний круг войдет. Но, через годик.

Оказался я достаточно суровым по местным понятиям «пруссак» — тут многое, что связано с порядком называлось «пруссским». Ввел понятие «внутреннего приказа», который обязателен к исполнению. Уволил семь сотрудников, которые только числились таковыми, не появляясь на службе, а жалование получавшие.

Прибегнув к помощи Академии наук, привлек восемь молодых человек — математиков и уже два месяца обучал их вопросам, где и что проверять в полках и ведомствах, как именно могут красть деньги и на каких этапах. Я сам учился этому и учил своих фискалов. Думал даже вызвать Румянцева из Нижнего Новгорода, чтобы тот на пальцах объяснил проблемы обеспечения войск, но обошлись и Апраксиным, который с видом вселенской скорби, принялся рассказывать, каким образом интенданты работают. Вполне толковый товарищ, ему бы поменьше спеси, жажды денег и лени и был бы толк. Точно не полководец, но работать, если «волшебного пенделя» дать, умеет.

Когда я проникся работой интендантов, в том числе пообщавшись с командованием преображенцев, семеновцев, ингерманландцев, ввел обязательство использовать накладные, которые должны быть подотчетны и в полку и в интендантстве. Периодически эти документы, как и численность полков, чтобы «мертвых душ» не было, должны проверяться моими математиками. Да, это не исключает воровства, но это новый уровень коррупции — научно-интеллектуальный, когда нужно и хорошо считать и уметь со многими договариваться. Ранее же как — нужна солонина для солдата, да в полном объеме — занеси из полковой кассы рубликов пятьдесят интенданту, так тот и расстарается. Не занесешь, так выдаст протухшее мясо, что для таких случаев специально и наличествует, тухнет в теплых помещениях. Сейчас сколько в накладной, столько выдай. Да в бумаге прописывается и факт приемки товара, и его свежесть, степень засолки. Осуществляется проверка складов, чтобы там не было некачественной провизии, как и недостач и недоимок. Пока это Петербург, лишь в очень малой степени Москва, ибо людей мало, но начало положено.

Эта служба еще очень плохо работала, и ей нужен был сильный начальник, которого предстояло найти.

Еще не известны результаты таких, казалось бы, элементарных реформ, еще не все уяснили неукоснительность исполнения требований, но считаю, что пути частичного решения проблемы снабжения наметились. По крайней мере, были выявлены нарушения при закупке элементарной капусты, стоимость которой для полков превышала в четыре раза ту, которую получал сам поставщик. Хочу подождать первых выводов введения обязательных накладных, что печатались в изрядном количестве с гербом и моим вензелем в типографии. Уже после того, как будут показательно наказаны некоторые провинившиеся и остальные проникнутся, введу тендеры по закупкам и единую биржу, где поставщики публично станут предлагать товар и определять его стоимость.

Между тем, получилось добиться того, чтобы солдаты проводили учебные стрельбы раз в неделю, ранее и за полгода солдатская фузья ни разу не стреляла. Это обнаружило другую проблему — пороховых мельниц менее числом, чем предполагалось по бумагам, как и количество производимого пороха. Следовательно, начался дефицит пороха, как, впрочем, и свинца, который как ни собирай после стрельб, но все равно новый потребен. Пришлось обращаться за помощью к Ивану Борисовичу Твердишеву, который, кроме всего прочего, занимался и выделкой селитры. Была разработана программа по увеличению производства пороха.

Все пехотные полки получили предписание сформировать роту егерей с выделением лучших стрелков в нее и с наилучшей физической формой. Оснащение этой роты должно быть из казны и прежде всего штуцерами. Рота состояла из ста солдат, где двадцать два штуцерника и еще шестнадцати унтер-офицеров и офицеров, к ним приписывались еще три медика и плутонг саперов. Штуцеры производятся сейчас на трех заводах, и потребуется не менее трех лет, чтобы оснастить все полки таким видом оружия, с учетом покупки штуцеров и в Пруссии. Пока же егеря должны освоить переход от линии в рассыпной строй и обратно, повысить свои боевые качества, физические параметры. По итогам южноуральской кампании должен будет быть составлен Устав егерской службы и продолжена работа по принятию общевойскового Устава для пехотных, отдельно артиллерийских и конных частей.

Началась так же практика прохождения обучения в гвардейских полках. Некоторые офицеры, как и унтер-офицеры обучались с гвардией в течение месяца, после ехали в свой полк. Это позволило резко уменьшить количество правонарушений в Петербурге, так как

гвардия была вынуждена, не «теряя лица», продемонстрировать и доказывать пришлым офицерам, что именно они и имеют право считаться лучшими. А коли это так, то и меньше водки, да вина принимали на душу, тем уменьшали и количество правонарушений. В Преображенском полку, в меньшей степени Семеновском и в Ингерманландском, принимают новые тактики и осваивают новые пушки.

Начал я противодействие и флотскому руководству это с одной стороны, а с другой — вспомоществование оному. Были написаны и статьи в «Ведомости», как престижно и важно быть морским офицером. Было увеличено, пока за счет Военной коллегии, жалование морякам и морским офицерам. При том, что нахождение в море оценивалось по двойному тарифу. Крепостных в моряки пока брали, но я хотел переходить частично на контрактную службу. Дорого, очень дорого, но чтобы соперничать даже с датчанами в море требуется профессионализм.

Обратился я и к союзникам-англичанам, чтобы те поспособствовали притоку и моряков и морских офицеров. Я знал, что такое было и в другой истории, но чуть позже. Сейчас же еще не успели казнить или вынудить выехать из страны поклонников якобитов и стоит рассчитывать, что тот же адмирал Крейг, который был одним из командующих русским флотом при Чесмене, придет к нам раньше. Тем более, что количество флота уже увеличилось на два линейных корабля и три фрегата, два шлюпа а весной будут заложены еще два линейных, два фрегата и четыре галеры. Новые корабли должны будут получить новые орудия по принципу «демидовской пушки», что в иной истории завалились «шуваловскими единорогами».

Но медленно все делается очень, слишком медленно. Даже Михаил Васильевич Ломоносов долго работал над металлообработкой с включением марганца и молибдена, при том, что пропорции ему были даны уже верные. Нет, понадобилась куча опытов, строительство экспериментальных печей, научный подход и смена руды из разных месторождений. А я уже хотел, чтобы в следующем году начались поставки в армию кирзовых сапог, для чего необходимо найти идеальный состав сосновой смолы, яичного желтка, резины. Последнюю еще выварить из корней одуванчика. Ну, нельзя же брать и делать самому и так внимания привлекаю к своей персоне. Да и не знаю, как там варили те одуванчики во время Великой Отечественной войны, тут как раз таки эксперименты нужны.

Аннушка радуется. Растет здоровой девочкой, колики живота прошли без особых трудностей, уже режутся зубы. Катэ преобразилась. Она сильно изменилась после рождения дочери. Нет, не могу сказать, что стала мамой с приставкой «гипер», но время уделяет Анне, не меньше, чем чтению.

Гад такой, этот Ломоносов, что открыл для Катэ Вольтера, Монтескье, Дидро и Руссо. Теперь в постели чаще после, как тут говорят «плотских утех», вместо слов нежности, бескомпромиссные дебаты, где я выступаю в роли критика. Эти люди Просвещения представляют интересы все больше набирающей силу в Европе буржуазии, Россия иная страна, тут буржуазии мало, чаще их роль у дворянства, многих проблем нет, а, если и есть, то предлагаемыми французами путями их не решить. Да они и у себя не решили — революция была, много крови, потом пришел Наполеон — тот же король, только император, и пусть его Кодекс и был передовым явлением, но монархия не исчезла и проблемы сохранились. Доказываю своей жене, что большинство выводов Вольтера не могут быть внедрены в общество, в особенности, российское, но тщетно.

Да, согласен, крепостничество — это плохо, но нет возможности просто взять и

отменить его. Дело не только в том, что дворянство взбунтует, к этому можно подготовиться, прикормить часть дворян, заручится поддержкой армии, может еще что. Проблема в том, что нет предпосылок в формационном развитии российского государства. Капитализм проявляется фрагментарно, частный бизнес не развит, технологии в зачаточном состоянии. Я еще попробую что-то сделать в этом направлении, но это десятилетия развития. Как оно сейчас происходит в Англии — «овцы съедают людей» — иметь большие пастбища для выпаса овец выгоднее, чем крестьян, поэтому их просто выгоняют. Они скитаются, бродяжничают, кто находит себе работу на увеличивающихся в своем числе заводах, кто едет в Америку, ну а другие уничтожаются по закону о бродяжничестве. Возможно такое в России? Нет и это еще более бесчеловечно, чем крепостничество — повесить человека только за то, что он не может найти себе работу!

Ну поживем, увидим, я еще птица не столь высокого полета, чтобы что-то тут решать, крылья не распустил, дай Бог, не будет принят закон о запрете иметь землю и крепостных недворянам, уже победа. А пока, больше всего меня заботит уже начавшаяся южноуральская кампания.

..........*

Южный Урал

Весна-лето 1746 г.

Переход войска Петра Александровича Румянцева, несмотря на сопутствующие трудности, казался стремительным. Постоянные учения последних месяцев позволили достичь, пусть не идеальных, но вполне слаженных действий. Мало того, санитарные потери были столь мизерны, что списывались больше на несчастные случаи, которые бывают всегда при скоплении большого количества людей с оружием в руках. Бич же походов, когда каждый солдат в разной мере мается животом, был просто побежден. Обязательное обеззараживание воды, ее кипячение, уголь в качестве лекарства и обязательный контроль продуктов делал из похода, если бы не плохие дороги, парад от Петергофа в Ораниенбаум. И провизии было не просто достаточно, а ели солдаты от пуза. Мало того, что нормы выдачи и без того были достаточны, так и купцы Твердишев с Мясниковым предоставляли дополнительные рационы.

Кроме того, в этих переходах использовался суворовский принцип, который сейчас могли бы назвать румянцевским. Так, еще задолго до выхода, вперед, под небольшой охраной выдвигались кашевары, которые через семь верст готовили бивуаки с горячей пищей. Солдаты на этих бивуаках питались и шли далее, каждые семь верст делая привал. Потом обед и обязательный дневной сон, опять переходы. Так армия умудрялась за сутки пройти при необходимости и больше пятидесяти верст, будучи в достаточной степени боеспособной на переходе.

Начать непосредственно боевые действия планировалось именно со станицы Магнитской. Там дивизия остановилась на неделю и по окрестностям растеклись команды егерей и шесть плутонгов специальных пластунов. Зачистка местности показала, что и киргизы и разного рода разбойничьи ватаги действительно охотились на людей и имели даже свои постоянные стоянки в суточном переходе с загонами для людей.

После прихода большого отряда в тысячу яицких казаков, Румянецв двинул свое войско на юго-восток, где находились ближайшие стойбища киргизов-кочевников.

Столкновения начались уже через два дня после выхода из Магнитской. Киргизы пытались совершать неожиданные налеты на обозы и боковое охранение походных колон. Первая такая атака даже увенчалась некоторым успехом, когда большой отряд киргизов человек в триста сцепился с сотней бокового охранения из казаков и заставил тех бежать в сторону походной колонны. Вот только пушкари оказались не робкого десятка, либо достаточно профессиональны, чтобы не испугаться, а просто сделать свою работу. Пока киргизы со свистом и улюлюканьем скакали на кажущиеся беззащитными обозы, артиллеристы расчехлили демидовские пушки и успели навести пять орудий, заряженные картечью. Выстрел охладил киргизов, и они попытались развернуться, навстречу второму отряду соплеменников, который увидел успех и возможность хорошенько пограбить обозы русских, так же поспешил присоединиться к веселью. Ко второму слитному выстрелу пушек добавились штуцерники, которые продолжили дело пушкарей, и первый отряд киргизов был практически уничтожен. Второй же отряд, полагая, что находятся вне досягаемости русского оружия, остановился и начал что-то выкрикивать. Демидовские пушки были перезаряжены ядрами и киргизы были удивлены, когда по их скоплению прилетели раскаленные снаряды. Перегруппировавшиеся казаки, лихим ударом закончили это сражение полным разгромом неприятеля. Первые трофеи были получены. Между тем обнаружилось и некоторые недочеты в пушках — это недостаточный разлет картечи.

Сразу же после этого инцидента все колонны были остановлены и изготовлены для новых сюрпризов, а в лесостепь отправились пластуны и разъезды казаков. Именно пластуны Его Высочества и обнаружили лагерь киргизов, в шести верстах от румянцевской дивизии.

— И вас не заметили? — спрашивал Александр Васильевич Суворов у хорунжего пластунов.

— Никак нет, Ваше Высокоблагородие, — ответил необычайно дисциплинированный для казака командир пластунов.

— Докладывай, — приказал Суворов, с интересом рассматривая героя.

Лохматая накидка с отрезками зеленой, коричневатой и желтой ткани, вымазанное сажей лицо, странный покрой формы со множеством карманов. Самый юный подполковник российской армии видел этих, как он ранее считал, арлекинов, но не в деле, а ввремя их всегда отдельных тренировок. Сейчас же оценивал и понимал, насколько такие молодцы нужны армии.

— Неприятеля три тысячи пятьсот сорок, все конные, табуны пасутся на большой площади, времени им понадобится до получаса при большой сноровке, чтобы собрать коней. Дозоры у них есть, насчитали четыре, может больше. Не светились, чтобы не спугнуть. На карте отмечен ручей и пролесок, что выводит на поле, — докладывал хорунжий под довольную ухмылку Суворова.

Молодому подполковнику настолько не терпелось доказать, что его чин заслужен, что он может побеждать, что стал нетерпеливо ходить вокруг пластуна посматривая в сторону, где находился лагерь киргизов.

— Щуркин! — кликнул Александр Васильевич дежурившего у его шатра капрала. — Пригласи господ офицеров и казацких старшин на Совет.

После ухода пластуна, Суворов отправил вестового к командиру Румянцеву с сообщением, что полк, вверенный подполковнику, имеет честь атаковать неприятеля.

Второй Воронежский егерский полк Суворова с усилением из яицких казаков и

дюжины демидовских пушек был авангардом дивизии и уже оторвался на десять-двенадцать верст от конных разъездов Румянцева. Командующий принимал усиление из числа донских казаков и башкир и нарезал их старшинам и предводителям задачи, определяя место в походных колонах, поэтому и отстал, но Петр Александрович решил не приказывать остановку авангарду, рассчитывая к вечеру нагнать подполковника. Суворову же предписывалось быть ледоколом, которые ломая льдины, если таковые случались, должен проложить безопасный путь для основной массы войск, но к крупными силами неприятеля в бой велено не вступать. Вот только Петр Александрович не уточнил, «крупные силы» — это сколько? Разве три с половиной тысячи опытных воинов-кочевников это много?! За такую недосказанность и уцепился нетерпеливый Александр Васильевич Суворов.

Разложив карту, приложив к ней другую, что принес пластун с указаниями уже проверенных пролесков, ручья, возвышенностей, подполковник стал продумывать план атаки на неприятеля таким образом, чтобы киргизы не смогли уйти. Еще в Петербурге Великий князь Петр Федорович давал указания, что самоцелью компании не является уничтожение агрессивных родов, а их усмирение и включение в экономическую деятельность, что кровопролитие должно быть только в пределах решения данной задачи. Позволялось брать киргизских воинов в плен и требовать выкупа, размер которого казаки сами назначают, делясь деньгами с солдатами. Брать выкупы можно и добрыми конями, такими чтобы, если кирасиров и не потянут, то уланам подошли, или стробовать хлопок, шерсть, кою передать после купцу Мясникову.

Атака началась в четыре часа по полудню, когда башкиры и казачьи отряды, спешно прибывшие в усиление от Румянцева, совершали маневр окружения стойбища киргизских воинов. Вперед, под бой барабанов устремились в линейном строю егеря и две роты гольштейнских гренадеров.

В лагере киргизов уже к началу атаки усиленного егерского полка Суворова была суэта и подготовка к сражению. Неприятель оказался не робкого десятка и изготовился к бою. Видя, что атакующих значительно меньше, чем собралось воинов из ближайших киргизских родов, военачальник кочевников Асланбек приказал атаковать егерей Суворова.

Этот предводитель киргизов понимал, что пушки не стреляют по ним из-за того, что их либо нет, либо командир русских глуп, выдвинув пехоту. И такие мысли не были азиатским невежеством в военном искусстве. Еще не было такого, чтобы артиллерия била в спину своим воинам, может и случалось, но в моменты прорыва обороны. Сейчас же схватка только начиналась.

— Алла! — прокричал Асланбек и хлестнул своего туркменского коня, направляя в сторону врага, что вторгся на его кочевья.

Грозная сила накатывала на русские порядки, которые остановились и изготовились к стрельбе. Никто из азиатских всадников не сомневался, что достигнет своей саблей врага, что его стрела пронзит незащищенную плоть русских, или пистоль, которые в отличие от ружей, были у киргизов, выпустит кругляш свинца в голову неверных.

Громко, перекрывая все шумы, прогремел рог и строй егерей быстро рассыпался. Солдаты вжались в землю и даже не шевелились, когда демидовские пушки ударили ядрами по лавине разъяренных кочевников. Падали сраженные кони, тела людей сбрасывало под копыта лошадей, которые пока еще стремились, понукаемые своими всадниками, достичь русских солдат. Новый залп пушек.

«Так быстро перезаряжать пушки невозможно!» — подумал Асламбек, но, быстро

обогнув преграду из заваливавшегося коня его воина, вновь устремился на врага.

Он понимал, что отступление сейчас может привести к еще большим потерям, как и крушению репутации хорошего воина, коим все окрестные роды считали Асламбака.

Вместе с ядрами, в летящих в атаку кочевников устремились и пули, чем вновь удивили Асламбака. Шестьсот шагов — это немыслимое расстояние для стрельбы, но то тут, то там падали сраженные всадники, или спотыкались их раненые лошади.

Снова звучит рог и уже картечь сметает десятки всадников, потом опять выстрелы из ружей, опять картечь. Наступательный порыв постепенно иссякает и, получая постоянные преграды для быстрой атаки в виде убитых и раненных соплеменников, киргизы замедляются. Не только Асламбек понимает, что остановится — это даже не проиграть, это быть полностью уничтоженными. Но сдаваться — нет. На прорыв!

Командующий приказывает разделяться на отряды и прорываться в степь. Но не все слышат его и большая часть киргизов, обозленных потерями, все еще накатывает на русских егерей. Еще один залп картечью и звучит рог, сигнализирующий, что дальнейший обстрел противника может быть чреват частыми попаданиями и по своим.

— Каре! — кричат офицеры-егеря. — Поротно! [Тактический прием, использованный Григорием Потемкиным во время русско-турецких войск против конницы неприятеля].

Каждая рота создает свое каре и оттягивается от своей соседки — другой роты. Егеря быстро отбегают и растекаются по полю. Но они бы не успели сформировать десять каре, если бы не фугасы.

Бикфордов шнур догорел, и начались с разными интервалами взрываться заложенные фугасы — по сути, порох, но с разными металлическими поражающими элементами. Таких взрывов прозвучало шесть и будь они на минут пять раньше, то собрали куда большую кровавую жатву, хотя и сейчас жертв было много, но киргизы уже разделялись на мелкие отряды. Еще перед началом атаки, саперы, обряженные с маскировочные лохмотья, выдвинулись вперед и установили «подарки» неприятелю.

Между тем, десять каре были сформированы и под барабанный бой все десять оцетинившихся коробочек двинулись на врага. Расстояние между ротами было шагов семьсот-восемьсот, что позволяло создавать перекрестный огонь коннице неприятеля, пусть тот попробует атаковать, кроме того, каре располагались в шахматном порядке. И получалось, если вражеская кавалерия и станет атаковать, то получала слитные залпы со всех сторон. Киргизы попробовали было повоевать, но, потеряв до трех сотен своих воинов, при этом, не добившись ничего, кроме, может, ранения десятка русских солдат, начали паническое бегство.

И тут на авансцену кровавого спектакля вышли башкиры и казаки, которые просто смели остатки воли к сопротивлению киргизов. Ни один кочевник не смог убежать, облава сработала как надо.

— И чего ты себе удумал, Александр Васильевич? — отчитывал Суворова Петр Александрович Румянцев. — Ты на кой ляд егерей вывел супротив конницы? А что, кабы артиллерия сработала грязно, или киргизы докатились до рядов? Ты же подставлялся!

— Так оно и есть, Петр, Александрович, — между этими офицерами уже давно было обычным общение без чинов, оба были любимчиками наследника, обоих ненавидели многие офицеры из иных полков за взлет в чинах.

Да и годами они молоды, и Петр Федорович всегда выделял Суворова, а Румянцев был не только командующим, он прекрасно разбирался и в сущности интриг, и царской милости.

— Чего замер, сказывай! — проявил нетерпение Румянцев.

— Мы учили богатырей наших перестроению, да то все в поле учебном, а тут и враг не шибко силен, вот я и измыслил, как бы сражаться супротив большого войска малым числом, — нисколько не смущенный напором командира, начал объяснять свои действия Суворов.

— То еще Петр Федорович измыслил и мне сказывал, «тактика малых каре» — так это называется, — поправил Румянцев докладчика.

— Не прием сей измыслил я, а измыслил его применить. И получилось, что конница ничего не могла сделать, попадая в огненные засады от каре. А то, что приказал артиллерии бить навесом, так то и на маневрах было. Солдаты должны лежать смирно и не паниковать, когда над головами летают ядра и картечь, — искренне непонимающе говорил Суворов, он определенно не осознавал никакой своей вины.

— Ладно, — подуспокоился Румянцев. — Пиши, Александр Васильевич все подробно и после разбирать станем. А то, что только тридцать три раненых и не одной смерти, в чем видишь заслугу?

— А перевязывали сразу солдат, не затапывали, оттащивали далее с поля. Вот никто кровью и не истек, да и медики шли сразу за егерями и обихаживали раненых скоро с получения раны. Они и киргизов излечивают сейчас, тако ж учатся — практикуются, — Ты, Петр Александрович, все верно говоришь, что можно было и демидовскими, дюже добрыми пушками, побить супостата и при большем количестве неприятеля я так и поступил бы, но думаю, что не одна война будет и уже скоро. Что и сам Его Высочество послал нас сюда, чтобы учились больше, чтобы супостата бить уже числом более великим. А коли учимся бить степняков, то... — Суворов замолчал, предоставляя возможность додумать самому Румянцеву.

— Да понял я, что крымчаков он хочет бить. И я хочу их бить, много они кровушки православной попили. Да только матушка императрица не будет воевать с османами. Вона полтора года назад наших моряков торговых крымчаки посекали, так и войны не было [исторический факт], - со вздохом разочарования сказал генерал-поручик.

— Так и казачки сожгли Керчь за это, — парировал Суворов, впрочем, сам рвущийся в бой и не здесь на примирении киргизов, с которыми у Руси были не то чтобы враждебные отношения, а там, взять Крым и срубить минареты над православной Софией в Константинополе.

— Двигаемся дальше, Александр Васильевич, на соединение с Иваном Ивановичем Неплюевым. Вы в авангарде. Но о неприятеле сообщать незамедлительно и, коли обстановка позволяет, ждать ответа. Может пора и проверить выучеников казака Кондратия, пусть порезвятся, пожгут магазины киргизам, еще чего, они лучше знают подлую войну, — сказал Румянцев, и чуть повернувшись в сторону, показал отрешенным видом, что боле не задерживает Суворова.

Петр Румянцев в разговоре со своим подполковником делал скидки на то, что тот взлетел чинах по протекции наследника престола, тогда как он, сын сенатора Александра Румянцева и Марии Румянцевой — подруги самой императрицы, имел ходатайство о быстром повышении не от одного благодетеля. Тем более, что арест и подозрение в непереданности матушки и батюшки во время покушения на наследника оставили у Елизаветы Петровны чувство несправедливости, которое она и загладила. Но Александр Суворов, отец которого не писал протекции по причине малолетства сына и малой его

выслуги, стал самым молодым подполковником в армии. И что странно... Справляется стервец!

..........*

Петергоф.

Лето 1746 г.

— Скучаешь, душа моя? — спросил я Катэ, обнимая.

— А как сам думаешь? В Ораниенбауме была уже какая-никакая воля, в Петергофе же, подле императрицы, Чоглакова и шагу не дает ступить, Аннушку по времени повидать дают. А ты постоянно на службе, — жаловалась супруга.

— А я придумал, душа моя, чем тебе заняться. Русский язык ты уже знаешь, не хуже меня, а пишешь, так и вовсе более грамотно. Так что поработай, на общее благо, — говорил я, и Екатерина заинтересовано смотрела, лишь на слове «поработай» невольно скривилась. — Вот послушай, любимая, что я хочу тебе предложить.

А предложение Екатерине Алексеевне я хотел сделать вполне в духе того самого Просвещения. Супруга увлечена французами-демагогами, отвергающими Бога, как явления духовного, видя в нем лишь социальное начало организации и управления массами. Это еще церковь православная не вчитывалась в эти книжки, иначе и Иван Шувалов отхватил бы анафему за связи с Франсуа Вольтером. Так что поработать на ниве того самого Просвещения, да и поспособствовать решить ряд задач — самое то для Великой княгини.

Я хотел учредить не газету, которая уже печаталась с петровских времен, а начать издавать журнал. Собирался и сам писать статьи, допускал и плату за публицистику, как за очерки научно-популярного толка, иметь сатирические странички по типу лубка, высмеивающего... да хоть кого, только чтобы пользы ради. Тут же и кроссворд, и еще какие для этого времени инновационные приемы, чтобы люди читали и покупали хоть за какие деньги. Ну и как же без рекламы, вначале своих проектов, потом и за денежки иных. Через этот инструмент влияния на общественное мнение я собирался повернуть даже не одно, а череду дел, которые очень хочется назвать «махинациями», но, скорее комбинациями.

Екатерину, уже начавшей увлекаться Просвещением, подобного рода занятие могло завлечь. И тогда и в семье будет спокойнее и полезное дело ладится. А то, что у нее получится — уверен. Она и грамотная и наделена писательским талантом и в достаточной степени скрупулёзна и требовательна и к себе и к другим.

Называться журнал станет «Россия» и я очень надеялся, что он станет своего рода визитной карточкой российской империи, чтобы и за границей могли читать и создавать свое представление о русской державе и людях, которые тут живут.

..........*

Петергоф 2 июля 1747 г.

Сегодня Елизавета Петровна ощущала себя в приподнятом настроении. Жара сменилась приятной прохладой, и уже можно было с удовольствием прогуляться в парке и выпить вина. А то, что сегодня, как и уже два дня, Елизавету не беспокоят ни Ваня Шувалов, ни Алеша Разумовский, пошло даже на пользу государыне. Иногда в отношениях, даже когда они уже дружеские, как с Алексеем, следует сделать паузу и просто отдохнуть, успеть соскучиться.

Поэтому императрица была готова поработать и, наконец, принять всех высших сановников, прежде всего Александра Ивановича Шувалова — главу Тайной канцелярии и канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Пусть на последнего и была брошена тень из-за ареста Иоганна Лестока, но Бестужев смог выкрутиться и вроде бы как убедить в своем неучастии в делах некогда близкого для Елизаветы человека.

— Давай Александр Иванович, рассказывай, что ты нашел на Петра Федоровича, — сказала Елизавета, отстраняясь от любезностей, которыми начал одаривать императрицу не сильно в этом искусный глава Тайной канцелярии.

— Как угодно, государыня, — сказал граф и открыл объемную папку с бумагами. — Петр Федорович сильно изменился после болезни, коя приключилась с ним. Медикусы говорят, что с человеком сие возможно. На пороге суда божьего, человек может переосмыслить свои поступки. Не исключено церковью и явление Пресвятой Богородицы. На сей счет Синод разделился во мнении. Но токмо с того времени и начались метаморфозы в Петре Федоровиче. Ранее наследник не проявлял интереса до женских особ, кроме рассматривания нагого женского тела и исполнения марша голыми девицами. Опосля имел связь с гольштейнской дворянкой Краузе, что прислуживала у него. Девица сия телом суха, лицом приятна, но старше Петра Федоровича преизрядно.

— В его летах сие и должно так быть, — отреагировала Елизавета на похождения своего племянника. Было дело, что она подозревала Петра Федоровича в мужеложстве, как его родственничка короля Фридриха, поэтому была рада любой интрижке племянника, но с женщинами.

— Да, государыня, — усмехнулся Александр Иванович. — При этом проявлял себя, как многоопытный муж и искусный любовник.

— Вот как? — Елизавета даже поерзала в кресле от интереса.

— Да, государыня, мои видоки опытные, и у тех глаза светились после дежурства, и не в кабаки они бежали апосля работы, а к своим женам, — граф скромно рассмеялся, ожидая реакции императрицы, а когда та отреагировала заливистым хохотом, то и Шувалов уже смеялся в полный голос.

— Сказывай дале, Александр Иванович, — отсмеявшись, потребовала императрица.

— С женой также у него все хорошо и боле того. А про Краузе забыл он, адюльтера не допускает, но на женщин иных, кроме Екатерины Алексеевны, смотрит с интересом, — Глава Тайной канцелярии отложил один лист и достал второй. — На посту главы Военной коллегии проявляется себя как требовательный, ввел зело много бумажных отчетностей, требует присутствия всех сотрудников на месте, хочет ввести новую форму, требует с заводов выдавать больше оружия. С Никиткой Акинфеевичем Демидовым якшается, а тот пушки льет в дивизию Петра Румянцева, а сейчас присылает те пушки уже и преображенцам и семеновцами, ингерманландцы ждут замены своих старых орудий на новые.

— А что столь хороши те пушки, что заменять нужно старые? — спросила императрица, впрочем, без особого интереса — это мужские игры.

— Думается, что хороши, но доподлинно пока не выяснил, — ответил Шувалов и взяв очередной лист, продолжил. — Все верфи и в Петербурге и в Архангельске, в Киле и Риге, все с заказами, в Копенгагене и Мемеле так же строятся корабли по заказу Петра Федоровича. Уже построены и строятся четыре линейных корабля, шесть фрегатов, восемь шлюпов, пятнадцать галер и иные вспомогательные корабли.

— Он что с Англией воевать собрался? Зачем нам такой флот? — возмутилась

императрица, она знала, что Петруша занялся флотом, но не предполагала таких масштабов.

— Англичане так же обеспокоились и уже передали двадцать тысяч талеров Бестужеву, пытались найти подходы к Екатерине Алексеевне, — Александр Иванович бросил взгляд в сторону безмятежного канцлера. — Тем более, что Петр Федорович не пожалел денег на приглашение в русский флот якобитов, кои бегут сейчас из Англии.

— С Бестужевым знаю, он уже сам сказал, что деньги взял. Ты же знаешь, что он всегда сообщает о мзде [Исторический факт — канцлер сообщал императрице о своих взятках]. А вот что Екатерина? — перебила главу Тайной канцелярии императрица.

— Деньги взяла, ей сие посоветовал Петр Федорович, а Великая княгиня передала бумагу английскому посланнику, кою сам наследник и написал. В ней общие сведения о флоте и о том, что все старые корабли будут уничтожаться из-за их ветхости, потому и количество флота не сильно изменится, — предугадывая следующий вопрос государыни, Александр Иванович Шувалов продолжил. — Флот старый ломать не будут, а на новой верфи в Петербурге станут ремонтировать и менять такелаж.

— Все деньги берут от иностранцев, немцев за нос водят, не опасно сие? Немцы не глупцы, — выразила сомнения в словах Шувалова императрица.

— Государыня, на сегодня никакого неудовольствия немцы не выказывают, акромья того, что парусина и пенька в цене поднялись в виду увеличения потребностей самой России. Англичане ропщут, пугали, что канаты у Франции станут брать, токмо скупают все, что мы продаем и по большей цене. Не знаю, как много, но серебра в казне от того прибавится, — Александр Иванович улыбнулся, так как точно знал, что новости о некоторых дополнительных поступлений в казну всегда благосклонно принимаются государыней.

— А что Адмиралтейств-коллегия? Белосельский не ропщет? — спросила Елизавета.

— Матушка, частью лаются, иные нарадоваться не могут, что флот оживает. Да никак собраться все не могут, да сговориться. Белосельский более всех ропщет, да куда там — более года жалование офицеры не получали, а нынче и выше прежнего положено им от Военной коллегии. К теме, матушка уже долго просится тот Белосельский, жаловаться станет, — Александр Шувалов замолчал, ожидая реакции императрицы.

— Дурака того мне покамест нет желания слушать, коли Адмиралтейств-коллегия и собраться не может, а Петр Федорович за свой кошт строит корабли, да людишек зовет, так тому и быть. Еще говорили мне, что иные офицеры, что ушли со службы по скудности жалования, вертаются, — приняла решение государыня, не обращая внимания на недоумение присутствующих.

Дело в том, что подобное нарушает правила и систему. Это уже позже Бестужев придумает, как именно оформить легитимность действий наследника. Это им, монархам, легко преподнести волю свою, а канцлеру думай, как именно воплотить ту волю, чтобы не нарушить систему.

— А что там Миних? Думала, ползет ко двору, попытается вернуть свое положение, но, кроме отклоненного запроса на аудиенцию, ничего, — поинтересовалась императрица, которая начинала уставать о вороха информации, а ведь доклад еще только начался, да и Бестужев должен докладывать.

— Миних отправлен на гору Магнитную, где должен командовать одним полком ландмилиции и инспектировать оборонительные укрепления. Он так же с ведома Петра Федоровича получает деньги с Пруссии, только пруссаки скупые, мало дают по две-три тысячи талеров. Деньги эти частью идут оплатой трудов Миниха, а частью в казну военного

ведомства, — перемахнув очередной лист бумаги, пользуясь еще не развеянным вниманием императрицы, Александр Шувалов поспешил продолжить. — Действия на Южном Урале идут...

— Не забирай хлеб у канцлера, он уже отписывался, что придет с вестями из Урала, — перебила главу Тайной канцелярии императрица, посмотрела на корчащего скучающую мину на лице канцлера. — А чего Петруша ведет свои дела только с твоим кузеном Иваном? Отчего Петра Ивановича чурается, или Петр его сторонится?

— Государыня, думаю потому, что Иван Иванович имел мало веса при дворе, да посчитал, что одно дело на двоих с наследником подымет его чуть выше. А после, как случилось, все начинания Петра Федоровича приносят большие деньги, вот Иван и продолжает работать с наследником. А Петр Иванович пока присматривался, так и пропустил многое. Но я знаю, что Его Высочество подал ряд проектов Петру Ивановичу и тот в восторге говорит, что такого уровня математики и экономии не видел. Откуда столько знаний в экономии у Петра Федоровича, я не знаю, — Шувалов развел руки, потом усмотрел отрешенный взгляд императрицы, решил дождаться вопроса.

— Что замолчал, дай уже доложить и Бестужеву, будем разбираться, что там натворил племянник, зови и Петра Ивановича, да Воронцова, — указав направление, где был Бестужев, Елизавета отпила газированной воды, поражаясь ее необычному вкусу. Женщина могла гордиться своим родственником, если бы узнала, что и этот «лимонад» — детище племянника.

Петр Иванович Шувалов был обнаружен недалеко, в парковой беседке, где он в дружеской манере общался с вице-канцлером Воронцовым и... Степаном Федоровичем Апраксиным. Все знали, что они не могут переносить друг друга, но в публичной плоскости, особенно во дворце, демонстрировали поразительную игру в дружбу, только бы государыня не гневалась. Елизавета не позволяла склоки в ее присутствии, но вполне профессионально сталкивала людей из разных партий. И сейчас партия Бестужева, к коей относился Апраксин, переживала не лучшее время. Так, Степан Федорович так и не стал Президентом Военной коллегии, оставаясь ее заместителем, товарищем, но из Совета не был отозван. Привлечь же наследника, в какую из партий не особо удастся, однако канцлер только сейчас увидел потенциал в Петре Федоровиче и искал подход и, судя по всему, нашел — увеличение финансирования армии. После такого, Петруша более благосклонно станет относиться к Бестужеву-Рюмину.

— Алексей Петрович, ты прочел бумагу, что тебе передал Александр Иванович Шувалов? — спросила императрица, как только до того скучавший канцлер преобразился и приблизился к Елизавете.

— Да, матушка, — отвечал Бестужев, лобызая руку императрицы. — Дозволено ли будет твоему слуге верному узнать, кто сей опус написал?

— Ты Алексей Петрович ответствовать сперва изволь, а после и спрашивать, — сказала Елизавета, выдергивая свою руку из цепких лап канцлера.

— Матушка, государыня, вот там пишется, что мы должны в своей политике оглядываться на возможный удар в спину от Англии. Ну как же такое возможно? Англия — главный наш торговый союзник, миллион и еще шестьсот тысяч рублей от коммерции с ними. А делить что? В колонии их мы не лезем, на море не соперничаем, — говорил канцлер, наливая себе рюмку водки, которую поставили на столик императрицы, видимо, специально для Бестужева.

— Австрия? — спросила Елизавета, допивая газированную воду.

— Ну как, Ваше Величество, Австрийцы предадут нас в случае войны с Фридрихом? Эта война больше им нужна. Если станем побеждать, то мир с Пруссией заключат и подставят нас, а коли нас бить станут, так они уличат момент и тако ж свою выгоду примут. А с Османской империей, коли война выпадет, не станут за нас кровь лить, — вновь критиковал записку Петра Федоровича Бестужев.

— Ты только ругать записку ту станешь, али в ней и разумное есть? — спросила Елизавета, которая ждала более основательной оценки.

— Ну, отчего же, я тако ж мыслю, что с Османской империи придется драться, но через тридцать лет, не раньше. Турки пока не готовы к войне, там сейчас власть все делят, а держава худеет, — Бестужев залил в себя новую порцию водки.

— Так там и пишется, что бить нужно по османам, пока они не переобучились воевать под европейский лад, да пока там порядку нет. Сам подумай, канцлер, у нас сколько людишек? Восемнадцать миллионов? А у османов восемнадцати миллионов и не хватает до ста миллионов. Да и земли у них богатые и европейцы поддержат турку — французы с ними дружат. Так нужно ждать, пока усилятся? Вот в той записке и написано, а я считаю, что разумно то, — коли Фридриха разобьем, то французы, или англы, да и сами австрийцы подговорят османов и помогут им напасть на нас. Крымчаки изнов напали в диком поле на православных людишек и успели сбежать. Сербь переселяются в Малороссию и уже там на них нападают и по наущению крымчаков. А земли добрые пахать не можем, — Елизавета махнула рукой. — Да не о том, с прусским мужеложцем воевать придется — это он сокрушает европейское спокойствие. Армия наша не готова, английские каперы опять потопили наш торговый корабль. Не хотят твои любимые англы, чтобы русский купец сам торговать к ним ехать. Почто к нам тогда приезжают, а мы их не топим? Знамо же дело, что каперы те были англами, даже, ежели Георг и говорит, что не причастен. Готовь дипломатию русскую на то, что мы будем воевать в Европе, но только так, чтобы не стать один на один с Фридрихом, а то, коли разобьем мужеложца, то ни пяди земли австриякам не отдам. С англами дружи, но и скажи, что флот новый будет провожать русских купцов, пока Англия не отзовет каперские патенты у своих ушкуйников. И что там по киргизам?

— Мне пришло письмо от части родов киргизских, они обвиняют нас в том, что мы нарушили мир в тех окраинах. Говорят о том, что они все силы тратят на противление джунгарским ордам, Батыем нам грозят, но и мира запрашивают, — отчитывался Бестужев, понимая, что императрица теряет интерес и начинает нервничать от затягивающегося разговора.

— Батыем грозят? — Елизавета зло посмотрела на канцлера. Этот взгляд знали все приближенные к Ее Императорскому Величеству, и он появляется только во время крайней раздраженности. — Прав Петруша, отогнать нужно тех людоловов. Видано ли, чтобы тысячу моих подданных в рабство уводили. Нам крымчаков мало? Отправь им письмо с тем, чтобы или покорились, или всю мощь русской армии изведуют, а не только одной дивизии с казаками, да башкирами.

— Наши войска одержали уже ряд побед над отрядами киргизов, собрать большое войско степняки не могут, так как оголятся в войне с джунгарами. Но они пойдут на уступки, это письмо — приглашение к переговорам. Думаю, киргизы боятся, что мы обложим их большой данью, но это нам не нужно.

— Вот и действуй, Алексей Петрович. А еще я поняла, что начинания Петра

Федоровича действительны. Я дозволяю открыть журнал ему и благоволю к его решениям в Военной коллегии. А тебе помочь отроку и остановить, коли глупости чинить станет. И изыщи за этот год миллион рублей, чтобы покрыть личные траты наследника на армию и флот. Все, Алексей Петрович, иди, — Елизавета устало растеклась по креслу и взяла бокал с вином. Ее утомили государственные дела.

..........*

Петербург.

1 августа 1746 г.

— К Вам господин Степан Иванович Шешковский, — сообщил мне Савелий, когда я читал отчет о боевых действиях на Южном Урале.

— Проси! — ответил я секретарю и отложил два листа румянцевского отчета.

— Ваше Высочество! — в мой рабочий кабинет вошел мужчина среднего роста, среднего телосложения, в средней по качеству и стоимости одежды — все среднее, кроме цепкого, внимательного, взгляда.

Умный, но не богатый. Не тушуетя высокого присутствия. Я вспомнил об этом человеке, когда перебирал в уме всех в будущем должных подняться в социуме. Среди прочих Потемкиных и Паниных, я вспомнил о приемнике Александра Шувалова в деле тайного политического сыска. И это и был Шешковский. Всплыли положительные отзывы о его работе, скрупулёзности и высокой работоспособности. А мне нужен человек, которому можно поручить важное, и после только спросить о выполнении поручения, а не бегать нянькой. Там, в иной жизни, я подбирал таковых, осуществляя лишь стратегическое руководство. В этом мире больше приходится самостоятельно что-то делать, замыкаться на одной проблеме, в то время, как направлений для деятельности очень много.

— Степан Иванович, как Вам служба в Тайной канцелярии? — спросил я у Шешковского, желая проверить этого человека в проницательности.

— Спасибо, его сиятельство граф Александр Иванович Шувалов, хороший руководитель и благодетель, — Шешковский посмотрел на меня, что-то для себя прояснил. — Ваше Высочество, Вы хотите предложить мне работать у Вас?

— Вы, действительно, проницательны. Как догадались? — спросил я.

— Я мог бы много придумать тому причин, чтобы повисить свою значимость, но об этом разговоре меня предупредил граф Шувалов Александр Иванович, — с неизменной мимикой отвечал Шешковский.

— И он разрешил Вам перейти ко мне на службу, а Вы станете ему рассказывать о том, чем же именно занимается наследник российского престола. Я же прав? — без изменения тона спросил я.

Степан Иванович чуть заметно дернулся, что вызвало внутри меня усмешку, но маску с лица я не снял. Шешковский немного помялся, решаясь, а следом сказал:

— Да Ваше Высочество — это было условием перехода к Вам на службу. Признаться, мне это самому не нравится, однако, граф делает свою работу, — посмотрев прямо мне в глаза, продолжил. — Я хотел бы работать с Вами, уже слышал о тех мерах, что Вы принимаете для порядка и отчетности в Военной коллегии. Готов участвовать в этом.

— Расслабьтесь, сударь, можете рассказывать Александру Ивановичу то, что посчитаете нужным, но после того, как Вы мне озвучите то же самое. Мне скрывать нечего, я хочу

уменьшить смерти солдат, не столько победить противника в бою, сколько принудить его проиграть войну. А это не только поле боя, это обозы, честность интенданта, медикусы в полках, форма теплая и удобная, учения и сжигание пота при этом, тысячи пудов пороха, грамотное командование, чтобы переиграть всех. И для этого нужно проделать очень много работы. И у Вас, пожалуй, будет самая... сложная ее часть. Вы со мной? — спросил я, и, увидев у Шешковского признаки соглашательства, не дал ему высказаться. — Я предлагаю уже сегодня возглавить вам фискальную комиссию Военной коллегии. У Вас в подчинении уже семь человек, и им не хватает Вашего опыта работы в Тайной канцелярии. При этом мы будем с Вами говорить о том, как вести учет, какие бумаги и в какой форме нужно будет предоставлять мне, что именно Вы можете сделать для изменения ситуации. Для сопровождения Вам будет предоставлена охрана в дюжину казаков, которые учились ремеслу защиты персоны. Еще Вы станете делать то, что и Тайная канцелярия, но в моей коллегии.

— Для меня честь служить под Вашим началом, — выдал фразу Шешковский и она не звучала пафосно, я поверил.

— Подойдите к Савелию и получите предписание и договор, который Вы подпишите. Я подготовил его лично, ознакомьтесь со своими обязанностями и приступайте к работе. Если будете стеснены в средствах, сможете получить часть своего довольствия завтра, размер же его прописан в договоре, — сказал я и сделал вид, что разговор закончен, Шешковский это понял и, поклонившись, ретировался.

Вот таким образом я и обрастал командой. Да — это еще мало, очень мало. В двадцать первом веке даже в небольших государствах, как Литва или Молдова, Словакия, в министерствах обороны служит в раз так двадцать больше чиновников, чем в сегодня в Российской империи, между тем, задачи России в XVIII в. стоят более амбициозные. Но, уж просвет в конце туннеля виднеется.

— Да! — откликнулся я на стук в дверь.

— Ваше Высочество, Вам письма, — сказал Савелий и после моего знака рукой, он положил два свертка на стол.

— Сделай кофе, Савелий, — попросил я, вставая, чтобы размять конечности после долгого сидения за столом, нужно сегодня обязательно поработать так, чтобы оставить два часа на тренировку.

Вообще история со «сделай кофе» стала тем маркером, после которого взять этого обнищавшего дворянина к себе секретарем был просто обязан. Кинув фразу, я в тот момент и не подумал о том, что мало того, что кофе-машины остались в другой жизни, так и печку найти крайне сложно. Но, через пятнадцать минут я пил кофе, принесенное Савелием. Он послал мальчика с улицы в лавку, где кофе продавали, благо лавки с товаром располагались прямо на первом этаже здания двенадцати коллегий. В это время Савелий спустился к истопникам в подвал, поставил воду в большую печь, дождался быстрого мальчика, и сварил кофе. Сам напиток был так себе, но так быстро среагировать на неординарную ситуацию, не переспрашивать где что взять и как выкрутиться, а самостоятельно решить задачу — это маркер становления Савелия профессионалом.

Первое письмо было от Катэ. Она сообщала, что встречалась сегодня со Якобом Штеллином. Тут я немного завис, вспоминая внешность этого человека и только улыбнулся — ну никак не во вкусе Катерины. Мой бывший учитель согласился помочь с первым номером журнала «Россия», но ему и самому многое было не понятным, что именно я хочу.

Поэтому жена ждет меня быстрее дома, чтобы уже я просвещал ее принципами работы периодических изданий, о которых имел посредственное понимание, но для этого времени — революционное.

Другое письмо было от Петра Ивановича Шувалова. И тут можно было воскликнуть «Аллилуйя!». Снизошёл, скотина такая! Столько игнорировал, не интересовался даже моей персоной, когда я уже начал бизнес с его братом двоюродным, который был первоначально в этой семье Шуваловых «бедным родственником». А этот прожектор, Петр Иванович, не обращал внимания на меня — еще одного прожектора, потом попытался войти в бизнес по производству сахара, когда я уже был против, так как денег на развитие хватало, и я не знал, чем, кроме административного ресурса мог помочь Шувалов. Даже при решении вопросов с Демидовыми Петр Иванович молчал и только высокомерно взирал на происходящее. Теперь же Петр Иванович приглашает меня уже завтра на ассамблею.

Достав бумагу и перо я начал писать ответ Петру Шувалову, в котором соглашался прийти, в конце концов — завтра пятница-развратница. Но приду я с супругой, ей тоже нужно развеяться. И хорошо, что это и не маскарад и не петровская ассамблея, с ее развратом и жесткой пьянкой. Скорее всего, это будет что-то вроде салона, что к концу века должны появляться в России. С играми в фанты, картами, музицированием и с вином, тут уж, как ведется.

Сразу пропало желание работать, но я всегда умел в такие приступы лени побуждать себя к деятельности. Осталось одно дело — это прочитать послание Румянцева и дать ответ, потом написать письмо Никите Демидову, чтобы ускорился в производстве корабельных пушек, так как два линейных корабля и два фрегата пока без артиллерии, при этом полностью прошли испытания с выходами в море.

На Южном Урале, судя по докладу, все хорошо. Были две стычки с крупными отрядами киргизов, один рассеяли с большими потерями для степняков, другой полностью уничтожен, частью взят в плен. Пленных выразили желание выкупить их рода, чем занялись яицкие казаки. Они были все еще злые на киргизов из-за того, как двадцать лет назад больше четырех тысяч казаков и их семей киргизы захватили и отдали в рабство, откуда вернулся десяток мужчин, остальные сгинули [исторический факт]. Так что казаки были преисполнены желанием мести, и их с трудом сдерживают Румянцев и Неплюев.

Временные поселения киргизов, по мере продвижения русских войск остаются пустыми, а сами кочевники жгут степь, чтобы замедлить наши войска. Однако, башкиры и Неплюев смогли наладить поставки фуража, пусть и не богато, но для выживания хватает.

Дивизия Румянцева с казаками и башкирами уже вышла к предполагаемым границам, но комариные укусы отрядов киргизов продолжают, несмотря на их крайнюю неэффективность из-за поставленного охранения колон.

Неплюев писал, что некоторые подвижки в дальнейшем уже дипломатическом решении вопроса есть, что джунгары насаждают на киргизов и те готовы замирииться и даже купить русское оружие, прежде всего пушки.

— А что? Можно, наверное, продать? Нам же главное, чтобы эти пушки не были у европейцев, или у османов, — размышлял я вслух. — Конечно, продадим! Это намного выгоднее, чем переплавлять, тем более, что бартер еще более выгоден станет для степняков. Вот и мягкая экономическая сила.

— Савелий! Проверь, в какие полки уже поступили, или в ближайшие месяцы поступят демидовские пушки и нужно отписать командующим, чтобы подготовили свои старые

орудия к отправке в Нижний Новгород. Еще свяжись с преображенцами и семеновцами, им уже точно пришли новые пушки. Отпишись Неплюеву Ивану Ивановичу, что может договариваться не о продаже пушек, а об обмене их на бумажный пух [Тут автор имеет в виду хлопок] и на шерсть, — сказал я и отпил кофе.

Екатерина обрадовалась выходу в свет. При том, что в таком формате общения не должно быть много политики, интриг, показухи, можно действительно немного и развеяться. На то и рассчитывают сильные мира сего и, чтобы отдохнуть в более непринужденной обстановке, придумывают разные форматы общения. Я даже подразумеваю, что множество маскарадов с масками обусловлены именно тем, чтобы меньше претворяться, а прикрыть свое невежество маской. Однако, и такие мероприятия, как ассамблеи — это, для человека приближенного к власти, всегда работа. Уверен, что приглашение на ассамблею к Петру Ивановичу Шувалову, да еще и на грани приличия — всего за день, должно быть вызвано веской причиной.

— Как представить Вас? — спросил мажордом Петра Шувалова.

Я вспомнил, что называться истинным именем на таких мероприятиях — не комильфо. По сему сказал:

— Сергей Викторович Петров и его супруга...

— София Карловна Петрова, — выбрала себе имя Катэ.

Нам выдали маски, которые, нисколько не скрывали личность носителя.

— Сергей Викторович Петров и его супруга София Карловна Петрова, — громко произнес мажордом при нашем вхождении в зал.

Нас не встречали, было видно, что узнавали, проявляя мимолетный интерес, кто есть эти Петровы, долгое внимание к персоне гостя здесь считалось невежеством. Так что мы спокойно взяли по бокалу вина, когда к нам подошел и сам хозяин — Петр Иванович Шувалов и его жена Марфа Егоровна Шувалова, в девичестве Шепелева.

Петр Иванович — пусть уже немного и с брюшком, но статный, высокий мужчина приятной наружности. Марфа Егоровна... Ну, не красивая она, даже весьма. Лохматая, с морщинистым лицом, нескладным излишне полным телом. Можно и далее описывать внешность этой женщины, насколько хватает бестактности. Но вот то, что это умнейшая дама в окружении императрицы — сущая правда. Классический пример дружбы красавицы, в роли которой выступала Елизавета Петровна и дурнушки — Марфы Егоровны. Если говорить о фаворитах императрицы, то все обращают внимание на мужчин, но, как по мне, именно Марфа — главная фаворитка. То, сколько она сделала для мужа и сколько должна еще сделать — уже за это она становится весьма выгодной партией для Петра Ивановича, который, впрочем, был еще тот ходок по дамам.

— Сергей Викторович! София Карловна! — поприветствовала нас чета Шуваловых сами, впрочем, не представились.

На ассамблеи в этом доме было не обязательно представляться, чтобы не отягощать голову запоминанием бутафорских имен. Между тем, каждое общение — это повод выпить, вот нам и споро поднесли прозрачной жидкости в рюмке. Водка в этом времени под общим названием «хлебное вино» была слабовата, не дотягивала до сорока градусов, между тем вино, водка, может еще и шампанское и завтра пропущу пробежку, поэтому не стоит хорохориться, а попытаться избежать конфуза. А я и так пропущу тренировку, а то чувствую уже психологическое перенапряжение, когда нужно на пару дней все отпустить. Так что расслабляемся!

— Восславим Бахуса! — произнес Петр Шувалов, и первый осушил свою рюмку, в которой было налито не меньше ста пятидесяти граммов. У него либо вода, либо нужно позавидовать организму, способного потребить столько хмельного, да и не поморщиться [Шувалов действительно частенько хитрил и пил воду на подобных мероприятиях].

— Дорогая, Немезида, — обратился хозяин дома к своей жене. — Покажи, пожалуйста, Софии Карловне наш дом. А мы с Сергеем Викторовичем поговорим.

— И обязательно выпейте штрафную, ибо нельзя на ассамблее заниматься делами [на ассамблее было много штрафов, в том числе и за решение вопросов по работе], — сказала Марфа и обратилась к Екатерине так, как к моей жене иногда обращалась Елизавета. — Пошли, милая!

— Мы, конечно выпьем, но, видимо две штрафных, — улыбнулся Петр Иванович, пропуская меня в комнату, которая была больше похожа на рабочий кабинет. — Я ранее не имел чести с Вами, Ваше Высочество вести предметный разговор, уж простите, присматривался к вашему разительному преображению из склочного юноши к умудренному мужу. Но ныне, когда Ваши прожекты приносят деньги, я осознал, что наследник престола российского умен и уже приносит пользу Отечеству.

— Я все понимаю, граф, не сержусь, так как действительно не так давно и повзрослел. Как я понимаю, Вы хотите войти со мной и Вашим двоюродным братом Иваном Ивановичем в доли? И не только...

— Вы правы и не только. Но давайте о доле сперва. В Ваши рестораны я влезать не хочу, не к чему сие. А в производство сахара — пожалуй, что и да. И тут мы можем многое сделать, — Шувалов сделал паузу, изучая мою реакцию.

Я был не против, даже вполне «за» те три заводика по производству сахара давали менее четырех процентов от потребляемой сладости в Москве и Петербурге, без учета иных городов. А с удешевлением продукта, когда и производство будет менее затратным в виду отработанной технологии, да с налаживанием поставок свеклы из более южных регионов, сахар станет доступен и мещанам, что увеличит его потребление. Так что тут конкуренции нет, на лет сто не будет.

— Хорошо. Я не против, думаю, что с Иваном Ивановичем Вы и уже договорились.

— Это будет для нас всех лучшим решением. Иван Иванович загорелся прожектом создания университета и вообще заболел Просвещением, вон и Вольтеру заказывает писать русскую историю. Французу писать о России! Но я не осуждаю, он таков и коммерция для Ивана была лишь средством. Для меня же — смыслом, — Шувалов улыбнулся, но немного переборщил в притворстве, и улыбка показалась неестественной.

— Петр Иванович, а хотите услышать отрока неразумного, как сладить экономию в России? — спросил я неожиданно для собеседника и тот только кивнул. — Единый налог на соль ввести. Это даст возможность брать серебро с сословий, которые налогом не облагаются, как и с церкви.

— Я уже думал об этом, высчитывал, но государыня не решается вводить, она ждет итогов ревизии подушной подати, коя завершилась только в этом лете. Но то, что отрок так размышляет, то весьма занятно. Продолжайте, это же не все, — сказал Шувалов и откупорил бутылку с лимонадом.

— Петр Иванович, а эту воду так же делают по моему прожекту. Частью в Люберцах под Москвой, частью купец Герасим Евреинов в Петербурге, — я наслаждался изумлением графа.

— Даже так! Я так же хотел бы начать такое производство и могу наладить поставки в Речь Посполитую или к венскому двору. Но вы продолжайте, «отрок», — последнее слово было сказано с долей сарказма.

— Для того, чтобы товары на внутреннем рынке России имели ход и... — увлекся я.

— Рынок? Что Вы имеете в виду? — поинтересовался Шувалов, но я чувствовал, как будто нахожусь на экзамене — давно забытое ощущение.

— Общее пространство, где есть единая монета, единые законы, свобода перемещать товары. Уже для того, чтобы одну часть махины делали в Нижнем Новгороде, иную в Оренбурге нужно пройти мытны и пошлины заплатить. Ввести единую пошлину на ввоз в империю товара из-за границы, и будет прибыль, — прояснял я свое видение, и похоже было, что оно совпадает мнением Шувалова. — Понимаю, великое дело, но так будет лучше. Сначала упадет доходность от таможенных поборов, но уже через два-три года торговля увеличится и со сторицей вернет недоимки, кои можно быстро первоначально перекрыть соляным налогом. А так же в России не хватает банка, чтобы тот ссуды давал промышленникам на прожекты, или же мещанам на учение, и опосля за оное брать десять лет деньги с них. Кто и дом построить желает, а денег не хватает, вот под залог того дома и дать ссуду. Много чего, итальянцы уже давно так работают и много денег зарабатывают.

— М-да, Ваше Высочество. Вы молод и Вам свойственна быстрота мысли и суета в действиях, так скоро, как того желаете, не решится. Давайте встретимся еще раз в ближайшее время и поговорим, что сейчас можно сладить, по примеру того, как вы договорились об горе Магнитной, а что и после, — сказал Шувалов и потянулся за бутылкой, которой была явно анисовая водка. — А теперь штрафные и не по одной. Нельзя долго оставлять одних дам, а то и украдет кто наших прелестниц, как бык Европу.

Выпив по две водки рюмки, вполне себе объемных, мы отправились к гостям. Шувалов не отпускал меня, и мы вдвоем искали своих жен, успев выпить еще по три рюмки водки с гостями графа. И это при том, что до закусок я так и не добрался. Чувствуется, что вечер перестает быть томным.

— Вот же коршун! — возмутился хозяин дома. — Лорд Кармайкл уже елей нашим женам в уши вливает.

Я не признал английского посла в немолодом мужчине рядом со своей супругой, которая уже не менее моего была во хмели. Вероятно, наши организмы еще не созрели к таким великосветским испытаниям, как ассамблея у Петра Шувалова.

— Сеур-гэй Викторовеч, рад приветствовать Вас, — первым обратился ко мне англичанин. — Я есть сэръ Френсис Дрейк.

— Сэр Дрейк, позвольте мне украсть свою жену, — сказал я, наблюдая за игривым настроением своей жены.

— Сергей Викторович, — сказала Екатерина с шалящими беснянками в глазах. — Может, я хочу с отважным пиратом сэром Дрейком отправиться в вояж по бескрайнему морю.

— Конечно, сударыня, тогда я пойду, украду кого-то другого, для своего вояжа, — вторя игривости Катэ, ответил я и, обозначив поклон, направился в сторону.

Стоит ли говорить, что уже через пару минут я был взят Катериной под руку, да так, что впоследствии и синяк остался. Может, будь на месте престарелого, низкого и не особо приятного в наружности Кармайкла кто-то вроде рослого рубаки Гришки Орлова или Григория Потемкина, то и ушла бы женушка в «вояж по морям», но не в этом случае. И

вообще, а что, если Гришку Орлова придавить уже сейчас? Он уже в гвардии, или еще мал для нее, давно я не интересовался именами гвардейцев?

.....

Вена, февраль 1747 г.

Мария-Терезия, несмотря на то, что уже пошла на уступки прусскому королю и объявила своего мужа Франца Стефана императором Священной Римской империи, оставалась фактической правительницей обширных территорий в Центральной Европе. Те «прагматические санкции», которые принял ее отец, развязали войну и Австрию, являющуюся, по сути, ядром этой самой империи, попробовали на прочность. Еще недавно Вена диктовала свою волю на большинство германских княжеств, да и не только германских. Сейчас же обнаружился действительно сильный враг — Пруссия. Этот несносный Фридрих поставил всю экономику небольшого государства на военные нужды и смог добиться того, что Австрия не так и сумела сделать — мобилизации и населения и экономики. Может, в этом и кроются причины поражений армии Марии-Терезии.

Нельзя сказать, что Вена оказалась беззубой, Северная Италия узнала, что такое войны в белых мундирах и это были австрийские войска, а не те лягушатники, что тоже взяли белый цвет для своей армии. Вот только завоевание некоторых городов на севере Аппенинского полуострова нисколько не решило задач Австрии, а захваченная Генуя даже сумела поднять восстание и выгнать разоряющих ее австрийцев. Фридрих же занял Силезию и вплотную приблизился к Богемии, от которой уже и рукой подать до Вены.

Одна надежда была на русских. Долго откладывала Мария-Терезия обращение за помощью к Елизавете. Русские войска уже были на территории Германии и подходили к Рейну, но австрийцы ожидали, не решаясь показать свою слабость призывом к русским, как и то, что эти варвары будут топтать немецкие земли. Но время пришло и для этого.

— Герцог, — обратилась императрица к командующему австрийскими войсками Карлу Александру Лотарингскому и Барскому. — Каковы наши шансы не потерять свои Нидерланды, в целом удержать влияние в Голландии и удержать Парму?

— Ваше Величество, после заключения мира с Пруссией и уже потерей Силезии, шансы были, но за годы войны, наша армия истощена, а французы полны сил и готовы к наступлению, — высказал свое мнение фельдмаршал.

— То есть без полноценного вступления России в войну, вы не гарантируете и приемлемого мира? — спросила императрица.

— В подобной обстановке я вообще гарантировать ничего не могу. Но, да — Россия могла бы прикрыть нас от французов и даже при поражении русских, а оно практически неизбежно, мы получаем небольшую передышку и время для переброски своих войск на Рейн. Тем более, что поражение русских будет способствовать в большей степени наступлению французов на английский Ганновер, чем угрожать Австрийским Нидерландам, — докладывал фельдмаршал.

— Чем располагают русские? После их авантюры в Голштинии я уже не уверена в численности корпуса Репнина, — спросила Мария-Терезия.

— До тридцати пяти тысяч пехоты и не более двух полков кавалерии, казаки еще в небольшом количестве. Этого очень мало, чтобы противостоять Морицу, но они задержат французов, а там и англичане могут ударить из Ганновера двадцатитысячным корпусом, —

размышлял командующий австрийскими войсками.

— Мы должны учитывать, что русские потребуют содействия в случае войны с Османской империей, на что мы пойти не можем, учитывая истощенность экономики за годы войны, — императрица улыбнулась. — Впрочем, мы и не сможем помочь, даже в случае восполнения армии, или всегда можно эмитировать деятельность, договорившись с Портой о враждебном нейтралитете.

.....

Зимний дворец. Петербург.

16 марта 1747 г.

— К нам обратилась австрийцы, и просят, наконец, принять участие в их войне для заключения мира. Мое мнение Вы знаете — я за союз с Англией и он не предусматривает пролитие русской крови за интересы Австрии. Если воевать, то нужно идти на соединение с Ганновером, где присутствует английский десант, — высказался канцлер Российской империи Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

— Без Австрии мы можем ожидать войны с Османской империей. Они и так заявляют свои права на запорожское гетманство, да и султану выгодна война, чтобы оправдать внутренние потрясения в своей стране, благо турка срывает старые крепости и еще не перестроила их на новый лад, да и в войске ихнем мало порядку, пока мало. По всей Османской империи бушует черная оспа, а курды опять волнуются того и гляди — взбунтуются. Токмо с падишахом Персии у османов замирение, могут договориться и вместе ударить по нам с Кавказа. Так что союз с Австрией только лишь сдерживает Османскую империю, с которой воевать мы не готовы, — высказался вице-канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов.

— Кто еще скажет? — спросила Елизавета, посматривая то на Ивана Шувалова, то на Степана Апраксина, но те молчали. — У меня есть мысли, что Великий князь мог бы и высказаться, но его на Совете нет — годами не вышел. А тут собрались мужи умудренные, и ничего не могут предложить.

— Ваше Величество, — решился высказаться Апраксин. — Сейчас можно усилить корпус Репнина. Дивизия Румянцева, проверенная в боях и долго упражнявшаяся с новым оружием прибыла на зимние квартиры к Петербургу и Ораниенбауму. Там сейчас чуть меньше десяти тысяч человек, мы можем их усилить казаками и еще двумя полками, которые формируются по новым правилам и упражняются с новыми демидовскими пушками. Еще добавить полк уланов и будет корпус в пятнадцать тысяч человек.

— Ты собрался воевать числом или людьми? Это они киргизов били в степи, а французы — это другое, одним видом не погонишь. Тут воевать в серьез. А коли поражение, так куда бежать? Россия далеко, — Бестужев с укором посмотрел на своего протеже Апраксина.

— Чтобы на следующий Совет был наследник престола российского, — с металлом в голосе сказала Елизавета, которая в серьезных ситуациях проявляла истинно характер дочери Петра Великого.

.....

Зимний дворец. Петербург.

18 марта 1747 г.

Я находился в нервном состоянии. Нет не так — был взбешен! Мое детище, которое я создавал вместе с Петром Александровичем Румянцевым, собрались бросить в топку европейских игр. Что должна делать Россия где-нибудь во всех этих Нидерландах Толи австрийских, Толи независимых или в английском Ганновере? Выторговывать себе непрочный союз с Австрией? А будет ли та биться за интересы России, как будут это делать русские за Марию-Терезию? Не нужно ответа, он очевиден.

Почему не пошлют на усиление Репнину, которого без смысла гоняют туда-сюда по немецким землям, гвардию или другие полки? То вернись из Голштинии, то теперь вновь беги и собирай тех немцев, кто еще не прибыл в Россию и опять иди воевать. И что-то подсказывает, что теперь придется не просто постоять где-нибудь для острастки, а кровушки пролить [реальной истории корпус Василия Аникитича Репнина действительно бегал вдоль Рейна, но австрийцы посчитали нужным пойти на уступки Франции, и русские не вступили в сражения]. Если же сгинет в этом безумстве дивизия Румянцева, то Россия не только потеряет своих потенциальных великих полководцев, но и уже выстраданную, я бы сказал образцовую, дивизию.

И Петр Александрович тоже молодец: «Я выполню любое повеление, Ваше Императорское Величество». Понимает же, что еще год-два и можно уже и с французами прободаться. А сейчас... Хорошо, что еще я выбил самостоятельность корпуса Румянцева в принятии решений и насыщение его сверх Устава артиллерией, забранной у преображенцев и семеновцев, прочем вместе с артиллеристами-гвардейцами.

Просился и сам поучаствовать — лишь воздух сотрясал, оправдывая в глазах тетушки свойственную моему юному возрасту экспрессию. Я прекрасно понимал, что не могу ехать, но и остаюсь убежденным, что именно я смог бы наладить взаимодействие между Румянцевым и Репниным, своим титулованием проломить стену твердолобости интендантов.

Оба командующих являются выдающимися людьми, однако, подходы к современному сражению у Петра Александровича уже изменились, а Василию Аникитичу будет некогда вникать в новые тактики. Хотел оставить Суворова при себе, чтобы он начал формирование нового полка и пройти опять весь тот путь до дивизии, но Александра Васильевича отвоевал Румянцев, вырвал подполковника из моих еще не столь цепких рук.

— Ваше Высочество, Ее Императорское Величество ожидает Вас, — торжественным голосом оповестил меня камердинер.

— Ваше Императорское Величество, — я церемониально поклонился.

— Что, Петруша, злишься на меня? — строго спросила Елизавета.

— Государыня, ну как же так, на основе дивизии Румянцева предполагалось формирование корпуса, и уже он мог года через два, да, хотя и через год, отправиться французов бить. Но сейчас... только десять тысяч солдат, — я чуть ли не плакал, из меня просто выпирала детская обида и эмоционально брала верх сущность недоросли Петра.

— А ты, наследник российского престола, понимаешь, что дивизия Румянцева сейчас самая боевая, полностью обеспечена оружием, новыми пушками, уже участвовала в боях? Тем более, что и донские казаки, и калмыки идут в помощь, два уланских полка приданы дивизии, артиллерию собрали сверх меры. И имеем ли возможность опозориться в Европе? Да и пусть отрабатывают твои любимцы свои чины. Вот победят, награжу и на кого

покажешь, повышу в чине. Только не Петра Румянцева, он и так в генералы вышел слишком молодым, — Елизавета встала, подошла ко мне и обняла. — Ну, Петруша, дитя словно, а я-то измыслила, что ты муж державный. Чего хочешь?

— Учредить общество вспомоществования армии и флота и Банк создать! — чуть ли не шмыгая носом, словно трехлетний ребенок, я просил создать самое серьезное финансовое учреждение в стране, может только после коллегий.

— Кхе-Кхе, — поперхнулась Елизавета, потом посмотрела на меня внимательным взглядом и зычно, как она это умела, рассмеялась. — Ну, ты, Петруша и плут. Я-то сердобольная поверила, что ты расстроился, а ты ха-ха. Бестужева и того в ловкости обошел. Банк создать! Да создавай, чай деньги-то есть, возьми Петра Ивановича Шувалова и товарищи, а то он мне уже сказывал, что ты умник великий. Петр Иванович подал прожекты по пощинам и соли. Говаривал — твои идеи. А дивизию подготовь, ты же генерал-аншеф, вот и дело сладь. У тебя месяц до их отправки. Захочешь еще полки присоединить Румянцеву? Сообщи мне, на то запрета не будет. Магазины наполняй фуражом, серебро будет — двести тысяч дам. А теперь иди, Петруша, работай. Даю добро на твои начинания, но держи совет с Иваном Ивановичем Шуваловым и с его кузеном Петром Ивановичем та же.

— На тебе, государыня, — банк создать! Экий плут, слезьми тут растрогал меня, — услышал я бормотание императрицы, когда лакеи закрывали двери в ее спальню.

Прохаживаясь по не слишком большим коридорам Зимнего дворца, которому предстоит отдать это название другому, еще строящемуся поистине великому дворцу, я думал, чем именно могу помочь своим протеже. Ну, по крайней мере, готовить флот, свой флот, договариваться с Адмиралтейств-коллегией, чтобы флотские могли подкрепления подвезти в Ганновер, благо в последнее время, как по дуновению волшебной палочки, флотские стали любезны и участливы. Именно возле Ганновера должны быть развернуты главные силы французов и там предстоит драться с Морицем Лотарингским. Важно вовремя и передать продовольствие, порох и свинец — большое дело для флота. А для этого, через Апраксина опустошу ряд полков на пороховой запас, так как собранных Военной коллегией магазинов будет мало. Озадачу Тимофея и Петра Евреиновых, чтобы те скупили вяленного мяса и круп за кошт государственный.

..........*

Ораниенбаум.

12 мая 1747 г.

— Ну, и как тебе? — спросила Екатерина, когда мы лежали и восстанавливали дыхание от страстной встречи — две недели не виделись.

— Что именно? Как ты сладка в плотской любви? Сладше меда! — отшутился я, прекрасно понимая, о чем именно спрашивает Катэ.

— Дурак! — Великая княгиня ударила меня в плечо своим маленьким, но отнюдь не слабым кулачком.

— Мадам, где Ваши манеры? — сказал я на французском языке.

— От кого поведешься от того и наберешься, — козырнула знанием русских пословиц Екатерина. Она любила использовать пословицы и поговорки в разговоре, Великая княгиня считала, что это является доказательством ее глубоких познаний в русском языке.

— Может быть, мы, наследники трона, и не идеальны, — я усмехнулся, потом обнял жену и взял в руки первый номер журнала «Россия». — Знаешь, душа моя, мне нравится. Для первого номера — очень хорошо. И статья о географии и исторические анекдоты, в виде небольшого рассказа.

— И твой опус о любви к Отечеству и создании общества вспомоществования армии и флота. И твои размышления о великом предназначении. И твои вирши. Я, оказывается, плохо знаю своего мужа. А он у меня философ, — Екатерина встала с кровати и, не стесняясь, своей наготы направилась к столику, где стояли бутылка вина и фрукты. Она была грациозна, после рождения Аннушки, Катэ превратилась в истинно притягательную женщину, округлившись в нужных местах, но, не набрав лишнего веса.

— Вы противоречите себе, разлюбезная Екатерина Алексеевна. Дурак-философ — это же противоречие, — сказал я, чуть ли не облизываясь на издевающуюся надо мной женщину простонал. — Да иди ты сюда, знаешь же, что я изнываю от желанья.

И закрутилась карусель древнейшего вида единоборств.

Журнал обратил на себя внимание общества. Уже то, что в трех последних номерах «Санкт-Петербургских ведомостей» шла реклама будущего журнала дало свой результат. Так же на последнем маскараде было объявлено высшему обществу о журнале. Проведена работа и в Москве и в Нижнем Новгороде. Теперь же типографии загружены и печатают очень недешевый журнал.

Что же касается учреждения фонда, то это моя инициатива. Средств катастрофически не хватает, даже с некоторым увеличением финансирования. Затыкать же финансовые дыры своими средствами — это просто не продуктивно. Хватает уже того, что строящийся флот, как и его комплектация, идет из моей мощны. Даже Сергею Салтыкову, который стал моим представителем при флоте, плачу жалование. Поэтому, если будет кто-то желающий помочь финансово, то только «милости просим», накрутив в прессе идеологическую составляющую.

Но я не столь наивен, чтобы верить в то, что люди понесут свое серебро только лишь по зову патриотического чувства. Тут игра на другом — гордыне и жажде славы. В журнале прописано, что имена тех, кто пожертвует деньги на армию и флот, будут напечатаны в приложении к журналу, намекнули о возможности получения личного дворянства наиболее участливым. Активные жертвователи получают и специальный знак «Верного сына Отечества», который уже в небольшом количестве отчеканен в серебре на монетном дворе. Не продумали только с «дочерями Отечества», вдруг кто из женщин решит пожертвовать. При этом обещается предоставлять отчет, куда уходят деньги на страницах журнала и в «Петербургских ведомостях». И тут еще один психологический момент. Люди не привыкли, что перед ними кто-либо отчитывается, а тут можно и потешить в некотором смысле самолюбие. А когда на тендерах по закупкам в армию станет обязательным один из пунктов, как то участие в Товариществе-обществе, то деньги будут. Может опять же коррупция с моей стороны, но это не совсем так, потому что никто не отменяет иные пункты, влияющие на результат тендера: наличие товара, качество, сроки поставки, объемы. И еще один момент, который может побудить нести людей деньги в фонд — причастность к делу, которое под пристальным вниманием императорской семьи. На страницах журнала уже указано, что я, наследник, и моя супруга, пожертвовали в Товарищество по пять тысяч рублей. Так оно и было — деньги привезены в редакцию «ведомостей», так как своего здания у журнала «Россия» нет, да и часть редактуры Якоба Штеллина принимала участие в подготовке журнала.

— Любимая, а как насчет еще одного дела? — задал я вопрос, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.

— Я это еще не наладила, — ответила Екатерина.

Я знал уже характер жены. Она очень основательно подходит ко всему, чем занимается. Долго, порой излишне, обдумывает проект, только потом принимается, опять же, без спешки, работать. Тот же журнал, по моим расчетам, мог быть издан еще месяц назад. Поэтому и хотел предложить уже сейчас новое дело, чтобы головка женушки активизировала мыслительные процессы.

— Любимая, армии нужны медикусы и мелкие чиновники. Очень нужно учредить институт для мещан на средства Военной коллегии, а, ежели не согласятся генералы, то и за мой личный счет. Это должны быть умеющие работать с бумагами люди и могущие лечить солдат на поле боя, — сказал я и умилился, как Катэ прикусила губки, начав обдумывать предложение.

«Думай, женушка, лучше делом занимайся, а не плети интриги против меня. Что-то пояс Алексея Орлова у меня на шее не сильно подходит под носимые мной туалеты» — размышлял я.

Нидерланды. Провинция Северный Брабант.

Окрестности города Берген-оп-Зом

26 августа 1747 г.

Корпус Василия Аникитича Репнина вновь совершил большой переход. Уже почти два года, как русская армия ходит по немецким землям, при этом не вступает в войну. И это больше всего беспокоило генерал-фельдцейхмейстера [воинское звание, чин, главный начальник артиллерии в Российской империи], так как нету для армии хуже санитарных потерь, уж лучше на поле боя пулю получить, да с пользой для Отечества, чем болеть и своей немощью отягощать и без того медлительные колонны. Европейцы потешаются, что русские не способны к быстрому передвижению, а сколько же можно ходить по чужим землям, да еще и с дурными картами.

Дали бы коней, повозок, которые нещадно ломаются на неидеальных дорогах Европы, конечно, лучше российских, но и они не лишены ухабов и колдобин. Да и провизию, которую сложно передвигать в обозах для оснащения тридцати тысяч на длительное время, союзники не спешат поставить. А рассылать фуражиров по окрестностям нельзя, а то вновь в варварстве обвинят.

А сколько нужно лошадей, чтобы перевезти пушку? Шестнадцать в одной упряжи и их необходимо кормить и не одной травой, чтобы не ослабли. Башмаков не хватает, быстро изнашиваются на длинных переходах, букли у солдат уже не оттираются от дорожной пыли.

Но, когда Репнин увидел авангард дивизии Румянцева, того самого обещанного подкрепления, которое так ждал командующий корпусом, генерал-фельдцейхмейстер и вместе с тем он же генерал-адъютант опешил. Пушки бодро тянули всего по четыре лошади. Да и нахождение орудий в авангарде необычно, если не сказать — преступно. Однако, делать выволочку подполковнику-юнцу Суворову, командующий не спешил. Нужно разобраться что это такое пожаловало на усиление, да еще и с правом самостоятельных действий, потешные полки, или все же боевые?

— Ваше превосходительство, подполковник Суворов с вверенным мне Первым Воронежским егерским полком прибыл, — отчитался Александр Васильевич.

Репнин мысленно зацепился за представление, в котором отсутствовала формулировка «в ваше распоряжение», но генерал вновь промолчал. Тут нужно дождаться генерал-поручика Румянцева. Но определенное мнение, основанное на возрасте этих офицеров, как командующего дивизией, так и полком, Репнин составил — все-таки потешные полки.

— Подполковник, а что за пушки у Вас и почему они идут в авангарде? — все же задал Репнин вопрос, который представлялся самым интересующим для любого профессионала в артиллерии.

— Демидовские пушки, изготовка к стрельбе составляет две-три минуты, способны стрелять навесом из-за возможности корректировки лафета, — доложил Суворов.

— Что ж располагайтесь, но на довольствие ставить не могу, сами ограничены в припасах, — сказал Репнин, решив позже подробнее узнать, может вечером за ужином, что это за такие егеря прибыли.

Василий Аникитич, являясь до отбытия с корпусом в Германию, одним из воспитателей

наследника престола Петра Федоровича, видел, что тот увлекся формированием потешных полков, для чего ему и были отданы на откуп солдаты Воронежского пехотного полка. А тут, воно как — егеря! И форма у них мужицкая, что стыдно и на поле боя выводить, правда, ткань добротная, да обувь не стоптанная. Но, ни буклей, ни панталонов, а штаны темно-зеленого цвета, что в траве и не отличишь. И что еще важно — все солдаты, как успел заметить командующий имели новые фузеи, в то время, как в его полках попадались даже мушкеты петровских времен и более ранние. И очень много среди егерей штуцерников, о тактике применения которых Репнин не сильно-то и размышлял ранее. Они же в линии только мешаться будут. Перезарядка медленная — выстрелил и все, стой в роли мишени.

К вечеру подтянулись и остальные войска. Это было двенадцать тысяч солдат и еще пять тысяч иррегулярных частей казаков и калмыков. Василий Аникитич ожидал, что все они, уставшие после перехода, разобьют бивуаки и станут дразнить терпящих недостаток провизии солдат корпуса, но нет. Казаки сразу же растеклись по всем четырем сторонам, были и те, кто бегом в странных лохмотьях отправился в сторону, которую указали офицеры Репнина, там должен стоять противник в пятнадцати верстах.

— Генерал-поручика Румянцева ко мне пригласите, — приказал своему адъютанту Репнин.

Через двадцать минут в шатер командующего вошел молодой человек, вид которого никак не соответствовал генеральскому чину. Нет, выправка на высоте — лихой и статный, но очень молод. Тут без протекции, Репнин был уверен в этом, не обошлось. Но чего стоило Александру Ивановичу Румянцеву продвинуть своего сына на такой чин?

— Без чинов, Петр Александрович, — прервал доклад Румянцева командующий корпусом. — Я получил предписание дать вам волю в принятии решений, что никак не согласуется с единоначалием. Что скажите?

— Василий Аникитич, я подчиняюсь Вашему единоначалию, но волен выбрать тактику, чтобы выполнить поставленную задачу, — ответил Румянцев.

— Вот как... — Репнин задумался. — И с чем это связано?

— Тактика применения новых пушек, построений, — кратко ответил Румянцев.

— Ну, хорошо, — генерал-фельдцейхмейстер что-то для себя решил. — Давайте поужинаем, а после рассмотрим диспозицию, и до военного Совета Вы выскажите свои соображения.

После ужина Репнин услышал много новаторских идей, которые, по заверениям Румянцева уже были апробированы во время краткосрочной экспедиции дивизии на Южный Урал. Для увлеченного артиллерией Репнина было дикостью слышать, что пушки-гаубицы демидовской выделки могут бить навесом поверх голов наступающих колон и что такую тактику уже применяли. Непонятна была роль штуцерников, которые пребывали на поле боя в рассыпном строю и были призваны отстреливать офицеров врага. Безусловно, без скепсиса, Василий Аникитич был согласен только с тактикой создания усиленного натиска на отдельном направлении с помощью резервов. Вот только как эти резервы сохранять во время боя, если неприятеля вдвое больше, а англичане отговариваются от помощи, утверждая, что зализывают раны после последнего поражения.

— Сражение должно быть. Еще месяц назад, когда французы узнали об окончательном соглашении о союзе Австрии и России, Людовик склонялся к миру, но, видимо, решил показать России, что лезть в европейские дела ей еще рано. Мориц Саксонский готовится ударить в направлении Берген-оп-Зома, а после на Ганновер и взять австрийские владения в

Голландии, видимо, для создания лучших условий для мирного соглашения. К тому же, если не принять бой, нас могут отрезать от моря и помощи англичан. А те худо-бедно, но провизию присылают, — резюмировал все сказанное на военном Совете Репнин.

Сегодня он опять спешит быстрее завершить все дела и прилечь. Уже несколько недель состояние его здоровья ухудшается. Кружится голова, теряется координация движений. Медикусы дают успокоительное, и он засыпает, тогда до вечера еще можно работать, однако, слабость и головная боль к ночи возвращаются.

Утром Румянцева разбудил его адъютант-порученец — Герасим — один из толковых казачков, что проходили обучения у казаков наследника.

— Ваше превосходительство! — сквозь сон расслышал генерал-поручик.

— Ну, что? Французы подошли? — присаживаясь на тюфяк, набитый соломой, спросил Румянцев.

— Так точно, французы выдвинулись с первыми петухами, Степан доложиться прибыл, — отвечал Герасим.

— Давай его, — отмахнулся Румянцев, раздосадованный побудкой, такая мамзель приснилась, а тут — солома и походный шатер.

Во временное жилище к командующему дивизией зашел в маскирующем халате сотник Степан Красный, который некогда спас самого наследника, от чего его родственники на Дону резко вошли в число богатейших казацких семей. Получив отмашку от умывавшегося Румянцева, Степан начал докладывать:

— Вчера до сумерек семь плутонгов вышли в сторону неприятеля при поддержке казаков. Выкрали ротмистра и допросили. Сегодня до полудня французы рассчитывали приблизиться на три-четыре версты к нашим позициям и начать оборудование фортификаций. Всего неприятель имеет семьдесят пять тысяч солдат при семи тысячах конных. Пушек пятьдесят четыре и они всегда располагаются на краях построений, стреляют перед конной атакой, по центру так же пушки, но их там обычно мало. Уже пушек у неприятеля на шесть-семь меньше, удалось подорвать и повредить. Подорвали пороховой склад, что был далеко от войска неприятеля в двадцати трех верстах. Там были и кони, частью побили животину. Погоню заманили на фугасы и шгуцерников. Неприятель потерял до сотни солдат, — Степан замолчал, ожидая реакции генерал-поручика.

— Ваши потери? — спросил Румянцев.

— Двое тяжело пораненных в лазарет доставили. Медикусы говорят, что шансы жить есть, — ответил Степан.

Когда Румянцев вышел из шатра, то первым делом он накрутил хвосты собравшимся уже по его требованию офицерам. Траншеи копались вяло, флешки еще только начали сооружать, мешки с песком только наполнялись, пушки не расчехленные, и не замаскированы под складки местности и под кусты, а неприятель может в любой момент начать атаку.

Крик, брань и кнут, как это ни прискорбно, но в такой ситуации более всего дает мотивации к работе. Определив, что работа закипела, Румянцев отправился к генерал-фельдцейхмейстеру Репнину. Командующий уже не спал, а рассматривал в трубу не противника, а то, чем именно заняты солдаты Румянцева на своем левом фланге.

— А почему солдаты роют укрепления не по фронту, а с трех сторон? Вы ожидаете атаку в бок? — спросил Репнин, как только Румянцев подошел к нему.

— Обезопасить себя от косой атаки, — ответил Петр Александрович.

— Пусть так, вы вольны в этом, — спокойно ответил Репнин.

— У меня есть доклад к Вам, — поспешил Румянцев рассказать новые сведения.

Репнин уже не удивлялся ничему, сегодня у него особенно болела голова и даже сон не помог. Ну, копают вокруг себя ямы и делают насыпи — пусть, солдата же нужно чем-то занять. Ну, получили сведения о неприятеле — молодцы, повезло. Подорвали шесть пушек и устроили засады на кирасиров Морица? Вряд ли такое случилось, но не ссориться же, выказывая недоверие. В любом случае, сражение неизбежно и оно покажет, кто есть кто. Может богатыри Румянцева и действительно такие отличные воины, что помогут свести вничью сражение, на победу с противником, численно превышающего русских в два раза, рассчитывать не приходится.

* * *

Окрестности города Берген-оп-Зом.

Лагерь Морица Саксонского.

27 августа 1747 г.

Мориц Саксонский был зол. Его сто пятнадцать вышколенных, ничем не уступающих кавалеристам короля Фридриха, кирасира, были убиты еще до начала сражения. Порох, что только позавчера прибыл с пополнением, сгорел, вместе с ним сгорели еще восемь солдат. Его порученец — капитан Фабьен Лебузье был найден в ближайшем лесу растерзанным. Эти варвары подло воюют, бесчестно. И он не оставит в живых ни одного офицера — пусть дикари боятся приходить к границам Франции. А когда главному маршалу Морицу Саксонскому сообщили, что потеряны еще семь пушек, он был готов изменить себе и без рекогносцировки бросить все войска на русских.

Еще два дня назад Мориц хотел оставить лишь тридцать тысяч своих войск у Берген-оп-Зоме, а с остальными силами спешно выдвинуться к Маастриху, чтобы осадить крепость и взять ее решительным штурмом. Дело в том, что месяц назад австрийцы прислали в Париж предложение о мире и Людовик XV, ведомый своими советниками, был готов закончить войну, пожирающую огромные средства. Вот только договариваться нужно при наличии козырей и более выгодной переговорной позиции, чтобы было что уступить. Маастрих и должен был стать козырным тузом в дипломатической игре. Однако, русские своим появлением в Австрийских Нидерландах изменили планы главного маршала, который был полон решимости приписать еще одну яркую победу на свой счет.

— Фабьен, разошлите по войскам приказ готовиться к бою. Завтра на рассвете мы одержим еще одну победу. Русских выскочек мы еще не били, покажем им силу французского солдата, — сказал Мориц и позвал своего повара, сказать, чтобы тот приготовил сегодня телячий паштет и голубей.

Отдав все приказания, отобедав и выпив любимого Бордо, главный маршал — герой Франции в войне «за австрийское наследие», решил отдохнуть. Дневной сон очень важен для здоровья.

Вечером же, на своем белом жеребце, главный маршал прогарцевал в сопровождении свиты и личных хронистов между рядов палаток и караулов, демонстрируя высокий боевой дух и решительный настрой, который, как верил Мориц, передается солдатам. После этого, состоялся Военный Совет с утверждением плана предстоящего боя и нарезанием задач для командующих. Смелые генералы, которым разрешалось вольно излагать все, что посчитают нужным, но лишь на Совете, обвинили Морица Саксонского в излишней предосторожности,

ссылаясь на военный гений главного маршала, диких руссаков и доблесть французских солдат. В завершение Совета всем генералам было предложено вино из личных запасов Морица, ветчина и твердый сыр. Прослушав на ночь новое произведение гениального композитора Иоганна Себастьяна Баха, исполненное на клавесине походным музыкантом, главный маршал изволил отдыхать.

— Бах-Бабах-Бах, — звуки разрывов от бомб были созвучны с фамилией немецкого композитора.

— Месье, Ваше Высочество, просыпайтесь, — Фабьен тряс главного маршала, который уже и не спал, а пытался понять, что же вокруг происходит.

— Поль, уже утро и началась битва? — спросил Мориц у своего распорядителя.

— Нет, месье, полночь и русские подкатили орудия и бьют их них, — ответил адъютант.

— Как такое возможно? Почему Лерье не атакует их кирасирами? Где мои прославленные карабинеры? — командующий французскими войсками начал спешно одеваться. Но это было не так легко, особенно сложно, когда приходится это делать самому.

— Ду-ду-дух, — прозвучал сильный взрыв где-то в километре от шатра командующего, но по звуку, будто в десяти метрах, настолько мощным был грохот.

— Это склад наших бомб к артиллерии. Да что же творится? — выверился маршал и выбежал из своего шатра.

Картина, которая представилась взору командующего французами, была нелицеприятной. Паника, все бегает, никакой дисциплины, офицеры собирают свои подразделения практически по одному солдату. Горит часть палаток, небольшой ветер перекидывает пламя на соседние тряпичные укрытия. Между тем, обстрел лагеря прекратился, вдали послышался топот копыт. Мориц улыбнулся. Конечно, обстрел лагеря это очень плохо, есть жертвы и их много, один из складов взорван — это тоже плохо, но не критично. А вот то, что пушки русских сейчас будут захвачены — это удар по неприятелю очень сильный. По данным разведки, до прихода подкрепления к Репнину у него было сорок три орудия, сейчас же вряд ли больше пятидесяти. Лишить неприятеля половины орудий, а стреляло сейчас не менее двадцати пушек, это пол победы.

— Ду-ду-дух, — прогремел взрыв со стороны еще одного склада.

— Да что, черт возьми, тут происходит? — взбеленился Мориц и ударил своим маршальским жезлом по опоре одной из палаток.

— Бах-бах, — доносились уже не такие громкие звуки взрывов со стороны, куда устремились кирасиры генерала Лерье, еще прошлой ночью больше всего пострадавшие от подлости русских. Сейчас же они вновь нарвались на установленные, вовремя того, как демидовские пушки били по лагерю, фугасы с поражающими элементами.

..........*

Окрестности города Берген-оп-Зом.

Лагерь русских войск.

27–28 августа 1747 г.

Ночью русский лагерь спал. На вечернем военном Совете выступил генерал-поручик Румянцев, к которому до того пришел с планом ночной атаки неприятеля казак-диверсант Степан Красный, который успел проконсультроваться с артиллеристами. Предложение

было столь безрассудным, что могло и сработать.

Новая артиллерия способна бить на дальнее расстояние, чтобы быть недоступной для ответного удара. Кроме того, изготовить демидовские пушки можно за пару минут, лошади дрессированы и не должны разбежаться от звуков выстрелов. Так что приехать, отстреляться, уйти, оставляя «подарки» в виде фугасов для преследователей, накидать по дороге еще и рогаток и стального чеснока, чтобы замедлить преследование и все, дело сделано. Французы ночью атаковать не станут — это просто невозможно, поэтому вероятность успеха авантюры есть. А в это время в тылу у неприятеля порезвятся диверсанты, переодетые во французскую форму.

— Вы меня удивили, Петр Александрович. Признаться, я был уверен в авантюристичности затеи. Но, то, что представилось взору с первыми лучами солнца в лагере неприятеля, говорит и о французских потерях и о резком падении духа их солдат, — восхищался Репнин, всматриваясь в подзорную трубу. — Но они не отступят. Сейчас это уже дело чести для Морица.

— Да, Василий Аникитич, я и сам до конца не верил в успех, но как-то сказал мне один молодой человек, невозможное таковым считает и неприятель, по сему сделай невозможное и порази не ожидавшего врага, — усмехнулся Румянцев.

— И кто же такой мудрец в нашем Отечестве, Петр Александрович? — проявил любопытство командующий.

— Вы не поверите, — наследник престола российского Его Высочество Великий князь Петр Федорович, внук Петра Великого, — генерал-поручик произнес полное титулование наследника.

— Простите, действительно, верится с трудом, — Репнин задумался, уж кому, как не ему знать Петра Федоровича, Василий Аникитич сам лично покупал солдатиков наследнику, а тут такие изречения.

— Позвольте отлучиться, пришел доклад о потерях неприятеля за ночь, — спросил дозволения Румянцев и, услышав «да, конечно», отошел к стоящему в двадцати метрах от шатра командующего Степану.

Минут пять Румянцев разговаривал со странным казаком, потом повеселевший вернулся к командующему.

— Потери: два склада с бомбами и гренадами, до двух сотен убитых и порядка трех сотен раненых солдат и офицеров, это без учета кирасиров, которых еще шестьдесят семь убито. Уничтожено восемь пушек неприятеля. Генерал Лерье погиб, его тело принесли в наш лагерь, атака французов назначена через два часа, — пересказал доклад Степана Румянцев.

— Я не перестаю удивляться. Бой еще не начался, а мы выбили уже батальон лучших кирасир неприятеля. Жаль, что их все равно намного больше нашего. И откуда точные цифры по кирасирам, и данные по началу атаки? — поинтересовался Репнин.

— Кирасиров раздели казаки, посчитав своим трофеем, а откуда данные об атаке, я даже сам не хочу знать. Это подлые приемы, сударь, — Румянцев надел маску искреннего сожаления.

На самом же деле, Петр Александрович не сильно то и переживал, что казаки пытаются врага на предмет информации, которая может спасти сотни человек, а то и все русское войско.

Через полтора часа уже были заметны выдвинувшиеся линии противника, который,

начал обстрел русских позиций из своих оставшихся пушек. И нельзя было сказать, что смертоносные французские бомбы не находили своих жертв, несмотря на то, что большинство русских войск пряталось за земельными укреплениями. Начинала отвечать и артиллерия Репнина.

Ранее была договоренность, что демидовские пушки станут мобильным резервом, но с концентрацией половины от всех орудий на левом фланге. Поэтому козырь пока не раскрывается, а имеющиеся пушки старого образца ведут не очень удачную контрбатарейную борьбу, несмотря на количественное превосходство русской артиллерии.

Между тем и артподготовка французов была слабоватой. Может потому, что у них обнаружился дефицит бомб, может, и пушек не так и много. Но уже скоро стройные линии карабинеров начали заполнять поле Юго-Восточнее города Берген-оп-Зома.

Главный удар, не мудрствуя лукаво, Мориц наносил по центру русских порядков, будучи уверенным, что его двукратное численное превосходство не оставляет шансов русским в любом случае. И, когда карабинеры приблизились на расстояние выстрела дальней картечью, ударили-таки демидовские пушки, выкашивая вражеских стрелков. В это же время, егеря подполковника Суворова начали выцеливать офицеров и унтеров. Однако, обстрел не остановил неприятеля и карабинеры упорно, не считаясь с потерями шли вперед.

— Приказ Шилову, чтобы своими казачками побеспокоил французов, но не атаковал, — распорядился Румянцев и один из вестовых, готовых выполнить приказ командующего, рванул своего жеребца в направлении леска, где стояли на изготовке донцы.

С улюлюканьем, лавина конных лихих казаков устремилась с левого фланга ударить в бок карабинерам. Сразу же среагировала и конница противника, которая начала слаженно разгоняться для удара уже по казакам.

— Пушки к бою, ударить по коннице неприятеля, как только казаки оттянутся, — командовал Румянцев.

Французы стремились купировать атаку русских во фланг своим карабинерам, но казаки, не сбавляя скорости, развернулись, лишь разрядив свои пистолы, и стали убегать от настигавших их французских всадников.

Двенадцать пушек дальней картечью смяли первые ряды кирасиров, когда те, заманенные казаками, подставились боком. Пока французские кавалеристы разворачивались, уже понимая бессмысленность своей атаки, кирасиры неприятеля успели получить еще два залпа и потерять не менее трех сотен безвозвратных потерь. Штуцерники добавили сумятицы в рядах французской конницы, так бесславно теряющей в последние два дня своих лучших солдат. Французская кавалерия начала оттягиваться на исходные позиции, продолжая уменьшаться в числе.

Тем временем на правом фланге французы уже придвинулись к русским позициям, и там началась дуэль стрельбы линий, в которой русские явно уступали своему противнику. Русские пушки, которые также там находились, молчали.

Василий Аникитич Репнин, выехавший на самый сложный в данный момент участок — правый фланг, упал с коня, как только подскакал к артиллеристам. Командующий не успел отдать приказ на снятие маскировки с демидовских пушек, когда генерала скинуло с вороненного жеребца. Это была не пуля врага. Бессонная ночь, волнение боя, и генерал-фельдцейхмейстер, генерал-адъютант, руководитель Сухопутного шляхетского корпуса, умирал от инсульта, вселяя неразбериху и панику среди офицеров правого фланга русского воинства [Примерно в это время в реальной истории, но в Баварии, Василий Аникитич

Репнин действительно пережил первый инсульт, после случился и второй — смертельный. Учитывая напряжение боя, он вряд ли пережил бы сражение].

— Первый Голштинский полк на правый фланг. Половину резервных пушек срочно туда же, — скомандовал Румянцев и уже не обращал внимания на исполнение приказа, знал, что его поручение будет выполнено полностью и быстро.

— В четыре линии, косым строем, под навесным обстрелом бомбами, — отдал следующее распоряжение генерал-поручик.

Вперед выдвигались вышколенные голштинские гренадеры. Всего три тысячи штыков, но они были самые организованные в дивизии Румянцева, умея перестраиваться на поле боя даже под обстрелом.

Французы увидели опасность косой атаки русских и конница неприятеля вновь, уже перегруппировавшись, устремилась в атаку.

— Вывести оставшиеся пушки резерва по пролеску и ударить по левому флангу неприятеля, после атака тремя волнами казаков, уланов и калмыков, с откатом на позиции, не дать кавалерии неприятеля свободно атаковать, изматывать их коней, — командовал Румянцев.

Петр Александрович уже отдал сигнал флажком, чтобы саперы подпаливали направленные фугасы. Французская конница в этот раз аккуратно попадала в ловушку, начиненную поражающими элементами. Голштинские гренадеры выступали, в том числе, и в качестве приманки для конницы.

— Навесом по французским карабинерам, — выкрикнул Румянцев и через минуту, раздались выстрелы демидовских пушек, которые отпустили в полет над головами союзных гренадеров бомбы по развернутому по фронту французским карабинерам.

Прогремели выстрелы и на правом фланге, но время было упущено, и пушкари задели также и своих, но в меньшей степени, чем французов. Если бы там были солдаты румянцевской дивизии, офицеры приказали бы залечь солдатам и дать свободно отработать практически в упор артиллерии, но нет...

Послышалось русское «Ура» и в центре началась рукопашная. Европа еще не знала, что по причине редких учебных стрельб, чаще всего русских солдат учат работать со штыком и многие из них действительно становятся сильными бойцами в ближнем бою. Это и происходило, при некотором содействии егерей, не перестающих перезаряжаться и стрелять. Плохо, что штуцер заряжать дольше фузеи.

— Ура! — поднял в атаку Суворов своих егерей, выгадав время и место удара. Французы, несмотря на свое численное превосходство, начали пятиться. Суворовские егеря сделали по выстрелу, но перезаряжаться не стали — атака в динамике, не останавливаться, обескуражить противника своей решительностью и натиском.

В это время русские пушки били по лагерю Морица Саксонского. А после двух залпов демидовских орудий в стремительную атаку с фланга на лагерь французов, во многом имевшую психологическую подоплеку, пошли иррегуляры-калмыки с казаками и уланы. Вот тут и началось осознание цивилизованными французами, кто такие варвары и дикари. Казаки, как и башкиры, спешили убивать и грабить. Слабый заслон в виде батальона гренадеров неожиданно был сметен конной лавиной диких русских, и началось избиение во французском лагере, когда большинство войск неприятеля уже завязли в боях с русскими.

А на поле три тысячи голштинцев исполняли по истине танец. Как только французские линии, бывшие в три раза количественно больше, поворачивались фронтом к уже не

голландским, но русским гренадерам, те сразу же перестраивались в новом направлении атаки с обязательным косым уклоном, успевая при этом еще и перезарядиться и стрелять. Все эти маневры сопровождалось обстрелом французов русской артиллерией. Скоро, не выдержав напора и разящей несмолкаемой артиллерии русских, побежали и первые некогда прославленные карабинеры. Французские гренадеры, пришедшие чуть позже к русскому центру, также не выдержали штыкового боя и натиска богатырей, что действовали по, пока еще не известной, тактике Суворова с напором и созданием давления на отдельном участке. В толпе же стоит побежать одному и цепная реакция не заставит себя ждать, тем более, когда враг уже грабит твой лагерь и обозы.

— Драгунов и всех оставшихся конных в преследование, — скомандовал с нотками досады Румянцев. Не дело драгунам гоняться за бегущими.

Те, кто и должен был гнать французов — казаки и калмыки сейчас резвились в лагере неприятеля и, наверняка, заняты больше грабежом, так как стройного руководства у бывшей, пока непобедимой, армии главного маршала Франции уже не было. Казаки же умели наводить ужас на дезорганизованных врагов, калмыки в этом деле уступали своим соседям на Дону мало. И те и другие имели крайне пугающий французов вид и уже этим способствовали победе.

Французы, пусть и с большими потерями со стороны русских, были разбиты, начались сдачи в плен целыми ротами. На правом фланге корпуса Репнина было много погибших и раненых в зеленых мундирах, в центре так же не мало. Семь-восемь тысяч Россия потеряла, но честь свою не только отстояла, но и преумножила.

Однако, ошибочно думал Румянцев о казаках, что они удовольствуются лагерем, этим трофеев всегда мало. Так, казачий полк Шилова, оставив легкораненых и молодняк продолжать разорять лагерь французов, посмешил вдогонку убегающим солдатам неприятеля, большинство из которых уже и побросало свое оружие, чтобы было легче спастись бегством. Но сложно убежать от сабли казака, который уже поймал кураж.

Скакали казаки, рубя саблями еще недавно считающуюся победоносной армию Морица Саксонского, пускали из седла стрелы калмыки, бежали за французами и русские пехотинцы, мстя за убитых товарищей, за свои страхи, шгуцерники ловили в прицелы неприятельских офицеров, которые тщетно пытались хоть как организовать отступление. А тело главного маршала Франции лежало рядом с сотнями иных убитых французов, и только качественная шелковая рубаха позволяла распознать знатного офицера среди тел простых солдат. Саксонской и французский военачальник был сражен казацкой саблей уже после того, как получил ранение в правую ногу от разорвавшейся неподалеку русской бомбы.

Петр Александрович Румянцев сидел на мешке с песком и отрешенно смотрел на работу санитарных групп. Сколько русских солдат, получивших ранения в бою выживут? Многим больше, чем это могло быть, если не насыщение войск сверх правил медикусами, которое продавил наследник престола. Даже во время боя санитары и обученные в каждом плутонге по два человека оказывали первую медицинскую помощь. Часто достаточно остановить кровь и перевязать, пусть и наспех, рану, чтобы дать солдату шанс на выживание. Сейчас же было сложно успевать всех пользоваться, так как корпус почившего Репнина не имел достаточного количества медикусов и развернутые пять лазаретов были переполненными ранеными русскими богатырями.

Не принимал участие командующий дивизией и в сборе трофеев, как и не предпринимал действий, чтобы остановить этот процесс. Для солдата, как и для казака

важна даже ткань, из которой изготовлен мундир французского солдата, не говоря уже об убранства офицеров. А что касается обуви, так тут и говорить нечего — в русском корпусе была прямо беда со стоптанными башмаками у солдат, прошедших не одну сотню верст по немецким землям. Да — это не цивилизованно, но разве европейцы иначе себя ведут?

— Петр Александрович, кого посоветуете послать с извещением государыне о нашей победе? Может подполковника Александра Васильевича Суворова? Он сильно помог своим полком центру в труднейшей обстановке, — спросил генерал Ливен, который после смерти Василия Аникитича Репнина был старшим в чинах и принял командование корпусом.

Румянцев не сразу обратил внимание на подошедшую к нему процессию из трубачей, барабанщиков и даже подавальщиков с подносами, на которых стояли бокалы с вином.

— Простите, — подхватился генерал-поручик, вдыхая воздух, чтобы ответить по форме.

— Полноте, Петр Александрович, виктория сия — ваша заслуга. Я признаться, увлекся командованием центра наших войск и не принял должных решений, когда французы почти смяли правый фланг. Так что, ваша предусмотрительность с резервами из демидовских пушек и драгун, во многом решила исход баталии, посему не стоит тянуться, и давайте без чинов. Что скажете? — Ливен взял бокал вина и залпом осушил его, словно пил воду.

— Если позволите, я бы советовал отправить подполковника Суворова, но начальню к Его Высочеству Великому князю Петру Федоровичу. Вижу его чаяния в делах, что допустили сию викторию. Много денег стоило оснащение и выучка солдат, как и артиллерия — это его с Никитой Акинфеевичем Демидовым детище. Было бы честным, чтобы он и доложил вместе с Суворовым о славной виктории, — сказал Румянцев, так же беря бокал с вином.

— Так сему и быть. Как только сосчитаем итоги баталии, не мешкая, отправляйте подполковника с донесением. Думаю, что быть Суворову самым юным полковником, — Левен позволил себе усмехнуться, глядя на Румянцева, который стремительно вырос некогда до подполковника за сообщение Елизавете о мире со Швецией. Да, он тогда был старше Суворова года на два, так что Александр Васильевич перекрыл результат Румянцева.

* * *

Пригород Парижа.

Отель де Эвре, Версаль.

10 сентября 1747 г.

Маркиза де Помпадур, на самом же деле Жанна-Антуанетта де Этьоль, пребывала в своем отеле де Эвре, когда посыльный привез страшные вести из Голландии. Капитан, имеющий сведения о разгроме блистательного Морица Саксонского русской армией, бывшей вдвое меньшим количеством, поостерегся прибыть сразу во дворец. Все знали, что маркиза может лучше подать сведения королю, который в любом случае больше увлекается своей фавориткой, чем любыми государственными делами. Именно маркиза дает советы Людовику XV, а по факту управляет Францией из королевской постели. Не всегда именно тело, уже не столь юной фаворитки, согревает просторную кровать Людовика, но Мадам де Помпадур та, с кем король еще и разговаривает, а не только утоляет свою похоть. А что до похоти, то маркиза всегда имеет в запасе несколько девиц во вкусе короля, с коими Людовик в образе польского шляхтича, проводит время под пристальным надзором Жанны [исторический факт].

— Капитан, и сколько осталось солдат в строю? — спрашивала сосредоточенная

маркиза. Волевая и умная женщина, она не теряла самообладания в самых сложных ситуациях.

— Удалось собрать не больше двадцати тысяч солдат, большинство которых были без оружия. Потеряна армейская казна, обозы, командующий и все генералы погибли, множество солдат дезертировали и сейчас прячутся в голландских деревнях, — уже плакал капитан Левуаль.

— Это разгром, — констатировала мадам де Помпадур. — Прекратите истерику, капитан, кто тут мужчина и должен держать себя в руках. Я в обморок не падаю.

«А вот упасть без чувств при встрече с королем нужно обязательно» — подумала маркиза позвала своих служанок.

Перед королем маркиза де Помпадур, друг и периодически любовница бесталанного Людовика, предстала в темном платье, подчеркивающим прискорбное настроение, если не сказать, траур маркизы. Теперь остается отыгрывать роль скорбящей матери по убиенным ее сыновьям.

— Маркиза? Вы решили ввести при моем дворе моду на уныние? Что за цвет платья Вы выбрали? — спросил король, разглядывая декольте своей фаворитки.

Пусть платье и было в темно-сером тоне, но декольте было более глубокое, чем в иных фривольных нарядах. Маркиза так низко согнулась, что краешки розовых сосков чуть приоткрылись взору короля. Лучше, чем кто бы то ни был, фаворитка прекрасно знала вкусы и пристрастия Людовика и умела в нужный момент будоражить его мужское естество. И как же она верно поступила, что запретила на последние четыре дня всем любовницам короля флиртовать с ним. Маркиза прекрасно понимала, что вот-вот должны прийти сведения о победе Морица и тогда именно она разделит радость с королем и возляжет с ним, томленным уже целых четыре дня без женской ласки. Сейчас же стоит уповать на иной подход — утешить Людовика в трауре по погибшему Морицу.

— Мой король, мужайтесь, ибо вероломству варваров нет предела, — произнесла маркиза и залилась слезами, внимательно наблюдая за реакцией короля, чтобы в нужный момент обмякнуть в его руках.

— Что с Вами, дорогая маркиза, лекаря! — Людовик вновь купился на не раз используемую де Помпадур уловку и женщина чуть ослабла в руках хозяина Франции по праву крови.

Маркиза начала имитировать недомогания, четко выцеливая место, куда ей придется падать. Король был бы ошарашен, не имея мощи удержать пусть и хрупкую на вид женщину, поэтому де Помпадур все четко рассчитывала. Конфуза короля сейчас точно не надо.

— Мой король, Мориц попал в русскую ловушку и был разбит. У Вас больше нет армии в Голландии, — сказала маркиза, и окончательно рухнула в беспмятстве на ближайшую кушетку, ловко извернувшись, чтобы «упасть» в точности на мягкую поверхность.

— Да где же лекарь, когда он так нужен? — встревожился Людовик и все придворные, что крутились вокруг тушки короля, уже получившего прозвище «Возлюбленный», начали проявлять беспокойство.

— Воды! — кричал какой-то щеголеватый франт по правую руку от короля.

— Откройте окна! — показывала свое волнение о здоровье фаворитки короля молоденькая дама по левую руку от короля.

А Людовик любовался маркизой, чья прелестная ножка при падении оголилась из-под

платья и заставила вспомнить страстные встречи с мадам де Помпадур.

Лежа с закрытыми глазами на кушетке, Жанна размышляла, что не так и сильно влияет поражение на исход войны. Конечно, очень жаль, что славный Мориц потерпел поражение, но сейчас Австрия еще быстрее подпишет мир с Францией, чтобы не допустить к дележу пирога далекую Россию, и можно будет сосредоточиться на формировании нового конвоя в Ост-Индию, где героически сражаются французские войска с англичанами.

Через полчаса маркиза уже сказала здоровой и, проведя пальчиком по руке своего короля, не забыв при этом закрепить успех соблазнения несколькими пикантными позами на грани приличия, увела Людовика «скорбеть» по убиенным французским воинам в королевскую спальню. Король, конечно, выкажет еще и негодование и выдвинет обвинения своим министрам, но вероятный гнев в отношении маркизы купирован ее работой в постели короля, как и великолепной актерской игрой.

Чуть позже уже жена короля — Мария Лещинская, полька, всей душой ненавидящая Россию, добьется аудиенции со своим мужем и выскажет ему свои опасения. Мария боялась усиления России и ждала позора варварской страны, за то, что та не позволила ее отцу Станиславу Лещинскому оставаться королем Речи Посполитой. Только истерика Марии, пребывающей чаще всего в спокойном состоянии, была не нужна, король вполне был зол и сам. Людовик все еще не простил императрицу Елизавету за то, что та выгнала его блистательного посла Шетарди из России, обвиняя того в нелепом шпионаже и теперь король даст разрешение на любые козни против этой варварской страны, только кроме прямого убийства, потому как голубая кровь монарха не может пролиться.

Вот только после победы русских при Берген-оп-Зоме король уже не станет унижать восточных схизматиков, особенно при их прошении об аудиенции. Да, были допущены ошибки в интригах с русскими, а сейчас и Лестока, последнего проводника французских интересов при елизаветинском дворе, отправляют в ссылку. Есть еще вице-канцлер Воронцов, но к нему еще нужно найти подход, чтобы передать денег. А кто это сделает, если нету французов более во дворцах Петербурга?

..........*

Ораниенбаум, Петербург.

8 сентября 1747 г.

Как не спешил подполковник Александр Васильевич Суворов с донесением о победе в битве под Берген-оп-Зоме, соревноваться в скорости с английским фрегатом, он не мог.

Англичане узнали о победе и быстро сообразили, как одновременно и макнуть русских в их медлительность в важнейшем деле сообщения о виктории в сражении, так и предоставить, отнюдь не лишние, козыри в нелегком деле английского посла при русском императорском дворе. Поэтому, как только, через четыре дня после разгрома французов, в Ганновер пришли сведения, фрегат «Елизавета», символичное для такой миссии название, устремился в Петербург. Четыре-пять дней и корабль прибудет в столицу России, в то время, как русским понадобится около двадцати дней. И то с удачей и при условии смены коней на почтовых станциях. Не знал Александр Васильевич, что через день после его отъезда из расположения русского корпуса, к Ганноверу подходила русская эскадра с провиантом и пороховым запасом, иначе мог отправиться на самом быстром русском корабле с донесением в столицу.

Лорд Кармайкл уже ждал аудиенции у русской императрицы, когда Суворов с ротой драгун остановился на обед в трактире у Риги, чтобы, не заезжая в город, поспешить, еще до заката, добраться до следующей почтовой станции.

— Ваше импегаторское Вельичество, — английский посол Кармайкл изобразил вежливый поклон.

— Что же случилось, любезный посол, что Вы были столь настойчивы в аудиенции, — раздраженно спросила Елизавета.

Мало того, что императрица стала одеваться сразу после сна, да в такую рань. Подумать только — в два часа пополудни. Так более того, она не успела отобедать, ей даже не почесали пятки, что так любила Елизавета. Еще вчера императрица целый день не ела, так как болел живот и колело в боку. Сегодня же, проснувшись, почувствовала себя бодро и желала отъестся за все два дня. Но, не тут-то было — по назойливой протекции канцлера Бестужева пожаловал английский посол.

— Я приньес вестьи добрые, Ваше Вельичество, — посол выпрямился и приподнял подбородок. — Русская арми одьержать викторию в Голландии и разгромить маршала Морица.

Лорд Кармайкл чувствовал себя хозяином положения. Он знал, как щедры русские цари на подарки приносящим хорошие вести, ожидал милости и для себя. Может это будут сто тысяч рублей, что, конечно меньше ста тысяч фунтов, но весьма внушительно. Может орден пожалуют. В любом случае его работа, как посла резко упроститься. И кто знает, может случиться, пусть и краткосрочный, но фавор.

— Шельма, — чуть прошептала Елизавета, чтобы слышал только Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

— Лорд Кармайкл, мы благодарны Вам за эти вести и они действительно радостны для нас, посему пошлю письмо с благодарностью Вашему королю Георгу Второму, пусть по достоинству оценит рвение своего посла при моем дворе, — Елизавета чуть отвернулась, демонстрируя, что аудиенция закончена.

Не была русская императрица глупа, ой, не была. Все прекрасно поняла государыня, всю подоплеку рвения посла и канцлера, и уже сама щелкнула по носу англичанина. Вот пусть просит у своего короля награды за то, что не смог использовать новости, как должно и что не получил преференций.

— Виктория! — мечтательно произнесла императрица, потом, заметила, как пятится следом за удаляющимся английским послом канцлер, с не предвещающей ничего хорошего улыбкой, сказала. — А ты, Алексей Петрович, куда, шельма, собрался? Кому служишь мне, али англичанам? Привел этого посла, а в это время из корпуса спешит, загоня лошадей, офицер с донесением. Викторию украсть решили англичане твои? Иди и узнай у посла все, что знает о баталии сей!

Как не старался Бестужев реабилитироваться и узнать подробности о сражении, не получилось — сами англичане только что и знали, что русские разгромили вдвое большее войско французов.

..........*

Ораниенбаум, Петергоф.

13–14 сентября 1747 г.

Суворов, изнеможенный, весь в дорожной пыли и с потрескавшимися губами прибыл ко мне в Ораниенбаум 13 сентября 1747 года. Рота, сопровождающая его, выглядела не лучше подполковника. И моя обязанность, как будущего императора была наградить этих людей за добрые вести и за то, что посчитали нужным сообщить именно мне столь славные вести.

— Не могу, Александр Васильевич я перевести тебя в полковники, пусть это и в моих возможностях, но чем могу наградить, так это серебром, — сказал я Суворову и сразу же обратился к присутствующему тут Тимофею Евреинову. — Тимофей, выдай господину подполковнику пять тысяч рублей, а драгунам, что прибыли с ним по три сотни, офицерам по пятьсот рублей.

— Благодарствую, Ваше императорское Высочество, — склонил голову в поклоне Суворов.

— Это то малое, посмотрим, как государыня проявит благодарность, от того и решим дальнейшее. Рассказывай, Александр Васильевич, да угощайся, чем Бог послал, — сказал я и пригласил гостя за стол. А через несколько минут к нам присоединились Екатерина с Аннушкой.

По моей просьбе, Елизавета уже позволяла привозить дочку в Ораниенбаум. Пусть и всего на пару дней, если мы с Катэ обитали в своем дворце, и не чинила препятствий в общении с Аннушкой, если мы приезжали ко двору, и когда ездили с императрицей в Москву, или еще куда. Вот и сегодня маленькое чудо, которое уже пытается ходить, радовало и меня и Екатерину. Были мысли и вовсе взяться самостоятельно за воспитание своей же дочери, но я видел, что уступки в этом вопросе со стороны тетушки и так весьма значительны. Пусть наиграется, но мои дети в итоге будут рядом со мной, нельзя напролом буром переть, деликатнее нужно, с особым подходом.

— Екатерина Алексеевна, а не прокатиться ли нам всем вместе завтра к государыне поутру, все же и так везти Аннушку нужно? — спросил я Катэ, все же на людях соблюдать этикет в общении, пусть и минимальный, было необходимо.

— Конечно, Петр Федорович, за одно и в редакцию заеду, узнаю, как идет торговля журналом, а то в Ораниенбауме уже у каждого второго вижу книженцию сию, а сколько их по России продали, и не ведаю, — ответила главный редактор журнала «Россия».

— Простите, Ваше... — хотел было что-то спросить Суворов, но вспомнил про мое «не чинясь». — Петр Федорович, Екатерина Алексеевна, а дозволено ли мне будет узнать, что за книженция сия, что многие читают?

— Вы, сударь, героически воюете на поле брани, а я свою войну веду за Просвещение России, с Божией помощью и при подсказке супруга. Это журнал, в коем статьи и научного толка и шутейного, о светском обществе и заграничных державах. Вот и Вас, сударь попросила бы обстоятельно описать героическую битву, что и в «ведомостях» напечатать и после в новом номере журнала, — Екатерина обворожительно, как-то, обволакивающе, улыбнулась. Так, она это сделала, что и у меня появляется желание бежать и что-то для нее сделать. Это метафизика какая-то.

На следующий день Александр Васильевич получал свои минуты Славы у императрицы. Елизавета прочитала доклад Румянцева и генерала Ливена, выразила свое сожаление в связи с гибелью на поле боя славного командующего Василия Аникитича Репнина, а после объявила о большом приеме.

Награды также последовали. Пусть взлета в чинах и не случилось, но Суворов стал-таки полковником, а генерал-поручик Румянцев остался таковым, но был жалован имением под

Ярославлем в четыреста душ. Суворову дали пять тысяч рублей. И это было немало, учитывая, что они одержали, пусть и славную, но одну победу. Да и в России в это время скудноато на ордена. Есть того же Александра Невского, но получить его мог первый-третий в табели о рангах, до чего Суворову еще шагать и шагать. Будет так и дальше биться, по любому к завершению карьеры будет в побрякушках, как рождественская елка.

Пожаловали и меня, как Президента Военной коллегии, тем более, что в донесениях и от Румянцева и от генерала Ливена есть указания на то, что победу одержать им помогла новая тактика, разработанная в Военной коллегии, как и демидовские пушки, к коим я имел отношение и о том было известно государыне. За то, что и я принес благую весть, был я удостоен Ордена святого Александра Невского, но без мечей.

Я видел в этом награждении больше отметку в том, что «видим, Петруша, изменился, молодец — так держать», чем награждение за действительные заслуги. Но уже то, что одарили не деньгами, а орденом, говорило о выделении меня и де-факто подтверждение статуса наследника. Ранее все понимали, как и я, что роль Петра Федоровича только в том, чтобы заделать сына и все — отдыхай, делай что хочешь, а править станет сын. Сейчас же это менялось.

Через месяц я узнал, что титуловать меня впредь следует «цесаревич», по аналогии, как некогда титуловалась сама Елизавета еще при жизни Петра Великого — государыня-цесаревна. И вот он я — Его Императорское Высочество, Государь-Цесаревич, внук Петра Великого.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ